

АНТИЧНЫЕ
ГИМНЫ

Университетская
библиотека

Редакционная коллегия:

В. Л. Янин (*председатель*),
Л. Г. Андреев, С. С. Дмитриев,
Я. Н. Засурский, А. Ч. Козаржевский,
Ю. С. Кукушкин, В. И. Кулешов,
В. В. Кусков, П. А. Николаев,
В. И. Семанов, А. А. Тахо-Годи,
Н. С. Тимофеев, А. С. Хорошев,
А. Л. Хорошкевич

АНТИЧНЫЕ ГИМНЫ

Составление
и общая редакция
А. А. Тахо-Годи

ББК 84(0)3
А72

Рецензенты:

*доктор филологических наук Е. В. Федорова,
кандидат филологических наук Г. Ч. Гусейнов*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

А72 Античные гимны/Под ред. А. А. Тахс-Годи. — М.: Изд-во
МГУ, 1988. — 362 с.
ISBN 5—211—00182—6

В предлагаемом издании собраны образцы античной гимнографии: гомеровские гимны, гимны Каллимаха, Прокла, орфические гимны и др. В гимнах нашли свое воплощение красочные античные мифы об олимпийских богах и героях, предания, отразившие основные нравственные и культурные ценности античности, в них запечатлены напряженные духовно-философские искания древности. Издание снабжено обширным комментарием и указателями.

А $\frac{4700000000-104}{077(02)-88}$ 182—88

ББК 84(0)3

ISBN 5—211—00182—6

© Издательство Московского
университета, 1988

Античная гимнография

ЖАНР И СТИЛЬ

Гимническая песнь является одним из древнейших жанров античной поэзии, ее истоки — в архаической ритуальной практике. Гимн так же древен, как и молитва, мольба, зов человека, который обращается за помощью к божеству и заранее, желая задобрить своего покровителя, возносит ему благодарственную хвалу, прославляет его мощь и милостивую щедрость.

Происхождение самого слова «гимн» (гр. ὕμνος = hymnos) неясно этимологам и не объясняется фактами древнегреческого языка. Так, И. Б. Хофман¹ прямо пишет о слове *гимн*, что его происхождение «неясно». Знаток гомеровского языка П. Шантрэн² подтверждает «темноту» этимологии слова *гимн* и присоединяется к мнению Я. Фриска³ о том, что *гимн* не имеет «надежной этимологии». Античность достаточно наивно, но вместе с тем образно-материально связывала это слово с глаголом *ткать* (huphainō), понимая гимн как «сотканную» песнь. Вообще всякое произнесение слов метафорически понимали тогда как ткацкий процесс, как соединение слов в речевую «ткань». Но если фактов греческого языка недостаточно для объяснения этимологии слова *гимн*, естественно приходит мысль о негреческих и догреческих истоках этого слова, может быть, о наследии балканского субстрата в культуре и языке древней Греции. И хотя П. Шантрэн иронически называет ссылки на субстрат «благовидной уловкой», но тем не менее сам он ссылается на догреческое или негреческое происхождение таких слов, как *дифирамб*, *элегия*, *лин*, указывающих на разные виды ритмически производимых текстов, в дальнейшем переходящих в песнь.

Общепризнано, что в греческом языке среди слов негреческого и, может быть, даже неиндоевропейского происхождения есть лексические группы, очень важные для греческой культуры. Сюда относятся имена богов и героев (например, Аполлон, Афина, Артемида, Гефест, Геракл), географические названия (города, местности, горы, реки), названия деревьев и цветов, злаков и плодов, музыкальных инструментов (например, кифара, форминга, сиринга) и наименования песенно-ритмических форм (дифирамб, пэан, лин, ямб, элегия). Это древнейшие и наиболее устойчивые в языке наименования, составляющие оп-

¹ Hofmann J. B. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1950.

² Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1977. IV 1.

³ Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1969. Lief. 21.

ределенный пласт греческой культуры, ставший привычным и даже обыкновенным, но все-таки через нее не объяснимым. И правда, что может быть древнее и постояннее географических названий, растений, рожденных земель, верований, мифов и ритуалов? Итак, не объяснимое на греческой почве слово *гимн* и стоящее за ним понятие о некоей песне в честь божества ведут нас в глубины догреческой или негреческой архаики.

Однако все, что мы знаем о гимне, его исторически сложившихся типах, связано главным образом уже не с ритуальным, а с литературно оформленным гимном, то есть с одним из жанров греческой поэзии. Нам известны некоторые разновидности гимнов, обращенных к тем или иным богам и предназначенных для религиозных или вообще торжественных церемоний. Исконная сакральная форма их неизвестна, за исключением нескольких редчайших фрагментов, и они, эти древние гимны, претерпели уже поэтическую обработку и предстают совсем в ином, модифицированном, виде. Но именно это вхождение гимна в сферу литературного творчества сохранило, с одной стороны, его устойчивую форму, а с другой — способствовало и созданию новых форм в связи с развитием литературного процесса.

В греческой мелике, то есть песенной лирике, огромное место занимала именно хоровая песнь в форме гимна, прославлявшего богов или героев во время церемоний и процессий на торжественных празднествах, имевших важное значение в исторической и государственной жизни полиса. Эти гимны специально создавались поэтами и музыкантами. Ведь слово и музыка были в те времена нераздельны, а представление о чистой музыке появилось только на склоне античности.

Эти гимны, метрически чрезвычайно изощренные, исполнялись хором (правда, до установления хоров было и сольное их исполнение), то стоящим неподвижно, а то сопровождавшим свое пение особого рода движениями, что создавало уже неразрывное единство слова, музыки и танцевально-ритмической пластики. Хоровые песни в зависимости от того, какому божеству они были посвящены, дифференцировались по форме и имели особые названия. Так, например, Аполлон прославлялся в пэане (в память о победе над Пифоном, когда, пустив стрелы в дракона, бог воскликнул: «Иэ, пэан!» — возглас, этимологически неясный, но толкуемый в античности как производное от глагола *paio* «бью» — гр. *ie*, *paian*) и особо торжественном номе (название связано с определенным ладом и узаконенной структурой песни: гр. *nomos* «закон», ср. *neto* «разделяю»). Аполлона и Артемиду во время праздничных шествий воспевали в просодиях. Гимн с мимическими танцевальными телодвижениями, так называемая гипорхема, тоже был связан с Аполлоном и Артемидой, как и парфении — хоры, исполнявшиеся девушками. Дионису посвящались дифирамбы, названные так по древнему ритуальному имени бога (Дифирамб), Аресу — пиррихии.

Крупнейшие поэты древней Греции писали гимнические песни, виды которых мы только что указали. Поэту VII в. до н. э. Ариону, считавшемуся создателем хорового дифирамба, приписывали гимн Посейдону (в действительности относящийся к более позднему времени). Известно, что Лас Гермионский был автором гимна в честь Деметры и

Коры (сохранилось несколько строк), а также дифирамбов, в которых он постепенно отходил от традиционных, связанных с Дионисом, сюжетов. Фалет из Гортины (о. Крит) перенес в Спарту пэаны и гипорхемы Аполлону; в номах Аполлона воспевали Терпандр (дошла строка из фрагмента) и Сакад из Аргоса, создавший, как свидетельствуют древние, пифийский ном в память победы бога над Пифоном. От знаменитого ямбографа Архилоха дошел фрагмент его гимна Гераклу (фр. 120 Diehl).⁴

Из гимнов Алкмана, от которых дошли скудные, часто в одну или несколько строк, фрагменты (Зевсу, Диоскурам, Гере, Афине, Артемиде, Афродите), известен и обширный фрагмент парфения (так называемый папирус Мариетта, фр. 1D), в котором сначала воспеваются боги Диоскуры, затем сыновья Гиппокоонта, убитые Гераклом, и, наконец, сами участницы этого девичьего хора.

Лесбосский мелический поэт Алкей (VII—VI вв. до н.э.) писал гимны к богам Аполлону, Гермесу, Афине, Гефесту, Эроту, Дионису, нимфам и героям — Ахиллу, Аяксу (сохранились фрагменты в одну или несколько строк и целые три строфы гимна к Диоскурам из папирусного отрывка, фр. 78 D.=14 Edmonds⁵). Его великолепный гимн к Аполлону, прибывшему от гиперборейцев в Дельфы (фр. 1D), известен только в реконструкции (фр. 1 Edmonds), сделанной на основании подробного прозаического изложения этого гимна в речи античного ритора IV в. н.э. Гимерия (XVI 10).

Поэты-мелики VI—V вв. до н.э. Симонид Кеосский и Вакхилид знамениты главным образом своими дифирамбами и пэанами. Правда, о гимнах Симонида к Зевсу и Посейдону, а также о дифирамбах Мемнону, сыну Эос-Зари, и Европе, похищенной Зевсом, дошли самые скудные сведения. (А ведь Симонид славился именно дифирамбами, которые исполнялись хором в 50 человек, и в дифирамбических состязаниях он одерживал победы 56 раз!) И сохранившиеся прозаически пересказанные строки (их тоже реконструировали) в речи Гимерия (XVI 7) из пэана к Музам и Аполлону (фр. 8 Edmonds, у Диля отсутствует) слишком недостаточны, чтобы делать выводы о характере хотя бы одного пэана Симонида.

Зато из наследия поэта Вакхилида (племянник Симонида) дошло шесть песен, которые считают дифирамбами: «Антенориды» (о сыновьях Антенора, отправившихся вместе с Менелаем в Троию за Еленой), «Геракл» (о смерти Геракла от яда кентавра Несса), «Юноши, или Тесей» (Тесей на пути к Миносу доказывает свое родство с Посейдоном), «Тесей» (Тесей после подвигов торжественно шествует в Афины), «Ио» (о возлюбленной Зевса и родоначальнице славных героев), «Идас» (о сопернике Аполлона в любви к Марпессе, фр. 15—20 Sn.—Maehl.⁶). Все они (за исключением «Идаса», из которого дошла только часть) хорошо сохранились. По ним, а также по фр. 21—29 (возможно

⁴ Anthologia lyrica graeca/Ed. E. Diehl. Lipsiae, 1925. I—II (в дальнейшем обозначается через D).

⁵ Lyra graeca/Ed. J. M. Edmonds. London, 1963. 1.

⁶ Bacchylidis carmina cum fragmentis/Post B. Snell ed. H. Maehler. Leipzig, 1970.

дифирамбическим; в плохой сохранности) можно судить о том, как дифирамб отошел от дионисийской темы, превратившись в похвальную песнь героям.

Что касается Пиндара (VI—V вв. до н.э.), прославившегося своими дошедшими и до нас победными песнями, эпиникиями, собранными в четырех книгах, то существует множество фрагментов его гимнов (к Зевсу, Персефоне, Аполлону, фр. 29—51 Sn.—Maehl.⁷), пэанов (фр. 52a—70), дифирамбов (фр. 70a—88), просодиев (фр. 89a—94), парфениев (фр. 94a—d), гипорхем (фр. 105—117), уже в достаточной мере утерявших свою тесную связь с непосредственным обращением к тому или иному божеству.

В культовой практике, судя по всему, ревностно следили за строгим соблюдением ритуала и назначением сакральных гимнов. Известен в этом отношении любопытный и вместе с тем печальный факт из биографии Аристотеля, сообщаемый Диогеном Лаэртием (II—III вв. н.э.), автором знаменитого собрания биографий античных философов. Оказывается, великий философ был обвинен жрецом Евримедонтом (или Демофилом) в том, что он сочинил гимн в честь своего друга Гермия, философа и владетеля Атарнея (М. Азия). Враги Аристотеля утверждали, что он буквально обожествил своего трагически погибшего друга, воспев его добродетель и вечную славу так, как подобало в пэанах к Аполлону. Песнь эта приведена Диогеном Лаэртием (V 7—8=фр. 5D) и напоминает лучшие образцы гимнической мелики. Продолжение этой истории стало для философа роковым, так как он был обвинен и в непочитании богов. Аристотелю пришлось тайно покинуть Афины в 325 г. до н.э. и бежать в Халкидику, где он вскоре скончался при достаточно загадочных обстоятельствах⁸. Уже один этот факт свидетельствует о размежевании гимнов, имеющих светский характер, исполнявшихся на пиршествах в частной жизни или на общественных празднествах, и чисто религиозного гимна, нашедшего место в культе того или иного божества во время храмовых церемоний. Однако разделение это было, видимо, не очень четкое (особенно если учесть культ героев) и при желании толковалось достаточно произвольно.

Гимническая поэзия исполнялась на празднествах при состязаниях рапсодов. Возможно, что гимны были неким вступлением, проэмием (προοίμιον), обращением к богам перед эпической рецитацией Гомера. В Малой Азии существовали сообщества певцов, а скорее всего и сочинителей гимнов, так называемых гимнидов (hymnoidoi), наряду со всем известными сообществами певцов-гомеров. Это говорит о равноправном существовании эпической и гимнической школ, каждая из которых опиралась на свои особые традиции в практике сочинения и исполнения.

Итак, из кратких приведенных здесь сведений выясняется, что нам неизвестен гимн в составе древней культовой практики и что его развитие в творчестве знаменитых мелических поэтов представлено чрез-

⁷ Pindari carmina cum fragmentis/Post B. Snell ed. H. Maehler. Leipzig, 1975. Pars II. Fragmenta. Indices.

⁸ Подробнее об этом см.: Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Аристотель. Жизнь и смысл. М., 1982. С. 192—197.

вычайно фрагментарно. И вместе с тем принято говорить о жанре гимна, о развитии этого жанра в течение веков, об изменении гимнической структуры и гимнического стиля.

Подлинную славу древнегреческой гимнографии для новой Европы составили отнюдь не знаменитые мелические поэты, о которых говорилось выше, а собрания текстов, за редким исключением анонимных и даже хронологически точно не датированных. Это гимны, написанные не сложнейшей мелической метрикой и строфикой, а древнейшим эпическим размером — гексаметром, хорошо всем знакомым по гомеровскому эпосу.

Опираясь на эти гексаметрические гимны, их исследователь получает даже особое преимущество перед изучающим другие жанры античной литературы, представленные в гораздо большей палитре и разнообразии, такие, например, как эпос или драма. Ведь эта последняя, например, послужила образцом для европейской драмы, а византийский ученый эпос опирался, по традиции, на гомеровские поэмы и использовал их стилевую окраску. Гимны же в форме гексаметра в противоположность иным жанрам обладают четкой хронологической завершенностью в пределах античности, они не получили дальнейшего развития и не стали моделью для средневековой гимнографии, которая основывалась на принципиально иной, христианской, культуре и соответствовала и по содержанию и по форме именно ее религиозным установлениям.

Греческие гимны в форме гексаметра — это именно замкнутая и завершенная в себе система, нашедшая свою максимальную выраженность в содержании и стиле и представляющая особый интерес как жанр, полностью осуществившийся в отведенных для него возможностях и границах.

То, что гексаметрические гимны оказались неизмеримо устойчивее мелической гимнографии, указывает на их связь с древнейшей, может быть, и догреческой основой, той самой, которая дала наименование гимна хвалебной песне в честь божества.

Античность всегда почитала певцов и поэтов, живших, по преданию, еще задолго до Гомера. А если считать VIII в. до н. э. временем формирования гомеровского эпоса, то этих догомеровских певцов и поэтов следует отнести ко второй половине II тысячелетия до н. э., то есть к знаменитой микенской эпохе, прославленной мифами о походах аргонавтов в Колхиду, семерых вождей под Фивы, ахейских героев под Троию, о подвигах Геракла или Тесея.

Древнейшие поэты большей частью были связаны с их вдохновителем и покровителем Аполлоном. В начале «Илиады» (I 473) ахейские отроки, принося Аполлону благодарственные жертвы после прекращения губительного мора, поют ему пэан, а в одной из заключительных песен (XXII 391) Ахилл, одержав победу над Гектором, предлагает воспеть пэан в честь этого события. Есть у Гомера упоминание о гипорхеме (Ил. XVIII 570 сл.) вполне бытового характера — как хороде, который водят на винограднике под песнь и игру на кифаре. Есть у Гомера (Од. VIII 429) упоминание о гимне, который на пиршестве феаков может с наслаждением слушать Одиссей.

Такой аполлонийский певец, как Орфей, сын музы Каллиопы и фракийского царя Эагра, родившийся в стране муз Пиерии, у подножья Олимпа, по свидетельствам греческих логографов, был старше Гомера на десять поколений. А это значит, что он и должен быть отнесен ко второй половине II тысячелетия до н.э., то есть к тому же микенскому времени. Он мыслится не только божественным певцом и мудрецом, не только участником похода аргонавтов, усмирителем природных стихий, но и автором многочисленных поэтических произведений. Ему приписывали в античности большую теогоническую поэму в 24 песни под названием «Священные слова» (*Hieroi logoi*), отрывки из которой помещены в издании О. Керна⁹. И хотя произведения эти, как установлено, не старше VI в. до н.э. и по стилю близки к «Теогонии» Гесиода, они воспринимались древними как свидетельство существования древнейшей, догомеровской поэзии, созданной в гексаметрической форме. Орфею же приписывали сочинения гимнического содержания. А самое главное, он считался изобретателем гексаметра. Кроме того, он изобрел лиру или, может быть, получил ее от Аполлона или Гермеса.

Сын Орфея носил несколько аллегорическое имя — Ритмонай, явно олицетворявшее собой ритмическое начало.

Учителем (или учеником) Орфея полагали Мусея, тоже сочинявшего гимны. На гимн к Деметре как подлинное произведение Мусея указывал еще писатель II в. н.э. Павсаний (I 92, 7). Сын Мусея Евмолп считался распространителем сочинений своего отца, одним из основателей Элевсинских мистерий.

Тот же Павсаний упоминает гимнического поэта Памфа (VIII 37, 3). По мнению Павсания, впервые употребил гексаметр (X 5, 7) Олен, певец из Ликии (М. Азия), что позволяет думать о его отношении к Аполлону Ликийскому. Павсаний приписывает Олену гимн богине Илифии (VIII 21, 3), а Геродот — вообще создание делосских гимнов, связанных непосредственно с родиной Аполлона — островом Делосом. Хор девушек, воспевавший Аполлона, который стали называть парфением, ввел впервые певец Филаммон, сын Аполлона. Знаменитый Фамирид, сын Филаммона, являлся участником гимнических состязаний в Дельфах, но он возгордился своим искусством и был ослеплен музами за соперничество с ними (Ил. II 594 сл.).

Таким образом, античная традиция воспринимала зарождение гимна в простейшей гексаметрической форме, в то время как вся сложная и изысканная хоровая мелика, создававшаяся отнюдь не мифическими и весьма знаменитыми поэтами, относится к достаточно поздней классической греческой лирике VI—V вв. до н.э.

Среди гексаметрических гимнов наибольшую известность в античности и новой Европе получили так называемые гомеровские гимны, гимны александрийского поэта Каллимаха, собрание орфических гимнов и гимны философа Прокла. Кроме того, следует отметить гимны философа-стойка Клеанфа, из которых дошел один. Наше издание посвящено именно этим знаменитым гимническим произведениям.

⁹ *Orphicorum fragmenta/Coll. O. Kern. Berolini, 1922, 1961.*

Обратимся к гомеровским гимнам. Античность не была единокорна в приписывании им авторства Гомера. Историк Фукидид, например, не сомневается в таковом. Говоря о празднествах Аполлона на острове Делос, он прямо ссылается на авторство Гомера и приводит под его именем вступление в гимне к Аполлону Делосскому (III 104, 4). Цитирует Фукидид те строки гимна, где Гомер «упоминает самого себя» (III 104, 5), то есть стихи о слепом певце, живущем на острове Хиос. В схолиях к Никандру (Alexiphagmata, 130) говорится иначе: о «гимнах, приписываемых Гомеру», а пятое из жизнеописаний Гомера прямо оспаривает это авторство, чему соответствует и мнение александрийских схолиастов.

В действительности гимны не имеют никакого отношения к тому эпическому поэту, с именем которого связаны «Илиада» и «Одиссея». Эти гимны написаны в гомеровском стиле, но ни подлинный автор, ни твердая хронология их не установлены. Из 33 гимнов (или 34, если учесть фрагмент гимна к Дионису, объединенный с гимническим фрагментом, сохраненным Диодором — III 66) более древними считаются первые пять (I—V), которые приблизительно относят к VII—VI вв. до н. э.¹⁰ Это — гимны Аполлону Делосскому (I), Пифийскому (II), Гермесу (III), Афродите (IV), Деметре (V). Некоторые из малых гимнов, видимо, эллинистического времени. Так, гимны к Дионису (VII), к Пану (XIX) и Аресу (VIII) относят к александрийской поэзии (III—II вв. до н. э.), а иные — даже к византийской эпохе (к Гераклу, XV). Можно заключить, что нынешнее собрание гомеровских гимнов — это те самые «Гомеровские похвалы богам» (Laudes deorum Homeri), которые привез среди других греческих рукописей в Италию гуманист Дж. Авриспа, назвавший свою находку «отнюдь не малым сочинением».

Гомеровские гимны (мы имеем в виду гимны сравнительно большого объема) имеют определенную композицию, устойчивость которой способствовала созданию канонического типа последующей гексаметрической гимнографии. Главную, так сказать центральную, часть гимна обычно составляет повествование, в основе своей эпическое (нарративная часть), отличающееся своего рода «биографизмом». Эта часть включает некоторые важные эпизоды из жизни «героя», связанные с его рождением (гимн III к Гермесу, гимн I к Аполлону Делосскому, гимн XIX к Пану), подвигами (гимн VI к Афродите, гимн II к Аполлону Пифийскому), установлением храмовых празднеств и мест почитания (гимн II), эпизодами интимно-любовного (гимн IV к Афродите), семейно-драматического (гимн V к Деметре) или авантюрного характера (гимны III, VII к Дионису). Этот рассказ, посвященный герою гимна, имеет черты ярко выраженного ареталогического сюжета (agētē «доблесть»), включающего в себя «деяние» божественного «жителя». Задача такой ареталогии — прославить божество, снискать благосклонность для просящего о милости. И естественно, хвалебная часть гимна (энкомий) должна предваряться обращением, взыванием молящего (инвокацией) к своему покровителю и защитнику. Сама же прось-

¹⁰ О подробной датировке каждого гимна и ее аргументации см. в комментариях.

ба о помощи (не забудем, что ради нее и создавался на первых порах гимн) скромно отодвигается к концу и замыкает гимн. Непосредственное вступление в столь неравный диалог с высоким собеседником в ожидании появления знака божественного присутствия (эпифании) и прощание с ним тоже обрамлены своего рода званием, выкликиванием его имен (анаклезы и эпиклезы), воплощающих в себе самые важные проявления его сверхъестественной силы.

Видимо, такая структура пришла в гексаметрические гимны из архаической культовой практики. Скорее всего, простейшей формой обращения были прямые молитвенные зовы, такие, например, как известный фрагмент гимна элейских женщин, где призывается в священный храм «герой Дионис вместе с Харитами», причем Дионис мыслится здесь в виде быка, ибо молящие зывают: «Бык достохвальный, бык достохвальный» (фр. 46, р. 206 D). Такого же рода обращения находятся в целом ряде других фрагментов: например, звание к Семеле и Иакху («зовите бога», поет хор; фр. 24, р. 199 D), Солнцу («о милый Гелиос»; фр. 40, р. 204 D), Вакху (фр. 48, р. 205 D), Музам и Аполлону («сделаем возлияние»; фр. 49, р. 207 D), Коре («приди, Кора»; фр. 50, р. 207 D), Гелиосу-Аполлону и Аполлону-Гелиосу (фр. 52, р. 208 D — характерная взаимозаменяемость, приведшая на исходе античности к синкретическому образу «Царя Солнца», в котором сольются и Зевс и Аполлон).

Подобные обращения, которые в дальнейшем станут жанрообразующим принципом гимна¹¹, можно найти уже в поэмах Гомера. Обычно мольбы героев относятся к Зевсу, Афине, Аполлону, Музам, не считая ряда второстепенных богов.

Так, знаменитая молитва Хриса, жреца Аполлона (Ил. I 37—42), есть не что иное, как развернутое обращение к Аполлону Сминфею («Мышиному»), владыке Тенедоса, защитнику городов Хрисы и Киллы, то есть малоазийских мест культа этого божества. В этом обращении к «сребролукому», как его именует Хрис, жрец вспоминает о своих жертвах, храме, построенном богу, полагая, что все это является залогом помощи Аполлона. И действительно, «внял Аполлон сребролукий», сошел с вершин Олимпа и начал метать крылатые стрелы в лагерь ахейцев, губя их войско. Однако молитва не всегда угодна боже-ству. Когда троянки (VI 310) молятся Афине (а она — защитница ахейцев), чтобы сокрушить мощь Диомеда (в V песни он как раз с помощью Афины совершает свои подвиги), призывают ее как «града защитницу», «свет меж богинь», «царицу», обещая ей в жертву двенадцать годовалых телят, богиня не внемлет им и отвергает молитву (VI 311). Зато Зевс, который выше личных симпатий Аполлона к троянцам или Афины к ахейцам, откликается на мольбу Приама, просящего о помощи при выкупе тела сына у Ахилла, и посылает знак — орла, прилетевшего с благоприятной, правой, стороны. Приам призвал Зевса «родителя», «преславного», «великого» и, что очень важно,

¹¹ Обращаем внимание на работу Н. А. Рубцовой «Гимническое обращение как жанрообразующий принцип» (на материале «Илиады» Гомера, гомеровских гимнов, гимнов Каллимаха) (автореф. канд. дисс.). М., 1983.

«на Иде царящего», на горе вблизи Трои, то есть Зевса Идейского не Олимпийского), склонного помогать городу Приама. Как видим, эти молитвенные обращения с призывными эпитетами, анаклезам и с обещанием жертв напоминают о древних ритуальных взаимоотношениях человека и божества. И будучи в составе гомеровского героического эпоса (а он ведь гексаметричен), они указывают на истоки ритуального гимна.

Из 33 завершенных гимнов (гимн XXXIV представлен фрагментарно) древнейшей богине, Гее-Земле, посвящен XXX гимн (19 строк), Матери богов — XIV гимн (6 строк), богине мирового очага — Гестии — гимн XXIX (14 строк), Гелиосу — XXXI и Селене — XXXII (соответственно 19 и 20 строк). Гимны Олимпийским богам в иерархическом порядке распределены следующим образом: Зевсу — XXIII (4 строки), его главной супруге и сестре Гере — XII (5 строк), брату Посейдону — XXII (7 строк), два гимна другой супруге и сестре Зевса, богине Деметре — V (495 строк) и XIII (3 строки). Далее идут гимны детям Зевса. Два гимна Афине — XI (5 строк) и XXVIII (18 строк); три гимна Аполлону: Делосскому — I (178 строк), Пифийскому — II (368 строк) и просто Аполлону — XXI (5 строк); Музам и Аполлону — XXV (7 строк); два гимна Артемиде — IX (9 строк) и XXVII (22 строки); три гимна Афродите — IV (293), VI (21 строка) и X (6 строк); два гимна Гермесу — III (580 строк), XVIII (11 строк); два гимна Дионису — VII (59 строк), XXVI (12 строк), и если учитывать фрагмент гимна, то третий — XXXIV (21 строка); Аресу — VIII (17 строк), Гефесту — XX (8 строк), Гераклу — XV (9 строк), два гимна Диоскурам — XVII (5 строк) и XXXIII (19 строк). Наконец, гимны внукам Зевса: Асклепию, сыну Аполлона — XVI (5 строк) и Пану, сыну Гермеса — XIX (49 строк).

Интересно, что самые большие гимны связаны с именами Аполлона, Деметры, Гермеса и Афродиты и что гимн Зевсу занимает всего 4 строки, а издревле почитавшиеся Гея и Гестия, Гелиос и Селена удостоились гимнов, не превышающих 20 строк, так же как и ряд ближайших к Зевсу богов.

Здесь явно чувствуются художественная трансформация мифологии, столь свойственная поэмам Гомера, и вполне очевидная параллель с рядом гомеровских гимнических образов. Так, среди героев больших гимнов Аполлон занимает то главенствующее место, которое соответствует его роли в «Илиаде», где это божество вызывает трепет своей мрачной силой и является соперником Зевса. Если большие гимны складывались в VII—VI вв. до н.э. — в эпоху роста полисной культуры, то вполне понятно усиление культа Аполлона, основателя и охранителя городов, блюстителя законов. Уже в это время начали проявляться тенденции к выработке представления о едином верховном божестве, что в конце античной эпохи и привело к объединению в Солнце-Гелиосе Зевса и Аполлона.

Что касается Деметры и Афродиты, то они выражали самые важные основы жизненного бытия — любовное стремление и непрестанное порождение. Гимническая Афродита к тому же представлена не только как воплощение стихийной и мощной потенции любви, но вместе с тем

изящной и прелестной «улыбколюбивой богиней», невольно напоминая об Афродите гомеровской, которая, даже раненная Диомедом, не теряет своей кокетливости (Ил. V) и ничуть не смущается хохота богов, когда она вместе со своим возлюбленным Аресом попадает в сети Гефеста (Од. VIII).

Проделки и хитрости малыша Гермеса, не знающего себе равных в ухищрениях ума (III), напоминают спутника царя Приама юного Аргоубийцу, перед которым сами открываются замки тяжелых ворот в лагере ахейцев (Ил. XXIV). Не забудем, что Гермес, осуществляя связь двух миров, живого и мертвого, являясь проводником людей на путях жизни и смерти и открывателем любых тайн, на склоне античности станет главным божеством мистического культа, а именно Гермесом Триждывеличайшим.

В пяти больших гимнах наша нашла свое выражение и та ионийско-аттическая завершенность языка и стиля с изяществом, свободной игривостью и даже изысканностью, которая была характерна для поздних пластов гомеровских поэм.

Ряд гимнов (I—VII, XIX, XXVII, XXVIII) имеет четко выраженную сюжетную основу, материал их сконцентрирован вокруг одного главного эпизода или сопутствующих ему, причем вступление довольно формально. Здесь иной раз совсем отсутствуют «призывные» возгласы к божеству (I, II, V—VII). Иногда они претерпевают заметные изменения и представлены своими коррелятами — несколькими характерными эпитетами (VI: Афродита «прекрасная», «златовенчанная»; XIX: Пан «козлоногий, двурогий, шумливый»; XXVII: Артемида «златострельная», «любящая шум», «стрелолюбивая»; XXVIII: Афина «славная», «хитроискусная умом», «светлоокая», «достойная», «градов защитница»). В ряде случаев гимн начинается с традиционного гомеровского обращения к Музе (III: «Муза! Гермеса восславим»; IV: «Муза! Поведай певцу о делах многозлатной Киприды!»; XIX: «Спой мне, о Муза, про Пана»). Некоторые гимны начинаются как бы с «приступа», когда поэт сам объявляет тему своего песнопения (VI: «Песня моя — к Афродите»; VII: «О Дионисе я вспомню»; XXVII: «Песня моя — к...Артемиде»; XXVIII: «Славную петть начинаю богиню, Палладу Афину»). Два знаменитых гимна к Аполлону (I и II) сразу вводят слушателя и читателя *in medias res*, в ход самого повествования: «Вспомню, — забыть не смогу, — о метателе стрел Аполлоне» (I I); «Стопы свои направляет к утесам скалистым Пифона сын многославной Лето» (II 4—5)¹².

Заключительные прославления божества и просьбы к нему в гимнах достаточно формальны (I: «Я же хвалить не устану метателя стрел Аполлона»; II: «Славься, о сын Громовержца-царя и Лето пышнокудрой»; III: «Радуйся также и ты, сын Зевса-владыки и Майи»; IV: «Радуйся много, богиня, прекрасного Кипра царица»; V: «Нам благосклонно счастливую жизнь ниспошлите за песню»; VI: «Славься, с ресницами гнутыми, нежная! Даруй победу мне в состязании этом»; VII: «Славься, дитя светлоокой Семелы»; XIX: «Радуйся также и сам ты, влады-

¹² О структуре гимна к Аполлону см. комментарии.

ка»; XXVII: «Радуйтесь, дети Кронида-царя и Лето пышнокудрой»; XXVIII: «Радуйся много, о дочь эгидодержавного Зевса!»). Заключительные хайретизмы, то есть призывы радоваться (от гр. *chaigō* «радуюсь»), часто сопровождаются как бы примечанием: «Ныне ж, тебя помянув (или «вас помянув»), я к песне другой приступаю», «приступаю к другому я гимну», — из которого видно, что от песни, положенной по чину праздника, исполнитель переходил к песне о сопутствующем ему мифе, а может быть и к гимну, посвященному герою. Характерно, что гимн связан с воспоминанием, памятью о божественных деяниях: помню (*mnēsomai*), говорит певец божеству, памятью о тебе в песне (*aoidēs*). И песнь эта есть отзвук древнего молитвенного обращения, в чем признается сам исполнитель гимна, когда говорит: «Радуйся, владыка! Молюсь тебе песней» (*litomai de s'aoidēi*, XIX 48).

В гомеровских гимнах разрабатывается ряд мотивов. Все их можно распределить на несколько групп. Это, во-первых, рождение божества: Аполлона (I), Гермеса (III), Афродиты (VI), Пана (XIX), Афины (XXVIII) или супружество богов: Аид похищает себе в супруги Персефону (V), Афродита вступает тайно в брак с Анхисом (IV). Во-вторых, это странствия: Лето (I), Аполлона (II), Деметры (V). В-третьих, удивительные события из истории божества, то, что можно назвать «деяниями»: Аполлон убивает Пифона (II), Гермес совершает кражу коров и изобретает кифару (III), Деметра разыскивает дочь, совершает чудеса в Элевсине (V), Дионис превращает морских разбойников в дельфинов (VII), Артемида совершает свои охотничьи подвиги (XXVII), Пан слагает прекрасные песни (XIX). Наконец, речь идет об основании храмов и культов: Аполлон устанавливает на Делосе празднества в свою честь (I) и храмовые ритуалы в основанном Дельфийском прорицалище (II); Деметра учреждает элевсинские таинства, посвящает в них род элевсинских царей и предписывает воздвигнуть ей храм (V).

Некоторые из этих гимнических мотивов объединяются в одно сюжетное целое. Например: рождение Аполлона и странствия Лето (I), рождение Гермеса и его дерзкие проделки (III), рождение Пана и его искусная игра на свирели (XIX). Или: победа Аполлона над Пифоном, поиски им места для храма, основание прорицалища и празднеств (II), странствия Деметры в связи с поисками дочери, похищенной Аидом в супруги, основание ею элевсинских таинств и чудеса, творимые ею в Элевсине (V).

В гимне I рисуется рождение Аполлона на острове Делос, который принял долго и много блуждавшую Лето, возлюбленную Зевса, преследуемую Герой. И если в начальных стихах перед нами появляется грозный метатель стрел Аполлон, которого с любовью и лаской встречает гордая сыном Лето, то в середине гимна (115—135) этот только что появившийся на свет младенец умудряется сразу же сбросить с себя золотые завязки свивальников, требует лук и лиру, важно шагает по земле, да так, что все богини, окружавшие Лето, остолбенели. В начале гимна (25—45) перечисляется множество мест, отвергших будущую мать бога, в середине гимна (49—88) звучит замечательный диалог между Лето и Делосом, готовым после клятвы богини стать местом вечного почитания Аполлона. Этот драматический диалог с Делосом

сом включается в эпическое повествование о странствиях Лето, а за ним следуют жанровые сцены: богини, вопреки Гере, помогают Лето при родах, обещая Илифии богатые дары из янтаря, после чего та принимает чудесного младенца под пальмой на луговом мягком ковре. Тут улыбается земля, веселится, радуясь, Лето. А младенец, вкусив нектара и амбросии из рук Фемиды (это тоже одна из жен Зевса, помимо Геры), мгновенно обретает силу и превращается в далеко разящего Феба. Делос, сияющий золотом, покрывается цветами. В конце гимна (140—164) прославляются празднества в честь Аполлона Делосского, игры, состязания, хороводы, хвалебные пэаны богам и героям. И наконец — заключающая просьба ниспослать милость и не забывать славного певца, слепого мужа с острова Хиос, чьи песни останутся лучшими для потомков. Здесь как бы предстают наяву знаменитые делосские торжества в честь Аполлона и делается загадочный намек на автора гимна, в котором при желании можно узнать самого Гомера.

В гимне II — два главных эпизода: убийство Аполлоном дракона Пифона, рожденного Землей (от удара по ней Геры, желавшей, чтобы ее будущий сын превзошел Зевса), и установление Аполлоном своего святилища в Дельфах у подножия Парнаса. Эти эпизоды обрамлены странствиями Аполлона в поисках милого его сердцу места для прорицалища и его путешествием по морю вместе с критскими корабельщиками, которых он призвал стать служителями и стражами Дельфийского святилища. И здесь творятся удивительные вещи. Аполлоц, превратившись в дельфина, заставляет плыть критян в гавань Крисы. Там, уподобившись звезде, он сверкает лучами и зажигает пламя священных треножников. В конце гимна (335—344) изображается торжественная процессия критских мужей во главе с Аполлоном к Парнасу, причем бог шествует, «сладко играя» на лире, а спутники его спешат следом, распевая пэан по обычаю своей родины.

Настоящим бурлеском выглядит гимн III к Гермесу, прославляющий рождение сына Майи, необычно быстрое мужание божественного младенца и его «деяния», а именно: кражу прекрасного стада у Аполлона, изготовление Гермесом лиры из панциря найденной им черепахи и заключение дружеского союза между сводными братьями. Стоит обратить внимание на полные комизма сцены плутней хитроумного бога, который грозит матери стать предводителем жуликов и взломать Аполлонов храм в Пифоне, чтобы добыть вдоволь золота, железа, богатых одежд, треножников и котлов. А чего стоит похищение коров, стадо которых хитрец вел задом и сам двигался так же, сбросив сандалии и прикрепив к ногам ветви мирта и тамариска! Или сцена призыва братьев на Олимп, где Гермес отпирается от кражи, явившись перед Зевсом с пеленкой на руке. Прекрасно завершение ссоры между братьями, мощным Аполлоном и юрким Гермесом, подарившим старшему брату в обмен на стадо свою кифару. И наконец — пророчества Аполлона, предсказавшего славное будущее Гермесу.

Весь этот гимн представляет собой настоящую пародию на деяния божества и на чудеса, ему сопутствующие. Да и сам маленький хитроумный Гермес — комическая параллель к образу Аполлона, посрамленного младшим братом.

Гимн к Афине (XXVIII) тоже повествует о рождении великого божества. Тритогения рождается чудесным образом из головы Зевса, в полных доспехах, сверкающих золотом. Совсем как Аполлон в гимне I или Гермес в III, Афина приступает сразу к своим обязанностям. Если в гимне I Аполлон изображен младенцем, мужающим на глазах, а взросление Гермеса растянуто на утро, полдень и вечер одного дня (III), то Афина рождается уже взрослой. Она так прыгает, потрясая копьем, что колеблется великий Олимп, стонет море, а солнце задерживает своих огненных коней до тех пор, пока Афина не успокаивается и не снимает доспехов.

Афродита, рожденная из морской пены у острова Кипр, прямо на глазах превращается в красавицу. Только появившись на свет, она уже наделена своими неотъемлемыми божественными привилегиями и зажигает страсть в сердцах олимпийских богов (VI).

Рождение другого божественного младенца, Пана, тоже оказывается «чудом». Мать в ужасе от бородатого, рогатого, козлоногого младенца. Гермес же веселится, глядя на милого сына, укутанного шкурой пушистого зайца, а боги во главе с Зевсом покатываются со смеху и нарекают его Паном, то есть всех поразившим.

Еще раз подчеркнем, что мотив «рождения божества» представлен в гимнах в духе свободного гомеровского стиля, с разными оттенками комизма, от тончайшего юмора и изящной игривости до явной пародии (гимн III).

Мощь великой богини любви, перед силой которой устояли только Афина, Артемида и Гестия, воспевается в гимне IV. В духе арханческой мифологии рисуется Афродита, прибывшая на гору Иду в сопровождении серых волков, медведей, львов, барсов — диких зверей, подвластных ее силе. Но и сама чаровница очарована смертным героем, троянцем Анхисом (и это уже дело Зевса, поселившего в ее душе сладкое желание). Раненная любовью, грозная Афродита украшает себя в пафосском храме, где Хариты натирают ее тело бессмертным маслом, облачают ее чудной одеждой и украшают золотом. Напомним, что все это происходит в том самом храме и на том самом острове, куда прибыла гомеровская Афродита после неудачно завершившегося свидания со своим возлюбленным Аресом (Од. VIII).

В гимне богиня отбывает с острова Пафос под Трою в лучезарном пеплосе, в запястьях, блистающих как пламя, в золотых ожерельях, осыпанная как бы блеском месяца, прекрасная «ростом и видом». На свидании с Анхисом она сначала скрывается под именем смертной и, только прощаясь, перед пробуждением Анхиса, является ему во всей божественной силе, так что ослепленный ее красотой и охваченный ужасом герой закрывает лицо плащом. Афродита прощается с тайным своим супругом и пророчесствует ему об их будущем сыне Энее, заклиная возлюбленного не гордиться открыто связью с богиней, чтобы не навлечь Зевсовой кары — молнии, в огне которой заживо сгорит Анхис. Арханческая суровость и изысканное изящество облика Афродиты отличают этот гимн. Это изящество еще более явственно в гимне VI. Здесь Оры в золотых одеждах облачают Афродиту на Крите в нетленные покровы, увенчивают голову золотым венцом, украшают золоты-

ми серьгами, золотым ожерельем и ведут Киферею к вечным богам. Каждый из них мечтает ввести ее в дом супругой.

Совсем в ином виде представлен брак владыки царства мертвых Аида, похитившего себе в жены юную Персефону, дочь Деметры и Зевса. В гимне V Персефона собирает вместе с подругами, дочерями Океана, с Афиной и Артемидой на мягком лугу цветы: ирисы, розы, фиалки, крокусы, гиацинты, нарциссы, лилии. Ее привлекает удивительный цветок с сотней благоухающих головок, красоте которого «улыбаются земля и горько-соленое море» и который взращен Землей, чтобы прельстить Персефону. Но едва дотронувшись до цветка, она оказалась в объятиях Аида, умчавшего ее на золотой колеснице.

С этого момента эпически мирная картина (она еще раз повторится уже в пересказе Персефоны при встрече с матерью, V 417—433) уступает место подлинно драматическому действию — поискам Деметры своей исчезнувшей дочери. Если Лето в гимне I на суше и море ищет надежного пристанища, где бы она могла произвести на свет ребенка, и просит остров Делос о помощи, то Деметра, желая обрести утраченную дочь, скитается десять дней, «обходя всю широкую землю», не вкушая ни амвросии, ни нектара, пока не встречает богиню Гекату. Вместе с ней Деметра обращается к Гелиосу-Солнцу, умоляя всевидящего бога открыть имя похитителя.

Узнав, что похититель — Аид, Деметра покидает сонм богов и скрывается в Элевсине (вблизи Афин), приняв облик древней старухи, которую нанимают в няньки к царственному младенцу Демофонту. Радушно принятая элевсинскими владетелями, она пытается сделать бессмертным своего воспитанника, но терпит неудачу и вынуждена покинуть Элевсин, представ на прощание перед царицей во всей своей божественной красоте и приказав выстроить для себя храм и совершать там положенные жертвоприношения. Зевс, обеспокоенный тем, что Деметра, предаваясь горю, не заботится о земных плодах, требует вернуть дочь матери. Аид вынужден возвратить Персефону, но хитростью дает ей кусочек зернышко граната, чтобы она помнила о супруге. Теперь Персефона треть года должна проводить в царстве мертвых и две трети с матерью на Олимпе.

Гимн V исполнен того драматизма, который лежит в основе древних элевсинских мистерий, установленных в честь Деметры и ставших одним из источников греческой трагедии. Деметра предстает подлинной героиней возвышенной трагедии. Она сбросила свой сине-черный плащ, разодрала покрывало на волосах, устремилась как легкокрылая птица на поиски дочери. С факелами в обеих руках она обходит всю землю, вспоминая крик дочери, на который бездны моря и вершины гор ответили эхом. Деметра не раз меняет свой облик. То горестная мать, то старушка нянька в Элевсине, то вся в черном в храме, то богиня во всем величии, исполненная нетленной красоты, в благовонных одеждах с золотыми волосами, рассыпавшимися по плечам, излучающая свет, подобно молнии. Словно менада («безумная»), бросается Деметра навстречу дочери, и целый день, «душе отзываясь душою», «крепко обнявшись», ведут они разговоры, предаются радости. В заключение после примирения богини с олимпийцами высохшая, исто-

шенная земля покрывается бурной зеленью, цветами и колосьями, а Деметра учит элевсинцев творить жертвенный чин и священные таинства, храня благоговейное молчание.

В гимнах I и V две матери — Лето, ожидающая появления ребенка на свет, и Деметра, потерявшая дочь, обе в горести, обе странствуют по миру, обе просят помощи: Лето — у Делоса, Деметра — у Гелиоса. Лето рождает сына среди золотого сияния радующейся природы, чтобы вечно пребывать с сыном и гордиться им. Персефона выходит к матери из земных чертогов царства смерти, чтобы снова исчезнуть и снова причинить горе Деметре. Лето кротко переносит страдания и этой кротостью привлекает к себе в помощницы богинь, не любимых Герой и тоже родивших Зевсу славных детей. Деметра бросает вызов всем богам и заставляет Зевса пойти на примирение.

В гомеровских гимнах, хотя их считают эпическими, очень много драматических элементов, которые и должны обязательно присутствовать в этих своеобразных «деяниях» богов. Драматическое начало может иметь комедийный характер (III), трагический (V) и идиллический (XIX); в нем могут сочетаться черты улыбочивого юмора и суровой архаики. Иной раз даже трудно определить, как, например, в гимне VII, что важнее: устрашающий рассказ о древнем оборотничестве Диониса (на судне среди моря он является львом и медведицей, увидав корабль виноградной лозой и плющом) или озорные шутки ясноглазого бога, нагнавшего страх на морских разбойников своими чудесами и в довершение всего превратившего своих похитителей в дельфинов.

Мирной идиллией рисуется жизнь Гермесова сына Пана (XIX) в горах и на пастбищах, среди душистых цветов, вблизи родников, где он ведет хороводы с нимфами или, закончив охоту, сладко играет на свирели. Но один день из биографии самого Гермеса (III) напоминает комические сцены с воровством, обманом, переодеванием, выслеживанием, допросами, третейским судом, обменом дарами, примирением братьев-противников.

В гимнах герои вступают в диалоги, споры, произносят часто длинные речи. Только в гимнах VI, XIX, XXVII, XXVIII речей совсем нет, в гимне I их 3 (Лето и Делос — 2, Аполлон к богиням — 1), в VII — тоже 3 (кормчий и разбойники — 2, Дионис к кормчему — 1), в IV — 6 речей в трех диалогах между Анхисом и Афродитой. Зато в гимне II — 10 речей (Аполлон и Тельфуса — 3, Аполлон и критяне — 5, Аполлон к Пифону — 1, Гера к богиням — 1). В гимне V — 16 речей (Геката к Деметре — 1, Деметра и Гелиос — 2, Деметра и элевсинцы — 7, Ирида к Деметре — 1, Гермес к Аиду — 1, Аид к Персефоне — 1, Деметра и Персефона — 2, Рея к Деметре — 1). В гимне III уже 19 речей (Гермес к черепахе — 1, Майя и Гермес — 2, Аполлон и старик — 2, Аполлон сам с собой — 1, Аполлон и Гермес — 10, Аполлон и Зевс — 2, Гермес к Зевсу — 1).

В гимнах описательного типа преобладает изображение божества в эпическом гомеровском стиле, достаточно свободном и красочном, в тонах изысканных (VI, Афродита) или забавно-шутливых (XIX, Пан), спокойно-холодных (XXVII, Артемида) или энергичных (XXVIII, Афина). Гимны же с ярко выраженной сюжетной основой приобретают чер-

ты драматического развития действия, имеют завязку, кульминацию, завершение. Все эти компоненты не зависят от величины гимна. Так, даже в малом гимне VII к Дионису в 59 стихах присутствуют завязка (Дионис схвачен морскими разбойниками), нарастание событий (на корабле творятся чудеса), кульминация (разбойники прыгают в море и превращаются в дельфинов), завершение как своеобразный *deus ex machina* в театре (Дионис щадит кормчего и открывает ему свое имя).

В гимнах, где сюжет усложнен, а нарастание сюжетных поворотов особенно эффектно, вступают в свои права речи разного вида, о которых мы говорили выше (споры, уговоры, укоризны, утешения, расспросы, просьбы, приказы, обращения, признания, наставления, советы, пророчества) и без которых немисливо драматическое действие.

Итак, гексаметрические гомеровские гимны отнюдь не остаются в рамках чисто эпического стиля. Как раз ясный переход к новым жанровым поискам, к развитию в эпическом повествовании приемов драматического действия и драматической речи делает их более законченными и совершенными.

Новой жанровой модификацией традиционной гексаметрической формы стали гимны Каллимаха, знаменитого александрийского поэта (ок. 310—240 гг. до н.э.), родом из города Кирены (побережье Северной Африки), основанного дорийскими переселенцами с острова Фера, причем основателем колонии был, по преданию, Батт, предок Каллимаха, о котором поэт вспоминает в гимнах. Расцвет творчества Каллимаха связан с Александрией, его учеными занятиями в Александрийской библиотеке и относится в основном ко времени правления в Египте Птолемея II Филадельфа.

Каллимаху принадлежат шесть гимнов: I — к Зевсу (96 строк), II — к Аполлону (113 строк), III — к Артемиде (268 строк), IV — к острову Делосу (326 строк), V — к Афине (142 строки), VI — к Деметре (138 строк). Каллимах не был подражателем Гомера, более того, он — его соперник. Он состязался с Гомером в гимническом мастерстве (так же, кстати сказать, как Аполлоний Родосский состязался с Гомером в эпической поэзии) и создал шесть очень своеобразных гимнов, в которых с особой отчетливостью раскрываются многие черты александризма. Перед читателем гимнов предстает поэт, славившийся изысканностью стиля, изящной отточенностью и декоративностью, знаток древней мифологии. Любитель интеллектуальной игры, он настроен слегка скептически и ироничен, но вместе с тем исполнен пиетета перед волей высших богов и земных владык. Он нежно привязан к воспоминаниям о родном городе и чисто эстетически погружается в пестроту, шум и театральность торжественных ритуальных празднеств Александрии. Гимны Каллимаха имеют чисто художественное значение и не связаны с культовым почитанием божества. Зато иные из них (I, II, IV) не лишены некоторой политической тенденции, а гимн VI опирается на фольклорную основу. Хронология гимнов не совсем ясна, но гимн I считается самым ранним, гимн IV, возможно, относится к 70-м годам, а гимн II написан между 50—40-ми годами. Однако стилистически эти гимны однородны и могут рассматриваться как явление вполне целостное.

Прежде всего надо отметить два больших гимна — к Зевсу и Афине, то есть к богам, которым в гомеровских гимнах отведено минимальное место. Дело в том, что для поэта, находившегося при дворе Птолемея, Зевс и Афина имеют особое значение как владыки, высшие покровители государства и мудрые градодержцы. Три гимна: к детям Лето, Аполлону с Артемидой, и к острову Делосу, давшему приют богине, входят в один круг, биографически важный для Каллимаха, потомка основателя того города, покровителем которого является сам Аполлон, возлюбивший нимфу Кирену. Что касается Деметры, то она как подательница земного благополучия и мирного процветания особенно дорога поэту — свидетелю войн, которые непрестанно вели бывший днадох Александра, ставший египетским царем Птолемей I Сотер и его преемники Птолемей II Филадельф и Птолемей III Еввергет. Среди Каллимаховых гимнов есть один, написанный элегическим стихом, с элементами дорийского диалекта (эти доризмы отчетливо видны и в гимне V, что оттеняет фольклорность его сюжета), и это указывает не только на попытку автора облечь гимн в новую для него стихотворную форму (она предназначалась для других жанров классической лирики), но и на стремление еще раз напомнить о дорийских предках поэта.

В сюжетном отношении гимны достаточно традиционны, но стилистическая их разработка чрезвычайно интересна. В гимне I речь идет о рождении Зевса в Аркадии, куда пришла его мать Рея, скрываясь от своего супруга Кроноса, и о воспитании Зевса на Крите. В гимне II — в связи с торжественной процессией к храму Аполлона — прославляется этот бог как основатель и покровитель городов, и в частности Кирены. В гимне III рисуются забавы маленькой Артемиды и звучит похвала великой охотнице. Гимн IV воспеваает остров Делос — родину детей Латоны. В гимне V на фоне праздника в честь Афины Паллады идет рассказ о том, как она ослепила Тиресия, невольного свидетеля омовения богини. В гимне VI к Деметре поэт, как бы участвуя в праздничном шествии в ожидании богини, вспоминает назидательную историю о наказании Деметрой неутолимым голодом царского сына Эрисихтона, поправшего ее священные законы.

Композиция этих сочинений заметно отличается от гомеровских гимнов. Здесь нет традиционного гимнического воспевания подвигов божества, обращенного к подразумеваемому слушателю. Поэт вводит своих читателей то в обстановку дружеского пира, симпозия, где всегда поднимается чаша во славу Зевса, то делает его участником торжественных ритуальных процессий в честь Аполлона, Афины, Деметры. Поэт весело делится с читателем увлекательными историями об Артемиде, нанизывая один за другим забавные эпизоды из жизни богини-девушки (ее посещения Океана, Гефеста, киклопов, Пана, дружба с Гермесом) и создавая образ богини-девы, смелой охотницы, которую почтительно и дружески встречают на Олимпе Гермес, Аполлон и Геракл.

В воображении поэта рисуются остров Делос со всей его древней историей и драматические отношения, в которые вступает Лето с отвергнувшими ее землями и с богами — Герой, Аресом, Иридой.

В этих гимнах нет привычных зачинов с обращением к музам и к богам, нет и развернутых концовок. Зато иной раз обращение к предмету песни разрастается в целый гимн. Таким развернутым обращением является, например, весь гимн IV к Делосу. Поэт начинает гимны, обращаясь с вопросом к собеседнику или самому себе (I 1: «кого ж воспевать нам пристойней...», IV 1: «Дух мой, когда же сберешься воспеть ты Делосскую землю...»). Иногда гимн начинается с обращения к участникам процессии (II 1: «Слышишь, как зашептались листы Аполлонова лавра»; V 1: «Сколько ни есть вас, прислужниц Палладиных, все выходите, в путь выходите: пора!»). Перед глазами поэта проходят участники ритуального шествия (VI 1: «Вот и кошницу несут! О жены, примолвите звонко: «Радуйся, мать Деметра...»), или поэт сам заявляет о том, кого он собирается воспевать (III 1: «Артемиду... мы воспоем»). В конце гимнов Каллимаха — привычные хайретизмы и просьбы (I 91: «Радуйся много... ниспошли достаток и доблесть»; II 113: «Радуйся, цари!» — здесь же, кстати, явно биографический намек о Хуле и Зависти, 105—113; III 268: «Радуйся много, царица! И к песне будь благосклонна»; IV 325—326: «Радуйся много, очаг островов, святыня морская, радуйся ты, Аполлон, и с тобою сестра Аполлона»; V 140—142: «Радуйся Дева... град... блюди... радуйся много... сохрани целым данайцев удел»; VI 134: «Радуйся много, богиня, и граду даруй удачу»). Примечательны для поэта, свидетеля тревожного времени, такие просьбы: «даруй... согласие... возрасти плоды... злаки, скот... дай яблокам сок, дай колосу зрелость, сладостный мир возрасти, чтобы жатву пожал, кто посеял» (135—137), хотя завершается цитируемый гимн к Деметре вполне традиционно: «Милость яви мне, молю, меж богинями дивная силой!» (138).

В гимнических сюжетах Каллимаха мы находим известные гомеровские мотивы, но несколько видоизмененные: быстрое мужание Зевса-ребенка (I 56), совершенство его ума с самого детства (I 57); странствия богини Лето (IV 55—204), путь нимфы Неды на Крит (I 42—45); разговор Лето не только с Делосом, но и с другими островами, рекой Пенеем (IV 109—132); не совсем обычное пророчество Аполлона, еще в чреве матери (IV 86—98; 162—195); гонение Геры, усугубленное злокозненными действиями Ареса (IV 133—140) и Ириды (215—239).

Архаическая мифология занимает в гимнах большое место, причем имеется ряд эпизодов очень редких (рождение Зевса не на Крите, а в Аркадии, I 15—54), с перечислением множества наименований гор, долин, земель, островов. Обычно рождение Зевса связано с Идейской или Диктейской пещерой на Крите, острове, где, по утверждению критян, находится и могила Зевса, почему жители Крита и получили название лжецов. В гимне III опять-таки множество географических названий, имен нимф, подруг Артемиды, история Бритомартис, или Диктины, домогательства великана Ота, наказание Агамемнона (III 183—267). Поэт, увлеченный глубинами архаики, развертывает целую историю острова (в связи со скитаниями Лето), именовавшегося Астерией, а потом Делосом «ясным» (IV 17—24; 40—54; 55—204). Явным отзвуком мифа из гомеровского гимна к Афродите (IV) являются слова о нимфах, рожденных вместе с деревьями и умирающих с ними (IV 82—

85), о тех, кого мифографы именуют гамадриадами. Здесь же миф о гиперборейцах, о приношении ими на Делос первых плодов урожая (275—299), а также этиология делосского танца, традиция вкушения маслин (318—324) и священного посольства на Делос (310—315). В гимне к Афине — знаменитый миф об ослеплении Тиресия, получившего пророческий дар (V 56—133).

Архаические мифы имеют зачастую назидательный характер, как в случае с Тиресием (V) и особенно с Эрисихтоном, речь которого после уничтожения священной рощи Деметры была «записана Немесидой» (VI 56) и вызвала страшный гнев богини.

Главная часть гимнов не носит, как в гомеровских, характера эпического повествования, нарушаемого драматически развивающимся действием. У Каллимаха непрерывно ощущается активное взаимодействие поэта и той аудитории, с которой он говорит, которой поверяет свои мысли и для которой сочиняет, причем это взаимодействие очень экспрессивное и зачастую напоминает сцены в духе распространенных александрийских мимов. В гимне I поэт явно имеет в виду своих соплеменников, которым он предлагает воспеть Зевса, великого и державного бога. В гимнах II, V и VI он непрерывно обращается к участникам торжественных процессий. Это юноши (II 8) или дети (12), которых певец призывает плясать, играть на кифаре (13), в молчании слушать песнь о Фебе (17) и звонче петь эпан (25), или прислужницы Афины (V 1—4), женщины-ахейки (13). Поэт призывает: «несите соуды» (47), «гребень золотой не забудьте» (31); «аргивяне, пейте сегодня от струй кладезных, не из реки» (46). «Счастливо же в путь, госпожа» (55), «о девы, воспряньте» (137), — восклицает поэт.

В активное общение (беседы, уговоры и т. д.) вступают у Каллимаха и герои гимнов: девочка Артемида настойчиво-нежно просит подарки у своего «бабушки» Зевса (III 6—39), доверчиво беседует с грозными киклопами (81—85), вступает в разговор со своим «милым сердцем» (104). Здесь и трогательная мольба Лето к потоку Пенее и его дочерям, на которую Пеней отвечает, проливая слезы (IV 109—152). Злобная Ирида, как псица, сидящая у трона своей госпожи, настаивает Геру действовать против острова, приютившего Лето (215—227), а Делос, ранее именовавшийся Астерией, став родиной Аполлона, произносит горделивую речь, призывая в свидетели своей славы Гею, материки и острова (266—274).

В гимнах Каллимаха совершенно очевидно желание поэта представить зримыми и слышимыми описываемые события, что создает удивительную конкретность и даже своего рода театральность, столь естественную среди шума, пестроты и пышности праздничных торжеств в Александрии (ср., например, XV мим Феокрита о женщинах на празднике Адониса все в той же Александрии).

В гимнах прекрасно передано ожидание главного момента торжества — эпифании бога (здесь имеется в виду вынос из храма культового изображения божества), причем все внимание сконцентрировано на зрительных и слуховых ощущениях. Слышишь, как шепчут листья Аполлонова лавра (II 1), видишь, как склонилась делосская пальма (4) — так поэт обращается к тем, кто стоит в праздничной толпе.

Здесь «видно» и «слышно», как падают засовы храма и раскрываются его врата (7, 8), слышны возгласы «Иэ, пэан!» (80, 97).

В гимне к Афине слышно ржание коней, везущих священный кумир богини (V 2), и скрип колесничных спиц (14), поэт видит «белокурых» дев (4), сосуды с елеем, золотой гребень, щит, шлем Афины (29, 31, 35, 43), вспоминает «доспехи...залитые кровью» гигантов (7), «могучие» руки богини, которые стирают пот и пену с коней, грызущих удила (5—12). Сама же Паллада «рдеет, как роза» (27, 28). Жены несут Деметре кошницу, полную злата (VI 127), а четыре белых коня везут кошницу святую (120), как залог обильного урожая. Охают и ахают горы от ударов молота киклопов и звона их наковальни (III 54—61).

Вздымает руки в мольбе Лето (IV 107—108), а от нее разбегаются во все стороны острова, боясь гнева Геры (196). Пот струится по челу богини, она громко стонет, распуская свой пояс и прислоняясь к делосской пальме (205—214). На радостях от рождения Аполлона звонко поют лебеди (250—253) и нимфы (256—258), Астергия светится золотом, воды вокруг золотые, золотые листья у маслины, золотые струи реки, вся земля позлащена (260—265); фимиамом «дышит» остров (300), оглашаясь звоном (303), поют юноши, плясуны ударяют стопой о землю (304—306). Все здесь светится золотом так же, как в гимне к Аполлону; лира, лук, колчан и сандалии — все золотое, ибо «Аполлон ведь златом обилен» (II 34).

От этого обилия золота, звонких песен, шума плясок, ароматов фимиама, процессий со священными предметами, коней, колесниц, говора толпы и создается впечатление необычной декоративности и театральности гимнов.

Но легкий скептицизм и ирония спасают гимны Каллимаха от налета музейного зрелища. Поэт сомневается в месте рождения Зевса (I 4—9) и в старом предании о дележе власти олимпийцев (I 60—67) по жеребьевке (гомеровский мотив), ибо сам Зевс раздает богам уделы, взятые им силой (мотив из «Теогонии» Гесиода). Особенно отметим строки, прославляющие быстроту действий египетского царя; к вечеру он завершает деянье, задуманное утром, в то время как другим потребовался бы целый год (I 87—90), — что это: сказано всерьез или с иронией? Несмотря на видимую серьезность тона, невольно вспоминаешь Гермеса из гомеровского гимна III, который утром родился, к полудню играл на кифаре, а к вечеру выкрал коров у Аполлона (III 17—19). Каллимах не очень-то доверяет мифу о том, что нимфы и деревья рождаются вместе (IV 82—85). Он шутливо упоминает о «пупковой» долине (I 44—45) (по мифу, Зевс-младенец потерял там свой пупок, омфал, ставший потом священным), с озорством именует Геру «тешей» (III 149), Геракла — тиринфской наковальней, а Посейдона — «лжеродителем» (VI 98).

Поэт с юмором рисует сцены обжорства Геракла (III 149—161), а также и Эрисихтона (VI 66—115) и ухищрения бедной матери этого царственного отпрыска, скрывающей его ненасытность (VI 72—90). Даже явно личный намек на отношение Каллимаха к некоему сопернику (может быть, Аполлонию Родосскому) представлен в озорном виде — пинок Аполлона вышвыривает Зависть за порог (II 105—107).

Хотя в гимнах Каллимаха много теплых воспоминаний об отчизне, о городе Кирена, о земле Батта (II 65—68), о покровителе города Аполлоне (55—64), но в его реальном мире царствует «наш государь» (I 87), «наши владыки» (II 68), то есть Делос славен не только Аполлоном, но и властью Птолемеев. В этом плане замечательно пророчество Аполлона во чреве матери, предсказывающего власть над Делосом не только себе, но и другому «богу», сыну дивных спасителей (Птолемей I носил имя «Сотер», то есть «Спаситель», как и все его потомки), Птолемею II Филадельфу, которого он здесь прямо и называет. С ним, этим богом, Аполлон готов разделить свои будущие подвиги (IV 162—190).

Несмотря на едва заметный иронический оттенок, в гимне I (гимн этот считается ранним) запечатлен величественный образ небесного владыки, Зевса, которому соответствует земной владыка из рода Птолемеев. В гомеровском гимне XXIII из четырех строк Зевс именуется величайшим, лучшим владыкой, беседующим с Фемидой (богиней правосудия), и громораскатным (или широкоглядящим). Величие Зевса, таким образом, представленное здесь в самом общем виде, не исключает его мощи как арханческого божества природных сил. Каллимах воспевает «вовекИ державного» и «вовекИ великого», вечно живого «отца», бога, который «смирИл» гигантов, был «судьей» Уранидам (то есть титанам). Зевс — владыка над небом, который мыслит «совершенно», наблюдает за справедливостью. Он добыл власть собственной мощью и силой, он покровитель царей, он дарует им счастье и здоровье. Мощный небесный владыка в гимне Каллимаха несомненно является образцом для царствующего государя, представляющего на земле высшее величие. Похвала Зевсу в гимне — это похвала Птолемеям. На фоне изящно рассказанных мифов Зевс, Аполлон, Афина, Деметра и Артемида правят суд, жестоко карают ослушников и требуют беспрекословного подчинения установленным ими законам. В каждом гимне Каллимаха, несмотря на их занимательность, обязательно звучит назидание, воплощенное не в традиционной дидактике, а зримо, в живых примерах. Поэт утверждает, памятуя Гесиода (Теогония 94), что «от Зевса цари», ибо Зевс сам избирает земных владык (I 80—81); нельзя спорить с Аполлоном да и вообще «с богами спорить негоже»; нельзя спорить и с земным государем, «моим владыкой» (II 25—27). В конце гимна III достаточно прозрачно говорится о наказаниях, уготованных Артемидой для ослушников (III 260—265). Примерам тяжелой кары богов посвящены гимны V к Афине и VI к Деметре.

Гомеровские гимны, восхваляя богов, не грозят наказанием людям, а учат их, развлекают и даже веселят, на примерах вечной мудрости, любви, преданности, героизма, самопожертвования, неутомимости ума и действий.

В Каллимаховых гимнах кроется, видимо, выстрадавшая (на собственном опыте) мысль о жесткой зависимости человека от божественной воли, под которой вполне прозрачно понимается власть «своих» государей, египетских Птолемеев, благодетелей, гнева которых следует остерегаться даже верным слугам. Так, чисто литературный гимн,

утерявший давно свою культовую основу, выполняет не только художественно-развлекательную функцию, но «учит благоговению перед «высшими» на примерах древней мудрости.

Философское понимание мудрости определяет содержание гимна «К Зевсу» стойка Клеанфа из малоазийского города Ассоса (ок. 331 — ок. 233 гг. до н. э.). Этот гимн представляет собой восхваление Зевса, который имеет мало общего со старым гомеровским «отцом богов и людей».

Поскольку гимн Клеанфа философский, то и хвала Зевсу производится в рамках стоических представлений о божестве, что совсем не требует перечисления героических деяний божества и лишает гимн традиционной сюжетности. Перед нами разворачивается как бы «внутренняя биография» Зевса, все то, что с точки зрения стоиков составляло сущность мирового Логоса, управляющего всем миром. В гимне похвала составляет основу (первые три строки — обращение с анаклезой и хайретизмом, а последние шесть — заключение). В заключении выражены сначала прямая просьба автора, затем обещание хвалителя в свою очередь ответить на благоприятное решение божества, и венчает все дидактическая концовка. Начало и конец гимна теснейшим образом связаны с образом Зевса, осмысленным в стоическом плане. Обращение же к Зевсу «бессмертному», «славнейшему», «всесильному», «многонменному» достаточно традиционно. Характеристика бога, «произведшего природу и правящего всем по закону» и управляющего вселенной с помощью закона, вводит читателя в область специфических философских категорий. Отсюда и проистекает просьба даровать людям разум и спасти их от неразумия. Мыслится здесь, что характерно, и ответная благодарность человека, готового вечно славить силу божественного закона и справедливости. Важно и то, что заключительная молитва направлена не только в пользу хвалителя, но на благо всех людей, погрязших в житейских тяготах. Возникает собирательно-обобщенный образ заблудшего, жалкого человечества, к которому, однако, поэт причисляет и самого себя. Личность автора гимна, мудреца, философа, растворяется во всем человечестве.

Основная часть гимна посвящена именно восхвалению божества, правящего через закон; того, которому повинуются вселенная, кто творит природу, кто направляет Логос, является хранителем земли, эфира и моря.

Характерно, что Зевс именуется здесь в архаическом стиле «темнокудрым», «громовым» (30), обладателем молнии (10), с помощью которой он ввергает в смятение природу (11). Также в стиле мифологической традиции он дарователъ всех благ, славнейший среди бессмертных (1). Однако классические функции божества, вносящего красоту, порядок, соразмерность в мир (18—21), осложняются новыми мотивами. В гимне утверждается идея о Зевсе «всевластном вечно», что совсем не характерно для старой мифологии, которая представляла историю божественной власти как смену поколений (Урана сменил Кронос, а этого последнего — Зевс, да и самому Зевсу грозит потеря власти от более сильного сына). Утверждается владычество Зевса над вселенной, весь универсум (*pas cosmos*) подвластен его во-

ле (7—8), и это тоже поздняя мысль. Своими молниями Зевс направляет «всеобщий разум» (12) и владычествует над «всеим» (παντα). Эти идеи вечного владычества над «всеим», или «космосом», не имеют ничего общего с классическим представлением о божестве. Они выдвигают на первый план принцип вселенской монархии, связаны с тем универсализмом, который созрел в эллинистическую эпоху, когда была создана грандиозная империя Александра Македонского, даже после своего крушения оставившая в наследство диадохам огромные территории под неограниченной царской властью.

Но особую специфику гимну придает, конечно, стоическая установка на божество, в котором воплощается «всеобщий закон» (24), причем, именно руководствуясь этим законом, правит вселенной Зевс (2).

Великое божество Клеанфа — это закон, мера, власть над вселенной, но это еще и Логос, причем Логос Единый, и его-то готов воспеть философ.

В гимне Клеанфа главные стоические понятия — Логос и Закон, с помощью которых упорядочивается мир, — существуют, как это отмечает А. Ф. Лосев, в контексте стоически понятий «справедливости», «всего», «природы», «космоса», «огненной стихии»¹³. Огненные молнии, мечущие жаркий пламень, есть не что иное, как огненная стихия, стоический «творческий огонь» и «огненный ум», которые упорядочивают материю космоса. Зевс в гимне Клеанфа, по стоическому учению, есть само «провидение», управляющее вселенной. А то, что он выступает здесь еще и в роли кормчего, связано с лексикой опозитизированной мифологии в духе Эсхила, тоже называвшего своего Зевса в «Прикованном Прометее» «кормчим», «правлящим рулем» (οίασποτος, 148).

Таким образом, замечательный философский гимн к Зевсу — это типично стоическое восхваление «изреченного слова» (logos propheticos), судьбы, скрытой от людских взоров, но создающей по своим собственным законам и своим понятиям о справедливости и красоте единый для богов и людей универсум.

В собрание рукописей, привезенных Дж. Авриспой из Константинополя в Италию (1423), о которых он сообщал А. Траверсари, вместе с одами Пиндара, гомеровскими и каллимаховскими гимнами входили орфическая «Аргонавтика» и Орфические гимны. Судя по всему, это самое раннее упоминание о списках гимнической поэзии вообще и орфической в частности. К ним можно присоединить также рукопись указанных выше орфических сочинений, привезенных в 1427 г. тоже из Константинополя другим гуманистом — Ф. Филельфо. Оба эти списка и послужили основой для всех последующих научных изданий гимнов, по давней традиции связанных с именем знаменитого античного поэта, музыканта и мудреца Орфея.

Мы уже упоминали выше о том, как повсеместно бытовали в Греции представления о догомеровской поэзии и поэтах, заложивших

¹³ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм. М., 1979. С. 178.

основы древних гимнических песнопений и гексаметрического стиха. Орфей занимал среди них главное место¹⁴.

Первые упоминания об Орфее относятся к VI в. до н. э. Поэт Ивик вспоминает о «славно именитом Орфее» (фр. 17 D), а Пиндар (Пиф. оды IV 176) — о «прославленном отце песен Орфее». Орфические гайнства известны историку V в. до н. э. Геродоту (II 81). В V в. до н. э. Орфей становится полноправным членом греческого мифологического мира, и его биография получает вполне устойчивые черты. Трагик Еврипид не раз говорит о его магическом воздействии на природу (Медея 543, Вакханки 561, Ифигения в Авлиде 1211) и на царство смерти Аид (Алкеста 357), об установлении им вакхических оргий (Ипполит 953 — Тессей укоряет сына в том, что он последователь Орфея). Для Аристофана он тоже древний учредитель религиозных обрядов (Лягушки 1032), Платон прекрасно осведомлен о всех сторонах деятельности Орфея (Протагор 315 a, 316 d; Ион 533 c, 536 b; Законы 677 d; Пир 179 d; в «Государстве» II 364 речь идет о книгах Орфея и Мусея и др.), а Диодор связывает его с Самофракийскими мистериями (IV 43, 1). Даже во всем сомневающиеся софисты считали Орфея предшественником Гомера и Гесиода. Правда, такой рационалистический философ, как Аристотель, прямо отрицал существование Орфея (фр. 9 Rose).

Во всяком случае, к V в. до н. э. сложилась в главных своих устойчивых чертах мифология Орфея. Родиной его считали Фессалийскую Пиерию у подножия Олимпа, то есть те места, где обитали музы, называвшиеся Пиеридами, дочери Зевса и Мнемосины. По другой версии, Орфей родом из Фракии (северная Греция), сын музы Каллиопы и фракийского царя Эагра (Аполлодор I 3, 2) или даже Аполлона (Климент Римский, Гомилии V 15). Во всех мифах об Орфее всегда прежде всего говорится о певце и музыканте, обладавшем магической силой. От его игры на лире и песен утихают волны, приходят в движение деревья и скалы, укрощаются дикие звери, подпадает под очарование его искусства сам Аид. Поэтому он готов вернуть умершую Евридику Орфею при условии не смотреть на жену, прежде чем он не введет ее в дом. Орфей, однако, нарушает этот запрет, обернувшись к жене, которая вновь удаляется в царство смерти (Овидий. Метаморфозы X 1—63).

О смерти самого Орфея толковали по-разному. В одном случае виновником гибели певца считался Дионис, который наслал своих буйных почитательниц на Орфея, и тот был растерзан этими вакханками; по другой версии, Дионис же наказал вакханок за это преступление, превратив их в тутовые деревья (Овидий. XI 67—84). Музы собрали части тела погибшего и погребли их. Лира же его была вознесена на небо в виде созвездия (Псевдоэратосфен 24). Но голова Орфея приплывает по морю к острову Лесбосу, где она пророчествует и творит чудеса, а местные жители торжественно хоронят ее (Жизнеописание Орфея, фр. 115, 118—119). Тень Орфея спускается в царство

¹⁴ Подробности об Орфее см. в кн.: Lindforth J. The arts of Orpheus. California University Press, 1941.

смерти и соединяется там с Евридикой (Овидий. *Метаморфозы* XI 1—66).

Предание об Орфее как аполлонийском певце, возникнув в VI в. до н. э., заняло прочное место в кругу идей, объединяющих Аполлона и Диониса. В недошедшей трагедии Эсхила «Ликургия» Орфей является еще противником Диониса и служителем Аполлона, за что и растерзан вакханками. Однако этот эпизод имеет здесь особый мистический смысл жертвоприношения, так что вакханки, убивая Орфея, одновременно приносят в жертву его своему божеству и сами приобщаются к этой жертве. Но, как уже говорилось, по более поздней версии, Дионис наказывает вакханок, и сам Аполлон погребает голову Орфея.

В учении, основание которого приписывали Орфею, осуществилось классическое единение двух некогда противоположных начал: аполлонийской гармонии и дионисийского буйства. Эта система религиозно-философских взглядов под названием «орфизм» возникла в VI в. до н. э. в Аттике эпохи Писистрата и была связана с идеями становящейся демократической государственности.

Дионис, почитаемый орфиками, был искони близок крестьянству как божество вечного возрождения мощных природных сил, воплотившееся в растительных и зооморфных телах, пропитавшее своей кровью порождающие глубины земли. Непрестанное обновление мира в процессе жизни и смерти и есть не что иное, как перевоплощение Диониса, близкого каждому человеку независимо от предписаний, законов и сословных установлений.

Орфизм как раз и был учением в морально-символической форме о судьбе этих космических перевоплощений Диониса. По преданию, первый Дионис Загрей («Великий охотник»), сын Зевса и Персефоны (она дочь Зевса и Деметры, царящая в мире смерти), был растерзан титанами, стихийными силами земли. Части тела растерзанного в младенчестве божества, собранные Афиной, были вновь возвращены к целостности и вечной жизни. Титаны, вкусившие плоти Диониса, были испелены молниями Зевса, и из этой копоты, смешавшейся с кровью бога, произошел человеческий род, который отличается дерзновенностью титанов и страдальчеством Диониса. Таким образом, в орфизме символически выражено космическое жертвоприношение божества, в котором участвует весь мир. Но наряду с этим создается и предание о неом Дионисе, сыне Зевса и смертной женщины Семелы, то есть полубоге и получеловеке, преследуемом уже не титанами, а людьми и в борьбе с ними установившем свои мистерии и завоевавшем право именоваться подлинным божеством (см., например, трагедию Еврипида «Вакханки»).

Сильной стороной орфизма, привлекавшей к нему бедные слои населения греческих полисов, было учение о равенстве всех людей, приобщенных к растерзанному Дионису Загрею и кровно с ним связанных. Этот мотив равенства предполагался самой идеей о переселении душ, а идеи о переселении и перевоплощении душ после смерти (как это было с первым Дионисом) нашли свое распространение в орфизме, который обещал вечное существование души, воплощенной в разные тела, в зависимости от постепенного ее совершенствования и

очищения в той жизни, которая предназначена на определенной ступени вечности отелесенной душе. Тем самым утверждалось равенство судеб всех людей, независимо от сословного и социального разобщения готовых претерпеть общий суд над душами по поступкам и грехам.

Орфизм проповедовал аскетический образ жизни, воздержание от жизненных благ, устанавливал систему символически и афористически выраженных предписаний, наставлений и запретов. Орфики были организованы в содружества разной степени и исповедовали эзотерическое, тайное учение для посвященных, практикуя почитание божества в мистериальном служении.

Орфизм оказал глубокое влияние на философов-досократиков (Парменид, Ксенофан, Эмпедокл) и особенно на Платона («Федон», «Федр»), на поэтов (Эсхил, Еврипид) и особенно на Пиндара¹⁵.

По Эмпедоклу, душа преступника «будет бродить тысячи лет вдали от счастливых, принимая последовательно всевозможные образы смертных, меняя скорбные пути жизни» (В 115, 6—8 Diels)¹⁶. Души «меняют тело за телом», принимая разные телесные образы (В 117—юноша, дева, ветка, птица, рыба). Парменид прославляет «неумолимую Дике», которая открывает человеку ворота, чтобы он познал «бестрепетное сердце совершенной истины» (В 1, 11—14). Эта богиня справедливого возмездия именуется у Парменида «кормчей», «владеющей Вселенной по жребию» (А 37).

В платоновском «Федоне» (107 с—114 с) рисуются «истинное небо, истинный свет и истинная земля» иного прекрасного и светлого мира наряду со страшными безднами Тартара, которых не может миновать душа умершего. В «Федре» Платон дает великолепную картину орфико-пифагорейского переселения душ, каждая из которых уподобляется «слитой воедино силе упряжки крылатых коней и возничего» (246 b). Души смертных стремятся попасть в занебесную высь, но их тянут вниз их земные несовершенства. Странствие души в загробном мире (Государство X 614 a—621 b), суд над умершими и выбор души своего жребия, чтобы возродиться к новой жизни на земле, имеют тоже орфико-пифагорейский характер. Таковым считают и знаменитое описание суда над грешниками еще у Гомера (Од. XI 576—600), так как здесь проведена орфическая идея справедливого воздаяния душе за ее земные проступки.

В «Комментариях» неоплатоника Прокла к «Государству» Платона (II 340, II Kroll)¹⁷ их автор прямо говорит о связях Платона с орфическими идеями. Платон, читаем здесь, «заимствовал у Орфея предание о том, что одни души у Ахеронта очищаются и получают свою благую участь на прекрасном лугу близ глубоко текущего Ахеронта, а другие наказываются в холодном Тартаре». Орфическо-

¹⁵ Об отношении орфизма к философии см.: Dodds E. R. The greeks and the irrational. Berkeley, 1959. P. 135—156.

¹⁶ Die Fragmente der Vorsokratiker/Griechisch und deutsch v. H. Diels, 9. Aufl. herausg. von W. Kranz. Berlin, 1959—1960. Bd. I—III. Русский перевод см. по изд.: Маковский А. Досократики. Казань, 1914—1919. Вып. I—III.

¹⁷ Procli Diadochi in Platonis Rem publicam commentarii/Ed. G. Kroll. Lipsiae, 1899—1901. I—II.

го происхождения у Платона также «закон Кроноса» (Горгий 523 *a*), загробное установление Адрастеи (Федр 248 *c*—249 *d*), богиня Дике (там же, 249 *b*), которая вершит справедливость в тысячелетнем круговороте жизни души, а также Ананка и ее три дочери, играющие одну из главных ролей в даровании жребия жизни душам (Государство X 617 *b*—*e*). Орфические фрагменты прямо говорят о мудрости, в которой воплощены «законы Зевсовы, Кроносовы, божественные, надкосмические и внутрикосмические» (фр. 105 *ab* Kern). Что же касается Пиндара, этого орфического поэта, то у него в Олимпийской оде (II 54—88 Sp. — Maehl.) тоже представлена загробная судьба душ. Достойные души проводят свой век «среди почтенных богов», «бесслезно» и «радуясь». Те, кто трижды испытал перевоплощение, отправляются на острова блаженных, где и увенчивают себя золотыми цветами после суда Радаманта. В свою очередь, преступные души наказуются в преисподней, и тем самым устанавливается идея посмертного справедливого воздаяния. Пиндар, если судить по словам поэта («стрелы в его колчане звучат для разумных», «мудрый рождается знающим многое», а «для всех» нужны толкователи), обращается именно к посвященным и отделяет их от тех, кому неведомы тайны орфического учения.

Орфизм, будучи достаточно демократическим течением в эпоху становления греческих полисов, в поздней античности принял формы философско-религиозные, ориентированные на немногих ученых людей, сблизился с неопифагорейством и вошел в систему неоплатонической философии. Известна также безуспешная борьба орфизма с развивающимся христианством уже на склоне античности, когда все силы язычества были направлены против мощной монотеистической религии.

Мы уже говорили выше, что Орфей конкурировал с Гомером и даже противопоставлялся ему. Недаром Орфею приписывали множество сочинений: так называемые «Священные слова», включающие орфическую космогонию и теогонию в 24 песнях (сохранилось 363 фрагмента, дошедших через неоплатоников, Прокла, Дамаския, Сириана и изданных О. Керном)¹⁸, по стилю близкие к Гесиоду, но со своей совершенно особой системой божественных, аллегорических и символических образов. Сюда же относятся орфическая «Аргонавтика», датируемая IV—V вв. н. э., поэма о свойствах камней «Литика» (по сути дела, имеет мало общего с орфизмом) и гимническая поэзия. Уже в древности многие из этих сочинений приписывались мудрецу Ономакриту, бывшему при дворе Писистрата, или пифагорейцам Кекропсу и Бронтину.

Сборник философско-ритуального характера, который известен под названием «Орфических гимнов», может быть, и восходит по своим идеям к VI в. до н. э., но окончательно он оформился как целостное собрание, видимо, принадлежащее одному автору и написанное в одном стиле, не ранее II в. н. э., о чем свидетельствуют метрика стиха (не без некоторых отступлений от правил, обязательных для ранней эллинистической поэзии) и лексический состав гимнов. По мнению

¹⁸ О разного типа теогониях см.: West M. L. The orphic poems. Oxford, 1984.

О. Керна, в дальнейшем подтвержденному У Вилламовицем¹⁹, сборник гимнов получил свое завершение в Малой Азии (на что, в частности, указывают такие имена божеств, как Миса и Гипта), возможно в Пергаме.

В сборник входят 87 гексаметрических гимнов размером от 6 до 30 стихов, которые предваряются обращением к Мусею, ученику (а по некоторым версиям, учителю) Орфея. Эти гимны окрашены в явно философские тона с несомненным влиянием на орфические идеи пифагорейства, Гераклита, стоиков. Как и положено для гимнов, здесь собраны похвалы богам, но с определенно выраженной спецификой, связывающей их с древнейшими молитвенными обращениями.

Орфические гимны — это воззвания к богам, заклинания их, прямое обращение к высоким покровителям с просьбой участвовать в ритуале совместно с их почитателями.

На практическую значимость гимнов указывают предваряющие их пометки. Перед воззванием к божеству следует воскурить фимиам, различные ароматические вещества: ладан, смолу-стиракту, смирну (или миро), а то и дым от сжигаемых семян бобов и кусочков благовонного дерева. Участники мистериальной церемонии ожидают эпифании, явления божества, в ответ на свои заклания, хвалы и мольбы. Однако нас здесь интересует не теургия, то есть практика общения с божественной силой, а словесная ткань гимнов, обладающая особым художественным своеобразием.

Бросается в глаза огромное количество гимнических адресатов, к которым обращаются участники ритуала, мисты. Здесь фигурируют десятки богов, иные из которых представлены в разных своих ипостасях, например: Дионис и Дионис Бассарей, Дионис Ликнит, Дионис Триетерик; Зевс и Зевс Астрапей (Молниенный), Зевс Керавн (Громовник). Однако главное место в гимнах занимает орфический Дионис в его многообразных связях. Известный по Гомеру и Гесиоду круг божественных персонажей (Гея, Уран, Кронос, Рея, Титаны, Гелиос, Ночь, Гестия, Мать богов, Геката, Океан, Нерей, Тефия, Мойры, Фемиды, Эринии, Нереиды, нимфы, куреты, корибанты, Зевс, Гера, Посейдон, Плутон, Аполлон, Афина, Артемида, Афродита, Гермес, Дионис-Вакх, Гефест, Эрот, Деметра, Персефона, Пан, Силен, Мнемосина, Музы, Илифия, Ника, Немесиды, Гигиеня, Асклепий, Гипнос, Танатос, Оры, Эос, Нот, Зефир, Борей и др.) расширен за счет малоазийских богов, особенно распространенных в эллинистическое время (Атнис, Сабазий, Адонис, Исида, Миса, Гипта), аллегорических фигур (Закона — Номос, Природы — Фюсис, Случайности — Тюхе, Справедливости — Дикайосины) и некоторых образов из орфической космогонии или орфически окрашенных, но пришедших, например, из Элевсинских таинств (Протогон, Фанет, Эрикeпай, Евбулей, Иакх, Хронос, Эфир). Все это многообразие сочетаемых между собой имен несомненно свидетельствует о позднем характере гимнов, о синкретическом подходе к религиозно-мифологическим явлениям.

¹⁹ Wilamowitz-Moellendorff U. von. Der Glaube der Hellenen/3. Aufl. Basel; Stuttgart, 1959. Bd. II. S. 505—509.

Композиционное распределение орфических гимнов отнюдь не безусловно. Некоторые ученые начинали сборник, например, с обращения к богине Илифии, помощнице при родах, называемой здесь Преддверницей, как бы открывающей путь гимнического восхваления богов. Логическим заключением сборника тогда являлся гимн LXXXVII — к богу Смерти (Танатос), что создавало антитезу жизни — смерть. Однако внешне эффектное обрамление сборника со времени издания Е. Абеля²⁰, который отнес гимн к Илифии на второе место, нарушено, и новая нумерация подтверждается в последнем издании В. Квандта²¹. Известный русский исследователь орфических гимнов Н. И. Новосадский предложил свою композицию. Он объединяет вступительное обращение к Мусею с гимнами к Гекате (I) и Профирее (II). Вторую группу составляют у него силы обоготворенной природы (гимны III—XII). Третья группа — общеизвестные божества (XIII—LVII). Наконец, четвертая группа — отвлеченные понятия (LVIII—LXXXVII), куда входит и Арес, представленный как воплощение войны. Правда, и эта композиция вызывает сомнения, так как к стихиям относится Гефест наряду с Бореем и другими ветрами, к низшим божествам — Фемиде, Музы, Гестия, Дике, Хариты, Немесида, Мойры, Эрот, причем они могут рассматриваться при желании и как отвлеченные понятия. Кроме того, к общеизвестным богам отнесены негреческие и редкие, такие, как Миса, Гипта, Сабазий. Твердой генеалогической связи между гимнами нет, но зато большие группы гимнов подразделяются, по мнению Н. И. Новосадского, на мелкие подгруппы по диадам (17 групп) и триадам (12 групп), в центре которых гимны Дионису и его окружению (13 гимнов). Неясной остается в этом распределении связь между гимнами LXXVIII и LXXIX (Заре-Эос и Фемиде), LXXXIII и LXXXIV (Океану и Гестии)²².

В сборнике четко выделяются гимны, в основе которых образы, важные для орфической космогонии. В первую очередь это гимны Протогону (VI, он именуется здесь «началом» света и жизни); Дионису (XXX, он отождествляется здесь с Евбулеем, Протогоном, Эрикепаем). Характерно, что все эпитеты Протогона указывают на его роль в космогоническом процессе²³. Он — рожденный из яйца. Мировое яйцо было создано в эфире нестареющим Хроносом-Временем. Из этого яйца появился Фанет-Протогон, создатель и владыка богов. Дочь Фанета, Ночь, родила Урана и Гею, от которых через Кроноса и Зевса теогонический процесс развивается дальше, причем Зевс мыслится началом, серединой и концом всего. Зевс поглощает Фанета и создает новый мир, в котором Дионис Загрей выступает уже восприемником Зевсовой власти и дваждырожденным. Протогон мыслится двуполым, так как от него происходит весь род человеческий. Он неизреченный, таинственный, мудрый бог, давший рождение богам и людям. Будучи источником света, рассеявшим мрак, Протогон есть не

²⁰ Orphica/Rec. E. Abel. Pragaе; Lipsiae, 1885.

²¹ Orphei Hymni/Ed. G. Quandt. Berolini, 1955.

²² Новосадский Н. И. Орфические гимны. Варшава, 1900. С. 42—52 (о композиции сборника).

²³ Специально о Протогоне см.: West M. L. Op. cit. P. 68—115, 117—226.

что иное, как Фанет («явленный в свете»), и Антавг («равный сиянию»), и Приап одновременно. Наряду с Протогоном прославляется и Природа-Фюсис (X), недаром находящаяся в одной группе с ним, Ночью, Небом-Ураном, Эфиром, Звездами, Гелиосом-Солнцем, Селеной-Луной, Паном. Но если Протогон-Фанет фигура специфически орфическая, то Природа, воспетая в гимне X, наделена всеми чертами, характерными для пантеистических воззрений досократиков, возвеличивающими в стоической философии Фюсис как божество, демиургическую силу, промыслительницу и художницу. В этом гимне Природа изображается «властительницей», «повелительницей», «всевышним демоном», владычицей эфирной, земной и морской, скиптродержавной, «всецарицей». Эти эпитеты возводят Природу в ранг мировой универсальной силы, наделенной (что примечательно) атрибутами, свойственными натурфилософской материи. Природа в гимне X нетленная, древняя, первожденная, конечная и бесконечная, круглая, вечная, несущая движение, «всетекучая», живущая в разных образах, вечная жизнь. Она порождает сама из себя все живое и называется плодородной, всеобщей матерью, безотчей, сама себе матерью, она — всем отец, мать, воспитательница и кормилица. Чрезвычайно характерен эпитет Природы «самодостаточная» (αυταρξεία «автаркичная»), термин вполне стоический. И в чисто стоическом духе она «всемудрая», «ваятель», «судьба» и «промысел». В ней, таким образом, объединяются элементы мифолого-антропоморфные, иератические и философские. Заключительные же слова гимна дополняют интереснейший образ всемогущего, всеумудрого, вседарующего, всепорождающего творца, который является началом и причиной самого же себя. Использование наряду с орфическими идеями ярко выраженных стоических мотивов характерно для позднего синкретизма и демонстрирует живые материалистические тенденции, сильные в античности.

В орфических гимнах, если учитывать их практический характер, непременно присутствуют обращение мистов («услышь меня»), переходящее в похвалу божеству, обрисованному с помощью многочисленных эпитетов, и заключительная просьба участников ритуала. Орфические гимны продолжают гомеровскую традицию похвалы богам, но развивают ее, отличаясь от гомеровских гимнов в плане эпитезы, также создавая биографию божества, но своеобразную, лишённую эпической нарративности. Повествовательная часть гомеровских гимнов, рисующая чудеса и подвиги олимпийцев, здесь сгущена и сжата до предела; символизируя и обобщая в эпитетах факты божественных деяний, она сливается с вступительной инвокацией, то есть воззванием к высокому покровителю. При этом на личное обращение молящего с просьбой остается, как и в гомеровских гимнах, лишь несколько заключительных стихов, так как главная цель гимнов отнюдь не личная просьба.

И действительно, если по замыслу мистов необходимо склонить божество к участию в посвященных ему таинствах, то концентрация эпитетов в мистериальных песнопениях имеет свои основания. Многообразно именуя мощное божество, эти эпитеты, необходимые для молений, усиливали магическую действенность инвокаций. Собственно

говоря, каждый орфический гимн есть прямое обращение, имеющее силу заклятия и направленное на одну цель — эпифанию высшего существа, поэтому личная просьба и сводится здесь до минимума.

В следующих гимнах участники таинства прямо просят божество внять призыву и быть благосклонным: такие просьбы обращены к Матери богов (XXVII), Матери Антее (XLI), Фемиде (LXXIX), Плуто́ну (XVIII), Океану (LXXXIII), Гере (XVI), Аполлону (XXXIV), Афродите (LV), Дионису (XXX), Триетерику, то есть трехлетнему, Вакху (LII), Евменидам (LXX), Силену (LIV), Гипте (XLIX), Сабазию (XLVIII), Звездам (VII), Зефиру (LXXXI). В остальных гимнах просьба о помощи хотя и присутствует, но индивидуальность ее крайне сомнительна, так как всюду имеется в виду некое сообщество участников таинства. И если в гимне Клеанфа «К Зевсу» заключительная мольба подразумевает собирательный образ заблудшего человечества, то здесь подразумевается обобщенно-собирательный образ теургов, стремящихся к чистой жизни. Не лишено интереса и то, что, несмотря на, казалось бы, сакральный характер орфических гимнов, прошения мистов развернуты не столько в плане духовном, сколько в житейском.

Здесь просьбы о даровании сразу целого комплекса благ: цветущей жизни, здоровья, мира, законов (гимн XIX Зевсу Керавну); о даровании мира и здоровья — Природой (X), Нереем (XXIII), Артемидой (XXXVI); мира, цветущей жизни, доброй старости, плодов — Персефоной (XXIX); мира, богатства, силы, здоровья — Афиной (XXXII); мира, здоровья, счастья — Посейдоном (XVII); здоровья, славы, почестей — Зевсом (XV); здоровья и богатства — Гестией (LXXXIV) и Деметрой (XL). Боги призываются даровать чистую и мирную жизнь (Уран, IV, Гелиос, VIII), а также мирную честную кончину (Асклепий, LXVII, Зевс Молнийный, XX, Кронос, XIII, Лето, XXXV, Гермес, XXVIII, Гермес Хтонический, LVII, Пан, XI, Протей, XXV, Демон, LXXIII). Они приносят мир (Арес, LXXXV, Рея, XIV), ласковую помощь (Семела, XLIV), спасение (Селена, IX, Профирея-Преддверница, II), забвение зол (Мойры, LIX), священный свет (Заря, LXXVIII), благо завершение забот (Миса, XLII), изобильное богатство (Тюхе, LXXII), достойную старость (Танат, LXXXVII), справедливое равновесие жизни (Дикайосина-Справедливость, LXIII), благородные мысли (Дика, LXII), разум (Немесиды, LXI), радость (Дионис Бассарей, XLV), рвение к делу (Музы, LXXVI), славу (Эринии, LXIX), память (Мнемосина, LXXVII) и соблюдение законов (Ном-Закон, LXIV), благие предвещания (Онейр-Сновидение, LXXXVI), сон (Гипнос-Сон, LXXXV). Боги посылают людям плодородие земли и изобилие плодов (Адонис, LVI, Персефона, XXIX, Гея, XXVI, Вакх Амфийет, LIII), целебные ключи (Нимфы, LI), ливни, дожди и росы (Нот, LXXXII, Облака, XXI), ясное солнце (Борей, LXXX), попутный ветер (Тефия, XXII) и охрану на суше и море (Левкотей, LXXIV, Палемон, LXXV). Боги избавляют посвященных в их таинства от болезней (Гиги́ея, LXVIII), скорбей (Мелино́я, LXXI, Демон, LXXIII), злых помыслов (Эрот, LVIII) и враждебных мыслей (Немесиды, LXI); от скорбей и болезней (Артемиды, XXXVI), смерти и скверны (Рея, XIV), страхов ночных (Ночь, III) и насылаемых Паном (Пан, XI); от «труса» земли

и моря (Нерей, XXIII) и гнева предков (Титаны, XXXVII) и Кер (Геракл, XII).

Поскольку орфические гимны, как было выше сказано, играют роль магического заклятия, весь их пафос сосредоточен в призывных экзотических славословиях, сила которых возрастает с каждым очередным возгласием нового имени божественного адресата. При этом характер заключительной просьбы становится достаточно формальным, выходя за рамки ритуальных заклинаний.

Рассматривая орфические гимны, можно заметить упорно повторяющиеся эпитеты (а они как раз и характеризуют каждое божество), в которых несомненны отзвуки мифологической архаики, рудимент древнего зооморфного прошлого тех или иных богов или множественная семантика мифа, включающая в один образ часто противоположные аспекты, ипостасно заменяющие друг друга. Вместе с тем эта архаика причудливо переплетается с орфическими представлениями о теогоническом процессе.

Здесь Геката, богиня ночных перекрестков, блуждающая среди могил, именуемая быкоубийцей; Илифия, помощница в родах, отождествленная с Артемидой, никогда не рожавшей, и Профиреей, открывающей пути новой жизни (II), здесь и Ночь, порождающая богов и смертных, здесь же и Уран, породивший всех, начало и конец всего, демон небесный и земной (IV).

Надо сказать, что «демонами» (древнейшие безымянные боги, еще даже не получившие имен) постоянно именуются и другие боги — Звезды (VII), Природа (X), Пан (XI), Геракл (XII), занимающий важное место в орфической космогонии; Нерей (XXIII), Посейдон (XVII), Гея (XXVI), Дионис (XXX), Афина (XXXII), Артемида (XXXVI), Деметра (XL), Сабазий (XLVIII), Арес (LXV), Гефест (LXVI).

Зооморфное обличье быка или вообще рогатого существа находим у Диониса (XLV), Аполлона (XXXIV), Амфиета (LIII), который мыслится хтоническим Дионисом, Персефоны (XXIX), Триетерика (LII), Пана, названного Зевсом рогатым (XI). Эринии названы змеемудрыми Мойрами (LXIX). Афина почитается как змея («драконша»), да еще богиня с очами совы («совоокая») в память о своем зооморфном прошлом (XXXII). Афродита не что иное, как волчица (LV, ср. в гомеровском гимне она выступает в сопровождении диких зверей, и в том числе волков).

Началом всего являются не только, как сказано выше, Ночь и Уран, но таким же божеством является Рея, от которой произошли земля, небо и море, ветры (XVII), и в этом от нее не отличается богиня Природа (X). Зевс — начало всему (XIV), Гера — царящая над всем (XVI), Аполлон держит эфир и землю (XIV).

Ночь, земля (хтон), корни земли, корни моря, корни мира, пламя, кровь, громы, молнии, морская и небесные стихии — все это связано с почитаемыми богами — Эриниями ночными, Зевсом (он громовый и молнийный), Тефией-морем, Нереем (он держит корни моря), Геей (она сама корень мира), Аполлоном (он держит подземные корни), Гефестом-пламенем, богиней Тюхе, рожденной от крови Евбулея.

Одно божество, как говорилось выше, мыслится во многих образах, почитается под многими именами, знаменуя всеобщее оборотничество, когда Илифию знают как Артемиду, Артемиду как Диктину; когда Пан назван рогатым Зевсом, а Плутон Зевсом хтоническим (почвенным), Евбулеем; Триетерик же именуется Ленеем, Евбулеем, Эрикепаем, Нисеем, Ликнитом, Амфиетом, Пэаном, Бассареем, что и неудивительно, так как Триетерик (трехлетник) — это и есть Вахх, сам Дионис, единый под многими именами, один во многих вечно изменчивых ликах природного бытия.

Этот древний полисемантизм богов в орфических гимнах создает замечательную картину единства противоположных начал, тех тезисов и антитезисов, которыми так богата не только мифология, но и греческая натурфилософия в гераклитовском духе.

Орфический Геракл несет ночь и зарю. Он — всепорождающий и всепожирающий демон (XII). Уран — начало и конец всего (IV); Зевс — начало и увенчание всему (XV). Гея венчает и губит рост (XXVI); Аполлон — начало и конец всего (XXXIV); Ном дает жизнь и «воздвигает» ее конец (LXIV); Протей являет свою единую сущность в разных ликах (XXV). Эринии именуются «страшными и звездными» (LXIX), Триетерик — «ночным» и огневеющим (LII). Аполлон — холод и жар одновременно (XXXIV); Адонис — дева и юноша (LVl), Афина родилась женой и мужем (XXXII), нимфы зримы и невидимки (LI), Афродита — явная и невидимая (LV). Кормилом судьбы человека владеет смерть (LXXXVII), но и богиня здоровья Гигия господствует над всеми (LXVIII).

И все это многообразие богов, которые держат корни земли и моря, правят всем и являются началом всего, представлено также в духе поздних философских мифологем стойков с их эллинистическо-универсалистскими тенденциями и выдвиганием на первый план судьбы, логоса как изреченного слова (рока), великой миродержавной силы, скрепляющей космос и обладающей ключами мира. Вот почему и отдельные боги, воплощающие силу этой судьбы, имеют ключи от мироздания (Геката), земли (Плутон), моря, эфира, почвы и всей жизни (Эрот, LVIII), а Профирея даже именуется ключарем.

Природа сама является роковой, промыслом и судьбой (X), но и Звезды тоже роковые, ибо несут на себе печать Мойр, богинь судьбы (VII). Пророком глагола — логоса для смертных (XXVIII) — является Гермес. Афродита обладает властью даже над Мойрами (LV), которые воспеваются в специальном гимне (LIX) наряду с Немесидой (LXI), всем правящей.

Миродержавен Гелиос-Солнце (VIII), а Пан, будучи тоже миродержавным, создает космическую гармонию, и его промыслу подчиняется даже вседержительница Природа (XII). Селена — мать времен (IX), а древний Кронос держит узы вселенной (XIII), в то время как Мать богов — скиптродержица оси небес (XXVII); Ном владеет скрепами моря и суши (LXIV), Гефест же заботится о всем роде человеческом, укрепляет все племена и государства, является всем судьей, наполняет своей огненной стихией эфир, солнце, звезды и луну (LXVI).

Мир орфических богов отнюдь не мрачен. И хотя Евмениды —

ночные, темные, грозные и ужасные (LXX), но Эринии (ипостась Евменид) уже названы звездными (LXIX), а облик Мойр, светлых и воздушных, в багряном одеянии, связан с теплой ночью, светлой влагой, самоцветной пещерой, где они обитают (LIX). И хотя А. Лески отметил²⁴ в орфических гимнах «нагромождение эпитетов» и недостаток поэзии, но изящество их композиции, постоянная антитетичность, полисемантизм воспеваемых богов, эпитеза, основанная на архаической мифологии, объединяющий гимны образ миродержавной судьбы, пронизанность их светом, блеском, движением — все это создает особую выразительность и то редчайшее эстетическое своеобразие, которое присуще подлинной поэзии.

Боги являются в песнопениях орфиков в прекрасных одеяниях. Это шафранный пеплос Гекаты (I) и Мелиной (LXXI), подобный туману в синих складках плащ Геры (XVI), небесный хитон Зевса (XIX), синее покрывало Тефии (XXII), иссиня-черный пеплос Лето. Ночь звездистая, синяя блеском (III). Блеск и синева, столь заметные в гимнах, сочетаются с другими световыми оттенками, от легкой лучезарности до огненной стихии; здесь также и все виды движения, от едва заметного до вихревого, поскольку весь гимнический мир дышит и живет, наполненный деятельной божественной сущностью.

Уран пестроблещущий и лучезарный (IV); Звезды в отсветах и пламенах, в сверкающем блеске, огнебежные, плывут в тумане, где вращаются их престолы, кругообразными вихрями (VII). Гелиос, златоблещущий, огненный, жгучий, ясный, с блестящими очами, мчится, как кубарь, круговой спиралью, погоняя бичом четверку коней (VIII). Лучезарная Селена, светлая и печальная, тоже в вечном круговом движении (IX).

Веет огнем мастер-ваятель Природа, среди цветов и венков оставляя в танце бесшумный след под пятой (X). Гефест — «вечный искусник», неугасимое пламя, сияющее лучами, «дланью могучий», мастер, часть космоса (LXVI). Пан вращает тело Природы. Он — «блаженный прыгун, кругобежец» (XI). Посейдон гонит четверку коней по гулкому морю и держит в руках трезубец из меди (XVII). Блещат синевого престола Нерея (XXIII) и нежнобегущая морская гладь богини Тефии (XXII); пляшут, извиваются в хороводах «в синем сиянье» неренды, девы моря (XXIV). Пляшут синеокие нимфы на отмелях и прибрежьях, теща шествующую по морскому лону на синих волнах Афродите (LV); прекрасные, как звезды, пляшут они в горах, бросая камни, забавляясь, в белых одеждах, душистые, благовонные, проворные, росистые (LI). Пробегает быстрыми скачками южный ветер Нот (LXXXII).

Обильна цветами и красками Гейя-Земля, а вокруг нее теснится космос светил (XXV). Персефона — владычица царства мертвых, «в блеске прекрасном», дивная сиянием, несущая свет (XXIX); Артемида — с факелом в руках, вечно цветущая (XXXVI). У Деметры с ласковым ликом, матери цветов, обилие многоцветных форм (XL). У нимф, дочерей Нерея, глаза, как чашечки цветка (XXIV), и как цветочные

²⁴ Lesky A. Geschichte der griechischen Literatur. Bern und München, 1963. S. 867.

бутоны глаза у Фемиды, которая прославлена как поросль Земли-Геи, блестящая и ночная богиня (LXXIX).

Как можно заключить даже из этих примеров, гимны, предназначенные для мистерияльной практики, имеют не только философский или мифолого-религиозный характер, но и очевидную художественную и, мы бы сказали, эстетическую специфику. Здесь нет эпического повествования с элементами драматизма, как в гомеровских гимнах, и того живого диалога автора с участниками торжественных процессов и согражданами, как у Каллимаха. Гомеровские и Каллимаховы гимны начисто преодолели свои древние ритуальные корни, вошли в круг литературной гимнографии и жанрово оформились.

Орфические гимны, достаточно поздние по своему происхождению, отличаются архаическими чертами. Здесь не требуется драматических ситуаций и сюжетного развития действия с речами и диалогами. Эти гимны — свидетельство священнодействия, в котором налицо прежде всего — мисты, экстатически заклинаящие божество, вызывая его к эпифании. Главное лицо драмы пока отсутствует и только еще призывается с помощью номинации, то есть названия множества имен.

Номинация эта основана на принципе исчерпания имени, обращенного к божеству. Она тем действеннее и целенаправленнее (призывается каждый раз обязательно именно одно, конкретное божество, непохожее на других), чем она полнее. Отсюда и рождается серия эпитетов, которые есть не что иное, как священные имена, принятые в мифологии данного божества, но в развитии гимнографии утерявшие свой сакральный смысл и постепенно приобретшие художественные функции.

В орфических гимнах мы как бы снова возвращаемся к первобытному миру, но только участники действия отнюдь не давние гомеровские герои, наивно, простодушно и настойчиво умоляющие о помощи божественного покровителя, а участники орфического сообщества последних веков античности, от лица которых говорит ученый поэт (может быть, и жрец), философски и художественно изощренный, знаток таинственных божественных имен, не произносимых вне круга посвященных. Этому ритуалу заклания именами вполне соответствует особое мастерство эпитезы, так что ее выразительная сторона затмевает старую мифологически-сакральную основу, а это и дает нам возможность рассматривать орфические гимны в художественном и даже эстетическом плане.

В рукописном сборнике гимнов, привезенном Дж. Авриспой в Италию, находилось среди других, уже рассмотренных нами выше, также и небольшое собрание гимнов философа Прокла (410/412—485 гг.)²⁵. Прокл был одним из последних знаменитых языческих философов, главой Афинской школы неоплатоников, наследницы платоновской Академии, до закрытия которой императором Юстинианом в 529 г. оставалось не так уж много лет. Прокл происходил из города Византий в Малой Азии, то есть того самого Константинополя, где

²⁵ Подробно о гимнах Прокла см.: Тахо-Годи А. А. Гимнография Прокла и ее художественная специфика // Живое наследие античности. М., 1987.

итальянский гуманист обнаружил знаменитую рукопись. В молодости философ прошел хорошую риторическую подготовку в Александрии, учился там у перипатетика Олимпиодора и математика Гиерокла, а затем двадцатилетним юношей прибыл в Афины и учился там у Сириана и Плутарха Афинского, основателя афинской школы. Там, в Афинах, ставших его второй родиной, Прокл женился на дочери Сириана и прожил всю жизнь (хотя всегда с трепетом вспоминал город своего отца, ликийский Ксанф, где он когда-то провел детство).

Античный мир стал к этому времени уже миром христианским, и язычники чувствовали себя в нем достаточно неуютно. Правда, в Афинах, как в провинциальном захолустье, еще сохранялась кое-какая старина, давно изгнанная из Константинополя — столицы Восточной Римской империи. Но и в Афинах Парфенон превратился в подобие музея, а Эрехтейон был приспособлен для христианского богослужения. В Академии же философы-язычники изучали Платона и Аристотеля, древние оракулы, занимались теургией, твердо веря, что их охраняют великие олимпийские боги. После смерти Сириана в 450 г. Прокл зрелым сорокалетним человеком стал во главе Академии. Среди его учеников был Марин, создавший жизнеописание своего учителя, в дальнейшем схоларх Академии, закрытой уже при его преемнике Дамаскии.

Грандиозное философское наследие Прокла наряду с его «Комментариями» к сочинениям Платона («Государство», «Тимей» и др.) включает также и опыт гимнической поэзии, свидетельство преданности Прокла языческой вере отцов. Остаться язычником было не так просто во времена, когда уже стали традицией вселенские соборы (в 325 г. I Никейский собор), вырабатывавшие христианскую догматику и когда писал свою знаменитую «Исповедь» Августин, язычник, ставший епископом Гиппонским (умер в 430 г. в дни юности Прокла).

До нас дошло семь небольших гимнов в форме гексаметра, в которых тонкость философской мысли органично переплетается с патетикой провидца, проникающего в глубины космического бытия. Прокл, прославившийся как завершитель всей истории античного неоплатонизма, разработавший сложнейшую по диалектике и логике систему философско-мифологических категорий, был поэтом, верящим в то, что сама поэзия есть результат божественного вдохновения.

Гимны, по свидетельству Марина, слагались Проклом ночью и записывались утром, поэзии философ был привержен в течение всей жизни, так что даже в семидесятилетнем возрасте он слагал песнопения, читал стихи Орфея и написал к ним подробный комментарий. Прокл считал своими покровителями Афины и Аполлона, объединяя тем самым мудрость философии и поэтического искусства. Вот почему и в таких сложнейших его сочинениях, как «Комментарии» к Платону, вполне заметны эстетические тенденции²⁶.

Но вот что особенно важно. В гимнической поэзии Прокла «уче-

²⁶ См.: Тахо-Годи А. А. Эстетические тенденции в Комментариях Прокла к платоновскому «Тимею» // Эстетика и жизнь. М., 1977. № 5. С. 270—295.

ная», изысканная манера, характерная вообще для его эпохи, неразрывна с «искренним» и «личным» чувством философа²⁷.

Правда, знаменитый У. Виламовиц скептически относился к поэтическому дару Прокла, полагая, что «особенно широкой поэзии или хотя бы риторического искусства нельзя ожидать от болтливой (*geschwätzig*) философа, равно как нельзя ожидать от его стихов развития его философских учений»²⁸. Вот почему, считает Виламовиц, гимны Прокла обращали на себя мало внимания.

Отказывая Проклу в поэтическом даре, Виламовиц, однако, особенно подчеркивает в гимнографии философа ее личностное начало и «выражение подлинного настроения»²⁹.

Правда, современная исследовательница гимнов Прокла А.-М. Нани полагает, что, несмотря на скромное место, которое занимают эти гимны, они не только не лишены поэзии, но в этой последней гармонично слиты лирическое чувство и философская мысль³⁰.

В плане личностного начала Виламовиц особенно ценит гимн VII Прокла, обращенный к Афине, где она предстает как носительница отечественной веры во всем великолепии ее собственного облика и храма, где она обитает. Виламовиц отмечает в гимне к Афине близость к стилю орфических гимнов, особенно в плане эпитезы, а также и мотивы гомеровского гимнического биографизма.

Личное обращение ученого и его учеников находит Виламовиц не только в гимне к Афине. Гимн VI, к Гекате и Янусу, тоже, видимо, связан с важным моментом открытия школы. «Очень личностен» гимн V, в котором Прокл обращается к Афродите Ликийской, богине своих родных мест. Даже в гимне I к Гелиосу, как считает Виламовиц, вырисовывается личность Прокла, ученого и главы школы, ощущавшей угрозу разрушения отеческой веры. В личностном начале гимна III к Музам Виламовиц даже и не сомневается, он видит здесь явный страх перед «родом нечестивых людей», то есть христиан, которые готовы отвлечь поэта-философа от священной тропы древнего благочестия.

Мы считаем, что только одна констатация искренности чувств и личностного начала в гимнах Прокла снимает прозвучавшее в критике Виламовица недоверие к поэтическим опытам философа.

Принимая во внимание настойчиво выдвигаемый, но достаточно не разработанный исследователями тезис о личностном характере гимнографии Прокла, нельзя не остановиться в первую очередь на выразительных свидетельствах биографического плана, хотя и определенным образом заостренных и явно идеализированных, как это положено для любого жизнеописания, а особенно для похвального слова, каким является сочинение Марина, ученика и биографа Прокла.

²⁷ Proclus et la religion traditionnelle//Festugiere A. Etudes de philosophie grecque. Paris, 1971. P. 579, 581.

²⁸ Wilamowitz-Moellendorff U. v. Die Hymnen des Proclus und Synesios//Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, 1907. S. 272=Kleine Schriften. Berlin, 1971. Bd. II. S. 163.

²⁹ Ibid. S. 276=168.

³⁰ Nani A.-M. Gli inni di Proclo//Aevum. 1952. T. 5. P. 398.

Прокл, по свидетельству своего биографа и ученика, тоже неоплатоника, Марина (*Vita Procl.* 6), с юности находился под влиянием Аполлона Мусаета, совмещая в себе любовь к философии и поэзии, причем о приверженности к последней говорят приписываемые ему эпиграммы (одна — эпитафия для собственного надгробия³¹, другая, посвященная Дионису (*Orphica*, p. 276 Abel; *Procli Hymni* / Ed. E. Vogt. P. 34), была издана Ф. д'Орвиллем в 1783 г. и впервые включена в греческую антологию Ф. Якобсом³²).

В жизнеописании Марина, особенно выделяются черты, указывающие на «внешнее совершенство» Прокла, на его телесную красоту («душа его цвела в теле, как некий жизненный цвет, испуская дивное сияние, с трудом изобразимое словами»). Прокл, по словам Марина, «был так красив, что образ его не давался никакому живописцу», причем ему была присуща и «справедливость телесная», то есть отменное здоровье (*Vita Procl.* 3). Марин создает идеальный портрет философа, образцового в единстве своей внутренней и внешней красоты, в своей калокагатии, который сроднился с высшей истиной, справедливостью, мужеством, умеренностью, добротой и обладал необычной восприимчивостью, редкой силой памяти, чуждался неязщного и грубого. Отсюда особое почтение Прокла к богине Афине, явившейся ему во сне и призвавшей его заняться философией, а также к Аполлону Мусаету, способствовавшему Проклу быть «первым во всех науках» (6), чему помогло также явление Телесфора-Свершителя или самого Зевса в облике светоносного юноши (7). Являлись философу и светоносные призраки Гекаты, способствуя его мантическому дару. Его возлюбили Асклепий, Пан и Великая мать богов. В молодые годы, еще до занятий философией, Прокл усердно занимался у грамматика Ориона и особенно увлекался риторикой (8), без чего тогда немислимо было быть поэтом. Восприимчивость Прокла, «ясность умозрения», «бессонные труды и заботы» в изучении Платона привели к тому, что уже к 28 годам он написал «блестящие и полные учености» комментарии к платоновскому «Тимею» (13). Афина и Аполлон, философия и поэзия, неизменно сопровождают Прокла. Неудивительно, что он обращается к богам с песнопениями, славословит эллинских и чужеземных богов (17, 19), умеряет боли и недуги гимнами богам, которые пели его ученики, причем сам он, будучи тяжело больным, подсказывал поющим слова гимнов и Орфеевых стихов (20), толковал оракулы, в сорок лет дважды произнес провидческие стихи о своей собственной судьбе (28) и даже сочинил себе эпитафию (36).

В гимнах мысль философа движется от наиобщего представления о космосе и космической жизни в Гелиосе-Аполлоне (гимн I) к вполне единичным, конкретным ее проявлениям в других богах. Эйдос, или форма, избранная Проклом, не просто дань гимнической традиции. Тяготы бытия, страсти «оматерьяленного» мира являются реальным поводом к созданию гимнов, с вполне жизненной картиной взаимоот-

³¹ Marin. *Vita Procli* 36 = *Anthologia graeca* VII 341 Beckby.

³² *Anthologia graeca* // Ed. Fr. Jacobs. Lipsiae, 1814. Bd II. S. 69 (Appendix epigrammatum apud scriptores veteres et in marmoribus servatorum).

ношений философа и его высоких покровителей. Действующие лица гимнов — сам Прокл и боги, которые вполне отвечают и потребностям мифотворчества эпохи, и личным чувствам Прокла.

Изучая гимнографию Прокла, мы не можем не учитывать характерной для его теории триадичности, когда каждая категория мирового бытия рассматривается философом как определенный элемент триады, пронизывающей сверху донизу всю иерархичность этого бытия. Триада состоит из следующих элементов. Первый элемент — пребывание в себе (*tonè*), неделимое единство, общее начало. Второй элемент — выступление из себя, эманация (*proodos*), переход во множественное, материальное начало. Третий элемент — возвращение в себя (*epistrophè*), в единство из множественности, то есть состояние единораздельного эйдоса. Эта триадичность свойственна Единому, Уму и Мировой Душе, ею пронизан весь мифологический мир философских сочинений и гимнов Прокла.

В гимнах мифологическая триада Прокла, основанная на умной светоносной демиургии (Гелиос-Аполлон), умном светоносном знании (Афина), умной светоносной красоте (Афродита), становится триадой повторяющихся гимнических восхвалений.

Философская гимнография поддерживалась и практикой философских школ, когда совместные трапезы и празднества нуждались в своей, объединяющей учителя и учеников, высокой поэзии, что можно было заметить на примере известного гимна к Зевсу стойка Клеанфа. Гимнические опыты Прокла — это размышления человека, углубленного в науку, нашедшего в ней единственный смысл жизни и просящего о помощи богов, покровительствующих философским умозрениям.

Гимны Прокла, дошедшие полностью, посвящены Гелиосу (I), Афродите (II), Музам (III), всем богам (IV), ликийской Афродите (V), Гекате и Янусу (VI), многомудрой Афине (VII). От гимна к Дионису (VIII) дошел фрагмент в виде одной строки.

Выбор божественных адресатов в гимнах указывает на стремление возвести отдельные части бытия к мировому целому. Этот очевидный универсализм конца античности особенно заметен в том, что в гимнах отсутствует Зевс и все его функции переданы Гелиосу, объединяющему в себе демиургическую мощь Зевса, Аполлона и солнца. Гимны I, III, IV, VI, VII представляют определенное единство, не нарушаемое появлением Гекаты и Януса, так как Гекате были присущи издревле и благодетельные функции (охота, пастушество, общественная деятельность человека; Гесиод, Теогония 421—452), а Янус — двуликое и даже четырехликое божество, следящее за внутренней и внешней упорядоченностью государства, держатель ключей 365 дней, типичное божество Римской империи, гражданином которой был Прокл. Гимны к Афродите (II и V) воспевают небесную и земную любовь, ведущую к свету и очищению.

Сама тема просветления, восхождения к светоносному источнику очищения теснейшим образом переплетается с развитием мысли философа, стремящегося к чистому знанию. Поэтому в гимнах воспевается и восхваляется светоносная демиургия, мысль и красота. В этом отношении замечателен гимн I к Солнцу (Гелиосу).

Если представить себе общее целое и отдельные частности этого гимна, то эстетический образ законченного в себе бытия, пребывающего в вечном вращении, станет вполне очевидным.

Гелиос, великий демиургический титан, податель света и обладатель умного огня, является центром космоса. Прокл недаром считает пребывание Гелиоса в главной точке сферы «срединным». Седалище, или трон, Гелиоса находится над эфиром, а само демиургическое солнце владеет «светоносным кругом» в виде сердцевины, или сердца космоса (6), что по сравнению с классической традицией (где в центре космоса Гестия) является новшеством.

Итак, солнечный круг занимает срединное место в сферическом космосе, являясь его сердцевинной. Однако само солнце находится в непрестанном движении, так как бег солнечной колесницы вечно возвращается на свои круги.

Идея вращающегося в себе «умного огня» (1, ср. аристотелевский перводвигатель) влечет за собой круговые движения планет вокруг Солнца, причем эти планеты, как выразительно говорит Прокл, ведут хороводы (9), и эти хороводы, то есть шествие по кругу, тоже не имеют завершения, они «неутомимые», как и бег солнечной колесницы. Но сами планеты, в свою очередь, «копоясаны» вечноцветущими огнями солнца, то есть они вечно горят уделяемым им жаром Гелиоса. Солнечный бог мыслится также в огненном венце, «огневенчанным».

Кроме хороводов планет в космосе водят также хороводы и Мойры, богини судьбы, хотя перед солнечной мощью даже они «изменяют нить неизбежной судьбы».

Если средоточием универсума является Солнце, то вся сферическая картина «широкого» космоса дополняется еще представлением о некоей противопоставленной друг другу целостности высоты и глубины этого мира. В надэфирных высях находятся светлые чертоги Солнца, откуда с высоты изливается «ток гармонии» на «телесные миры».

Если исходить из того, что «телесный» есть не что иное, как «материальный» (*hylē* «материя, вещество»), то вполне очевидно, что такой мир должен находиться столь же далеко в глубине от средоточия космоса, сколь высоко находятся огненные эфирные выси. Именно это противопоставление имеет в виду Прокл, когда «телесный» оказывается у него в оппозиции к «огненному» и «эфирному» как тончайшей нематериальной субстанции.

В гимне I космическому солнечному уму, пребывающему в надэфирных высях, соответствует «пучина» (29) человеческой плотской жизни, «чистому свету» противоположен «мрак ядовитый» (40). Так, если огненный солнечный круг светит над миром (ср. Эсхил. Прометей прикованный 91: «всевидящий круг солнца»; Гом. гимны XXXI 9: «Гелиос, страшно вззирающий очами»), то так же взирает на мир и «быстрое око» Дики, «что взором своим проникает повсюду» (37).

Человеку, погруженному в житейскую пучину, угрожают хоровод Мойр и принадлежащие Мойрам веретена, нити которых вращаются в зависимости от круговых движений звезд.

Итак, в гимне I Прокла дается внушительная картина всеобщего кругового движения универсума. В этом движении всегда есть воз-

врат к себе, что свидетельствует о вечности и нестарении космоса, а также создается мировое равновесие, поддерживаемое срединным положением в сердце космоса Солнца, изливающего из источника жизни ток гармонии на все миры, в том числе и на дольний мир. Отсюда — и надежда на спасение человека, которому угрожают хоровод Мойр, вращение их веретен, и быстрый глаз Дики.

В гимнах исконное противопоставление света и мрака особенно развито и подчеркнуто. Земная, материальная жизнь есть не что иное, как «обитатели мрака» (IV 3). Здесь — «туман» (IV 6), «ужасные» страдания (VII 46), иссиня-черная тьма, охватывающая род людей (VI 10), зло болезней и грехов (VI 5, VII 37), безобразие (V 14), леденящий холод волн человеческого рода (IV 10—11; I 20), возмездие за грехи (IV 12; VII 41). Тьма и мрак соседствуют здесь с представлением о «пучине» (I 29) и «бездне» жизни (III 3), о глубинах смерти и потоке забвения (IV 8).

Но над мрачным ущельем человеческого бытия боги, будучи вождями пресветлой мудрости (13), зажигают возводящий ввысь огонь (2). В надэфирных высях мчится Солнце, титан в колеснице с золотыми поводьями, Афина посылает чистый молниенный свет (VII 31), Гефест — огненный супруг Афродиты (V 5—6).

Этот божественный свет чист и священен. Он не имеет ничего общего с мрачным огнем, которым пылает земная материя, так же как бездна человеческой греховной жизни не имеет ничего общего с представлением об источнике бытия, который находится во власти богов (I 2—3; II 2; VII 2), с представлениями о токе гармонии, который изливает на мир Гелиос (I 3—4), или с представлением о том, как Пэан наполняет гармонией космос (23) и живородящие брызги посылаются на землю хороводами планет (9).

Отметим еще один интересный художественно-философский образ в гимнах Прокла — образ души, странствующей по миру.

Души и род человеческий изображаются Проклом «блуждающими» по земле (III 3; IV 10—11; VII 32). Они «ниспали» на берег рождений (III 9), «упавши» в волны холодного человеческого рода (IV 10—11). Они «устали» на путях странствий (V 11—12), попали в мрачное ущелье жизни (IV), отягчены злыми болезнями (VI 5). Душа здесь то плывет по жизни с помощью Афины, посылающей тихие ветры (VII 47), то мечтает о счастливой пристани (VI 11—12; VII 32), ибо кормчими мудрости являются боги (IV 1), которые, и это очень характерно для Прокла, именно с помощью света книжного знания рассеивают туман заблуждений (5—6). Здесь же — душа в виде путника, стремящегося по тропе, несущей его ввысь (14), взыскующего сияющего «пути» жизни (4), который указуют боги (VI 8). Боги «влекут» души людей, пробуждая и очищая их таинствами (7), а «стрекалами» страстей заставляя человека жаждать «озаренных» огнем небесных чертогов (II 5—6). Богиня Афина открывает перед человеком «врата» (pυλεῶνας, VII 7), через которые пролегает божественная тропа мудрости. Итак, душа, как усталый путник, по крутой тропе поднимается к воротам знания и, как блуждающий мореплаватель, достигает, наконец, счастливой пристани вечной жизни.

Этот образ многострадального путника восходит к одному из своих архетипов, а именно к гомеровскому Одиссею, не раз интерпретированному философской традицией, идущей от софистов и киников через стоицизм к неоплатонизму.

Знаменитое толкование Гомера Порфирием в трактате «О пещере нимф» завершается образом Одиссея-странника, который «освобождается от чувственной жизни — то борясь со страстями, то завораживая и обманывая их и всячески изменяясь подобно с ними, чтобы, сбросив рубища, низвергнуть страсти, не избавляясь попросту от страданий» (О пещере нимф 35)³³.

В гимнах (и это следует особенно подчеркнуть) на символической картине горестной судьбы человеческого рода и отдельного человека покоится отблеск какой-то личной заинтересованности философа-поэта, интимности, неясной тоски — тех чувств, что являють читателю особый жизненный философский и теургический опыт самого Прокла. Здесь, внутри этой космической целостности, с ее оправданной гармонией света и мрака надэфирных высей и бездн земного бытия, вполне ощущимо личностное начало.

Это личностное начало еще в архаические времена было характерно для непосредственной ритуальной коммуникации молящегося и его божественного покровителя, что засвидетельствовано в многочисленных молитвах гомеровских героев «Илиады» и «Одиссеи»³⁴. Однако впоследствии зов молящегося разрастается в похвалу призываемого божества, от которого исходит удовлетворение просьбы в наибольшей ее полноте. И личностное начало меркнет, уступая место развернутой в эпическом духе «биографии» божества, характерной уже не для молитвы, а для гимна как художественно оформленного жанра³⁵. Личная просьба молящего о даровании помощи отодвигается в гимне на второй план. Отсюда началом гимна и становится зачастую invocatio с приветственными возгласами, так называемыми хайретизмами, взыванием, анаклезам к многоименному высшему существу; в середине — жизнеописание божества с восхвалением его подвигов и чудес, им творимых, и, наконец, замыкает гимн личная просьба молящего, обрамленная хайретизмами.

В гомеровских гимнах, напомним, хвалебная повествовательная часть разрастается так обширно, что формальной просьбе уделяется несколько строк, а то и вовсе не остается места. Заключительные просьбы в гимнах Каллимаха — дань старой традиционной форме и не имеют существенного значения, а нарративная часть является самоцелью и призвана во всей полноте выразить «характер» божественного адресата. О просьбах в орфических гимнах и их традиционной общечеловеческой морали мы уже говорили выше.

Гимны философа-поэта Прокла обращают на себя внимание имен-

³³ Порфирий. О пещере нимф. Пер. А. А. Тахо-Годи//Вопросы классической мифологии. М., 1976. VI. С. 28—45.

³⁴ Рубцова Н. А. О предметности именования в молитвах «Илиады» Гомера//Актуальные проблемы классической мифологии. М., 1982. Вып. 1.

³⁵ Рубцова Н. А. Форма обращения как конституирующий принцип гимнического жанра//Поэтика древнегреческой литературы. М., 1982.

но специфическим личностным началом, благодаря которому меняются и сама художественная структура его гимнов и их стилистическая окраска.

Гимны Прокла написаны в духе сокровенных размышлений, и хотя и принадлежат к установившейся жанровой форме, они заметно ее модифицируют, отказываясь и от широты эпической нарративности гомеровских гимнов и от замкнутости мистериальных славословий орфических гимнов. Перед нами непосредственно-жизненная коммуникация поэта и адресата гимнов, напоминающая лирический диалог, не укладывающийся в рамки общепринятой гимнической традиции. Можно сказать, что философские гимны Прокла не являются только прославлением божества, но самую существенную их черту составляет личная просьба поэта.

В гимне I поэт просит Аполлона-Гелиоса очистить от всякого греха или заблуждения, избавить от скверны, позора, погибели, ниспослать душе чистый свет, рассеять мрак, одарить здоровьем, славой, благочестием и счастьем, спасти от карающих богинь. Здесь все просьбы поэта соответствуют катартическим, очистительным функциям Аполлона-Солнца и не являются случайными. Аполлон-Гелиос очищает от любой скверны, даруя тем самым духовное и физическое здоровье, что и составляет счастье поэта как служителя муз.

В гимне VII Афина оказывается дарователем чистого света, мудрости, любви и силы, крепкого здоровья. Среди таких обычных житейских даров, как спокойствие, дети, брак, слава, счастье, радость, есть характерные для Афины и необходимые для поэта: сила противостояния врагам, убедительность речи, гибкий ум и, что особенно важно, первенство в собрании или совете народа.

Таким образом, в гимнах I и VII очистительные и укрепляющие мудрость функции Гелиоса и Афины налицо и обращение Прокла к обоим великим богам вполне целенаправленно и осмысленно.

В гимне II «К Афродите» поэт просит направить его на правильный путь жизни, избавить от недозволенных желаний. В гимне V «К Афродите Ликийской» Прокл вспоминает о том, что и сам он по крови ликиец, то есть родня богини. А это дает ему возможность просить Афродиту вознести его душу от стыда к великой красоте, избегая губительного жала страсти.

Итак, скромные просьбы поэта в обоих гимнах связаны с обретением красоты и уходом от губительных страстей, что вполне соответствует дарам небесной Афродиты, которой, как это видно из текста гимна, на родине поэта была воздвигнута статуя и которая заботилась о крепком потомстве ликийских граждан.

В гимне III «К музам» и в гимне VI «К Гекате и Янусу» поэт жаждет достичь «света» и молит спасти его от рода людей «безбожных» (III 12). Вероятно, Прокл имеет в виду непросвещенных, а значит, охваченных темными страстями людей. Но не исключена возможность и того, что под этим темным и не боящимся богов родом людей следует понимать христиан, враждебных языческому философу.

Не является исключением и гимн IV — «Общий гимн к богам», где вообще отсутствует традиционная композиция и где вступительная

инвокация сразу же смыкается с молитвенной просьбой поэта в духе личного обращения. Здесь также поиски света и таинств, даруемых богами, покровителями светлой мудрости, но здесь же и страх перед блужданием в волнах «холодного рода» и перед «житейскими узами».

Через все гимны Прокла, как видим, проходит страстная мольба, свидетельствующая о его высоких духовных запросах. Поэт приемлет, правда, умеренность и законные радости брака, с детьми, счастьем, славой и благополучием, но если говорить в житейском плане, то для него явно предпочтительнее общественная функция подателя благих советов в собрании народа.

Просьбы эти в основном духовного плана, в то время как и в гомеровских, и в орфических гимнах, и у Каллимаха просьбы, ограничиваясь несколькими заключительными стихами, представляют собой почти одинаковый набор житейских общедоступных благ.

В этом смысле характерны следующие композиционные соотношения размеров каждого гимна и личных молений Прокла.

Гимн I «К Солнцу» соответствует VII «К Афине». Просьба поэта занимает в I — 18 стихов из 50, в VII — 21 стих из 52.

Гимн II «К Афродите» соотносится с V «К Афродите Ликийской». В гимне II (21 стих) мольба занимает 8 стихов, соответственно в V из 15 стихов — 4.

Гимн III «К музам» соотносится с VI «К Гекате и Янусу». В каждом просьба занимает соответственно 8 стихов из 17 и 9 из 15, причем в последнем 3 начальных и замыкающих стиха — хайретизмы, так что мольба заключена в середине гимна.

Гимн IV «Общий гимн к богам» — сердцевина гимнического ряда, и здесь все 15 стихов представляют собой просьбу поэта.

В центре рассматриваемых гимнов оказывается не столько божеество, сколько человек, умоляющий своих высоких покровителей о достижении тихой пристани жизни, света знания, об очищении от страстей и житейской суеты, об укреплении веры в древние мифы и мудрость книг, о даровании силы для борьбы с врагами и для участия в делах народа.

Прокл в своих гимнах рисует художественную структуру универсума как вечного, нестареющего, равновесного, воплотившего в себе красоту, сопричастную уму, осуществляющего в себе надежду человека на приобщение к источнику жизни. В поэзии Прокла ощущается незнакомое классике стремление конца античности к охвату целостности всей космической жизни, сердцем которой является Солнце, и вместе с тем к необычайно личностному ее пониманию, к познанию самого себя через вдохновенное созерцание мирового бытия, где отдельного слабого человека надежно охраняют, ведут по жизни и приводят к свету мудрые боги. Отсюда то единство интеллектуальности и интимности, углубленного логического продумывания и безотчетного вдохновения, которое характерно для философской поэзии Прокла и для художественной специфики его гимнов. Заметим, что гимны Прокла вообще, а особенно гимн Афине, представляют собой любопытный синкретизм позднего язычества и христианства. В нем, по словам А. Ф. Лосева,

«на первом плане мотивы несчастной земной доли человека, смиренного покаяния, просьб о спасении, мотивы надежды на будущий век и благодатную помощь богини, велемудрой и со светлым ликом»³⁶.

Анализ космологии в гимнах Прокла, употребление развитой символики (свет, огонь, влага, путь, странничество и т. д.), системы образов, демонстрирующей разную степень предметной выразительности, подтверждают стремление Прокла к органическому введению художественных элементов в философское размышление без заостренного противопоставления двух сторон творчества — научной и поэтической³⁷.

Итак, гимническая поэзия, представленная рассмотренными здесь собраниями, прошла долгий путь развития, в течение которого модифицировалась содержательная, художественная и структурная сторона гимнов. Этот путь начинается от древнейших ритуальных истоков, от непосредственной связи молящего с его божественным покровителем. Гомеровские гимны, жанрово оформленные, устранив личную направленность ритуального обращения, представляли в духе позднего эпического стиля похвалу деяниям великих олимпийских богов.

Каллимах уснил и развил драматическое начало гимнов, диалог поэта с теми, кто слушает увлекательные и поучительные истории из жизни богов.

С Клеанфа через орфиков к Проклу идет, набирая силу, философская линия гимнографии, отразившая взаимодействие мощных универсалистских идей эллинистического римского мира и представлений о судьбе отдельного человека. В конце античности гимническая поэзия, исчерпав свои возможности, переходит от жанра похвалы с его объективным эпическим описанием мифологии божества к выражению субъективного личного чувства, что находит самое очевидное подтверждение в структуре поздних философских гимнов.

В поздней античности находят место и гимны, в которых эмоциональная настроенность и субъективность интимных чувств, доходя до экстаза, выражаются не в эпическом гексаметре, а в формах классической лирики. Эти чрезвычайно интересные гимны имеют явно переходный характер, объединяя в себе понятия языческого синкретизма и неоплатонической философии с раннехристианскими идеями. Предназначенные не только для чтения, но и для сакральной практики, они свидетельствуют о неумирающем опыте традиционной античной поэзии. Такова именно гимнография Синезия³⁸.

Синезий родился в Кирене приблизительно в 370—375 гг. Будучи греком знатного происхождения, он гордился своими предками и возводил свой род к Гераклу. Учился он в Александрии, где его главным учителем оказалась дочь математика Теона — знаменитая Гипатия, возглавлявшая в то время философскую школу александрийского неоплатонизма. Годы пребывания Синезия в Александрии (393—395) были годами расцвета деятельности Гипатии, которая впоследствии тра-

³⁶ Лосев А. Ф. Олимпийская мифология в ее социально-историческом развитии // Учен. зап. МГПИ им. Ленина. 1953. Т. 72. С. 96—97.

³⁷ Ср. анализ философских гимнов в кн.: Meunier M. Aristote, Cléanthe, Proclus. *Hymnes philosophiques*. Paris, 1935.

³⁸ Раздел о Синезии написан А. Ф. Лосевым.

гически погибла, растерзанная толпой фанатически настроенных христиан. В настоящее время существует, правда, весьма серьезное сомнение в ее собственном языческом фанатизме (в чем ее подозревали). Как считает современная наука, Гипатия была, наоборот, таким философом, который достаточно спокойно относился и к собственной, и ко всем другим религиям³⁹. Недаром она не участвовала в реставрации древнего язычества, предпринятой императором Юлианом, а, с другой стороны, среди ее учеников были и христиане, причем даже из духовных лиц. Гипатия, несомненно, признавала примат разума над религиозными верованиями. Синезий прямо говорил о том, что Гипатия — «гениальный философский учитель» (Epist. 137, 1525 A).

Синезий был, по-видимому, весьма энергичным общественным деятелем, в силу чего он еще совсем молодым человеком участвовал в посольстве в Константинополь, обратившись с просьбой к императору Аркадию о снижении налогов для киренцев и о защите Кирены от кочевых племен. Он и сам не раз возглавлял защиту своей родины от варваров. Ездил Синезий и в Афины, но покинул их разочарованным, не найдя там таких учителей, у которых мог бы поучиться.

Особое значение в жизни Синезия имело одно событие: жителями и церковным клиром Птолемаиды (город в Киренаике) он был избран (вероятно, в 409 г.) епископом. Не исключена возможность, что Синезий принял крещение одновременно с епископством или вскоре после избрания. (Поначалу его епископство ограничивалось только административными и общественными функциями.) Умер Синезий в 413 г., пробыв епископом не более четырех лет. Его ранняя кончина объясняется семейными несчастьями, преждевременной смертью членов его семьи и собственной тяжелой, неизлечимой болезнью.

Источники говорят о высоком моральном облике Синезия, о его склонности к уединению и постоянных занятиях философией и другими науками. Эти биографические подробности позволяют лучше понять переходный характер мировоззрения Синезия. Он был настоящим языческим неоплатоником. И поэтому христианский неоплатонизм отнюдь не дался ему сразу и содержал в себе множество отдельных элементов, характерных для языческой философской мысли. Двойственность мировоззрения Синезия должна быть отмечена особо. Ведь как мирозерцательные категории язычество и христианство, конечно, глубочайшим образом отличались одно от другого, поскольку одно исходило из обожествления природы, а другое — из обожествления абсолютной личности.

Однако история не есть только логическая последовательность культурологических категорий. Для исторического процесса необходимы и закономерны постоянная взаимосвязь одного периода с другим, непрерывный переход одной категории в другую. Синезий является замечательным примером именно такого культурно-исторического становления. Не забывая общественных дел, Синезий всегда был углублен в изучение философии, в своем уединении страстно предавался изучению

³⁹ Об этом см., например: Bregman J. Synesius of Cyrene, philosopher-bishop. Leiden, 1982. P. 20—40.

неоплатонических философов и, наряду со своей весьма удачной жизненной практикой, был подлинным созерцателем и неоплатоническим теоретиком. Расстаться с языческим прошлым было вовсе не так легко. Но судьба постоянно ставила его перед необходимостью новых духовно-нравственных и религиозных исканий. Синезий много страдал, тосковал, мучился, доходил до отчаяния; постоянные общественные заботы и хлопоты и неудавшаяся личная жизнь способствовали этим острым и болезненным духовным состояниям.

Синезий жил задолго до Прокла, он не мог еще знать всей виртуозной диалектики поздних неоплатоников. Да кроме того, углубленная философская диалектика вообще была ему чужда. Он был страстным любителем греческой классики, ритором, сторонником того, что в науке называется второй софистикой, или греческим Возрождением II—III вв. н.э. Так как ни созерцательный образ мышления, ни литературные вкусы Синезия не располагали его к утонченной диалектике, основное неоплатоническое учение о трех ипостасях он принимал не то чтобы на веру, но без всяких категориально-диалектических уточнений. Можно судить и о безусловном понимании им сверхсущего неоплатонического первоединства, и учения об уме и о мировой душе⁴⁰.

При чтении самого Синезия и о нем основное впечатление, которое складывается, — это ощущение противоречивости природы человека. Так, например, сочетание созерцательности и практической деятельности доставляло Синезию большие страдания. Он прямо писал: «Созерцание и деятельность никогда не согласуются вместе» (письмо 57). Уже будучи епископом, он (совсем не по-епископски!) лично участвовал в схватках с врагами. В одной из своих речей он пишет в тоске и печали, как хотел бы он сесть на корабль и уехать из своей родной Кирены и как его удерживают от этого епископские обязанности.

Синезий мучительно глубоко осознавал свои прежние языческие грехи перед христианством, хотя принял его с восторгом. Колебания и разочарования заставляли его иной раз сомневаться даже в действительности молитвы, в чем он, став христианским епископом, открыто каялся александрийскому патриарху Теофилу. Более того, он даже формулирует свои расхождения с ортодоксальным христианством и сообщает о них тому же Теофилу, который, несмотря на подобные признания, все-таки сделал Синезия епископом.

Синезий пишет ему: «Я никогда не поверю тому, чтобы душа происходила после тела; я никогда не скажу, чтобы мир и его различные части погибли с ним. Это воскресение, о котором столько говорят, я считаю просто священной и таинственной аллегорией и далек от того, чтобы согласиться с мнением черни».

Для характеристики свободы и широты философских воззрений Синезия лучше всего, может быть, привести его учение о троичности. Необходимо сказать, что в первоначальной, доникейской, теологии со-

⁴⁰ См.: Остроумов А. Синезий, епископ Птолемаидский. М., 1879. Несмотря на столетнюю давность, эта книга не утратила своего значения. В ней объективно анализируются религиозные и философские противоречия Синезия.

хранялась та онтологическая иерархия, которая характерна для всех языческих философов, включая стоиков и неоплатоников. Признавалось то или иное высшее начало, а все прочее трактовалось как истечение, или эманация, этого первоначала. Христианство, признававшее за первоначало абсолютную личность, никак не могло остановиться на такой языческой субординационной позиции, которая была не чем иным, как только последовательным пантеизмом, исключавшим всякий персоналистический монотеизм.

Синезий как христианин, конечно, отрицал такое эманационное представление о мире и потому отрицал всякую субординацию также и в божественной троице. Однако он все-таки был воспитан на языческом неоплатонизме и до конца оставался неоплатоником, признавшим теорию трех основных ипостасей в их взаимной субординации: выше всего первоединство, ум — гораздо более низкое бытие, и космическая душа — еще более низкая ступень. Последовательно проведенный субординационизм создал в христианстве теорию Ария, которая и была отвергнута на I Никейском соборе 325 г. Как же должен был поступить Синезий?

Итак, философия Синезия подвижна. Он не мог поступиться христианством и не оставлял языческого неоплатонизма. Более того, подробное исследование подтверждает постоянное и настойчивое стремление Синезия примирить то и другое. И мы закономерно причисляем Синезия к александрийскому неоплатонизму — к переходной в высшей степени философской эпохе. Сомнения Синезия, неуверенность его в своей пригодности для высокого христианского поста — все это отражает суть мировоззренческих колебаний, характерных для того времени, для александрийского неоплатонизма. Для этого последнего чувственно-материальный космос, конечно, оставался высочайшей красотой, и ни в одной из частей его трехипостасной структуры не было никаких сомнений. Но, с другой стороны, философская эстетика чувственно-материального космоса была отравлена представлениями об абсолютной личности, которые повелительно требовали признавать чувственно-материальную красоту космоса уже только как творение надкосмической личности.

Чувственная красота космоса всегда сохраняла для Синезия свою великую ценность и непреходящий смысл, поскольку он оставался античным человеком, в чем можно убедиться, познакомившись с его гимническим творчеством. Среди сочинений Синезия, от которого дошли речи, письма и гимны, последние занимают особое место.

Гимны Синезия, несмотря на свою христианскую основу, еще тесно связаны с традицией греко-римского политейзма и отличаются именно переходным характером. Автор хорошо знает Гомера и Платона, но особенно близки ему его предшественники, писатели так называемой второй софистики, или греческого Возрождения: Плутарх, Дион Хризостом, кинизирующий стоик ритор Элий Аристид, Филостраты, софист и теург Аполлоний Тианский. Синезий знаком с поэзией Эхила и Еврипида, Пиндара и Феогнида, Анакреонта, Феокрита, Месамеда (автор начала II в., от которого дошло несколько гимнов) и с теогониями разных типов (Гесиод, орфики, гностики), на что указывает его поэтиче-

ская лексика, где встречаются характерные для сочинителей теогоний слова *вечность, бездна, корень, молчание, мужское, женское* и т. д. Судя по всему, Синезий читал Гомера и Платона в достаточно полном виде, а с другими древними поэтами знакомился по сборникам, антологиям и флорилегиям, распространенным в конце античности и содержащим выбранные и освященные многовековой традицией места из античных авторов, а часто и переложения с комментариями, служащими для ученых целей.

Не чуждался Синезий сочинений египетских и сирийских, халдейских и герметических трактатов, пророчеств сивиллиных книг. Что касается философских интересов Синезия, то бесспорен их платонический и неоплатонический характер и очевидна начитанность его, ученика знаменитой Гипатии, в текстах Плотина, Порфирия и Ямвлиха.

Собрание гимнов Синезия состоит из десяти гимнов, причем десятый вызывал сомнения еще у Виладовица⁴¹. В исследовании Н. Терцаги (издавшего гимны в 1939 г.) подложность гимна была доказана, а сам он обрел своего настоящего автора, некоего Георгия Алитра, византийца IX—X вв., подражавшего Синезию. Однако сила традиции такова, что и поныне в собрание гимнов Синезия включается этот не принадлежащий ему гимн.

Следует сказать, что также традиционно несколько сот лет держалась нумерация гимнов, установленная известным гуманистом XVII в. Э. Портусом (он издавал также Прокла) в его издании 1568 г. Изменена она была в 1939 г. Н. Терцаги на основе старой византийской традиции. В нашем же собрании нумерация Портуса сохраняется в скобках: I(III), II(IV), III(V), IV(VI), V(II), VI(VII), VII(VIII), VIII(IX), IX(I), [X]⁴².

Гимны Синезия имеют, несомненно, философско-религиозную окраску (ср. например, гимн стоика Клеанфа), причем они написаны были не только для чтения, но и для сакральной практики. Время их создания точно не установлено. Скорее всего они складывались в три приема — около 395 г., в конце 402 г. (перед вступлением в брак) и во время епископства Синезия (410—412 гг.).

При жизни автора гимны не были изданы, но посмертное издание сделало их чрезвычайно известными и даже популярными. По своей форме гимны Синезия — это настоящие мелические произведения (отнюдь не традиционный эпический гексаметр!), близкие по своей строфике и метрике к народной песне и некоторым классическим формам античного мелоса (анакреонтический стих, анапестические метры).

Композиция гимнов достаточно единообразна. Вначале следует вступительная инвокация (обращение), затем главная часть: похвала

⁴¹ Wilamowitz-Moellendorf U. von. Die Hymnen des Proklos und Synesios// Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1907. S. 272—295=Kleine Schriften. Berlin, 1971. Bd. II. S. 168—184.

⁴² Нумерация гимнов дается нами по новейшему изданию К. Лакомбрада (Synésios de Cyrène/Texte établi et traduit par C. Lacombrade. Paris, 1978. T. I), который следует здесь за изданием Н. Терцаги (Synesii Cyrenensis Hymni et opuscula/Rec. N. Terzaghi. Romae, 1939—1944. T. I—II).

и прославление божества; далее замыкающая мольба о помощи. Иной раз (гимн III) гимн завершается хайретизмами. Для гимнического стиля Синезия характерен не только философско-возвышенный тон, но и определенного рода интимность, личностное начало, исполненное преклонения и восторга перед высшим существом, позволяющее автору то обращаться на древний языческий манер к своей форминге (IX 1) и к звучащим струнам (IX 47), то в духе христианского смирения беседовать со своей душой, призывая ее оставить земные помыслы и обратиться к Отцу всего (IX 127—133). Некоторые гимны (I—III) воспевают любовь к высшему источнику истины; гимны IV, V, VII, IX особенно личностны. В гимнах VI и VIII ощущается связь с торжественной сакральной службой и звучит призыв принять в ней участие. Гимн VIII (IX) дает нам представление об античном чувстве природы в его целостности.

Гимн IX (I), по-видимому, стоит ближе всего к языческому неоплатонизму. Здесь, правда, различимы две монады: одна превышает всего и недоступна никакому разделению, другая делится на три момента. Но характеристика этих трех моментов имеет мало общего с христианским учением о триничности. Здесь даже отсутствуют такие понятия, как, например, «ум» или «слово». А третье начало и вовсе характеризуется (в оригинале) как «душа космоса». Последнее особенно бросается в глаза в силу своего чисто языческого характера.

В гимне V (II) пантеистическая триада неоплатонизма дается уже при помощи христианской терминологии. Первое начало уже именуется Отцом, второе — Сыном и третье — Духом святым. Появляется и неоплатонический термин «ум» для характеристики второго начала.

Немало христианских элементов в гимне I (III). Но мы бы сказали, что христианство является здесь скорее в психологическом аспекте, нежели по существу, поскольку автор стремится освободиться от уз материи для достойного восхваления высшего абсолюта. Непротиворечие триничности единству — явный отголосок соответствующих споров во времена Синезия.

Гимн II (IV) мало чем отличается от гимна I (III). Здесь то же славословие Отцу как первому свету, так же воспевается творческая деятельность Сына, хотя и подробнее, чем в предыдущем гимне.

В гимнах III (V) и IV (VI) христианская догматика занимает большее место. Здесь, можно сказать, уже нет ничего общего с языческим неоплатонизмом других гимнов.

Наконец, в гимнах VI—X (VII—X) от языческой литературы остаются только некоторые мифологические образы, уже не имеющие равно никакого философского значения и употребляемые для красоты речи. Стиль этих гимнов поражает своим вдохновением и своей искренностью.

Итак, гимны Синезия (кроме VI, VII и VIII) имеют очевидную неоплатоническую окраску, хотя главные объекты его почитания не платоновская триада, Единое, Ум и Душа, а Единое и Троичное начало.

Неоплатонизм и христианство у Синезия неразрывны. Современный издатель Синезия К. Лакомбрад не без основания замечает: «По всей видимости, философ не изменил своей привязанности к языческому учению о вечности мира и непреходящем его следствии, вечном возвращении»⁴³. Именно этим и интересен для нас Синезий, автор гимнического мелоса.

А. А. Тахо-Годи

⁴³ Synésios de Cyrène/Texte établi et traduit par C. Lacombrade. T. I. P. 19.

ГОМЕРОВСКИЕ ГИМНЫ

I. К АПОЛЛОНУ ДЕЛОССКОМУ

- Вспомню, — забыть не смогу, — о метателе стрел Аполлоне.
По дому Зевса пройдет он — все боги и те затрепещут.
С кресел своих повскакавши, стоят они в страхе, когда он
Ближе подступит и лук свой блестящий натягивать станет.
- 5 Только Лето остается близ молнелюбивого Зевса;
Лук распускает богиня и крышкой колчан закрывает,
С Фебовых плеч многоможных оружие снимает руками
И на колок золотой на столбе близ седалища Зевса
Вешает лук и колчан; Аполлона же в кресло сажает.
- 10 В чаше ему золотой, дорогого приветствуя сына,
Нектар отец подает. И тогда божества остальные
Тоже садятся по креслам. И сердцем Лето веселится,
Радуюсь, что родила луконосного, мощного сына.
- 19 Что же спеть о тебе? Песнопений во всем ты достоин.
25 Спеть ли, как смертных утеха, Лето, тебя на свет родила.
К Кинфской горе прислонясь, на утесистом острове бедном
Делосе, всюду водою омытом? Свистящие ветры
На берег гнали с обеих сторон почерневшие волны.
Выйдя оттуда, над всеми ты смертными властвуешь ныне.
- 30 Родами мучаясь, Крит посетила Лето и Афины,
Остров Эгину, Евбею, страну моряков знаменитых,
Морем омытый кругом Пепарет и Пейреские Эги,
Также Фракийский Афон, Пелиона высокие главы,
Самофракию и тенью покрытые Идские горы,
- 35 Скирос, Фокею, крутые высоты горы Автоканы,
Благоустроенный Имброс и Лемнос труднодоступный,
Эолиона Макара обитель, божественный Лесбос,
Хиос, тучнейший из всех островов, расположенных в море,
И каменистый Мимант, и высокие главы Корики,
- 40 Кларос блестящий, крутые высоты горы Эсагеи,

Самос, богатый водою, высокие главы Микале,
Коос, город людей меропийских, Милет и высоко
Вверх возносящийся Книд, и Карпат, от ветров не закрытый.
Рению, остров с землей каменистой, и Наксос, и Парос —
45 Все их Лето обошла, собираясь родить Дальновержца,
Всех опросила, не хочет ли кто стать родиной сыну.
Но трепетали все земли от страха, никто не решился
Фебу пристанище дать, хоть и были они плодородны.
В Делос пришла наконец каменистый Лето пречестная
50 И, обратившись к нему, окрыленное молвила слово:

«Делос! Не хочешь ли ты, чтоб имел тут пристанище сын мой,
Феб-Аполлон, чтобы храм на тебе был основан богатый?
Вряд ли тобою другой кто прельстится иль почесть окажет:
Думаю я, ни овцами ты не богат, ни быками,
55 Зелень скудна на тебе и плодов никаких не родится.
Если же будешь ты храм Аполлона иметь Дальновержца,
Станут все люди на остров сюда пригонять гекатомбы,
Жертвенный дым без конца над тобою начнет подниматься...

* * * * * * * * * * * * * * * *

Если б ты только кормил их, владыка, имели бы боги...

* * * * * * * * * * * * * * * *

60 От посторонней руки: под почвой твоею нет жира».

Так говорила. И радостно Делос богине ответил:

«Верь мне, Лето, многославная дочь великого Кея:
С радостью принял бы я Дальновержца-владыки рожденье,
Ибо ужасно я сам по себе для людей неприятен.
65 После же этого все бы почет мне оказывать стали.
Сильно, однако, — не скрою, богиня, — страшат меня слухи:
Больно уж будет рожденный тобой Аполлон, как я слышал,
Неукротим и суров, и великая власть над богами
И над людьми ожидает его на земле хлебодарной.
70 Вот я чего опасаюсь ужасно умом и душою:
Ну как, сияние солнца впервые увидев, презреньем
К острову он загорится, — скалиста, бедна моя почва, —
И в многоручном море меня опрокинет ногами.
Будут бежать чередой непрерывной высокие волны
75 Там над моей головою. А он себе больше по вкусу
Землю найдет, чтобы храм заложить и тенистые рощи.
Черные вместо людей лишь тюлени одни да полипы
Гнезда и домики будут на мне возводить беззаботно.
Если б, однако, посмела ты клятвой поклясться великой,
80 Что благолепнейший храм свой на мне он воздвигнет на первом

Для провещения божьих велений, и после того лишь...

* * * * * * * * * * * * * * * *

Всюду, меж всеми людьми. Ибо много имен он имеет».

И поклялася Лето великою клятвой бессмертных:

«Этой землею клянуся и небом широким над нами,
85 Стикса подземно текущей водой, — меж богов всеблаженных
Клятвою, самой ужасной из всех и великою самой:
Истинно Фебов душистый алтарь и участок священней
Вечно останутся здесь, и почитит он тебя перед всеми».

После того как она поклялась и окончила клятву,
90 С радостью роды царя Дальновержца приветствовал Делос.
Девять уж мучилась дней и ночей в безнадежно тяжелых
Схватках родильных Лето. Собрались вокруг роженицы
Все наилучшие между богинь: Ихнея-Фемида,
Рея, шумящая плесками волн Амфитрита, Диона,
95 Также другие. Лишь не было там белолокотной Геры.
97 Да ни о чем не слыхала Илифия, помощь родильниц:
Под облаками златыми сидела она на Олимпе;
Хитростью там удержала ее белокурая Гера,
100 Злобой ревнивой горя, потому что могучего сына
На свет родить предстояло в то время Лето пышнокудрой.

С острова спешно богини послали Ириду с приказом,
Чтобы Илифию к ним привела, обещав ожерелье
Длинное, в девять локтей, золотое, из зерен янтарных.
105 Но приказали богиню позвать потихоньку от Геры,
Чтобы словами ее, как пойдет, не вернула обратно.
Только сказали они ветроногой и быстрой Ириде, —
Та побежала и вмиг через все пронеслася пространство.
Быстро примчавшись в обитель богов на высоком Олимпе,
110 Вызвала тотчас Ирида Илифию вон из чертога
И с окрыленными к ней обратилась словами, сказавши
Все, что сказать олимпийские ей приказали богини,
И убедила Илифии душу в груди ее милой.
Тотчас они устремились подобные робким голубкам.

115 Только ступила на Делос Илифия, помощь родильниц,
Схватки тотчас начались, и родить собралася богиня.
Пальму руками она охватила, колени уперла
В мягкий ковер луговой. И под нею земля улыбнулась.
Мальчик же выскочил на свет. И громко богини вскричали.

120 Тотчас тебя, Стреловержец, богини прекрасной водою
Чисто и свято омыли и, белую тканью повивши, —
Новою, сделанной тонко, — ремнем золотым закрепили.
Груды своей не давала Лето златолирному Фебу:
Нектар Фемиды впустила в нетленные губы младенца
125 Вместе с амвросией чудной. И сердцем Лето веселилась,
Радуясь, что родила луконосного, мощного сына.

После того как вкусил ты, владыка, от пищи бессмертной,
Бурных движений твоих не сдержали ремни золотые,
Слабы свивальники стали, и все распустились завязки.
130 Тотчас же Феб-Аполлон обратился к бессмертным богиням:

«Пусть подадут мне изогнутый лук и любезную лиру.
Людам начну прорицать я решенья неложные Зевса!»

Молвивши так, зашагал по земле неисчетнодорожной
Феб длинновласый, далеко стреляющий. Все же богини
135 Остолбенели. И весь засиял, словно золотом, Делос:
139 Так покрываются гор возвышенья лесными цветами.
140 Ты же, о, с луком серебряным царь, Аполлон
дальнострельный,

То поднимался на Кинф, каменисто-суровую гору,
То принимался блуждать, острова и людей посещая.
Много, владыка, имеешь ты храмов и рощ многодревных;
Любы все выси тебе, уходящие в небо вершины
145 Гор высочайших и реки, течение стремящие в море.
К Делосу больше всего ты, однако, душой расположен.
Длиннохитонные сходятся там ионийцы на праздник,
С ними и жены, достойные их, и любезные дети.
Помнят они о тебе и, когда состязанья назначат,
150 Боем кулачным, и пляской, и пеньем тебя услаждают.
Кто б ионийцев ни встретил, когда они вместе сберутся,
Всякий сказал бы, что смерть или старость над ними бессильны.
Видел бы он обходительность всех и душой веселился б,
Глядя на этих детей и на жен в поясах несравненных,
155 На корабли быстроходные их и на все их богатства.
К этому ж — диво большое, которого славе не сгннуть, —
Острова Делоса девы, прислужницы Феба-владыки,
Песню хвалебной они Аполлона сначала прославят;
После, Лето помянув пышнокудрую и Артемиду
160 Стрелолюбивую, песни поют о мужах и о женах,
В древности живших, и племя людей в восхищенье приводят.
Дивно умеют они подражать голосам и напевам
Всяких людей; и сказал бы, услышав их, каждый, что это
Голос его, — до того хорошо их налажены песни.

- 165 Милость свою ниспошлите на нас, Аполлон с Артемидой!
Вам же, о девы, привет! И впредь обо мне не забудьте.
Если какой-либо вас посетит человек земнородный,
Странник, в скитаньях своих повидавший немало, и спросит:
170 «Девы, скажите мне, кто здесь у вас из певцов наилучший?
Кто доставляет из них наибольшее вам наслаждение?»
Страннику словом хорошим немедленно все вы ответьте:
«Муж слепой. Обитает на Хиосе он каменником.
Лучшими песни его и в потомстве останутся дальнем».
Мы же великую славу об вас разнесем повсеместно,
175 Сколько ни встретим людей в городах, хорошо населенных,
Все нам поверят они, потому что мы правду расскажем.

Я же хвалить не устану метателя стрел Аполлона,
Сына Лето пышнокудрой, владыку с серебряным луком.

II. К АПОЛЛОНУ ПИФИЙСКОМУ

Ликийей ты, повелитель, владеешь, Меонией милой,
Около моря лежащим Милетом, желаемым всеми;
Сам же с великою честью на Делосе царствуешь славном

* * * * * * * * * * * * * * * *

- Стопы свои направляет к утесам скалистым Пифона
5 Сын многославный Лето, на блистающей лире играя.
Благоухают на боге одежды бессмертные. Струны
Страстно под плектром звучат золотым на божественной лире.
Мысли быстрее с земли на Олимп перенесшись, оттуда
Входит в палаты он Зевса, в собрание прочих бессмертных.
10 Тотчас желанье у всех появляется песен и лиры.
Сменными хорами песнь начинают прекрасные Музы,
Божьи дары воспевают бессмертные голосом чудным
И терпеливую стойкость, с какою под властью бессмертных
Люди живут, — неумелые, с разумом скудным, не в силах
15 Средства от смерти найти и защиты от старости гнусной.
Пышноволосые девы Хариты, веселые Оры,
Зевсова дочь Афродита, Гармония, юная Геба,
За руки взявшись, водить хоровод начинают веселый.
Не безобразная с ними танцует, не малая с виду, —
20 Ростом великая, видом дивящая всех Артемида,
Стрелолюбивая дева, родная сестра Аполлона.
С ними же здесь веселятся и Арес могучий, и зоркий
Аргоубийца. А Феб-Аполлон на кифаре играет,
Дивно, высоко шагая. Вокруг него блещет сиянье,
25 Быстрые ноги мелькают, и пышные вьются одежды.
И веселятся, душою великою радуясь много,
Фебова мать, Лето златокудрая, с Зевсом всемудрым,
Глядя на милого сына, как тешится он меж бессмертных.

Что же мне спеть о тебе? Песнопений во всем ты достоин.
30 Спеть ли о том, как ты был женихом, как любовью горел ты,
Как приходил, домогаясь Азановой дочери милой,
С Исхнем, равным богам, многоконным Елатионидом?
Иль как Форбанта из рода Триогова, иль Амаринфа...
Или, как вместе с Левкиппом и вместе с женою Левкиппа...

* * * * * * * * * * * * * * * * * * * *

35 Пеший, а он на конях

* * * * * * * * * * * * * * * * * * * *

Или о том, как, замысливши первый для смертных оракул,
Места ища для него, по земле ты бродил, Дальновержец?

Прежде всего в Пиерию ты путь свой направил с Олимпа;
Лакмос, Эматию после того миновал, Эннены,
40 Через Перребы прошел ты. И скоро достиг Иаолка.
В славной судами Евбее на мыс поднимался Кенейский.
Стал пред Лелантской равниной, — но сердце твое не прельстилось
Храм твой на ней заложить и тенистые рощи густые.
После того перешел ты Еврип, Аполлон-дальновержец,
45 И поднялся на зеленую гору святую, с нее же
Быстро сошел в Микалесс и в луга травяные Тевмесса.
В Фивы оттуда пришел ты, дремучим одетые лесом:
Не жили в те времена еще люди в божественных Фивах,
И ни дорог, ни тропинок еще никаких не бежало
50 По хлебородной равнине фиванской: лишь лес простирался.

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный,
И до Онхеста дошел, Посейдоновой рощи блестящей,
Новообъезженный конь, в колеснице идущий прекрасной,
Там переводит дыханье от бремени: добрый возница,
55 Спрыгнувши наземь с повозки, пешком по дороге шагает;
Кони ж, не зная вожжей, опустевшей гремят колесницей.
Если с повозкою въедут они в многодревнюю рошу, —
Ждет уход лошадей, а ее, прислонив, оставляют.
Ибо таков изначально священный обычай: владыке
60 Молятся люди, а божью повозку судьба охраняет.

Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный.
Вскоре достиг ты прекрасно струящейся речки Кефиса,
Льющейся светлотекучей своею водой из Лилен.
Через Кефис перейдя, миновав Окалейские башни,
65 Ты пересек, Дальновержец, густые луга Галигарта
И до Тельфусы дошел. И прельстился ты местом спокойным.

Здесь захотел ты свой храм заложить и тенистые рощи,
Встал пред Тельфусою близко и слово такое ей молвил:

- «Здесь основать я, Тельфуса, прекраснейший храм собираюсь.
70 Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут сюда пригонять безупречные мне гекатомбы, —
В пелопоннеском ли кто обитает краю плодоносном,
На островах ли, водой отовсюду омытых, в Европе ль.
Будут они вопрошать мой оракул, И всем непреложно
75 В храме моем благолепном начну подавать я советы».

Молвивши так, заложил основанье сплошное для храма
Феб-Аполлон широко и пространно. Увидевши это,
Сильно разгневалась сердцем Тельфуса и слово сказала:

- «Феб-дальновержец, владыка, скажу тебе некое слово.
80 Храм заложить благолепный на этом замыслил ты месте,
Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут тебе приносить безупречные здесь гекатомбы.
Вот что, однако, скажу я тебе, — и подумай об этом:
Топотом будут тебя раздражать быстроногие кони
85 И у божественных наших истоков поимые мулы.
Станет иной тут охотней глядеть на коней пышногривых,
С топотом мчащих в пыли колесницу с отделкой прекрасной,
Чем на великий твой храм и сокровища многие в храме.
Если б, однако, меня ты послушал, — могучей и лучше
90 Ты, о владыка, чем я, и весьма велика твоя сила, —
Храм ты построил бы в Крисе, в долине под снежным Парнасом.
На колеснице прекрасной никто уже там не промчится,
Топот коней быстроногих вокруг алтаря не раздастся.
Станут в безмолвии там племена знаменитые смертных
95 Изпеану дары приводить, и прекрасные будут
Жертвы окрестных людей доставлять тебе радость большую».

Так говоря, убедила она Дальновержца, чтоб слава
Не Дальновержцу была на земле, а самой ей, Тельфусе.

- Дальше оттуда отправился ты, Аполлон дальнострельный.
100 В город флегийцев, мужей нечестивых и гордых, пришел ты:
Знать не желая о Зевсе, они на земле обитают
Недалеко от болот кефисийских в прекрасной долине.
Быстро оттуда бегом на скалистый хребет поднялся ты,
В Крису пришел наконец, под Парнасом лежащую снежным;
105 Обращена она склоном на запад, над ней нависает

Сверху скала, а внизу глубоко пробегает долина
Дикая. Там-то в душе порешил Аполлон-повелитель
Храм свой построить уютный и слово такое промолвил:

- «Вот где прекраснейший храм для себя я воздвигнуть решаю,
110 Чтоб прорицалищем был для людей он, которые вечно
Станут сюда пригонять безупречные мне гекатомбы, —
В пелопоннесском ли кто обитает краю плодоносном,
На островах ли, водой отовсюду омытых, в Европе ль.
Будут они вопрошать мой оракул. И всем непреложно
115 В храме моем благолепном начну подавать я советы».

- Молвивши так, заложил основанье сплошное для храма
Феб-Аполлон широко и пространно. На том основанье
Входный порог из камней Трофоний возвел с Агамедом,
Славные дети Эргина, любезные сердцу бессмертных.
120 Вкруг же порога построили храм из отесанных камней
Неисчислимые роды людей, на бессмертную славу.
Близко оттуда — прекрасно струистый родник, где владыкой,
Зевсовым сыном, дракон умерщвлен из могучего лука, —
Дикое чудище, жирный, огромный, который немало
125 Людям беды причинил на земле, — причинил и самим им,
И легконогим овечьим стадам, — бедоносец кровавый.

- Был на вскормление отдан ему златотронною Герой
Страшный, свирепый Тифаон, рожденный на пагубу людям.
Некогда Гера его родила, прогневившись на Зевса,
130 После того как Афины преславную из головы он
На свет один породил. Разъярилась владычица Гера
И среди собранья бессмертных такое промолвила слово:

- «Слушайте, слушайте все вы, о боги, и вы, о богини,
Как опозорил меня мой супруг, облаков собиратель,—
135 Первый, в то время как я остаюсь женой ему доброй:
Он совоокой Афиной помимо меня разрешился,
Всех остальных превзошедшей блаженных богов олимпийских.
Мной же самою рожденный Гефест между тем оказался
На ноги хилым весьма и хромым между всеми богами...

* * * * * * * * * * * * * * * *

- 140 В руки поспешно схватив, и в широкое бросила море.
Но среброногая дочь Нерея Фетида младенца
Там приняла и его меж сестер меж своих воспитала.
Лучше б другим чем она угодить постаралась бессмертным...
Жалкий, коварный изменник! Теперь что еще ты замыслишь?

- 145 Как же один породить совою смел ты Афишу?
Разве бы я не сумела родить? Ведь твоею женою
Я средь бессмертных зовусь, обладающих небом широким.
Ныне, однако, и я постараюсь, как бы днтя мне,
Не опозоривши наших с тобою священных постелей,
150 На свет родить, чтоб блистало оно между всеми богами.
Больше к тебе на постель не приду. От тебя в отдаленье
Буду я с этой поры меж бессмертных богов находиться».

- Молвивши так, от богов удалилась с разгневанным сердцем.
И возложила на землю ладонь волоокая Гера
155 И, сотворяя молитву, такое промолвила слово:

- «Слушайте ныне меня вы, Земля и широкое Небо!
Слушайте, боги-Титаны, вокруг Тартара в глуби подземной
Жизнь проводящие, — вы, от которых и люди и боги!
Сделайте то, что прошу я: помимо супруга Кронида
160 Дайте мне сына, чтоб силою был не слабее он Зевса.
Но превзошел бы его, как Кроноса Зевс превосходит».

- Так восклицала. И в землю ударила пышной рукою.
Заколебалась земля живописная. Это увидев,
Возвеселилась Гера: решила — услышана просьба.
165 И ни единого разу с тех пор в продолжение года
Не восходила она на постель многомудрого Зевса
И не садилась, как прежде, на пышный свой трон, на котором
Часто советы супругу разумные в спорах давала.
В многомолитвенных храмах священных своих пребывая,
170 Тешилась жертвами, ей приносимыми, Гера-царица.
После ж того как и дней и ночей завершилось теченье,
Год свой закончил положенный круг и пора наступила,
Сын у нее родился — ни богам не подобный, ни смертным,
Страшный, свирелый Тифаон, для смертных погибель и ужас.
175 Тотчас дракону его отдала волоокая Гера,
Зло приложивши ко злу. И дракон принесенного принял.
Славным людским племенам причинил он несчастий немало.

- День роковой наступал для того, кто с драконом встречался.
Но поразил наконец-то стрелою его многомощной
180 Царь Аполлон-дальновержец. Терзаемый болью жестокой,
Тяжко хрипя и вздыхая, по черной земле он катался.
Шум поднялся несказанный, безмерный. А он, извиваясь,
По лесу ползал туда и сюда. Наконец кровожадный
Дух испустил он. И, ставши над ним, Аполлон похвалялся:

185 «Здесь ты теперь изгнивай, на земле, воскормляющей
смертных!»

Больше не будешь теперь ты свирепую пагубой людям!
Мирно вкушая плоды многодарной земли, постоянно
Станут они приносить мне отборные здесь гекатомбы.
Ныне от гибели злой не спасти тебя ни Тифозю,
190 Ни злоимянной Химере. На этом же месте сгниешь ты
Силою черной Земли и лучистого Гипериона».

Так он хвалился. Глаза же драконовы мглою покрылись.
Гелиос в гниль превратил его силой своею святою.
Вот почему он Пифоном зовется теперь, а владыку
195 Мы называем пифийским: на месте на этом сгноила
Острого Гелия сила останки свирепого гада.

Здесь только понял в уме своем Феб-Аполлон
дальнострельный,
Из-за чего он обманут прекраснотруистой криницей.
Гневом пылая, пошел он к Тельфусе, достиг ее быстро,
200 Стал очень близко пред нею и слово такое ей молвил:

«Ты обманула, Тельфуса, меня. Не хотела ты, видно,
Местом прелестным владея, струить светлобежную воду.
Славу свою ты зато здесь отныне разделишь со мною».

Так сказавши, скалой завалил каменистое устье
205 Царь — Аполлон-дальновержец и скрыл под обвалом теченье.
Здесь же себе он построил и жертвенник в роще тенистой
Около самой криницы прекраснотекущей. Владыке
Все там возносят мольбы, именуя его Тельфусийским.
Так как Тельфусы священной теченье там посрамил он.

Начал в уме своем тут размышлять Аполлон-дальновержец.
210 Как бы ему и кого из людей привести в это место,
Чтобы жрецами его они стали в Пифоне скалистом,
Жертвы ему приносили б и всем возвещали законы
Золотолукого Феба-властителя, что б ни сказал он,
215 Из-под Парнасской скалы прорицанья давая из лавра.

Так размышляя, узрел он в дали винно-черного моря
Быстрое судно. Везло оно много мужей благородных,
Критян из града Миносова Кноса, — они для владыки...

220 Ради богатств и товаров на судне они своим черном
 Плыли в песчанистый Пилос, к родившимся в Пилосе людям.
 Друг повстречался им Феб-Аполлон. На корабль быстроходный
 Выскочил он из воды, уподобившись видом дельфину.
 Там и остался лежать он чудовищем страшным, огромным.
 Из моряков же никто догадаться не мог и не видел...

* * * * * * * * * * * * * * * *

225 И отовсюду толкал он и тряс корабельные балки.
 Молча, объятые страхом, сидели внутри мореходцы;
 Не распустили снастей на бокастом судне они черном
 И парусов корабля черноносого ставить не стали:
 Как они что-либо где укрепили ремнями сначала,
 230 Так и поплыли. Порывами Нот быстроходный корабль их
 Сзади, с кормы, подгонял. Миновали сначала Малею,
 Землю Лаконскую мимо проплыли и Гелос приморский,
 Прибыли в Тенар, страну, где царит угнетающий смертных
 Гелнос; в мягких лугах превосходного этого края
 235 Много пасется обычно овец густорунных владыки.
 Здесь пожелали они свой корабль задержать и, сошедши,
 Дивное диво вблизи осмотреть и глазами увидеть,
 Будет ли чудище дальше на днище лежать корабельном
 Иль в многорыбную бездну морскую опустится снова.
 240 Не подчинился, однако, рулю превосходный корабль их, —
 Дальше пошел самовольно вдоль тучного Пелопоннеса:
 Легким своим дуновеньем его направлял потихоньку
 Царь Аполлон дальнострельный. Дорогу свою совершая,
 Судно в Арену пришло, в Аргифею, приятную видом,
 245 В Фриос на броне Алфейском и славные зданьями Эпи,
 Дальше — в песчанистый Пилос, к родившимся в Пилосе людям.
 Круны потом их корабль миновал, и Халкиду, и Диму,
 Мимо Элиды священной прошел он, — державы епейцев,
 Зевсову радуясь ветру попутному, Феры покинул.
 250 И показались вдаль из-за облак утесы Итаки,
 Следом — Дулихий, и Сам, и Закинф, покрытый лесами.
 Пелопоннес целиком обогнул их корабль быстроходный,
 И беспредельный Крисейский залив пред глазами открылся,
 Пелопоннес плодоносный собой отделившийся от суши,
 255 Вдруг, при безоблачном небе, бурливо рванул из эфира
 С запада ветер великий, по Зевсовой воле, чтоб морем
 Горько-соленным как можно скорее промчался корабль их.
 Быстро обратной дорогой они на зарю и на солнце
 Поплыли. Вел же Кроннонов сын, Аполлон-повелитель.
 260 К Крисе пришли они, издали видной, богатой лозами,
 В гавань. И врезался в берег песчаный корабль мореходный.

Из корабля поднялся тут наверх Аполлон-дальновержец,
Видом средь белого полдня звезде уподобившись; искры
Сыпались густо с нее; достигало до неба сиянье.
265 В храм он спустился, пронесшись дорогой треножников ценных.
Ярко сверкнувши лучами, зажег он в святилище пламя,
И осветилась вся Криса сияньем. И громко вскричали
Жены крисейцев и дочери их в поясах многоценных
От Аполлонова взблеска. И ужас объял их великий.
270 Снова оттуда назад к кораблю он, как мысль, устремился,
Образ принявши весьма молодого и сильного мужа;
Длинные кудри его на широкие падали плечи.
Громко он критян окликнул и слово крылатое молвил:

«Странники, кто вы? Откуда плывете дорогою влажной?
275 Едете ль вы по делам иль блуждаете в море бесцельно,
Как поступают обычно разбойники, рыская всюду,
Жизнью играя своею и беды неся чужеземцам?
Что так печально сидите вы здесь, отчего не сойдете
На берег вы, отчего не свернете снастей корабельных?
280 Нет меж трудящихся тяжело людей, кто бы делал иначе,
После того как на черном своем корабле быстроходном
К суше пристанет, трудом изнуренный; душой его тотчас
Овладевает желанье великое сладостной пищи».

Так он сказал и сердца их отвагою бодрой наполнил.
285 Критян начальник немедля в ответ ему слово промолвил:

«О чужестранец! Осанкой и всем своим видомходишь
Ты не на смертнорожденных людей, — на бессмертного бога.

* * * * * * * * * * * * * * * *

Здравствуй! Привет тебе наш! Да пошлют тебе счастье боги!
Дай мне, прошу я, правдивый ответ, чтоб доподлинно знать мне:
290 Что за земля? Что за край? Что за смертные здесь обитают?
В место другое держали мы путь по великому морю, —
В Пилос из Крита: оттуда мы родом, и этим гордимся.
Ныне ж сюда мы пришли с кораблем не по собственной воле.
Плыли б домой мы другою дорогой, другими путями:
295 Против желания кто-то сюда нас привел из бессмертных».

Им, на их речь отвечая, сказал Аполлон-дальновержец:

«Странники! В Кносе, богатом деревьями, вы обитали
Раньше. Но ныне домой вы к себе не воротитесь больше,

В город возлюбленный ваш и в прекрасные ваши жилища,
300 К милым супругам, Но здесь вы получите крам мой богатый,
Здесь вы останетесь жить, почитанием пользуясь общим.
Сын я великого Зевса. Горжуся я быть Аполлоном,
Вас же сюда я привел чрез великую бездну морскую,
Не замышляя вам зла. Богатейший мой храм во владенье
305 Здесь вы получите, всеми людьми почитаемый много.
Волю бессмертных вы будете знать и, богов изволением,
Станете жить в величайшем почете во вечные веки.
Ну, а теперь поскорее исполните все, что скажу я:
Прежде всего развяжите ремни и спустите ветрила;
310 Сделавши это, ваш черный корабль извлеките на сушу,
Из равнобокого судна богатства все выньте и снасти,
Соорудите мне жертвенник здесь высоко над прибоем,
И разожгите огонь, и ячмень принесите мне в жертву,
И обступите алтарь, и молитву ко мне сотворите.
315 Так как впервые из моря туманного в виде дельфина
Близ корабля быстроходного я поднялся перед вами,
То и молитесь мне впредь как Дельфинию, и да зовется
Жертвенник этот дельфийским. И будет он славен вовеки.
Кончивши, сядьте обедать близ черного вашего судна
320 И возлиянья свершите блаженным богам олимпийским.
После ж того как свой голод вы сладкой едой уголите,
Вместе идите со мною, пэан распевая, доколе
Вы не придете в страну, где получите храм богатейший».

Так он промолвил. Они же приказу его подчинились.
325 Прежде всего развязали ремни и ветрила спустили,
Мачту к гнезду притянули, спустивши ее на канатах,
Сами же вышли на берег крутой многошумного моря,
После того из воды высоко на песок оттащили
Свой быстроходный корабль, укрепив на огромных подпорках.
330 Жертвенник богу воздвигли над берегом шумноприбойным,
Белых насыпали зерен ячменных в огонь разожженный,
Сами же стали вокруг и молились ему, как велел он.
Кончивши, сели обедать вблизи быстроходного судна
И возлиянья свершили блаженным богам олимпийским.
335 После того как желанье питья и еды утолили,
Двинулись в путь. Во главе их пошел Аполлон-далновержец,
С лирой блестящей в руках, превосходно и сладко играя,
Дивно, высоко шагая. И, топая дружно ногами,
Критяне следом спешили в Пифон и пэан распевали,
340 Как распевается песня у критян, которым вложила
В груди бессмертная Муза искусство сладчайшего пенья.
Неутомимо на холм поднимались они и достигли
Вскоре Парнаса и края уютного, где предстояло
Жить им остаться теперь, почитанием пользуясь общим,
345 Храм свой богатый он им показал и святилища в храме.

Но нерешимостью в милой груди волновалась душа их,
И, вопрошая владыку, сказал ему критян начальник:

«О повелитель! Сюда, далеко от друзей и отчизны,
Нас ты завел, ибо так твоему пожелалось сердцу.
350 Как же, однако, мы будем тут жить? Укажи нам, владыка!
Ни виноградников нет, ни лугов в этом крае прелестном,
Чтобы прожить хорошо и не хуже людей оказаться».

И, улыбнувшись, отвечивал им Аполлон дальнострельный:

«Вечно вы ищите духом, нестойкие, глупые люди,
355 Тягостных мук для себя, и забот, и душевных стеснений!
Легкое слово скажу я и в души его заложу вам:
В правую руку возьмите вы жертвенный нож и закланью
Будете скот предавать, что сюда чередой непрерывной
360 Станут ко мне пригонять племена знаменитые смертных.
Храм сторожите священный и роды людей принимайте,
Сколько б сюда ни пришло их, и, волю мою соблюдая...

* * * * * * * * * * * * * * * *

Если же слово пустое за вами замечу иль дело,
Если проявите гордость, что часто меж смертных бывает, —
Люди другие тогда властелинами станут над вами,
365 И в подчиненье у них навсегда вам придется остаться.
Сказано все. А тебе сохранить это следует в сердце!»

Славься, о сын Громовержца-царя и Лето пышнокудрой!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

III. К ГЕРМЕСУ

- Муза! Гермеса восславим, рожденного Майей от Зевса!
Благостный вестник богов, над Аркадией многоозвечной
И над Килленою царствует он. Родила его Майя,
Нимфа, достойная чести великой, в любви сочетавшись
- 5 С Зевсом-Кронионом. Сонма блаженных богов избегая,
В густотенистой пещере жила пышнокудрая нимфа.
Там-то на ложе всходил к ней Кронион глубокою ночью,
В пору, как сон многосладкий владел белолокотной Герой.
Втайне равно от богов и людей заключен был союз их.
- 10 Время пришло, — и свершилось решение великого Зевса:
13 Сын родился у богини, — ловкач, изворотливый малый,
Вор, быкокравд, сновидений вожатый и ушлый пролаза,
В двери подглядчик, ночной соглядатай, которому вскоре
Много преславных деяний явить меж богов предстояло.
Утром, чуть свет, родился он, к полудню играл на кифаре,
К вечеру выкрал коров у метателя стрел, Аполлона;
Было четвертого это числа, как явился он на свет.
- 20 После того как из недр материнских он вышел бессмертных,
В люльке священной своей лишь недолго Гермес оставался:
Вылез и в путь припустился на розыск коров Аполлона,
Через порог перешедши пещеры со сводом высоким.
Там, черепаху найдя, получил он большое богатство.
- 26 Встретил ее многославный Гермес у наружного входа.
Сочную траву шипала она перед самым жилищем,
Мягко ступая ногами. Увидев ее, рассмеялся
Сын благодетельный Зевса и слово немедля промолвил:
- 30 «Знаменье очень полезное мне, — и его не отвергну!
Здравствуй, приятная видом, размерная спутница хора,
Пира подруга! Откуда несешь ты так много утех,
Пестрый ты мой черепок, черепаха, живущая в скалах?»

- Дай-ка возьму я тебя и домой отнесу: ты нужна мне.
35 Мимо тебя не пройду; мне на выгоду первую будешь.
Дома полезнее быть, оставаться снаружи опасно.
Правда, пока ты жива, то защитой от чар вредоносных
Служишь; зато, как умрешь, превосходною станешь певницей».

- Так он сказал. И, руками обеими взяв черепаху,
40 Снова домой воротился, неся дорогую утеху.
Стиснувши крепко руками, резцом из седого железа
Горную стал потрошить черепаху Гермес многославный.
Как через грудь человека, которого злые заботы
Мучают, быстрые мысли несутся одна за другою,
45 Как за миганием глаза другое миганье приходит,
Так у Гермеса за словом немедленно делалось дело.
Точно по сделанной мерке нарезав стеблей тростниковых,
Их укрепил он над камнеподобной спиной черепахи,
Шкурой воловьей вокруг обтянул, догадавшись разумно,
50 Пару локтей прикрепил, перекладину сделал меж ними
И из овечьих кишок семь струн приладил созвучных.
Милую эту утеху своими сготовив руками,
Плектром одну за другою он струны испробовал. Лира
Звук испустила гудящий. А бог подпевал ей прекрасно,
55 Без подготовки попробовав петь, как на пире веселом
Юноши острой насмешкой друг друга язвят, не готовясь.
Пел он о Зевсе-Крониде и Майе прекраснообутой,
Как сочетались когда-то они в упоенье любовном
В темной пещере; о собственном пел многославном рожденье;
60 Славил прислужников он, и жилище блестящее нимфы,
И изобилие прочных котлов и треножников в доме.
Пел он одно, а другое в уме уж держал в это время.
Кочив, отнес он и бережно спрятал блестящую лиру
В люльке священной своей. И мясца ему вдруг захотелось.
65 Выскочил вон из чертога душистого быстро в пещеру,
Хитрость в уме замышляя высокую: темною ночью
Замыслы часто такие в умах воровских возникают.

- Гелий меж тем в Океан опустился под землю с конями
И с колесницей своею. Сын Майи бежал без оглядки
70 И к Пиерийским горам наконец прибежал многотенным.
Там у блаженных богов на прелестных лугах некошенных
Стоило имели коровьи стада их, не знавшие смерти.
Быстро полсотни протяжно мычащих коров криворогих
Аргуса зоркий убийца, сын Майи, отрезал от стада.
75 Путаной он их дорогой погнал по песчанистой почве,
Перевернувши следы им: повадки он хитрые ведал.
Задом ведя их, копыта передние задними сделал,
Задние сделал передними, задом и сам подвигался.

- Снявши сандалии с ног, на морской он песок их забросил
80 И принялся измышлять несказанные, дивные вещи:
Миртоподобные ветви с ветвями смешав тамариска,
Эти охапки ветвей зеленеющих крепко связал он,
Их под подошвами в виде сандалий искусно приладил
Вместе с листвою и пошел, избегая проезжей дороги,
86 Словоно спеша напрямик, чтобы путь сократить себе дальний.
И увидал тут старик, в винограднике землю копавший,
Как чрез богатый травую Онхест на равнину спешил он.
Это заметивши, первым Гермес к старику обратился:

- 90 «Старец с согнутой спиною! Мотыжишь ты землю усердно.
Только бы вызрели лозы, — вина ты получишь немало!

* * * * * * * * * * * * * * * *

Если и видишь — не видь! Оглохни, если и слышишь!
Сделайся нем, раз тебе самому здесь не будет убытка!»

- Столько сказавши, погнал он гурьбою коров крепколобых.
95 Много в пути за собою Гермес многославный оставил
Гор густотенных, цветущих лугов и шумливых ущелий,
Но уже близкий конец надвигался помощнице черной —
Ночи священной. Вставало к работе зовущее утро.
101 Сын многомощный Кронида к Алфею-реке в это время
Широколобых короз подогнал Аполлона-владыки.
Бодро приблизилось стадо к загону со сводом высоким
И к водопойным корытам, стоявшим пред лугом прелестным.
105 Вволю протяжно мычавших коров накормивши травую,
Всех их гурьбою направил в пещеру Гермес многославный.
Шли они, клевер жуя и росую обрызганный кипер.
Сам же искусство огонь добывать он измышлять начал.
Ветку блестящую лавра ножом от коры он очистил,
110 Чтоб по руке приходилась. И дым за клубился горячий.
112 Много поленьев набравши сухих, он обильно и тесно
Яму глубокую ими набил. Засветилось пламя
И далеко задышало горячим, пылающим жаром.
115 Силой Гефеста огонь разгорался, а он в это время
Двух крепкорогих, протяжно мычавших коров из загона
Вывел наружу к огню: обладал он великою силой.
Дышащих тяжело коров повалил он спиною на землю
* И, наклонив, опрокинул, и мозг им спинной перерезал.
120 Дело свершалось за делом. Отрезавши мясо от жира,
Тщательно начал он жарить, на вертел надев деревянный,
Бедрa и спины — почетный кусок — и наполненный черной
Кровью кишечник; а рядом на землю сложил остальное.
Шкуры ж убитых коров на кремнистом утесе развесил:

- 125 И до сих пор еще те, долговечными ставшие, шкуры
 Можно на той же скале увидеть. А потом, разложивши
 Жирное мясо на камне, широком и гладком, разрезал
 Радостнодушный Гермес на двенадцать частей это мясо,
 Жребий метнув. И почет соответственный каждой воздал он;
- 130 Очень хотелось Гермесу попробовать мяса от жертвы:
 Хоть и бессмертен он был, раздражал его ноздри призывно
 Запах приятный. Но дух его твердый ему не позволил
 * Жертвенной шею священной попробовать, как ни тянуло.
 Часть приношенья сложил он в загоне со сводом высоким, —
- 135 Мясо обильное, сало; другую ж на воздух вознес он,
 * Нового знак воровства. И, сухих набросавши поленьев,
 Ноги и головы все целиком сожжению предал.
 После того как исполнил он все сообразно обряду,
 В водовороты Алфея сын Майи сандалию бросил,
- 140 Угли костра затушил и по воздуху пепел развеял.
- 142 Утром, едва рассвело, на священные главы Киллены
 Снова вернулся Гермес. И на длинном пути никого он
 Ни из бессмертных богов, ни из смертнорожденных не встретил.
- 145 Даже собаки молчали. И Зевсов Гермес-благодаеть,
 Съездившись, в дом сквозь замочную скважину тихо пробрался,
 Ветру осеннему или седому подобный туману.
- 150 Там в колыбельку поспешно улегся Гермес многославный.
 Плечи окутав пеленкой, лежал он, как глупый младенец,
 В руки простынку схватил и ею играл вокруг коленок.
 Лиру же милую слева под мышкой прижал. Но не смог он
 Скрыться от матери, — бог от богини. И молвила Майя:
- 155 «Выдумщик хитрый! Откуда сюда, облеченный бесстыдством.
 Ты возвращаешься ночью глухой? погоди, мой голубчик!
 Крепкими узлами скрутит по ребрам тебя Дальновержец,
 И под тяжелой рукой Летоида пойдешь ты отсюда, —
 Либо же впредь воровством заниматься начнешь по долинам.
- 160 Прочь убирайся, несчастный! Ведь вот на какую заботу
 Людям и вечным богам произвел тебя на свет отец твой!»

Матери тотчас Гермес хитроумный ответствовал речью:

- «Мать! Не пугай, не старайся! Меня запугать не удастся!
 Или меня ты считаешь младенцем невинным и глупым? —
- 165 Видит, разгневалась мать, — испугался младенец, затрясся. —
 Знай, заниматься я стану искусством, из всех наилучшим:
 * Будем мы изо дня в день скотоводничать вместе с тобою.
 И уж тогда без даров и молитв меж блаженных бессмертных
 Нам не придется с тобой никогда оставаться, как ныне.
- 170 Много приятней с богами бессмертными вечно общаться,

В полном довольстве, в богатстве, с запасами хлеба, чем дома
В сумрачной этой пещере сидеть. И с великою честью
Буду такую ж, как Феб, отправлять я священную службу.
Ну, а не даст мне ее мой родитель, — так что же? Другое
175 Я попытаю: могу предводителем жуликов стать я.
Если же здесь меня сын многославный Лето и отыщет, —
Штуку другую, куда покрупней уж, ему я устрою:
Тотчас отправлюсь в Пифон, проломаю дворцовую стену,
Вдоволь котлов и прекрасных треножников там наворую,
180 Золота вдоволь себе наберу с искрометным железом,
Много и разной одежды. Увидишь сама, коль захочешь».

Так они оба словами вели меж собой разговоры —
Зевса эгидодержавного сын и почтенная Майя.

Смертным несущая свет, спозаранку рожденная Эос
185 Из Океана вставала глубокотекущего. Прибыл
Феб в это время в Онхест, многомилую рощу святую
Земледержателя громко шумящего. Там увидел он:
* Скармливал изгородь старец волу в стороне от дороги.
Первым сын многославной Лето к старику обратился:

190 «Старец, срыватель колючек в Онхесте, богатом травой!
Из Пиерии пришел я, ищу я мой скот запропавший:
Всё это были коровы из стада, с кривыми рогами.
Бык же пасся один, от других в отдалении, черный;
Огненнооких четыре собаки за стадом ходили,
195 Дружно его охраняя, как будто разумные люди.
Бык и собаки остались — и это особенно странно, —
Все же коровы, как только стемнело, куда-то исчезли,
Мягкий покинувши луг и от вкусной травы удалившись.
Вот что, о древнерожденный старик, мне скажи, не видал ты,
200 Не прогонял ли какой человек их по этой дороге?»

И Аполлону словами ответил старик и промолвил:

«Друг! Нелегко рассказать обо всем, что придется глазами
Видеть кому: по дороге тут путников много проходит.
Эти идут, замышляя худые дела, а другие —
205 Очень хорошие. Где там узнать, что у каждого в мыслях?
Я же весь день непрерывно, покуда не скрылось солнце,
Землю прилежно копал в винограднике, там вот, на склоне.
Точно, любезный, не знаю, однако мальчишку я словно
Видел, который мальчишка коров подгонял крепкорогих.

210 Малый младенец, с хлыстом. И, ступая, усердно вертелся,
Вспять он коров оттеснял, головою к нему обращенных».

Так он сказал. Аполлон поскорее отправился дальше.
Вдруг быстрокрылую птицу узрел он и понял тотчас же,
Что похититель — родившийся сын Громовержца-Кронида.
215 Чтобы коров отыскать тяжконогих, в божественный Пилос
Быстро направил шаги Аполлон-повелитель, сын Зевса,
Облаком темно-багряным покрывши широкие плечи.
И увидал Дальномержец следы, и промолвил он слово:

«Боги! Великое чудо своими глазами я вижу!
220 Вот на дороге следы предо мною коров круторогих,
Снова, однако, они повернули на луг асфодельный.
Эти же вот отпечатки — ни женщины след, ни мужчины,
Также ни серого волка, ни дикого льва, ни медведя;
И не сказал бы я также, что это кентавр густогривый
225 Быстрым копытом своим тот чудовищный след наворочал.
Жутки следы и туда, но оттуда — того еще жутче».

Так сказавши, пошел Аполлон-повелитель, сын Зевса.
Вскоре пришел он на гору Киллену, заросшую лесом,
К густотенистой пещере в скале, где бессмертная нимфа
230 Милого сына на свет родила Громовержцу-Крониду.
Склоны священной горы той окутывал запах прелестный.
Много овец легконогих паслося на пастбище мягком.
Там, через каменный входный порог торопливо шагнувши,
В сумрак тенистый пещеры сошел Аполлон-дальномержец.

235 Только завидел сын Зевса и Майи могучего Феба,
Из-за пропавшего стада горящего гневом ужасным,
Быстро нырнул он в пеленки душистые. Как под покровом
Пепла скрывается куча углей, раскаленных и ярких,
Так под пеленками скрылся Гермес, увидав Дальномержца.
240 Голову, руки и ноги собрал в незаметный комочек,
Будто бы после купанья приятнейший сон предвкушая,
Хоть и не спящий пока. А под мышкой держал черепаху.

Сразу узнал — не ошибся — Кронионов сын дальнострельный
Майю, горную нимфу прекрасную, с сыном любезным,
245 Малым младенцем, исполненным каверз и хитрых уловок.
Все оглядев закоулки жилища великого нимфы,
Ключ захватил он блестящий и три отомкнул кладовые:
Нектаром были они и приятной амвросией полны,

Золота много хранили внутри, серебра и блестящих
250 Платьев серебряно-белых и пурпурных нимфы прекрасной, —
То, что обычно хранится в священных домах у бессмертных.
Все оглядевши места потайные великого дома,
С речью такой Аполлон-Летоид обратился к Гермесу:

«Мальчик! Ты! В колыбели! Показывай, где тут коровы?»
255 Живо! Не то мы с тобою неладно расстанемся нынче!
Ибо тебя ухвачу я и в Тартар туманный заброшу,
В сумрак злосчастный и страшный, и на свет тебя не сумеют
Вывести оттуда обратно ни мать, ни отец твой великий.
Будешь бродить под землею, погибших людей провожая:

260 Тотчас лукавою речью Гермес отвечал Аполлону:
«Сын Лето! На кого ты обрушился словом суровым?»
Как ты искать здесь придумал коров, обитательниц поля?
Видом твоих я коров не видал, и слухом не слышал.
И указать бы не мог, и награды не взял бы за это.
265 Я ли похож на коров похитителя, мощного мужа?
Нет мне до этого дела, совсем я другим озабочен:
Сон у меня на уме, молоко материнское — вот что.
Мысли мои — о пеленках на плечи, о теплом купанье.
Как бы нас кто не услышал, чего ради спор происходит:
270 Право, великое было бы то меж бессмертными чудо,
Если бы новорожденный ребенок да выскочил за дверь,
Чтобы коров воровать. Несуразную вещь говоришь ты!
Я лишь вчера родился, ноги нежны, земля камениста.
Хочешь, великою клятвой — отца головой — поклянуся,
275 Что и ни сам я ничем в этом деле ничуть невиновен,
И не видал никого, кто украл. Да притом и не знаю,
Что за коровы бывают: одно только имя их слышал».

Так он ответил и начал подмигивать часто глазами,
Двигать бровями, протяжно свистеть и кругом озираться,
280 Чтоб показать, сколь нелепой считает он речь Аполлона.
И, добродушно смеясь, отвечал Аполлон-дальновержец:

«О мой голубчик, хитрец и обманщик! Я чую, как часто
Будешь в дома хорошо населенные ты пробираться
Темною ночью. Как много народу дотла ты обчистишь,
285 Делая в доме без шума свою воровскую работу,
Много и в горных долинах ты бед принесешь овцепасам,
Жизнь проводящим под небом открытым, когда, возжелавши
Мяса, ты встретишься с стадом коров и овец руноносных.
Если, однако же, сном ты последним заснуть не желаешь,
290 Черной ночи товарищ, — вставай, покидай колыбельку!
Почесть же эту, мой друг, и потом меж богов ты получишь:

Будешь главою воров называться во вечные веки».

Так сказал Аполлон. И, схвативши, понес он мальчишку.

В руки попав Дальновержца, в уме своем принял решенье
295 Аргоубийца могучий и выпустил знаменье в воздух, —
Наглого вестника брюха, глашатая с запахом гнусным;
Вслед же за этим поспешно чихнул он. Услышавши это,
Наземь из рук Аполлон многославного бросил Гермеса,
300 Сел перед ним, хоть и очень продолжить свой путь торопился,
И, пад Гермесом глумясь, такое сказал ему слово:

«Не беспокойся, пеленочник мой, сын Зевса и Майи:
Время придет, и позднее найду я по знаменьям этим
Крепкоголовых коров. И дорогу мне ты же укажешь!»

Так он промолвил. И быстро Гермес поднялся килленийский
305 И побежал, поспешая за Фебом. К ушам он руками
Крепко пеленку прижал, облакавшую плечи, и молвил:

«О Дальновержец, в богах силачина! Куда меня мчишь ты?
Из-за каких-то коров, разозлившись, ты так меня треплешь.
Пусть бы пропало все племя коров! Да клянусь же, не крал я
310 Ваших коров, не видал никого, кто украл, и не знаю,
Что за коровы бывают. Одно только имя их слышал.
Дай же ты мне и прими правосудье пред ликом Кронида!»

Так, препираясь, подробно в отдельности все перебрали
Пастырь овечий Гермес с Аполлоном далекорающим,
315 Разное в сердце имея: один — говорящий лишь правду,
Знающий верно, что сцапал того за коров не напрасно,
Тот же, другой, Киллениец, — коварно ласкательной речью
Только хотел обмануть Аполлона с серебряным луком.
Но не сумел многохитрый от многоразумного скрыться,
320 И, поспешая, шагал он теперь по песчаной дороге
Спереди, сзади же, следом за ним — Аполлон-дальновержец.

Прибыли скоро на многодушистые главы Олимпа
К Зевсу-родителю оба прекрасные сына Кронида.
Там ожидали того и другого весы правосудья.
325 Ясен и тих был Олимп многоснежный. Толпою сбирались
Боги бессмертные после восхода Зари златотронной.

Остановились Гермес с Аполлоном серебрянолуким
Перед коленями Зевса. И Зевс, в поднебесье гремящий,
Спрашивать сына блестящего начал и слово промолвил:

330 «Феб! Откуда несешь ты богатую эту добычу, —
Мальчика, только что на свет рожденного, с видом герольда?
Важное дело, я вижу, встает пред собраньем бессмертных!»

Царь Аполлон дальнострельный немедля в ответ ему молвил:

335 «О мой родитель! Услышишь сейчас не пустое ты слово:
Ты ведь смеялся, что я лишь один до добычи охотник.
Путь совершивши великий, нашел я в горах Килленийских
Этого вот негодяя мальчишку — плута продувного.
В мире мошенников много, — такого, однако, ни разу
Ни меж бессмертных богов, ни меж смертных людей не

встречал я.

340 Выкрал он с мягкого луга коров у меня и погнал их
Вечером поздно песками прибрежными шумного моря.
К Пилосу он их пригнал. Но на диво чудовищны видом
Были следы их, — деянье поистине славного бога!

345 Шли в направленье обратном опять к асфодельному лугу.
Неуловимый же этот хитрец за коровами следом
Сам не ногами ступал, не руками по почве песчаной:
Способ измыслив какой-то особый, следы натоптал он
Столь непонятные, словно ступал молодыми дубами!

350 Первое время с коровами шел он по почве песчаной,
И отпечатались ясно следы их в пыли подорожной.
После ж того как песчаной дорогой прошел он немало,
Сделалась твердою почва; и стал на дороге не виден

355 След ни его, ни коров. Но один человек заприметил,
Как направлялся со стадом лобастых коров он на Пилос.
После того как коров преспокойно куда-то он запер,
Накуролесивши в разных местах в продолженье дороги, —
С черною сходствуя ночью, залег он в свою колыбельку,
В темной пещере, во мраке. И даже орел остроглазый

360 Там рассмотреть бы его не сумел. И руками усердно,
Хитрые замыслы в сердце питая, глаза протирали он.
А на вопрос мой тотчас же решительным словом ответил:
Видом твоих я коров не видал, и слухом не слышал,
И указать бы не мог, и награды не взял бы за это!»

365 Так сказав, замолчал Аполлон и уселся на место.
Начал с своей стороны и Гермес отвечать, и промолвил,

И указал на Кронида, богов олимпийских владыку:

«Зевс, мой родитель! Всю правду как есть от меня ты
услышишь».

Правдолюбив я и честен душою и лгать не умею.
370 Только что солнышко нынче взошло, как приходит вот этот
В дом наш и ищет каких-то коров и притом не приводит
Вместе с собой ни свидетелей, ни понятых из бессмертных.
Дать указание приказывал мне с принуждением великим
И многократно грозился швырнуть меня в Тартар широкий.
375 Он-то вон в нежном цвету многорадостной юности крепкой,
Я же всего лишь вчера родился, — он и сам это знает, —
И не похож на коров похитителя, мощного мужа.
Верь мне, ведь хвалишься ты, что отцом мне приходишься милым:
Если коров я домой пригонял, — да не буду я счастлив!
380 И за порогом я не был совсем, говорю тебе верно!
Гелия я глубоко уважаю и прочих бессмертных,
Также тебя я люблю и вот этого чу. И ты знаешь
Сам, что невинен я в этом. Поклянуся великою клятвой:
Этой прекрасною дверью бессмертных клянусь, — невиновен!
385 А уж за обыск я с ним сосчитаюсь так или этак,
Будь он как хочешь силен! Ты ж тому помогай, кто моложе!»

Кончил Килленец и глазом хитро подмигнул Громовержцу.
Так и висела на локте пеленка, ее он не сбросил.
Расхотался Кронид, на мальчишку лукавого глядя,
390 Как хорошо и искусно насчет он коров отпирался.
И приказал он обоим с согласной душою на поиск
Вместе идти, а Гермес чтоб указывал путь, как вожатый.
И чтоб привел Аполлона-владыку, умом не лукавя,
К месту, в котором коров крепколобых его он запрятал.
395 Зевс головою кивнул, и Гермес не ослушался славный:
Разум Эгидодержавца его убедил без усилий.

Оба прекрасные сына владыки Кронида поспешно
Прибыли в Пирос песчаный, лежащий на броне Алфейском,
К полю пришли наконец и к загону со сводом высоким,
400 Где сберегал он добычу свою в продолжение ночи.
Тут многославный Гермес, подойдя к каменистой пещере,
Крепкоголовых коров Аполлоновых вывел наружу.
В сторону взор Летоид обратил, на высоком утесе
Шкуры коровьи заметил и быстро Гермесу промолвил:

405 «Как же, однако, сумел ты, хитрец, две коровы зарезать, —
Этакий малый младенец, едва только на свет рожденный?»

Будущей силы твоей я страшусь. Невозможно позволить,
Чтобы он вырос большой, о Майи сын, Киллениец!»

410 * Так он промолвил и прутьями ивы скрутил ему крепко
* Руки. Но сами собою на нем распустились узы
И, перепутавшись, тотчас к ногам его наземь упали...

* * * * * * * * * * * * * * *

413 По измышленью Гермеса, лукавого бога. Увидел
Феб-Аполлон и весьма изумился. Усердно моргал,
415 Аргоубийца могучий оглядывал искоса местность...

* * * * * * * * * * * * * * *

Спрятать пытаюсь. И очень легко, как желал, успокоил
Сердце он сына Лето многославной, царя-Дальновержца,
Как тот ни был могуч. Положивши на левую руку,
Плектром испробовал струны одна за другою. Кифара
420 Звук под рукою гудящий дала. Аполлон засмеялся,
Радуюсь; в душу владыки с божественной силой проникли
Эти прелестные звуки. И всею душою он слушал,
Сладким объятый желаньем. На лире приятно играя,
Смело сын Майи по левую руку стоял Аполлона.
425 Вскоре, прервавши молчанье, под звонкие струнные звуки
Начал он петь, и прелестный за лирою следовал голос.
Вечноживущих богов воспевал он и темную землю, —
Как и когда родились и какой кому жребий достался.
Первой между богинями он Мнемосину восславил,
430 Матерь божественных Муз: то она вдохновляла Гермеса.
Следом и прочих богов по порядку, когда кто родился,
И по достоинству стал воспевать сын Зевса преславный,
Все излагая прекрасно. На локте же лиру держал он.
Неукротимой любовью душа разгорелася Феба,
435 И, обратившись к Гермесу, слова он крылатые молвил:

* «О скоторез, трудолюбец, искусник, товарищ пирушки,
Всех пятьдесят бы коров подарить тебе можно за это!
Мирно отныне с тобою, я думаю, мы разойдемся.
Вот что, однако, скажи мне, о Майи сын многохитрый:
440 Дивные эти деанья тебе от рожденья ль присущи,
Либо же кто из бессмертных иль смертных блистательным эгим
Даром тебя одарил, обучив богогласному пенью?
Слушаю я этот дивный, доселе неслышанный голос, —
Нет, никогда не владел тем искусством никто ни из смертных,
445 Ни из бессмертных богов, в Олимпийских чертогах живущих,
Кроме тебя одного, сын Зевса и Майи, воришка!
Что за искусство? Откуда забвенья забот с ним приходит?»

- Как научиться ему? Три вещи дает оно сразу:
Светлую радостность духа, любовь и сон благодатный.
- 450 Сопровождаю я сам и божественных Муз олимпийских,
Дело же их — хороводы и песенный строй знаменитый,
Пышно цветущие песни и страстные флейт переливы.
Но никогда ни к чему еще сердце мое не лежало
Больше, чем к этим деяниям искусным, явленным тобою.
- 455 Сын Кронидов, игре превосходной твоей удивляюсь!
Хоть невелик ты, но что за прекрасные знаешь ты вещи!
Сядь же, голубчик, и слово послушай того, кто постарше.
Ныне же славу великую ты меж бессмертных получишь, —
Верно тебе говорю я, — и сам ты, и мать твоя также.
- 460 Этим тебе я клянуся кизилowym дротиком крепким:
Славным тебя и богатым я сделаю между богами,
Пышных даров надарю и ни в чем никогда не надую!»

Речью лукавою Фебу Гермес отвечал многославный:

- «Как осторожно меня ты пытаешь! А мне бы завидно
- 465 Не было вовсе, когда бы искусство мое изучил ты.
Нынче ж узнаешь. Желая тебе от души угодить я
Словом своим и советом: ведь все тебе ведомо точно,
Ибо на первом ты месте сидишь близ богов всеблаженных,
Смелый душой и могучий. И любит тебя не напрасно
- 470 Зевс-промыслитель. По праву так много даров и почета
Ты от него получил. Говорят, прорицать ты умеешь
С голоса Зевса-отца: ведь все прорицанья от Зевса.
Ныне ж и сам я узнал хорошо, до чего ты всеведущ.
Выбор свободный тебе — обучаться, чему пожелаешь.
- 475 Так как, однако, желаешь душой на кифаре играть ты, —
* Пой и играй на кифаре и праздник устраивай пышный,
В дар ее взяв от меня. Ты же, друг, дай мне славу за это.
Звонкую будешь иметь на руках ты певицу-подругу,
Сможет она говорить обо всем хорошо и разумно.
- 480 С нею ты будешь желанным везде, —и на пире цветущем,
И в хороводе прелестном, и в шествии буйно веселом.
Радость дает она ночью и днем. Кто искусно и мудро
Лиру заставит звучать, все приемы игры изучивши, —
Много приятных для духа вещей он узнает чрез звуки,
- 485 * Тешиться нежными станет привычками с легкой душою
И от работы несчастной забудется. Если же неуч
Грубо за струны рукою неопытной примется дергать,
Будет и впредь у него дребезжать она плохо и жалко.
Выбор свободный тебе — обучаться, чему пожелаешь,
- 490 Сын многославный Кронида, тебе отдаю эту лиру!
Мы же на пастбищах этой горы и равнины привольной
Будем пасти, Дальновержец, коров, обитательниц поля.

И в изобилии станут коровы, сопрягшись с быками,
Нам и бычков и телушек рожать. А тебе не годится, —
495 Как бы о выгоде ты ни заботился, гневаться слишком!»

Так говоря, протянул он кифару. И Феб ее принял.
Сам же Гермесу вручил он блистающий бич свой и отдал
Стадо коровье в подарок. И с радостью принял сын Майи.
В левую руку тотчас же кифару Гермесову взявши,
500 Сын знаменитый Лето, Аполлон, дальнострельный владыка,
Плектром испробовал струны одна за другою. Кифара
Сладостный звук испустила. А бог подпевал ей прекрасно.

После того повернули назад они стадо коровье
К лугу священному, сами ж, прекрасные дети Кронида,
505 На многоснежный Олимп воротились, в собрание бессмертных,
Лирою тешась. И радость взяла промыслителя-Зевса.

* * * * *

Дружбу меж ними возжег он. И с этого времени крепко
И нерушимо навеки Гермес возлюбил Летоида,
Милую дав Дальновержцу кифару как знаменье дружбы.
510 И, обучившись приемам, играл он, с кифарой на локте.
Сам же Гермес изобрел уж искусство премудрости новой:
Тотчас создал далеко разносящийся голос свирелей.

И обратился к Гермесу тогда Летоид со словами:

«Очень боюсь я, сын Майи, вожатый, на выдумки хитрый,
515 Как бы кифары моей не стянул ты и гнutoго лука:
Ибо в удел тебе Зевсом дано всевозможные мены
Производить между смертных людей на земле многодарной.
Если б, однако, великою клятвой богов поклялся ты, —
Либо кивком головы, либо Стикса могучей водою, —
520 Все бы тогда мне приятным и милым ты сделал для сердца».

И головою кивнул знаменитый Гермес, обещаясь
Не воровать никогда ничего из имущества Феба,
Не приближаться и к прочным палатам его. И ответно
Клятву в союзе и дружбе принес Аполлон дальнострельный
525 В том, что милее не будет ему ни один из бессмертных, —
Ни человек, от Кронида рожденный, ни бог. «Превосходным
* Будешь посредником ты у меня меж людьми и богами,
Веры достойным моей и почтенным. Поздней тебе дам я

Посох прекрасный богатства и счастья — трилистный, из злата.
 530 Будет тебя этот посох повсюду хранить невредимым,
 * Все указуя дороги к хорошим словам и деяньям,
 Сколько бы я их ни знал по внушению вешему Зевса.
 Что ж до гаданий, которым ты, друг, научиться желаешь,
 Этой наукой владеть не дано ни тебе, ни другому.
 535 Ведает только Кронида великого ум. Поручившись,
 Я головою кивнул и поклялся великою клятвой,
 Что, исключая меня, средь богов, бесконечно живущих,
 Знать ни единый не будет решений обдуманых Зевса.
 Так не наставляй также и ты, златожезленный брат мой,
 540 Чтобы тебе я поведал Кронидовы вещие мысли.
 Вред я несу одному человеку и пользу другому:
 Много имею я дела с родами несчастными смертных.
 И от оракула пользу получит лишь тот, кто, доверясь
 Лёту и голосу птицы надежной, ко мне обратится:
 545 Тот от оракула пользу получит, не будет обманут.
 Кто ж, положившись на знаменья птиц, для гаданий негодных,
 За прорицанием к нам безрассудно захочет прибегнуть,
 Больше узнать домогаясь, чем знают бессмертные боги, —
 Тот, говорю я, без пользы придет и дары принесет мне.
 550 Но расскажу я тебе и другое, сын Майи преславной
 И Эгиоха-Кронида, в богах божество-благодаетец!
 Некие Фрни на свете живут, по рождению сестры,
 Девы. На быстрые крылья свои веселятся те девы,
 Трое числом. Волоса их посыпаны белой мукою.
 555 А обитают они в углубленье Парнасской долины,
 Там обучая гаданью. И мальчиком подле коров я
 Им занимался и сам. Но отец ни во что его ставил.
 Дом свой покинув и с места на место проворно летая,
 К сотам они приникают и все их дотла очищают.
 560 Если безумьем зажгутся, поевши янтарного меда, —
 Всею душою хотят говорить они чистую правду.
 Если же сладостной пищи богов не отведают нимфы,
 Тех, кто доверится им, поведут безо всякой дороги.
 Их я тебе отдаю. Обо всем вопрошая подробно,
 565 Тешь себе душу. А если гадать ты и смертному станешь,
 Часто твоих прорицаний запросит он: лишь бы сбывались!
 Это возьми ты, сын Майи, и стадо коров криворогих.
 На попеченье прими лошадей и выносливых мулов...

* * * * *

Огненноокие львы, белокрылые вепри, собаки,
 570 Овцы, сколько бы их на земле ни кормилось широкой, —
 Четвероногие все да пребудут под властью Гермеса!
 Быть лишь ему одному посланцем безупречным к Аиду.
 * Дар принесет он немалый, хоть сам одарен и не будет».

Так возлюбил Дальновержец Гермеса, рожденного Майей,
575 Всяческой дружбой. А прелесть придал их союзу Кронион.
Дело имеет Гермес и с людьми, и со всеми богами.
Пользы кому-либо мало дает, но морочит усердно
Смертных людей племена, укрываемый черною ночью.

Радуйся также и ты, сын Зевса-владыки и Майи!
580 Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

IV К АФРОДИТЕ

- Муза! Поведай певцу о делах многозлатной Киприды!
Сладкое в душах богов вожделенье она пробудила,
Власти своей племена подчинила людей земнородных,
В небе высоком летающих птиц и зверей всевозможных,
5 Скольким из них ни дает пропитанье земля или море,
Всем одинаково близко сердцам, что творит Киферея.
Только тронх ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах:
Дочери Зевса-владыки, сиятельноокой Афины, —
Мало лежит ее сердце к делам многозлатной Киприды.
10 Любит она только войны и грозное Ареса дело,
Схватки жестокие, битвы, заботы о подвигах славных.
Плотников, смертных мужей, обучила впервые богиня
Сооружать для боев колесницы, пестрящие медью.
Девушек с кожей нежной она обучила в чертогах
15 Славным работам, вложив понимание каждой в рассудок.
Также не в силах Киприда улыбколюбивая страстью
Жаркой и грудь Артемиды зажечь златострельной и шумной:
Любит она только луки, охоту в горах за зверями,
Звяканье лир, хороводы, далеко звучащие клики,
20 Роши, богатые тенью, и город мужей справедливых.
Дел Афродиты не любит и скромная дева Гестия,
Первороденная дочь хитроумного Крона-владыки,
Снова ж потом и последнерожденная, волею Зевса.
Феб-Аполлон добивался ее, Посейдон-земледержец, —
25 Не пожелала она и сурово обоих отвергла.
Клятвой она поклялася великой — и клятву сдержала,
До головы прикоснувшись эгидодержавного Зевса,
Что навсегда она в девах пребудет, честная богиня.
Дал ей отличие прекрасное Зевс в возмещенье безбрачья:

30 Жертвенный тук принимая, средь дома она восседает;
С благоговеньем богине во всех поклоняются храмах,
Смертными чтится она как первейшая между богами.

Этих тронх ни склонить, ни увлечь Афродита не в силах.
Из остальных же избежать ее никому невозможно,
35 Будь то блаженные боги иль смертнорожденные люди.
Зевс-молнелюбец и тот обольщаем бывал не однажды, —
Он, величайший из всех, величайшей чести причастный!
Разум глубокий вскружив, без труда и его Афродита —
Стоило лишь пожелать ей — сводила со смертной женою
40 И забывать заставляла о Гере, сестре и супруге,
Между бессмертных богинь выдающейся видом прекрасным, —
Славную Крон хитроумный и мать Рее родили.
Знающий вечные судьбы, властительный Зевс-молнелюбец
Сделал разумную Геру своею супругой почтенной.

45 Но и саму Афродиту зажег сладострастным желаньем
Ласк человеческих Зевс, чтоб как можно скорей оказалось,
Что не смогла и она не взойти к человеку на ложе,
Чтобы нельзя уже было хвалиться пред всеми богами
Сладко смеющейся, любящей смех Афродите прекрасной,
50 Как она с женами сводит земными богов всеблаженных,
И сыновей для бессмертных богов они смертных рождают,
Как и с мужами земными блаженных богинь она сводит.

Зевс ей забросил к Анхизу желание сладкое в душу,
Пас в это время быков на горах он высоковершинных
55 Иды, богатой ключами, — осанкой бессмертным подобный.
И загорелось любовью улыбкалюбивой Киприды
Сердце. И, ужас будя, вожделенье ей в душу проникло.
Быстро примчавшись на Кипр, низошла она в храм свой

душистыѣ

В Пафосе: есть у нее там алтарь благовонный и роща.
60 В храм Афродита вошла и закрыла блестящие двери.
Там искупали богиню Хариты и тело натерли
Маслом бессмертным, какое обычно для вечноживущих.
64 Чудной облекшись одеждой и все превосходно оправив,
65 Золотом тело украсив, покинула Кипр благовонный
И понеслась Афродита улыбкалюбивая в Трою,
На высоте, в облаках, свой стремительный путь совершая.
Быстро примчалась на Иду, зверей многоводную мать.
Прямо к жилищам пошла через гору. Виляя хвостами,
70 Серые волки вослед за богинею шли и медведи,
Огненноokie львы и до серн ненасытные барсы.
И веселилась душою при взгляде на них Афродита.

В грудь заронила она им желание страстное. Тотчас
По двое все разошлись по логом тенистым. Она же
75 Прямо к пастушьим пришла шалашам, что сделаны прочно,
Там-то Анхиза-героя нашла. В отдаленье от прочих
Он в шалаше пребывал, от богов красоту получивший.
Вслед за стадами бродили по пастбищам густотравивистым
Все остальные. От них вдалеке он туда и обратно
80 По шалашу одиноко ходил, на кифаре играя.
Встала внезапно пред ним Афродита, Кронидова дочь,
Ростом и видом вполне уподобившись деве невинной,
Чтобы Анхиз не пугался, ее увидавши глазами.
Он же, увидев богиню, в уме размышлял и дивился
85 Виду и росту ее и блестящим ее одеяньям.
Пеплос надела она, лучезарный, как жаркое пламя,
Ярко блистали на теле витые запястья и пряжки,
И золотые висели на шее крутой ожерелья,
Разнообразные, видом прекрасные; словно блестящий
90 Месяц вкруг нежных грудей Афродиты светился чудесно.
Страсть овладела Анхизом. Он слово навстречу ей молвил:

«Здравствуй, владычица, в это жилище входящая, — кто бы
Ты ни была из блаженных, — Лето, Артемида, Афина,
Иль Афродита златая, иль славная родом Фемида!
95 Или же ты мне явилась, одна из Харит, что бессмертных
Сопровождают богов и бессмертными сами зовутся?
Или ты нимфа — из тех, что источники рек населяют,
Влажнугустые леса и прекраснотенистые рощи?
Или из тех, что на этой горе сбитают прекрасной?
100 Я для тебя на холме, отовсюду открытом для взоров,
Жертвенник пышный воздвигну и буду на нем постоянно
Жертвы тебе приносить многоценные. Ты же, богиня,
Будь благосклонна ко мне, возвеличь меж сограждан троянских,
Даруй, как время настанет, цветущих потомков и сделай
105 Так, чтоб, в народах блаженный, и сам хорошо я и долго
Жил и на солнце глядел, и до старости дожил глубокой».

Зевсова дочь Афродита немедля ему отвечала:

«Славный Анхиз! Из мужей, на земле порожденных,
славнейший!
Я не богиня. Напрасно меня приравнял ты к бессмертным.
110 Смерти подвержена я. И жена родила меня, мать.
Славноименный Отрей — мой отец, коли слышал о нем ты.
Царствует он нераздельно над всей крепкостенной Фригией.
Но языком хорошо я и нашим и вашим владею,
Ибо меня воскормила троянка-кормилица дома,

- 115 Девочкой малой принявши от матери многолюбимой.
Вот почему языком хорошо я и вашим владею.
Ныне же Аргоубийца с лозой золотою из хора
Золотострельной и шумной похитил меня Артемиды:
Много нас, нимф, веселилось и дев, для мужей вождельных.
- 120 И неисчетные толпы венком хоровод окружали.
Там-то меня и похитил Гермес с золотою лозою.
Нес он меня через земли, являвшие труд человека,
Нес и чрез дикие земли, лишенные меж, на которых
Лишь плотоядные звери блуждают по логам тенистым;
- 125 Кажется мне, что ногами я даже земли не касалась.
Он мне сказал, что на ложе Анхиза законной супругой
Я призываюсь взойти и детей народить тебе славных.
Все указавши и все объяснив, возвратился обратно
Аргоубийца могучий в собрание прочих бессмертных.
- 130 Я же к тебе вот пришла: принуждает меня неизбежность.
Именем Зевса тебя заклинаю! Родителей добрых
Именем, ибо худые такого, как ты, не родили б!
Девой невинной, любви не познавшей, меня отведи ты
И покажи как отцу твоему, так и матери мудрой,
- 135 Также и тем, кто от них порожден, твоим братьям родимым,
Буду ли я подходящей невесткой для них иль не буду?
Быстро вестника тотчас пошли к резвоконным фригийцам,
Пусть сообщит и отцу он, и матери, тжаною скорбящей,
Золота много тебе они вышлют и тканой одежды.
- 140 Ты же прими за невестой в приданое эти богатства.
Все это сделавши, свадебный пир снаряди богатейший,
Чтоб оценили его и бессмертные боги и люди».

Так говорила и сладким желаньем наполнила душу.
Страсть овладела Анхизом; он слово сказал и промолвил:

- 145 «Если ты смертная впрямь и жена родила тебя мать,
Если отец твой — Отрей знаменитый, как ты утверждаешь,
Если ты здесь по решенью бессмертного Аргоубийцы
И навсегда суждено тебе быть мне законной женою, —
То уж никто из богов и никто из людей земнородных
- 150 Мне помешать не сумеет в любви сочетаться с тобою
Тотчас, теперь же! Хотя б даже сам Аполлон-дальневержец
Луком серебряным слал на меня многостонные стрелы!
Мне бы хотелось, о дева, богичям подобная видом,
Ложе с тобой разделивши, спуститься в жилище Аида!»
- 155 Руку он взял Афродиты улыбкалюбивой. Она же,
Светлый потупивши взор, повернулась и тихо скользнула
К постланной пышно постели. Там сложено было уж раньше

160 Ложе из мягких плащей для владыки и сверху покрыто
Шкурами тяжело рыкающих львов и косматых медведей,
Собственноручно в высоких горах умерщвленных Анхизом.
Рядом воссели они на прекрасно устроенном ложе.
Снял он ей прежде всего украшенья блестящие с тела —
Пряжки, застежки, витые запястья для рук, ожерелья.
165 Пояс потом распустил и сиявшие светом одежды
С тела богини совок и на стуле сложил среброгвоздном.
И сочетался любовью, по божеской мысли и воле,
С вечной богинею смертный, и сам того точно не зная.

В час же, когда пастухи на стоянку коров пригоняют
С тучными овцами к дому с цветами усыпанных пастбищ,
170 Крепкий и сладостный сон излила на Анхиза богиня,
С ложа сама поднялась и прекрасное платье надела.
Все со вниманьем вокруг тела оправив, у самого входа
Остановилась богиня богинь, головой достигая
Притолки, сделанной прочно, и ярко сияли ланиты
175 Той красотой нетленной, какую славна Киферея.
И пробудила от сна, и такое промолвила слово:

«Встань, поскорей, Дарданид! Что лежишь ты во сне
непробудном?
Встань и ответь себе точно, кажусь ли сейчас я подобной
Деве, какую сначала меня ты увидел глазами».

180 Так говорила. Ее он из сна очень быстро услышал.
И увидал он глаза и прекрасную шею Киприды,
И ужаснулся душою, и, в сторону взор отворотивши,
Снова закрылся плащом, и лицо несравненное спрятал,
И, умоляя богиню, слова окрыленные молвил:

185 «Сразу, как только тебя я, богиня, увидел глазами,
Понял я, кто ты, и понял, что мне ты неправду сказала.
Зевсом эгидодержавным, простершись, тебя заклинаю:
Не допусти, чтоб живой между смертных я жить оставался
Силы лишенным. Помилуй! Ведь силы навеки теряет
190 Тот человек, кто с бессмертной богинею ложе разделит!»

И отвечала ему Афродита, Кронидова дочь:

«Славный Анхиз! Из людей, на земле порожденных,
славнейший!»

- Духом не падай и в сердце своем не пугайся чрезмерно.
Ни от меня, ни от прочих блаженных богов ты не должен
- 195 Зол испытать никаких: олимпийцы к тебе благосклонны.
Милого сына родишь. Над троянцами он воцарится.
Станут рождать сыновья сыновей чередой непрерывной.
Имя же мальчику будет Эней, потому что в ужасном
Горе была я, попавши в объятия смертного мужа.
- 200 Больше всего меж людей ходили всегда на бессмертных
Люди из вашего рода осанкой и видом прекрасным.
Так златокудрого некогда Зевс Ганимеда похитил
Ради его красоты, чтобы вместе с бессмертными жил он
И чтобы в Зевсовом доме служил для богов виночерпцем, —
- 205 Чудо на вид и богами блаженными чтимый глубоко, —
Из золотого кратера пурпуровый черпая нектар.
Тросом же тяжкая скорбь овладела: не знал он, куда же
Сына его дорогого умчало божественным вихрем.
Целые дни непрерывно оплакивал он Ганимеда.
- 210 Сжалился Зевс над отцом и ему, в возмещение за сына,
Дал легконогих коней, на которых бессмертные ездят.
Их ему дал он в подарок. Про сына ж, велением Зевса,
Аргоубийца, глашатай бессмертных, владыке поведал,
Что нестареющим стал его сын и бессмертным, как боги.
- 215 После того как услышал он Зевсово это известье,
Трос горевать перестал, и душою внутри веселился,
И, веселяся душой, разъезжал на конях ветроногих.
Так и Тифона к себе увлекла златотронная Эос, —
Тоже из вашего рода и видом подобного богу.
- 220 С просьбой прибегла она к чернотучному Зевсу-Крониду
Сделать бессмертным его, чтобы жил он во вечные веки.
Зевс головою на это кивнул и исполнил желанье.
Глупая! Вон из ума упустила владычица Эос
Вымолить юность ему, избавленье от старости жалкой.
- 225 Первое время, пока многомилою юностью цвел он,
Рано рожденною он наслаждался Зарей златотронной,
Близ океанских течений у граней земли обитая.
С той же поры, как сединки в его волосах появились
На голове благородной и на подбородке прекрасном,
- 230 Ложе его посещать перестала владычица Эос,
Но за самим продолжала ходить и амвросией сладкой,
Пищей кормила его, одевала в прекрасное платье.
После же того как совсем его грозная старость настигла
И ни единого члена не мог ни поднять он, ни двинуть, —
- 235 Вот каковое решенье представилось ей наилучшим:
В спальню его положила, закрывши блестящие двери;
Голос его непрерывно течет, но исчезла из тела
Сила, которою были исполнены гибкие члены.
Не пожелала бы я, чтоб, подобным владея бессмертьем,
- 240 Между блаженных бессмертных ты жил бесконечно жизнью.
Если б, однако, с такою, как ныне, осанкой и видом

Жить навсегда ты остался, моим именуясь супругом,
 Заволочить не могло бы рассудка мне ясного горе.
 Ныне же быстро тебя беспощадная старость охватит, —
 245 Старость, пред вами так скоро встающая, общая всем вам,
 Трудная, полная горя, которой и боги боятся.
 Ныне позор величайший и тяжкий на вечное время
 Из-за тебя между всеми бессмертными я заслужила:
 Раньше боялися боги моих уговоров и козней,
 250 Силой которых сводила бессмертных богов на любовь я
 С смертными женами: всех покоряла я мыслью своею.
 Но никогда уже уст я отныне своих не раскрою
 Перед бессмертными чем похвалиться. Бедою ужасной,
 Невыразимой постигнута я, заблудился мой разум:
 255 Сына под поясом я зачала, сочетавшись со смертным!..
 После того как впервые он солнца сиянье увидит,
 Горные нимфы с грудями высокими вскормят младенца, —
 Здесь обитают они, на горе на божественной этой.
 Род их — особый; они не бессмертны, но также не смертны:
 260 Долгое время живут, амвросийской питаются пищей
 И в хороводах прекрасных участвуют вместе с богами.
 Их в закоулках уютных пещер заключают в объятья
 С лаской любовной силены и Аргуса зоркий убийца.
 С ними, как только родятся они, появляются на свет
 265 Из многоплодной земли на высоких горах либо сосны,
 Либо высокие дубы, прекрасные зеленью пышной.
 Стройно стоят и высоко. Священную рощей бессмертных
 Их называют. И люди рубить их железом не смеют.
 Но наступает судьбою назначенный час умиранья —
 270 И на корню засыхают деревья прекрасные, гибнет
 И отмирает кора, опадают зеленые ветви.
 В это же время и души тех нимф расстаются со светом.
 Сына они моего у себя воспитают и вскормят.
 После ж того как впервые придет к нему милая юность,
 275 Мальчика нимфы сюда же к тебе приведут и покажут.
 278 Милый свой отпрыск впервые когда ты увидишь глазами,
 Радость тобой овладеет: бессмертным он будет подобен,
 280 Мальчика тотчас в открытый ветрам Илион отведешь ты.
 Если ж какой-нибудь смертный о матери спросит, приившей
 В страстных объятьях твоих многомилого сына под пояс,
 То отвечай, — и навеки запомни мое приказанье, —
 Что родила тебе сына того цветколикая нимфа, —
 285 Из обитающих здесь вот, на этих горах многолесных.
 Если же правду ты скажешь и хвастать начнешь безрассудно,
 Что сочетался в любви с Кифереей прекрасновечной, —
 Зевс тебя в гнев низвергнет, обугливши молнией жгучей.
 Все я сказала тебе. А ты поразмысли об этом:
 290 Не проболтайся, сдержись, — трепещи перед гневом
 бессмертных!»»

Так Афродита сказала и в ветреном небе исчезла.

Радуйся много, богиня, прекрасного Кипра царица!
Песню начавши с тебя, приступаю к другому я гимну.

V. К ДЕМЕТРЕ

- Пышноволосую петь начинаю Деметру-богиню
С дочерью тонколодыжной, которую тайно похитил
Аидоней, с изволенья пространно гремящего Зевса.
Не было матери с ней, златосерпой Деметры, в то время.
- 5 В сонме подруг полногрудых, рожденных седым Океаном,
Дева играла на мягком лугу и цветы собирала,
Ирисы, розы срываая, фиалки, шафран, гиацинты,
Также нарциссы, — цветок, из себя порожденный Землею,
По наущению Зевса, царю Полидекту в угоду,
- 10 Чтоб цветколицу деву прельстить — цветок благовонный,
Ярко блистающий, диво на вид для богов и для смертных.
Сотня цветочных головок от корня его поднималась,
Благоуханью его и вверху все широкое небо,
Вся и земля улыбалась, и горько-соленое море.
- 15 Руки к прекрасной утехе в восторге она протянула
И уж сорвать собиралась, как вдруг раскололась широко
Почва Нисийской равнины, и прынул на конях бессмертных
Гостеприимец-владыка, сын Кроноса многоименный.
Деву насильно схватив, он ее в золотой колеснице
- 20 Быстро помчал. Завопила пронзительным голосом дева,
Милого клича отца, высочайшего Зевса-Кронида.
Но не услышал призыва ее ни один из бессмертных,
И ни один из людей, ни одна из подруг пышноруких.
Слышала только из темной пещеры Персеева дочерь,
- 25 Нежная духом Геката, с блестящей повязкою дева.
Слышал и Гелиос-царь, Гиперионов сын лучезарный,
Как призывала богиня Кронида-отца. Но далеко
В многомолитвенном храме отец пребывал в это время,
От земнородных людей принимая прекрасные жертвы.
- 30 Деву же, против желанья ее, наущением Зевса,
Прочь от земли на бессмертных конях увлекал ее дядя;
Гостеприимец-властитель, сын Кроноса многоименный.

- Все же, покамест земля и богатое звездами небо,
И многорыбное, сильно текущее море, и солнце
35 С глаз не исчезли у девы, — надежды она не потеряла
Добрую мать увидеть и племя богов вековечных:
В горькой печали надежда ей все еще тешила душу...

* * * * *

- Ахнули тяжело от вопля бессмертного темные бездны
Моря и горные главы. И вопль этот мать услышала.
40 Горе безмерное остро пронзило смущенное сердце.
Разодрала на бессмертных она волосах покрывало,
Сбросила с плеч сине-черный свой плащ и на поиски девы
Быстро вперед устремилась по суше и влажному морю,
Как легкокрылая птица. Но правды поведать никто ей
45 Не захотел ни из вечных богов, ни из смертнорожденных,
И ни одна к ней из птиц не явилась с правдивою вестью.

- Девять скиталась дней непрерывно Део пречестная,
С факелом в каждой руке обходя всю широкую землю,
И не вкусила ни разу амвросии с нектаром сладким,
50 Кожи нетленной своей не омыла ни разу водою.
Но лишь десятая в небе забрезжила светлая Эос,
Встретилась скорбной богине Геката, державшая светоч, —
Вествуя матери, слово сказала и так говорила:

- «Пышноцарящая, добропогодная мать Деметра!
55 Кто из небесных богов или смертных людей дерзновенно
Персефонею похитил и милый твой дух опечалил?
Голос ее я слыхала, однако не видела глазом,
Кто похититель ее. По совести все говорю я...»

* * * * *

- Так говорила Геката. И ей не ответила речью
60 Реи прекрасноволосой дочь, но вперед устремилась
С факелом в каждой руке в сопутствии девы Гекаты.
К Гелию обе пришли, пред конями его они стали,
И взговорила к богов и людей соглядатаю мать:

- «Гелиос! Сжался над видом моим, если словом иль делом
65 Я хоть когда-нибудь сердцу и душу тебе утешала.
Дева, дитя мое, отпрыск желанный, прекрасная видом, —
Слышала я сквозь пустынный эфир ее громкие вопли,
Словно бы как от насилья, однако не видела глазом.
Ты из священного смотришь эфира своими лучами,
70 Все озаряешь ты сверху — широкую землю и море.

Если ты милую дочь мою видел, скажи мне всю правду.
Кто из бессмертных богов иль, быть может, из смертнорожденных,
Быстро схватив ее, силой похитил от матери тайно».

Так говорила. В ответ же ей сын Гиперионов молвил:

- 75 «Реи прекрасноволосая дочь, о царица Деметра!
Все я поведаю. Чту я тебя глубоко и о деве
Тонколодыжной печалюсь совместно с тобой. Не иной кто
В том из бессмертных виновник, как Зевс, облаков собиратель.
80 Брату Аиду назвать твою дочь цветущей супругой
Зевс разрешил, и ее он, вопящую громко, схвативши,
В сумрак туманный под землю увлек на конях быстроногих.
Но прекрати, о богиня, великий свой плач. Понапрасну
Гневом безмерным себя не терзай. Недостойным ужели
85 Зятем себе считаешь властителя Аидонея,
Единокровного брата родного? Притом же и чести
Он удостоен немалой, как натрое братья делились.
С теми живет он, над кем ему властвовать жребий достался».

- Так отвечав, на коней закричал он. И быстрые кони,
Как легкокрылые птицы, помчали вперед колесницу.
90 Ей же еще тяжелей и ужасней печаль ее стала,
Гневом исполнилось сердце на тучегонителя Зевса.
Сонма богов избегая, Олимп населяющих светлый,
Долго она по людским городам и полям плодоносным
Всюду блуждала, свой вид изменив. И никто благодатной
95 Ни из мужей не узнал, ни из жен, подпоясанных низко,
Прежде чем в дом не пришла она храброго духом Келея
(Был в это время царем благовонного он Элевсина).
Сердцем печалуюсь милым, богиня близ самой дороги
У Парфенейского села колодца, где граждане воду
100 Черпают, — села в тени под оливковым деревом, образ
Древней старухи приняв, для которой давно уже чужды
Венколюбивой дары Афродиты и деторожденье.
Няни такие бывают у царских детей или также
Ключницы, в гулко звучащих домах занятые хозяйством.
105 Дочери там элевсинца Келея ее увидали.
Шли за водою они легкочерпную, чтобы, сосуды
Медные ею наполнив, в родительский дом воротиться.
Четверо, словно богини, цветущие девичьим цветом, —
Каллидика, Демо миловидная, и Клейсидика,
110 И Каллифоя (меж всеми другими была она старшей).
И не узнали: увидеть богов нелегко человеку.
Остановились вблизи и крылатое молвили слово:

«Кто ты из древнерожденных людей и откуда, старушка?
Что ты сидишь здесь одна, вдалеке от жилищ, и не входишь
115 В город? Немало там женщин нашла б ты в тенистых чертогах
В возрасте том же, в каком и сама ты, равно и моложе.
Все бы любовь проявили к тебе на словах и на деле».

Так говорили. Ответила им пречестная богиня:

«Милые детки! Кто б ни были вы между жен малосильных,
120 Здравствуйте! Все расскажу я. Ведь было бы мне непристойно
Гнусной неправдою вам на вопросы на ваши ответить.
Доя мне имя: такое дала мне почтенная мать.
Ныне из Крита сюда по хребту широчайшему моря
Я прибыла не по воле своей. Но, помимо желанья,
125 Силой меня захватили разбойники. Вскоре пристали
На быстроходном они корабле к Форикусу, где все мы,
Женщины, на берег вышли, равно и разбойники сами.
Близ корабельных причалов они там устроили ужин.
Сердце ж мое не к еде, услаждающей душу, стремилось.
130 Тайно от всех я пустилась бежать через черную сушу
И от хозяев надменных ушла, чтобы, в рабство продавши
Взятую даром меня, барышей бы на мне не нажили;
Так вот, блуждая, сюда наконец я пришла и не знаю,
Что это здесь за земля, что за люди ее населяют.
135 Дай вам великие боги Олимпа законных супругов,
Дай вам и деток они, по желанью родителей ваших,
Вы же, о девы, меня пожалейте, во мне благосклонно,
Милые детки, примите участие и в дом помогите
Мужа попасть и жены, чтоб могла я для них со стараньем
140 Делать работу, какая найдется для женщины старой.
Я и за новорожденным ходить хорошо бы сумела,
Нянча его на руках; присмотрела б в дому за хозяйством;
Стлала б хозяевам ложа в искусно устроенных спальнях
И обучать рукодельям могла бы служительниц-женщин».

145 Тотчас ответила ей Каллидика, не зная мужа
Дева, из всех дочерей Келеевых лучшая видом:

«Бабушка! Как ни горюй человек, все же волей-неволей
Сносит он божьи дары, ибо много сильнее нас боги.
Все я подробно тебе расскажу и мужей перечислю,
150 Кто здесь у нас обладает великою силой почета,
Кто выдается в народе и кто многомудрым советом
И справедливым судом охраняет у города стены.
Встретишь у нас хитроумного ты Триптолема, Диокла,

- Долиха и Поликсена, и знатного родом Евмолпа,
155 Также отца моего, знаменитого храбростью духа.
Дома у всех их обширным хозяйством заведуют жены:
Вряд ли из них изо всех хоть одна, после первого ж взгляда,
Видом твоим пренебрегши, твое предложенье отвергнет.
Все тебя примут охотно: богине ты видом подобна.
160 Если желаешь, то здесь подожди нас. Домой воротившись,
Все подпоясанной низко Метанире, матери нашей,
Мы по порядку расскажем. Быть может, к себе она примет
В дом наш тебя, и к другим обращаться тебе не придется.
Сын у нее многомилый в чертоге, устроенном прочно,
165 Позднорожденный растет, горячо и издавно желанный.
Если б его ты вскормила и юности мальчик достиг бы, —
Право, любую из жен слабосильных, тебя увидавших,
Зависть взяла бы: такую награду бы ты получила».

- Так говорила. Она головою кивнула. И девы
170 Воду в блестящих сосудах назад понесли величаво.
Прибыли быстро в великий отцовский дворец и поспешно
Матери все сообщили, что видели, что услышали.
Тотчас велела им мать поскорей за безмерную плату
К ней чужестранку призвать. Как олени иль юные телки
175 Прыгают по лугу в пору весеннюю, сытые кормом,
Так понеслись по дороге ущелистой девы, руками
Тщательно складки держа прелестных одежд: развевались
Волосы их над плечами, подобные цвету шафрана.
Возле дороги богиню нашли они, там же, где прежде
180 С нею расстались. К чертогам отца повели ее девы.
Сердцем печалуясь милым, богиня за девами следом
Шла, с головы на лицо опустив покрывало, и пеплос
Черный вокруг ее ног развевался, божественно легких.
Быстро жилища достигли любимого Зевсом Келея
185 И через портик пошли. У столба, подпиравшего крышу
Прочным устоем, сидела почтенная мать их, царица,
Мальчика, отпрыск недавний, держа у груди. Подбежали
Дочери к ней. А богиня взошла на порог и достала
До потолка головой и сияньем весь вход озарила.
190 Благоговенье и бледный испуг охватили царицу.
С кресла она поднялась и его уступила богине.
Не пожелала, однако, присесть на блестящее кресло
Пышнодарящая, добропогодная мать Деметра,
Но молчаливо стояла, прекрасные очи потупив.
195 Пестрый тогда ей придвинула стул многоумная Ямба,
Сверху овечьим руном серебристым покрывши сиденье.
Села богиня, держа пред лицом покрывало руками.
Долго без звука на стуле сидела, печалуясь сердцем,
И никого не старалась порадовать словом иль делом,
200 Но без улыбки сидела, еды и питья не касаясь,

- Мучаясь тяжелой тоскою по дочери с поясом низким.
Бойким тогда балагурством и острыми шутками стала
Многоразумная Ямба богиню смешить пречестную:
Тут улыбнулась она, засмеялась и стала веселой.
- 205 Милой с тех пор навсегда ей осталась и в тайнствах Ямба.
Кубок царица меж тем протянула богине, наполнив
Сладким вином. Отказалась она. Не годится, сказала,
Красное пить ей вино. Попросила, чтоб дали воды ей,
Ячной мукой для питья замесивши и нежным полеем.
- 210 Та, приготовивши смесь, подала, как велела богиня.
Выпила чашу Део. С этих пор стал напиток обрядным.
И говорить начала ей Метанира с поясом пышным:

- «Радуйся, женщина! Не от худых, а от добрых и славных
Ты происходишь, я вижу, родителей. В царских родах лишь
215 Благоволеньем таким и достоинством светятся взоры.
Что же до божьих даров, все мы волей-неволей их сносим,
Как ни горюем душой: под ярмом наши согнуты шеи.
Здесь же, в дому у меня, будешь так же ты жить, как сама я
Мальчика этого мне воспитай. Ниспослали мне боги
- 220 Поздно его и неожиданно, его горячо я желала.
Если б его ты вскормила и юности мальчик достиг бы, —
Право, любую из жен слабосильных, тебя увидавших,
Зависть взяла бы: такую награду бы ты получила».

Тотчас прекрасновечная ей отвечала Деметра:

- 225 «Радуйся также и ты, да пошлют тебе счастье боги!
Сына с великим стараньем вскормить я тебе обещаюсь,
Как ты велишь. Никакие, надеюсь, по глупости няньки
Чары иль зелья вреда принести не смогут ребенку:
Противоядье я знаю сильнее, чем всякие травы,
- 230 Знаю и против вредительских чар превосходное средство».

Молвила так и прижала младенца к груди благовонной,
Взяв на бессмертные руки; и радость объяла царицу.

- Вскармливать стала богиня прекрасного Демофонта,
Поздно рожденного на свет Метанирой с поясом пышным,
- 235 Сына Келея-владыки. И рос божеству он подобным.
Не принимал молока материнского, пищи не ел он;
Днем натирала Деметра амвросией тело младенца,
Нежно дыша на него и к бессмертной груди прижимая;
Ночью же, тайно от милых родителей, мальчика в пламя,

- 240 Словно как факел, она погружала, и было им дивно, —
Так он стремительно рос, так богам становился подобен.
И неподверженным стал бы ни старости мальчик, ни смерти,
Если бы, по неразумью, Метанира с поясом пышным,
Ночи глубокой дождавшись, из спальни своей благовонной
- 245 Не подглядела. Вскричав, по обоим ударила бедрам
В страхе за милого сына, и ум у нее помутился.
Проговорила слова крыленные в горе великом:

«Сын Демофонт! Чужестранка в великом огне тебя держит,
Мне же безмерные слезы и горькую скорбь доставляет!»

- 250 Так говорила, печалась. Услышала это богиня.
Гневом наполнилось сердце Деметры прекрасновенчанной.
Милого сына, царицей нежданно рожденного на свет
В прочных чертогах, из рук уронила бессмертных на землю,
Вырвав его из огня, возмущенная духом безмерно.
- 255 И взговорила при этом к Метанире с поясом пышным:

- «Жалкие, глупые люди! Ни счастья, идущего в руки,
Вы не способны предвидеть, ни горя, которое ждет вас!
Непоправимое ты неразумьем своим совершила.
Клятвой богов я клянусь, водой беспощадного Стикса, —
- 260 Сделать могла бы навек не стареющим я и бессмертным
Милого сына тебе и почет ему вечный доставить.
Ныне же смерти и Кер уж избежать ему невозможно.
В непреходящем, однако, почете пребудет навеки:
К нам он всходил на колени, и в наших объятиях спал он.
- 265 Многие годы пройдут, и всегда в эту самую пору
Будут сыны элевсинцев войну и жестокую свалку
Против афинян вчинять ежегодно во вечные веки...

* * * * *

- Чтимая всеми Деметра пред вами. Бессмертным и смертным
Я величайшую радость несу и всегдашнюю помощь.
- 270 Пусть же великий воздвигнут мне храм и жертвенник в храме
Целым народом под городом здесь, под высокой стеною,
Чтобы стоял на холме, выдающемся над Каллихором.
Таинства ж в нем я сама учрежу, чтобы впредь, по обряду
Чин совершая священный, на милость вы дух мой склоняли».
- 275 Так сказала богиня, и рост свой и вид изменила,
Сбросила старость и вся красотой обвеялась вечной.
Запах чудесный вокруг разлился от одежд благовонных,

Ярким сиянием кожа бессмертная вдруг засветилась,
И по плечам золотые рассыпались волосы. Словно
280 Светом от молнии прочно устроенный дом осветился.
Вон из чертога пошла. А у той ослабели колени.
Долго немой оставалась царица и даже забыла
Многолюбимого сына поднять, уроненного наземь.
Жалобный голос младенца услышали издали сестры,
285 С мягких постелей вскочили и быстро на крик прибежали.
Мальчика с полу одна подняла и на грудь возложила;
Свет засветила другая; на нежных ногах устремилась
К матери третья — из спальни ее увести благовонной.
Бился младенец, купали его огорченные сестры,
290 Нежно лаская. Однако не мог успокоиться мальчик:
Было кормилицам этим и няням далёко до прежней!

Целую ночь напролет, трепеща от испуга, молились
Славной богине они. А когда засветилось утро,
Все рассказали Келею широкодержавному точно,
295 Что приказала Деметра прекрасновечная сделать.
Он же, созвавши немедля на площадь народ отовсюду,
Отдал приказ на холме выдающемся храм богатейший
Пышноволосой воздвигнуть Деметре и жертвенник в храме.
Тотчас послушались все, и словам его вняли, и строить
300 Начали, как приказал. И с божественной помощью рос он.
После того как исполнили все и труды прекратили,
Каждый домой воротился. Тогда золотая Деметра
Села во храме одна, вдалеке от блаженных бессмертных,
Мучаясь тяжкой тоскою по дочери с поясом низким.

305 Грозный, ужаснейший год низошел на кормилицу-землю
Волею гневной богини. Бесплодными сделались пашни:
Семя сокрыла Деметра прекрасновечная в почве.
Тщетно по пашням быки волокли искривленные плуги,
Падали в борозды тщетно ячменные белые зерна.
310 С голоду племя погибло б людей, говорящих раздельно,
Все без остатка, навек прекратились бы славные жертвы
И приношенья богам, в олимпийских чертогах живущим,
Если бы Зевс не размыслил и в сердце решенья не принял.
Прежде всего златокрылой Ириде призвать повелел он
315 Пышнокудрявую, милую видом Деметру-богиню.
Так он сказал. И, словам чернотучного Зевса-Кронида
Внявши, помчалась Ирида на быстрых ногах сквозь
пространство,
В город сошла Элевсин, благовонным куреньем богатый,
В храме сидящей нашла в одеянии черном Деметру
320 И окрыленное слово, окликнув богиню, сказала:

«Вечное знающий Зевс-промыслитель тебя, о Деметра,
К племени вечноживущих богов призывает вернуться.
Ты же иди, — да не будет напрасным Кронидово слово!»

- Так говорила, прося. Но душой не склонилась богиня.
- 325 Тотчас отец и других к ней отправил богов всеблаженных,
Вечно живущих. И все к ней один за другим приходили,
Звали богиню и много дарили даров превосходных,
Почестей много сулили, ее меж бессмертными ждущих.
Но не сумел ни один убедить ни рассудка, ни сердца
- 330 Гневной Деметры. Сурово все речи отвергла богиня.
На благовонный Олимп и ногою, сказала, не ступит,
Черной земле не позволит плода ни единого выслать,
Прежде чем дочери милой своей не увидит глазами.

- Это услышавши, Зевс, тяжело и пространно гремящий,
- 335 Тотчас отправил в Эреб золотожесткого Аргобуйцу,
Чтобы, приятною речью хитро обольстивши Аида,
Чистую Персефонею из темного мрака он вывел
На свет, в собрание богов, чтоб, ее увидавши глазами,
Мать оскорбленная гнев свой великий в душе прекратила.
- 340 И не ослушался Зевса Гермес, но в глубины земные
Тотчас поспешно спустился, покинув жилище Олимпа.
Аидонея-владыку нашел он в подземных чертогах;
С ним, против воли своей, восседала на ложе супруга,
Черной терзаясь тоскою по матери. Гневом безмерным
- 345 Все еще дух волновался ее на решенье бессмертных.
Близко представши, могучий сказал ему Аргобуйца:

- «Чернокудрявый Аид, повелитель ушедших от жизни!
Зевс мне, родитель, велел достославную Персефонею
Вывести вон из Эреба к своим, чтоб, ее увидавши,
- 350 Гнев на бессмертных и злобу ужасную мать прекратила.
Ибо великое дело душою она замышляет, —
Слабое племя людей земнородных вконец уничтожить,
Скрывши в земле семена, и лишить олимпийцев бессмертных
Почестей. Гневом ужасным богиня полна. Не желает
- 355 Знаться с богами. Сидит вдалеке среди душистого храма,
Город скалистый избрав Элевсин для себя пребываньем».

Так он сказал. Улыбнулся бровями владыка умерших,
Аидоней, и, послушный веленьям властителя Зевса,
Персефонею разумной тотчас же отдал приказанье:

360 «К матери черноодежной немедля иди, Персефона,
 Кроткую силу и благодный дух во груди сохраняя.
 И не печалься чрезмерно: не хуже других твоя доля.
 Право, не буду тебе я в богах недостойным супругом,
 Брат родителя Зевса родной. У меня пребывая,
 365 Будешь владычицей ты надо всем, что живет и что ходит,
 Почести будешь иметь величайшие между бессмертных.
 Вечная кара постигнет того из людей нечестивых,
 Кто с подобающим даром к тебе не придет и не будет
 Радовать силы твоей, принося, как положено, жертвы».

370 Так он промолвил. Вскочила, объятая радостью, с ложа
 Мудрая Персефонея. Тогда повелитель умерших
 Зернышко дал проглотить ей граната, сладчайшее меда,
 С замыслом тайным, чтоб навек супруга его не осталась
 Там наверху с достославной Деметрою черноодежной.
 375 Раньше того уж бессмертных своих лошадей быстроногих
 Многодержавный Аид в колесницу запряг золотую.
 На колесницу богиня вступила. И, в милые руки
 Вожжи и бич захвативши, коней устремил из чертогов
 Аргоубийца могучий; охотно они полетели.
 380 Быстро великий проделали путь; ни широкое море
 Бега бессмертных коней задержать не могло, ни речные
 Воды, ни гор высота, ни зеленых долин углубленья.
 Поверху резали воздух они высоко над землю.
 Там, где сидела Деметра в прекрасном венке, колесницу
 385 Остановил он, — пред храмом душистым. Она же, увидев,
 Ринулась, словно менада в горах по тенистому лесу.
 А Персефона
 Матери милой своей
 Бросилась
 390 Ей же

«Дочь моя
 Пищи. Скажи откровенно
 395 Ибо тогда, возвратившись,
 Подле меня и отца твоего чернотучего Зевса...
 Будешь ты жить на Олимпе, бессмертными чтимая всеми.
 Если ж вкусила, обратно пойдешь и в течение года
 Третью будешь ты часть проводить в глубине преисподней.
 400 Две остальные — со мною, а также с другими богами.
 Чуть же наступит весна и цветы благовонные густо
 Черную землю покроют, — тогда из туманного мрака
 Снова ты явишься на свет, на диво бессмертным и смертным.

Также о том, как тебя обманул Полидегмон могучий».

405 Тотчас в ответ ей сказала прекрасная Персефонея:

«Все, как случилось, тебе откровенно, о мать, расскажу я.
 После того как Гермес-благодаеть, глашатай проворный,
 Мне приказанье принес от Кронида и прочих бессмертных
 К ним из Эреба прийти, чтоб, меня увидавши глазами,
 410 Гнев на бессмертных и злобу ужасную ты прекратила, —
 Радостно тотчас вскочила я с ложа. Тогда потихоньку
 Сунул зерно мне граната он в руку, — сладчайшее вкусом, —
 И, против воли моей, проглотить его силой заставил.
 Что ж до того, как похитил меня он по мысли коварной
 415 Зевса, отца моего, как увлек в преисподнее царство, —
 Я расскажу, без ответа вопросов твоих не оставив.
 Все мы, собравшись на мягком лугу, беззаботно играли.
 Было нас много: Левкиппа, Ианфа, Файно и Электра,
 Также Мелита и Яхе, Родейя и Каллироя,
 420 Тиха, Мелбосис и цветколиция с ней Окироя.
 И Хрисеида с Акастой, Адмета с Янирою вместе,
 Также Родопа, Плутó и прелестная видом Калипсо,
 С ними Урания, Стикс и приятная всем Галаксавра,
 Дева Паллада, к сраженьям зовущая, и Артемида
 425 Стрелолобивая — все мы играли, цветы собирали,
 Ирисы рвали с шафраном приветливым и гиацинты,
 Роз благовонных бутоны и лилии, дивные видом,
 Также нарциссы, коварно землею рожденные черной.
 Радуюсь сердцем, цветок сорвала я. Земля из-под низу
 430 Вдруг раздалась. Взвился из нее Полидегмон могучий.
 Быстро под землю меня он умчал в золотой колеснице,
 Как ни противилась я. Закричала я голосом громким.
 Хоть и с печалью, но все я по правде тебе сообщаю».

Так целый день непрерывно, душе отзываясь душою,
 435 Крепко обнявшись, сидели они и душой веселились,
 Глядя одна на другую. Забыло все горести сердце.
 Радость взаимно они получали и радость давали.
 Дева Геката приблизилась к ним в покрывале блестящем;
 Чистую дочь Деметры в объятья она заключила.
 440 С этой поры ей служанкой и спутницей стала царица.
 С вестью отправил к ним Зевс, тяжело и пространно гремящий,
 Пышноволосую Рею, чтоб в пеплосе черном Деметру
 В сонм олимпийцев обратно она привела, обещаясь
 Почести ей даровать величайшие между бессмертных.

445 Постановил он, чтоб дочь ее в продолжение года
Треть проводила одну в многосумрачном царстве подземном,
Две ж остальные — с Деметрой, а также с другими богами.
Так он сказал, и приказа его не ослушалась Рея.
Быстро покинув вершины Олимпа, она испустилась

450 В Рарион. Выменем был он земли живоносным дотоле,
Но живоносным теперь уже не был. Без зелени, дикий,
Он простирался, в себе сохранивши ячменные зерна,
Как порешила Деметра прекрасолодыжная. Вскоре,
С новой весной, предстояло, однако, опять ему пышно

455 Заколоситься, густые колосья с зерном полновесным
К самой земле преклонить и снопами обильно покрыться.
Там-то впервые сошла из эфира пространного Рея.
Радуясь духом, с любовью они друг на друга взглянули.
И взговорила к ней вот как блестящеодежная Рея:

460 «Встань, о дитя мое! Зевс, тяжело и пространно гремящий,
В сонм олимпийцев тебя призывает вернуться, и много
Почестей хочет тебе даровать средь блаженных бессмертных.
Постановил он, чтоб дочь твоя в продолжение года
Треть проводила одну в многосумрачном царстве подземном,

465 Две остальные — с тобою, а также с другими богами.
Так он решил и главою своею кивнул в подтвержденье.
Встань же, дитя мое, волю исполни его и чрезмерно
В гневе своем не упорствуй на тучегонителя Зевса.
Произрасти для людей живописные зерна немедля!»

470 Так говорила. И ей не была непослушна Деметра.
Выслала тотчас колосья на пашнях она плодородных,
Зеленую буйной, цветами широкую землю одела
Щедро. Сама же, поднявшись, пошла и владыкам державным, —
С хитрым умом Триптолему, смирителю коней Диоклу,

475 Силе Евмолпа, а также владыке народов Келею, —
Жертвенный чин показала священный и всех посвятила
В таинства. Святы они и велики. Об них ни расспросов
Делать не должен никто, ни ответа давать на расспросы:
В благоговенье великом к бессмертным уста замолкают.

480 Счастливы те из людей земнородных, кто таинство видел.
Тот же, кто им непричастен, до смерти не будет векови
Доли подобной иметь в многосумрачном царстве подземном.
Все учредив и устроив, богиня богинь воротилась
С матерью вместе на светлый Олимп, в собранье бессмертных.

485 Там обитают они подле Зевса, метателя молний,
В славе и чести великой. Блажен из людей земнородных,
Кто благосклонной любви от богинь удостоится славных:
Тотчас нисходит в жилище его очага покровитель
Плутос, дарующий людям обилье в стадах и запасах.

490 Вы же, под властью которых живут Элевсин благовонный,
Парос, водой отовсюду омытый, и Антрон скалистый, —
Ты, о царица Деб, пышнодарная, чтимая всеми,
С дочерью славной своею, прекрасною Персефонеей, —
Нам благосклонно счастливую жизнь ниспошлите за песню!
495 Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

VI. К АФРОДИТЕ

- Песня моя — к Афродите прекрасной и златовенчанной,
Чести великой достойной. В удел ей достались твердыни
В море лежащего Кипра. Туда по волнам многозвучным
В пене воздушной пригнало ее дуновенье Зефира
5 Влажною силой своею. И Оры в златых диадемах,
Радостно встретив богиню, нетленной одели одеждой:
Голову вечную ей увенчали сработанным тонко,
Чудно прекрасным венцом золотым и в проколы ушные
Серьги из золотомеди и ценного золота вдели;
10 Шею прекрасную вместе с серебряно-белою грудью
Ей золотым ожерельем обвили, какими и сами
Оры в повязках златых украшают себя, отправляясь
На хоровод ли прелестный бессмертных, в дворец ли отцовский.
После того как на тело ее украшенья надели,
15 К вечным богам повели. И, Киприду приветствуя, боги
Правую руку ей жали, и каждый желаньем зажегся
Сделать супругой законной своей и ввести ее в дом свой,
Виду безмерно дивясь Кифереи фиалковенчанной.

- Славься, с ресницами гнутыми, нежная! Даруй победу
20 Мне в состязании этом, явись мне помощницей в песне!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

VII. ДИОНИС И РАЗБОЙНИКИ

- О Дионисе я вспомню, рожденном Семелою славной, —
Как появился вблизи берегов он пустынного моря
На выступающем мысе, подобный весьма молодому
Юноше. Вкруг головы волновались прекрасные кудри,
5 Иссиня-черные. Плащ облакал многомошные плечи
Пурпурный. Быстро разбойники вдруг появились морские
На крепкопалубном судне в дали винно-черного моря,
Мужи тирренские. Злая вела их судьба. Увидали,
Перемигнулись и, на берег выскочив, быстро схватили
10 И посадили его на корабль, веселяся душою.
Верно, то сын, говорили, царей, питомцев Кронида.
Тяжкие узы они на него наложить собрались.
Но не смогли его узы сдержать, далеко отлетели
Вязи из прутьев от рук и от ног. Восседал и спокойно
15 Черными он улыбался глазами. Все это заметил
Кормчий и тотчас, окликнув товарищей, слово промолвил:

- «Что за могучего бога, несчастные, вы захватили
И заключаете в узы? Не держит корабль его прочный.
Это иль Зевс-громовержец, иль Феб-Аполлон сребролукий,
20 Иль Посейдон. Не на смертнорожденных людей он походит,
Но на бессмертных богов, в олимпийских чертогах живущих.
Ну же, давайте отчалим от черной земли поскорее,
Тотчас! И рук на него возлагать не держайте, чтоб в гнев
Он не воздвигнул свирепых ветров и великого вихря!»

- 25 Так он сказал. Но сурово его оборвал предводитель:

«Видишь — ветер попутный! Натянем же парус, несчастный!
Живо за снасти берись! А об нем позаботятся наши.

Твердо надеюсь: в Египет ли с нами прибудет он, в Кипр ли,
К гиперборейцам, еще ли куда, — назовет наконец он
30 Нам и друзей и родных и богатства свои перечислит,
Ибо само божество нам в руки его посылает».

- Так он сказал и поднял корабельную мачту и парус.
Ветер парус срединный надул, натянулись канаты.
И совершаться пред ними чудесные начали вещи.
- 35 Сладкое прежде всего по судну быстроходному всюду
Вдруг зажурчало вино благовонное, и амвросийный
Запах вокруг поднялся. Моряки в изумленье глядели.
Вмиг протянулись, за самый высокий цепляясь парус,
Лозы туда и сюда, и в обилии гроздьев повисли;
- 40 Черный вкруг мачты карабкался плющ, покрываясь цветами,
Вкусные всюду плоды красовались, приятные глазу,
А на уключинах всех появились венки. Увидавши,
Кормчему тотчас они приказали корабль поскорее
К суше направить. Внезапно во льва превратился их пленник.
- 45 Страшный безмерно, он громко рычал; среди судна же являя
Знаменья, создал медведицу он с волосистым затылком.
Яростно встала она на дыбы. И стоял на высокой
Палубе лев дикоглазый. К корме моряки побежали:
Мудрого кормчего все они в ужасе там обступили.
- 50 Лев, к предводителю прыгнув, его растерзал. Остальные,
Как увидали, жестокой судьбы избегая, поспешно
Всею гурьбой с корабля побросались в священное море
И превратились в дельфинов. А к кормчему жалость явил он,
И удержал, и счастливейшим сделал его, и промолвил:
- 55 «Сердцу ты мил моему, о божественный кормчий, не бойся!
Я Дионис мног шумный. На свет родила меня мать,
Кадмова дочь Семела, в любви сочетавшись с Кронидом».

Славься, дитя светлоокой Семелы! Тому, кто захочет
Сладкую песню наладить, забыть о тебе невозможно.

VIII. К АРЕСУ

- Арес, сверхмощный боец, колесниц тягота, златошлемный,
Смелый оплот городов, щитоносный, медянооружный,
Сильный рукой и копьем, неустанный, защита Олимпа,
Многосчастливой Победы родитель, помощник Фемиды,
5 Грозный тиран для врагов, предводитель мужей справедливых,
Мужества царь скиptronосный, скользкий стезей огнезарной
Меж семипутных светил по эфиру, где вечно коней ты
Огненных гонишь своих по небесному третьему кругу!
Слух преклони, наш помощник, дарующий смелую юность,
10 Жизнь освещающий нам с высоты озарением кротким,
Ниспосылающий доблесть Аресову. Если бы мог я
Горькое зло от моей отогнать головы, незаметно
Разумом натиск обманной души укротить и упрочить
Сызнова острую силу в груди, чтоб меня побуждала
15 В бой леденящий вступить. Ниспошли же, блаженный, мне
смелость,
Сень надо мной сохрани неколеблемых мирных законов,
И да избегну насильственных Кер и схватки с врагами!

IX. К АРТЕМИДЕ

Муза, воспой Артемиду, родную сестру Дальновержца,
Стрелолюбивую деву, совместно возвращенную с Фебом.
Поит она лошадей в тростниках высоких Мелита
И через Смирну несется в своей всезлатой колеснице
5 В Кларос, богатый лозами, — туда, где сидит, дожидаясь
Стрелолюбивой сестры-дальновержицы, Феб сребролукий.

Радуйся ж песне и ты, и с тобой все другие богини!
Первая песня — тебе, с тебя свою песнь начинаю.
Славу ж воздавши тебе, приступаю к другому я гимну.

Х. К АФРОДИТЕ

Кипророжденную буду я петь Киферею. Дарам
Нежными смертных она одаряет. Не сходит улыбка
С милого лика ее, и прелестен цветок на богине.

- Над Саламином прекрасным царящая с Кипром обширным,
5 Песню, богиня, прими и зажги ее страстью горячей!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

XI. К АФИНЕ

Славить Палладу Афины, оплот городов, начинаю,
Страшную. Любит она, как и Арес, военное дело,
Яростный воинов крик, городов разрушенье и войны.
Ею хранится народ, на сраженья ль идет, из сраженья ль.

5 Славься, богиня! Пошли благоденствие нам и удачу!

XII. К ГЕРЕ

Золототронную славлю я Геру, рожденную Реей,
Вечноживущих царицу, с лицом красоты необычной,
Громкогремящего Зевса родную сестру и супругу
Славную. Все на великом Олимпе блаженные боги
5 Благоговейно ее наравне почитают с Кронидом.

ХІІІ. К ДЕМЕТРЕ

Пышноволоосу петь начинаю Деметру честную
С дочерью славной ее, прекрасною Персефонеей.

Славься, богиня! Наш город храни. Будь первая в песне.

XIV. К МАТЕРИ БОГОВ

Мать всех бессмертных богов и смертных людей, о восславь
мне,
Дочь великого Зевса, о звонкоголосая Муза!
Любы ей звуки трещоток и бубнов и флейт переливы,
Огненнооких рыкание львов, завывания волчьи,
Звонкие горы и лесом заросшие логи глухие.

Радуйся ж песне и ты, и с тобой все другие богини!

XV. К ГЕРАКЛУ ЛЬВИНОДУШНОМУ

Зевсова сына Геракла пою, меж людей земнородных
Лучшего. В Фивах его родила, хороводами славных,
С Зевсом-Кронидом в любви сочетавшись, царица Алкмена.
Некогда, тяжко трудясь на службе царю Еврисфею,
5 По бесконечной земле он и по морю много скитался;
Страшного много и сам совершил, да и вынес немало.
Ныне, однако, в прекрасном жилище на снежном Олимпе
В счастье живет и имеет прекраснородную Гебу.

Славься, владыка, сын Зевса! Подай добродетель и счастье.

XVI. К АСКЛЕПИЮ

Всяких целителя болей, Асклепия петь начинаю.
Сын Аполлона, рожден Коронидою он благородной,
Флегия царственной дочерью, на пышной Дотийской равнине, —
Радость великая смертных и злых облегчитель страданий.

5 Радуйся также и ты, о владыка! Молюсь тебе песней.

XVII. К ДИОСКУРАМ

Кастора и Полидевка пою, Тиндаридов могучих.
От олимпийского Зевса-владыки они происходят.
Их родила под главами Тайгета владычица Леда,
Тайно принявшая бремя в объятиях Зевса-Кронида.

Славьтесь вовек, Тиндариды, коней укротители быстрых!

XVIII. К ГЕРМЕСУ

- Петь начинаю Гермеса Килленского, Аргобийцу.
Благостный вестник богов, над Аркадией многоовечной
И над Килленою царствует он. Родила его Майя,
Чести достойная дочь Атланта, в любви сочетавшись
- 5 С Зевсом-Кронионом. Сонма блаженных богов избегая,
В густотенистой пещере жила пышнокудрая нимфа.
Там-то на ложе взошел к ней Кронид непогодную ночью,
В пору, как сладостный сон овладел белолокотной Герой,
Втайне равно от бессмертных и смертных свершился союз их.
- 10 Радуйся с нами и ты, сын Зевса-владыки и Майи!
Песню начавши с тебя, приступаю к другому я гимну.

XIX. К ПАНУ

- Спой мне, о Муза, про Пана, Гермесова милого сына.
С нимфами светлыми он — козлоногий, двурогий, шумливый —
Бродит по горным дубравам, под темною сенью деревьев.
Нимфы с вершущек скалистых обрывов его призывают,
5 Пана они призывают с курчавою, грязною шерстью,
Бога веселого пастбищ. В удел отданы ему скалы,
Снежные горные главы, тропинки кремнистых утесов.
Бродит и здесь он и там, продираясь сквозь частый кустарник;
То приютится над краем журчащего нежно потока,
10 То со скалы на скалу понесется, все выше и выше,
Вплоть до макушки, откуда далеко все пастбища видны.
Часто мелькает он там, на сверкающих, белых вершинах,
Часто, охотясь, по склонам проносится, с дикого зверя
Острых очей не спуская. Как только же вечер наступит,
15 Кончив охоту, берет он свирель, одиноко садится
И начинает так сладко играть, что тягаться и птичка
С ним не могла бы, когда она в чаще, призывно тоскуя,
В пору обильной цветами весны заливается песней.
Звонкоголосые к богу собираются горные нимфы,
20 Пляшут вблизи родника темноводного быстрюю пляску,
И далеко по вершинам разносится горное эхо.
Сам же он то в хороводе ступает, а то в середину
Выскочит, топает часто ногами, на звонкие песни
Радуюсь духом. И рысья за ним развеивается шкура.
25 Так они пляшут на мягком лугу, где с травой вперемежку
Крокусы и гиацинты душистые густо пестреют.
Песни поют про великий Олимп, про блаженных бессмертных.
И про Гермеса, — как всех, благодетельный, он превосходит,
Как для богов олимпийских посланником служит проворным
30 И как в Аркадию он, родниками обильную, прибыл,
В место, где висится роща его на Киллене священной,
Бог — у смертного мужа там пас он овец густорунных.
Там, для себя незаметно, зажегся он нежною страстью

- К дочери Дриопа, нимфе прекрасноволосой и стройной.
- 35 Скорый устроился брак. Родила ему нимфа в чертогах
Многолюбивого сына, поистине чудище с виду!
Был он с рогами, с ногами козлиными, шумный, смешливый.
Ахнула мать и вскочила и, бросив дитя, убежала:
В ужас пришла от его бородатого, страшного лика.
- 40 На руки быстро Гермес благодетельный принял ребенка.
Очень душой веселился он, глядя на милого сына.
С ним устремился родитель в жилище блаженных бессмертных,
Сына укутавши шкурой пушистою горного зайца.
Сел перед Зевсом-властителем он меж другими богами
- 45 И показал им дитя. Покатились со смеху боги.
Больше же прочих бессмертных Вакхей-Дионис был утешен.
Всех порадовал мальчик, — и назвали мальчика *Паном*.
Радуйся также и сам ты, владыка! Молюсь тебе песней.
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

XX. К ГЕФЕСТУ

Муза, Гефеста воспой, знаменитого разумом хитрым!
Вместе с Афиною он светлоокою славным ремеслам
Смертных людей на земле обучил. Словно дикие звери,
В прежнее время они обитали в горах по пещерам.
·5 Ныне ж без многих трудов, обученные всяким искусствам
Мастером славным Гефестом, в течение целого года
Время проводят в жилищах своих, ни о чем не заботясь.

Милостив будь, о Гефест! Подай добродетель и счастье!

XXI. К АПОЛЛОНУ

Феб! Воспевает и лебедь тебя под плескание крыльев,
С водоворотов Пенейских взлетая на берег высокий.
Также и сладкоречивый певец с многозвучною лирой
Первым всегда и последним тебя воспевает, владыка.

5 Радуйся много! Да склонит тебя моя песня на милость!

XXII. К ПОСЕЙДОНУ

Песня — о бoге великом, владыке морей Посейдоне.
Землю и море бесплодное он в колебанье приводит,
На Геликоне царит и на Эгах широких. Двойную
Честь, о земли Колебатель, тебе предоставили боги:
5 Диких коней укрощать и спасать корабли от крушенья.

Слава тебе, Посейдон, — черновласый, объемлющий землю!
Милостив будь к мореходцам и помощь подай им, блаженный!

XXIII. К ЗЕВСУ

Зевс, меж богов величайший и лучший, к тебе моя песня!
Громораскатистый, владыка державный, судья-воздаятель,
Любишь вести ты беседы с Фемидой, согбенно сидящей.

Милостив будь, громозвучный Кронид, многославный, великий!

XXIV. К ГЕСТИИ

Дом священный метателя стрел, Аполлона-владыки,
Ты охраняешь в Пифоне божественном, дева Гестия!
Влажное масло с твоих нистекает кудрей непрестанно.
Этот, владычица, дом посети, — низойди благосклонно
5 Вместе с Кронидом всемудрым. И дай моей песне приятность.

XXV К МУЗАМ И АПОЛЛОНУ

С Муз мою песню начну, с Аполлона и с Зевса-Кронида,
Ибо от Муз и метателя стрел, Аполлона-владыки,
Все на земле и певцы происходят и лирники-мужи;
Все же цари — от Кронида. Блажен человек, если Музы
♪ Любят его: как приятен из уст его льющийся голос!

Радуйтесь, дочери Зевса, и песню мою отличите!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

XXVI. К ДИОНИСУ

- Шумного славить начну Диониса, венчанного хмелем,
Многохвалимого сына Кронида и славной Семелы.
Пышноволосые нимфы вскормили младенца, принявши
К груди своей от владыки-отца, и любовно в долинах
5 Нисы его воспитали. И, волей родителя-Зевса,
Рос он в душистой пещере, причисленный к сонму бессмертных.
После того как возрос он, богинь попечением вечных,
Вдаль устремился по логом лесным Дионис многопетый,
Хмелем и лавром венчанный. Вслед ему нимфы спешили,
10 Он же их вел впереди. И гремел весь лес необъятный.

Так же вот радуйся с нами и ты, Дионис многогроздный!
Дай и на будущий год нам в веселии снова собраться!

XXVII. К АРТЕМИДЕ

- Песня моя — к златострельной и любящей шум Артемиде,
Деве достойной, оленей гоняющей, стрелолюбивой,
Одноутробной сестре златолирного Феба-владыки.
Тешась охотой, она на вершинах, открытых для ветра,
5 И на тенистых отрогах свой лук всезлатой напрягает,
Стрелы в зверей посылая стелящие. В страхе трепещут
Главы высоких гор. Густотенные чащи лесные
Стонут ужасно от рева зверей. Содрогаются суша
И многорыбное море. Она же с бестрепетным сердцем
10 Племя зверей избивает, туда и сюда обращаясь.
После того как натешится сердцем охотница-дева,
Лук свой красиво согнутый она наконец ослабляет
И направляется к дому великому милого брата
Феба, царя-дальновержца, в богатой округе дельфийской,
15 Чтобы из Муз и Харит хоровод устроить прекрасный.
Там она вешает лук свой с концами загнутыми, стрелы,
Тело приятно украсив, вперед выступает пред всеми
И хоровод зачинает. И пеньем бессмертным богини
Славят честную Лето, как детей родила она на свет,
20 Между бессмертными всеми отличных умом и делами.

Радуйтесь, дети Кронида-царя и Лето пышнокудрой!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

XXVIII. К АФИНЕ

- Славную петь начинаю богиню, Палладу Афины,
С хитро искусным умом, светлоокою, с сердцем немягким,
Деву достойную, градов защитницу, полную мощи,
Тритогенею. Родил ее сам многомудрый Кронион.
- 5 Из головы он священной родил ее, в полных доспехах,
Золотом ярко сверкавших. При виде ее изумленье
Всех охватило бессмертных. Пред Зевсом эгидодержавным
Прыгнула быстро на землю она из главы его вечной,
Острым копьем потрясая. Под тяжким прыжком Светлоокой
- 10 Заколебался великий Олимп, застонали ужасно
Окрест лежащие земли, широкое дрогнуло море
И закипело волнами багровыми; хлынули воды
На берега. Задержал Гиперионов сын лучезарный
Надолго быстрых коней, и стоял он, доколе доспехов
- 15 Богоподобных своих не сложила с бессмертного тела
Дева Паллада Афина. И радость объяла Кронида.

Радуйся много, о дочь эгидодержавного Зевса!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

XXIX. К ГЕСТИИ

Почеть большая на долю тебе, о Гестия, досталась:
Вечно иметь пребыванье внутри обиталищ высоких
Всех олимпийцев и всех на земле обитающих смертных.
Дар превосходный и ценный тебе: у людей не бывает
5 Пира, в котором бы кто при начале его возлиянья
Первой тебе и последней не сделал вином медосладким.
Также и ты, сын Кронида и Майи, Аргобийца,
Вестник блаженных бессмертных, с жезлом золотым, благодавец,
Помощь пошли благосклонно с Гестией почтенной и милой!
10 Оба в прекрасных жилищах людей, населяющих землю,
Вы обитаете, зная душою, что мило другому,
Разум и молодость в людях успехом прекрасным венчая.

Радуйся, Кроноса дочь, и ты, о Гермес златожезлый!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

XXX. К ГЕЕ, МАТЕРИ ВСЕХ

Петь начинаю о Гее-всематери, прочноустойной,
Древней, всему, что живет, пропитанье обильно дающей.
Ходит ли что по священной земле или плавает в море,
Носится ль в воздухе — все лишь твоими щедротами живо.
5 Ты плодovitость, царица, даешь и даешь плодородье;
Можешь ты жизнь даровать человеку и можешь обратно
Взять ее, если захочешь. Блажен между смертных, кого ты
Благоволеньем почтишь: в изобилии все он имеет.
Тяжкие гнутся колосья на ниве, на пастбище тучном
10 Бродит бесчисленное стадо, и благами дом его полон.
Сами ж они изобильный красивыми женами город
Правят по добрым законам. Богатство и счастье с ними.
Хвалятся их сыновья жизнерадостным, свежим весельем,
Девушки — дочери их, — в хороводах кружась цветоносных,
15 Нежные топчут цветы на лугах в ликовании светлом.
Так отличаешь ты их, многочтимая, щедрая Гея!

Радуйся, мать богов, о жена многозвездного Неба!
Сердцу приятную жизнь ниспошли благосклонно за песню!
Ныне ж, тебя помянув, я к песне другой приступаю.

XXXI. К ГЕЛИЮ

- О Каллиопа, от Зевса рожденная Муза! Восславь мне
Гелия: был он рожден волоокою Эйрифаессой
Сыну Геи-Земли и звездного Неба-Урана.
Эйрифаессу, родную сестру, Гиперион в супруги
5 Взял, и его подарила богиня потомством прекрасным:
Эос-Зарей розорукой, кудрявой Селеной-Луною
И богоравным, не знающим устали Гелием-Солнцем.
Свет с высоты посылает бессмертным богам он и людям,
На колесницу взойдя. Из-под шлема глядят золотого
10 Страшные очи его. И блестящими сам он лучами
Светится весь. От висков же бессмертной главы ниспадают
Волосы ярко блестящие, лик обрамляя приятный,
Светом пронзающий даль. И под ветром сверкают на теле
Складки прекрасных и тонких одежд. Жеребцы же под богом...
- * * * * *
- 15 Там, задержавши коней с колесницею златояремной,
К вечеру с неба на них в Океан опускается Гелий.

Радуйся, царь! Благосклонно счастливую жизнь подари нам!
Песню начавши с тебя, воспою я людей говорящих,
Полубогов. Их дела показали бессмертные людям.

XXXII. К СЕЛЕНЕ

- О длиннокрылой, прекрасной Луне расскажите мне, Музы,
Сладкоречивые, в пенье искусные дочери Зевса!
Небороденное льется сиянье на темную землю
От головы ее вечной, и все красотой великой
- 5 Блещет в сиянии том. Озаряется воздух бессветный
Светом венца золотого, и небо светлеет, едва лишь
Из глубины Океана, омывши прекрасную кожу,
Тело облекши блестящей одеждою, издали видной,
И лучезарных запрягши коней — крепкошеих, гривастых, —
- 10 По небу быстро погонит вперед их Селена-богиня
Вечером, в день полнолуныя. Великий свой круг совершая,
Ярче всего в это время она, увеличившись, блещет
В небе высоком, служа указанием и знаменем людям.
С нею когда-то сопрягся Кронион любовью и ложем.
- 15 Затяжелевши, ему родила она деву Пандию,
Между бессмертными всеми отличную видом прекрасным.

- Слава царице, Селене святой, белокурой богине,
С мудрым умом, пышнокудрой! Начавши с тебя, воспою я
Полубогов, знаменитых героев, деянья которых
- 20 Сладкими славят устами служители Муз, песнопевцы.

XXXIII. К ДИОСКУРАМ

- О Тиндаридах начните рассказ, быстроглазые Музы, —
Зевсовых детях, рожденных прекраснолодыжною Ледой, —
Касторе, коннике мощном, и брате его Полидевке
Безукоризненном. С Зевсом-владыкой в любви сочетавшись,
5 Их под главою Тайгета, великой горы, во спасенье
Людам она родила, населяющим черную землю,
И кораблям быстроходным, когда на неласковом море
Зимние бури бушуют. С судна воссылая молитвы,
Люди на помощь зовут сыновей многомощного Зевса,
10 Режут им белых ягнят, на носу корабельном собравшись.
Ветер великий меж тем и свирепые волны морские
В воду корабль погрузили. Но вдруг появились братья.
Быстро промчавшись эфиром на крыльях своих золотистых,
Ветров неистово злых бушеванье тотчас прекратили.
15 Сделали гладкой поверхность над бездною белого моря —
Для мореходцев прекраснейший знак и трудов разрешение.
Радость взяла их, и горестный труд свой они прекратили.

Славьтесь вовек, Тиндариды, коней укротители быстрых!
Ныне же, вас помянув, я к песне другой приступаю.

XXXIV. ОТРЫВКИ ГИМНА К ДИОНИСУ

* * * * *

- Кто говорит, что в Драконе, а кто — что в Икаре ветристом,
Кто — что на Наксосу иль на Алфее глубокопучинном
Зевсу Семела тебя, забеременев, на свет родила,
Отрасль Кронида, Зашитый в бедро! Утверждают другие,
5 Будто бы в Фивах божественных ты, повелитель, родился.
Все они лгут. Вдалеке от людей породил тебя, прячась
От белолокотной Геры, родитель бессмертных и смертных.
Есть, вся заросшая лесом, гора высочайшая, Ниса:
От Финикии вдали и вблизи от течений Египта...

* * * * *

- 10 «Изображений ее немало воздвигнется в храмах.
Так как их три, то и будут на третьем году постоянно
Люди тебе приносить гекатомбы из жертв безупречных...»

- Молвил Кронион и иссиня-черными двинул бровями:
Волны нетленных волос с головы Громовержца бессмертной
15 На плечи пали его. И Олимп всколебался великий.

Так сказавши, кивнул головою Кронид-промыслитель.

Милостив будь, женолюб, Зашитый в бедро! И в начале
Мы воспеваем тебя и в конце. Для того, кто захочет
Помнить о песне священной, забыть о тебе невозможно.

- 20 Радуйся также и ты, Дионис, из бедра рожденный,
С матерью славной Семелой, что ныне зовется Фионой!

ГИМНЫ КАЛЛИМАХА

I. К ЗЕВСУ

- К Зевсу за чашей воззвав, кого ж воспевать нам пристойней,
Как не его самого — вовеки державного бога,
Что землеродных смирил и воссел судьей Уранидов,
Зевса Диктейского... так ли? Ликейского, может быть, скажем?
- 5 Сердце в сомненье: немалая тяжба о родине бога!
Молвят, о Зевс, будто свет увидал ты на Иде высокой,
Молвят, о Зевс, что аркадянин ты: так кто же солгал нам?
«Критяне все-то солгут»; еще бы, и гроб сотворили
Критяне, боже, тебе, — а ты пребываешь живущим!
- 10 Так, решено: на Паррасии был ты рожден! Изобильно
Эта вершина одета густою листвою, и поныне
Свято блюдетсЯ: вовеки для дел Илифии ни самка
Зверя лесного туда не придет, ни женщина. «Реи
Древней Ложницей» зовет это место народ апиданов.
- 15 Вот разрешилось тобой роженицы почтенное чрево,
Вот она стала искать проточной воды, пожелавши
Скверну смыть и свою и тебе сотворить омовенье;
Но ведь тогда не струился еще ни Ладон величавый,
Ни Эриманф не катил чистойшей волны, и безводным
- 20 Весь был аркадский предел, что теперь многоводным зовется!
Так: ведь в оное время, как Рея пояс расторгла,
Много лелеял дубов в сухом своем русле Иаон,
Много повозок свой путь совершало по ложу Меланфа,
Много плодилось зверей в той самой лощине, где ныне
- 25 Сам Карион полноструйный течет, и шествовал путник
По каменистому дну Крафисы, по руслу Метопы,
Жажда терзала его — а вода под ногами таилась.

Той же нуждой стеснена, изрекла почтенная Рея:

- «Матерь-Земля, роди же и ты: легки твои роды!»
- 30 Молвила так и, высоко воздев многомошную руку,
Камень жезлом поразила; разверзлась скала под ударом,
Брызнул обильный поток, и Рея омыла младенца,
После ж тебя, спеленавши, — о царь! — доверила Неде
Тайно доставить на Крит и воспитывать в месте надежном —
- 35 Неде, старейшей из нимф, что служили родильнице-Рее,
Самой почтенной в их сонме святом, кроме Стиксы с Филirro...
Выслужить ей довелось большую награду у Реи:
Именем Неды богиня поток нарекла, что струится
Мимо града кавконов, а имя граду — Лепрейон, —
- 40 Прямо сливаясь со старцем Нереем, и древнюю влагу
Черпает все и досель Ликаонской медведицы племя.
Вот уж и Фены прошла, на Кнос свой путь направляя,
Неда с тобой на руках (поблизости Фены от Кноса);
Отче Зевес, пупок у тебя отпал в этом месте —
- 45 Дол и поныне зовут «Пуповым» с той поры кидонийцы.

- На руки взяли тебя, — о Зевс! — корибантов подруги,
Нимфы диктейских лесов, а потом в колыбельку златую
Спать Адрастея сама уложила. Кормился младенец
Млеком козы Амальфеи, а после и лакомым медом,
- 50 Ибо внезапно открылись творенья пчелы-панакриды
В тех Идейских горах, что Панакрами мы именуем.
Бурно кружились куреты окрест твоей колыбели,
Громко бряцая оружием, для Кронова чуткого уха
Звоном медяным щитов твой детский плач заглушая.
- 55 Зевс-миродержец, отменно ты рос и кормился отменно,
Быстро мужал, и скоро пушок осенил подбородок.
Даже и в детские лета была твоя мысль совершенна;
То-то и братья твои, пред тобой первородство имея,
Все же без спора тебе уступили небесные домы.

- 60 Речи старинных певцов не во всем доверья достойны:
Можно ль поверить что жребий уделы Кронидам назначил?
Кто ж это стал бы делить Олимп и Аид жеребьевкой,
Кто, коль не вздорный глупец? О вещах равноценных пристало
Жребий метать; а здесь велико непомерно различье.
- 65 Я бы солгал, да никто ведь лжи такой не поверит.
Нет, не жребий владыкой богов тебя сделал, но длани,
Мощь и сила твои, что держат дозор у престола.
Их ты в стражи избрал, а меж всех наилучшую птицу —
Для благовестий своих, что да будут с нами вовеки!
- 70 Так и среди человеков ты лучших избрал: не пучины
Влажной браздитель достался тебе, не певец, не копейщик, —
Этих доверил ты меньшим богам в собранье блаженных,
Это другим поручил, а себе избрал градодержцев,

- Властных царей; ведь у тех под рукой земледел, и воитель,
75 И мореход, и кого ни возьми — все служат владыке!
Медников мы прозывать навывкли Гефестовым родом,
Воины — люди Ареса, охотники — люди Хитоны,
Славной в лесах Артемиды, а лирники — Фебовы люди;
80 Но «от Зевса цари», и нет божественной рода,
Нежели Зевсова часть: ты сам владык избираешь.
Им ты доверил блюсти города, а сам восседаешь
На высотах городских, надзирая, кто правит народом
Дурно, а кто правосудно вершит и суд, и расправу.
85 Ты одарил изобильем царей; одарил их достатком,
Всех одарил — да не поровну дал; тому подтверждение —
Наш государь: намного других владык превзошел он!
К вечеру он завершает деянье, что утром замыслил,
К вечеру — подвиг великий, а прочее — только помыслив!
90 Мало: ты сам сдержал их порыв и отнял победу.

Радуйся много, всевышний Кронид, блаженства податель,
Здравья податель! Дела же твои я воспеть неспособен.
Кто же Зевса дела воспеть достойно способен?
Радуйся, отче, а нам ниспошли достаток и доблесть.
95 Доблести нет — и достаток не даст возрасти человеку.
Нет достатка — и доблесть не даст. Одари нас двойко!

II. К АПОЛЛОНУ

- Слышишь, как зашептались листья Аполлонова лавра,
Как содрогается храм? Кто нечист, беги и сокройся!
Это ведь Феб постучался к нам в дверь прекрасной стопою.
Или не видишь? Нежданно согнулась делосская пальма, —
- 5 Но не от ветра! — а в воздухе лебедь залился напевом.
Вот уже сами собой засовы снялись, и раскрылись
Вот уже сами собой врата. О, бог уже близко!
Юноши, время настало: усердие в пляске явите!
Зрим не для каждого царь Аполлон, но для славного мужа:
- 10 Кто его узрит, велик, а кто не узрит, тот жалок, —
Мы же, узревши тебя, Дальновержец, жалки не будем.
Но, коль скоро явился нам Феб, — о дети! — не должно
Вашим кифарам молчать или топоту ног прерываться,
Если хотите дожить до брака и старость увидеть,
- 15 Если желаете стенам стоять на древних устоях.
Так вот за это хвалю: я слышу, лира не праздна.
Ныне безмолвствуйте все, внимая песни о Фебе,

- Ибо и море безмолвно, когда поют песнопевцы
Лук и кифару, прекрасный убор ликорейского Феба.
- 20 Горькие стоны Фетиды, тоскующей матери, молкнут,
Только слышит она пэана, пэана напевы;
В оное время и камень от скорби своей отдыхает —
Слезоточивый утес фригийский, высоко подъятый
Мрамор, сковавший жену с разверстыми мукой устами.
- 25 Звонче пойте пэан! С богами спорить негоже.
Тот, кто спорит с богами, — с моим поспорь-ка владыкой!
Тот, кто спорит с владыкой моим, — поспорь с Аполлоном!
Если ж усердствует хор, воздаст Аполлон за усердь
Щедро: на то его власть — одесную сидит он от Зевса.
- 30 О, не один только день будет Феба хор славословить.

Впрочем, ну кто не поет Аполлона? Что славить приятней?
В золоте весь он: плащ золотой, золотая застежка,
Лира, ликтийский лук и колчан — все золотом блещет,
Как и сандалий убор. Аполлон весь златом обилен.
35 Всяким богатством обилен, как сам ты увидишь в Пифоне.
Вечно он юн и вечно красив; вовек не оденет
Даже легчайший пушок ланиты нежные Феба.
Тихо по локонам книзу стекает елей благовонный, —
Нет, не масло струят святые волосы Аполлона,
40 Но самое панакею. Во граде, где росы такие
Пали на землю однажды, вовеки недугов не будет.

Нет никого, кто бы столько искусств имел в обладанье:
Феба над лучником власть, и Феба власть над певцами,
Ибо его достоянье — и лук, и звонкая песня;
45 Фебов удел — и пророки, и вещие камни; от Феба ж
Власть получают врачи отгонять врачеваньем кончину.
Феба зовем и Пастушеским мы, то время припомним,
Как у Амфриссова брега он блюл кобылиц быстроногих,
Жаркой любовью пылая к Адмету, подобному богу.
50 Скоро б возрос, утучнился, умножился скот, и плодились
Козы без счета, когда бы сподобиться им Аполлона
Око иметь на себе; и овцы бы все зачинали,
Все бы метали ягнят и млеко струили обильно,
Каждая матка бы стала вдвойне и втройне плодовита.
55 Тот же Феб измерять города научил землемеров
В роде людском: возлюбил ведь Феб городов основанье.
Первый камень всегда он своею рукой полагает.
Феб четырехгодовалым дитятей первый свой камень
В милой Ортигии встарь заложил на бреге озерном.
60 Роги ланей кинфийских с охоты своей Артемида
Все приносила; и вот Аполлон, те роги сплетая,
Твердо сплотил основанье, потом из рогов же построил
Сверху алтарь, и роги по кругу поставил стеною.
Так-то Феб научился зачин полагать для строений!
65 Он же и земли отчизны моей для Батта назначил:
Он и народ предводил, вступающий в Ливию, враном
Одесную явясь, и клялся город и стены
Роду наших владык даровать; и клятвы сдержал он.

Царь Аполлон, именуют тебя Боэдрием люди,
70 Кларием кличут тебя; имена твои многи повсюду.
Я же Карнеем зову — таков мой обычай природный!
Ибо Карнею была обителью первую Спарта,
Фера за нею второй, а третьею — город Кирена:
Чада Эдипа в колене шестом из Спарты с собою
75 В Феру тебя привели, о Карней; а после из Феры,

Здравье найдя, Аристотель привел к земле Асбистийской;
Храм он отменный воздвигнул тебе, наказав горожанам
Из года в год обновлять торжества, при которых обильно, —
О владыка! — быки на помост припадают кровавый.
80 Изэ пэан! Многочтимый Карней! Ведь каждой весною
Всеми цветами алтарь твой увит, каких только Оры
Ни ухитрятся взрастить под росистым Зефира дыханьем,
Каждой зимою шафраном украшен: на нем пламенеет
Неугасимый огонь, и пеплом не кроются угли.
85 Фебово сердце смеялось, когда приспели впервые
Сроки Карнейских торжеств и в кругу белокурых ливиек
Начали пляс, доспехи надев, браноносные мужи
(В оное время дорийцы еще не черпали влаги
Из Кирейской струи, но жили в долинах Азилы);
90 Празднество их увидав, Аполлон любезной подруге
Их показал с Миртусской скалы, с высот, где сразила
Дщерь Гипсева льва, быков Еврипиловых гибель.
О, никогда еще Феб хоровода не видел священней,
И ни единому граду щедрее себя не явил он,
95 Нежель Кирене, подругу почтив; и Баттовы чада
Ни одного из богов не чтили усердней, чем Феба.

Изэ пэан, о, изэ пэан! Мы внемлем припевам
Тем, что дельфийский народ измыслил в оное время,
Как на луке златом искусство явил Стреловержец.
100 Вот нисходил ты к Пифо, и предстал тебе в облике змия
Демон ужасный: но легкие стрелы в него ты направил
Быстро, одну за другой, и народ восклицал в изумленье:
«Изэ, пэан! И *этой* попал! Защитником сильным
Матери будешь ты, бог!» — Отсель и ведутся припевы.

105 На ухо раз Аполлону шепнула украдкою Зависть:
«Мне не по праву певец, что не так поет, как пучина!»
Зависть ударил ногой Аполлон и слово промолвил:
«Ток ассирийской реки обилен, но много с собою
Грязи и скверны несет и темным илом мутится.
110 А ведь не всякую воду приносят Деметре мелиссы,
Нет, — но отыщут сперва прозрачно-чистую влагу
И от святого ключа зачерпнут осторожно, по капле».

Радуйся, царь! Да отыдет Хула — и Зависть прихватит.

III. К АРТЕМИДЕ

- Артемиду, ту, что забыть песнопевец не смеет,
Мы воспсем, возлюбившую лук, и охоты, и травли,
И хоровод круговой, и пляски на горных высотах;
Петь же начнем от времен, когда еще девочкой малой,
5 Сидя на отчих коленях, она лепетала умильно:
«Батюшка, ты удели мне дар вековечного девства,
Много имен подари, чтобы Феб не спорил со мною!
Дай мне стрелы и лук — или нет, отец, не пекился
Ты о луке и стрелах: скуют мне проворно киклопы
10 Множество стрел и гибкою лук наделят тетивую.
Ты же мне светочи даруй в удел и хитон, до колена
Лишь доходящий, дабы нагнать мне зверя лесного;
Дай шестьдесят дочерей Океановых, резвых плясуней —
Каждой по девять годов, и каждая в детском хитоне;
15 Дай в прислужницы мне два десятка нимф амнисийских —
Пусть пекутся они у меня о сапожках и гончих
Псах, когда мне случится сражать оленей и рысей.
Горы мне все подари, а вот город — какой пожелаешь
Мне уделить; не часто его посетит Артемида.
20 Жить на высях я буду, людей, города навешая
Только по зову рожаящих жен, что в пронзительных муках
Станут ко мне вопиять, мне в удел сужденные первый
Мойроу; им я должна помогать и нести избавленье,
Ибо не ведала мук, нося меня и рождая,
25 Мать, но безболно на свет из родимой явила утробы». —
Так говорила она и силилась тронуть с мольбою
Подбородок отца, но долго ручки тянула
Прежде, чем дотянулась. Отец же кивнул ей приветно
И, улыбаясь, сказал: «Когда бы таких мне рождали
30 Чаше богини детей, о гневе ревнующей Геры
Я бы и думать не стал. Прими же, дитя, в обладанье
Все, что сама пожелаала! Но больше отец твой прибавит.

Тридцать дам городов, а к ним — укреплений немало,
Тридцать дам городов, из которых вовек ни единый
35 Бога иного не станет хвалить, по тебе именуясь;
Много притом городов Артемиды разделит с другими,
На островах и на суше; и в каждом городе будет
Роща у ней и алтарь. И еще — все дороги отходят,
Гавани все под руку твою». Закончивши слово,
40 Он головою кивнул. И в путь отправилась дева,
Критской взыскав горы, ища лесокудрого Левка;
После пошла к Океану и нимф получила избранных —
Каждой по девять годов, и каждая в детском хитоне.
Много ликуй, о Кэрата поток, и ты, о Тефиса,
45 Ибо своих дочерей Летоиде вы дали в подруги!

Но оттоль поспешила к киклопам она, обрела же
Их на острове том, что зовется Липарой, — Липарой
Ныне зовем мы его, но тогда он был Мелигунис, —
У наковальни Гефеста, великое дело свершавших:
50 Чашу ковали они, водою Посейдоновым коням.
Как утрашилися нимфы, ужасных узрев исполинов,
Высям Оссы подобных! У каждого яро глядело
Из-под бровей единое око, огромностью схоже
С четверокожным щитом; к тому же звон наковален
55 В уши нимф ударял, и кузнечных мехов воздыхавших
Свист громогласный, и тяжкие стоны; охала Этна,
Охала с ней Тринакрия, жилище сиканов, а дале
Ахал Италии край, и эхом Кирн ему вторил;
Между тем ковачи, вознося над плечами с размаху
60 Молоты, мощно в расплавленный ком железа иль меди
В лад ударяли и ухали шумно сквозь сжатые зубы.
Вот потому-то без слез не могли Океановы дочери
Ни на вид их глядеть, ни шума кузнечного слышать.
Немудрено: всегда ведь дрожат, киклопов завидев,
65 Дщери блаженных, даже и те, кому лет уж немало.
Ежели матери дочка не хочет слушать, бывает,
Мать в подмогу себе для острастки кличет киклопов —
Арга или Стеропа; тогда из укромного места
Кто выходит? Гермес, обличье вымазав сажей.
70 Живо он страх нагоняет на девочку; та, присмиривши,
Льнет к материнской груди, глаза покрывая руками.
Ты же, о Дева, и прежде, трехлетней еще, не страшилась
Было: Лето на руках принесла тебя в гости к Гефесту,
Что тебя пожелал повидать, одарив для знакомства.
75 Здесь на крепких тебя Бронтей лелеял коленях,
Ты же с пространной груди густые волосы ухватила
Крепко и дернула с силой... Досель у него безволоса
Вся середина груди, как бывает, когда заведется
У мужчины в висках, оголяя кожу, лисица.

30 Так и на этот раз ты речь повела без смущенья:
«Эй, киклопы! Живей снарядите мне лук кидонийский,
Стрелы в придачу к нему и для стрел вместительный короб
Ведь не один Аполлон — и я Лето порожденье!
85 Если же мне придется добыть стрелою иль вепря,
Или зверя иного, то будет пир для киклопов».
Молвила: сделано дело — и ты получила доспехи.

После направилась ты за сворой в Аркадию, к Пану
В сельский приют, и его ты нашла; он резал на доли
Меналийскую рысь, плодовиных сук насыщая.
90 Он, брадатый, тебе подарил двух псов черно-белой
Масти, а трех — огневой, одного ж пятнистого; хваткой
Крепкой впившись в загривок, хотя бы и льва они в силах
Довлечь живого на двор; а к ним он добавил
Семь собак киносурских, что вихря быстрее и могут
95 Лучше всех затравить и лань, и бессонного зайца,
Без промедленья сыскать оленя иль дикобраза
Логово и, не сбываясь, вести по следу косули.

Вспять от Пана пойдя (а псы за тобою спешили!),
Ты повстречала на высях, в предгорьях горы Паррасийской,
100 Скачущих ланей, дивное диво! Паслися на бреге
Чернокремнистой реки Анавра они неизменно, —
Ростом больше быков, а рога их золотом блистали.
Ты изумилась и молвила тотчас милому сердцу:
«Вот пристойная дичь Артемиде для первой охоты!»
105 Было всего их пять; четырех ты настигла немедля,
Псами их не травя, и в свою запрягла колесницу.
Но убежала одна, пересекши поток Келадона,
По замыслению Геры, готовившей подвиг последний
В ней для Геракла; и скрыл беглянку холм Керинейский.

110 О Артемиде, о Дева, убийца Тития! Златом
Блещут доспехи твои, колесница твоя золотая,
И золотые уздечки, богиня, вложила ты ланям.
Но куда ты свою погнала впервые упряжку?
К Гему, Фракийской горе, отколе порывы Борея
115 Веют, стужей дыша на тех, кто плащом не укутан.
Где же ты светоч смолистый срубила и где запалила?
На Олимпе мисийском срубила; а неугасимый
Пламень, пылающий в нем, взяла от перунов отцовских.
Сколько раз ты, богиня, серебряный лук испытала?
120 Первый выстрел был в улем, второй в дубовое древо,
Третий зверя лесного добыл; но четвертый не древо —
Град нечестивых мужей поразил, которые много

- И над пришельцами зла совершали и над своими.
Горе тем, кого посетишь ты яростным гневом!
- 125 Сгинет скот их от язвы, и сгинут посевы от града;
Старцы власы остригут, хороня сыновей; роженицы
Будут, стрелой сражены, умирать, а ежели горькой
Смерти избегнут, так явят на свет недостойное жизни.
Но у тех, на кого ты с улыбчивой милостью взглянешь,
- 130 Нивы злаком обильным кипят, отменно плодится
Стадо, и счастлив их дом; притом и в могилу не сходят
Прежде они, чем успеют сполна вкусить долголетия.
Распри семейной не знают они, той распри, что часто
Даже и сильные дома губила; но ставят согласно
- 135 Рядом сиденья свои за столом золотки и снохи.
К ним же да сопричтется и друг мой, кто друг мне по правде,
Да сопричтусь я и сам, госпожа! Тебя воспевая,
В песнях слава и брак Лето, и тебя неустанно,
И Аполлона, и все деянья твои, о богиня,
- 140 Также и псов, и колчан, и ту колесницу, на коей
Ты возносишься быстро в небесные дома Зевеса.
Там встречает тебя у ворот Гермес Акакесий
И принимает доспех; а добычу Феб принимает.
Впрочем, было так прежде — куда еще не явился
- 145 Мощный Алкид. Когда ж он пришел, Аполлон распростился
С этой заботой; тиринфянин сам теперь неустанно
Подле ворот сторожит, смотря еще издали, нет ли
Тучной снеди с тобой для него. Несказанный подъемлют
Смех блаженные боги, и теща сама особливо,
- 150 Видя, как он из твоей колесницы огромного тура
Иль клыкозубого вепря влачит, ухвативши за ногу,
Небескорыстные речи меж тем к тебе обращая.
«Ты поражай вредоносных зверей, дабы человеки
Помощь узрели в тебе, как во мне; а ланям и зайцам
- 155 Мирно пасться разреши. Ну, что тебе лани и зайцы
Сделали? Нет, кабаны, кабаны — вот пажитей гибель!
Да и в быках для людей — немалое зло. Не жалей их!» —
Молвит, а после спешит разделаться с тушей великой.
Если и богом он стал через дуб фригийский, однако
- 160 Та же прозорливость в нем, и тот же остался желудок,
С коим он встарь повстречался пахавшему Феодаманту.
Амнисиады меж тем от упряжки твоей отрешают
Ланей усталых, скребницей их чешут и корм задают им,
С луга Геры собрав траву, растущую быстро, —
- 165 Клевер трилистный, которым и Зевсовы кормятся кони;
Доверху чаны золотые спешат они после наполнить
Чистою влагой, дабы водопой был ланям приятен.
Ты же вступаешь в отцовский чертог; там все тебя кличут
Рядом с собою воссесть; но ты к Аполлону садишься.

370 Если же нимфы ведут вокруг тебя хороводы,
Будь то подле истоков египетской влаги Инопа,
Иль у Питаны (затем, что твоя Питана!) и в Лимнах,
Иль когда, о богиня, ты к Алам идешь Арафанским,
Бросив Скифский предел и обычаи тавров отринув, —
175 Пусть в это время мои быки не выходят на ниву
Чуждую труд свой дневной совершать за условную плату!
Верно, в хлев воротятся они, вконец изнемогши,
Крепость мышц потеряв, хотя бы стимфейской породы
Девятилетки то были, что роги влачат, рассекать же
180 Пашню оралом способней других. Ведь бог солнцезарный,
С неба такой хоровод приметив, коней остановит,
Залюбовавшись; а дня между тем теченье продлится.

Меж островами какой тебе мил, и какая вершина,
Град какой, и залив? И кого возлюбила особо
185 Ты среди нимф, и каких героинь принимала в подруги?
Мне открой, о богиня, а я поведаю людям.
Меж островами — Долиха, средь градов мила тебе Перга,
Горы Тайгета милы, заливы же любы Еврипа;
Но среди нимф возлюбила ты дивно гортинскую нимфу,
190 Зоркую Бритомартис-оленеубицу, за коей
Гнался по критским горам Минос, язвимый желаньем.
То в укромах лесных от него таилася нимфа,
То в болотных лощинах; он девять месяцев кряду
По бездорожью блуждал, не желая погони оставить;
195 Но под конец, настигаема им, она ввергнулась в море,
Прянув с обрыва, а там ее удержали тенета
Спасших ее рыбарей. С тех пор кидонийцы «Диктиной»
Нимфу зовут самое, а утес, с которого нимфа
Прянула, кличут «Диктейским»; алтарь у берега воздвигнув,
200 Жертвы приносят они, венки же плетут из фисташек
Или сосновых ветвей, но мирт рукам их запрещен,
Ибо веточка мирта, за пеплоса край зацепившись,
Девы замедлила бег; с той поры ей мирт ненавистен.
Светоченосная Упис, владычица, критяне даже
205 И тебя самое именуют прозванием нимфы.
Ты и Кирену дарила приязнью, ей уступивши
Двух охотничьих псов, из которых один Гипсеиде
После награду стяжал на играх при гробе Иолкском.
И супругу Кефала, Дейонова сына, избрала
210 Встарь белокурую ты, госпожа; а еще, по преданьям,
Больше света очей ты любила красу Антиклею.
Первыми эти двое и лук, и колчан стрелоемный
Стали носить у плеча, оставляя правое рамо
Неприкровенным и правый сосок всегда обнажая.
215 Также лелеяла встарь быстроногую ты Аталанту
Деву, Иасия дочь аркадского, вепреубицу,

- Псов подстрекать научив и цель стрелою уметить.
 Не изрекут на нее хулы зверобои, что были
 На Калидонского созваны вепря; добычу победы
 220 Край Аркадский приял и досель те клыки сберегает.
 О, ни Гилей, полагаю, ни Рэк неразумный не станут,
 Сколько ни мучит их злость, хулить облыжно в Аиде
 Лучницу; не подтвердят той лжи бока их и чресла,
 Те, что кровью своей обагрили утес Меналийский.
- 225 Радуйся много, Хитона, держащая храмы и грады,
 Ты что в Милете являешь себя! Ведь тобою ведомый
 Некогда прибыл в тот край Нелей из Кекропова царства.
 Первопрестольница ты хесийская! Царь Агамемнон
 230 Дар во храме твоим принес тебе, путь умоляя
 Вновь открыть кораблям (ибо ветры ты оковала),
 В оное время, какплыли суда ахейцев на грады
 Тевкров, бранью грозя Рамнусийской ради Елены.
 Также и Пройт два храма тебе, богиня, воздвигнул:
 Первый «Девичьей», когда ему в дом ты дев воротила,
 235 Что в Азанийских блуждали горах; второй же, на Лусах, —
 «Кроткой», затем, что у чад его отняла ты свирепость.
 И амазонки народ, возлюбивший брани, у берега,
 Подле Эфеса поставил тебе кумир деревянный
 В сень священного дуба, и жертвы Гиппо сотворила.
 240 Но остальные плясали вокруг, о владычица Упис,
 Бранную пляску сперва, щитами вращая, а после
 Хоровод по кругу вели; пронзительный голос
 Им подавала свирель, чтоб в лад они били стопами
 (Ибо выдалблывать кость оленью тогда не навыкли,
 245 Как то Паллада во вред оленям измыслила). Эхо
 До Берекинфа неслось и до Сард, как топотом шумным
 Землю разили они, и вторили звоном колчаны.
 После ж вокруг кумира того воздвигся пространный
 Храм; святее его никогда не видело солнце,
 250 Как и богатством обильней: легко и Пифо превзойдет он.
 Храм сей разрушить грозил Лигдамид, обуянный гордыней
 Дерзкий обидчик; привел он рать кормящихся млеко,
 Словно песок, несчислимых с собой киммерийцев, живущих
 Подле пролива того, что зовется по древней телице.
 255 Как помрачен был рассудок царя проклятого! Больше
 Уж ни ему не пришлось увидеть Скифскую землю,
 Ни другим, чьи повозки пестрели на бреге Каистра,
 Путь возвратный найти; ибо лук твой — защита Эфесу!
- О Мунихия, ты заливами правишь, Ферей!
 260 В почести да не откажет никто Артемиде, затем что
 Даже Ойнею пришлось не к добру созывать зверобоев;

Пусть не желает никто с Охотницей спорить в искусстве —
За похвальбу и Атрид расплатился пеней немалой;
Девственной да не дерзнет никто домогаться — как Отос,
265 Так Оарйон желаньем пылали себе не во благо;
Плясок пусть никто не бежит ежегодных — отвергнув
Танец пред алтарем, и Гиппо вкусила возмездье.

Радуйся много, Царица! И к песне будь благосклонна.

IV. К ОСТРОВУ ДЕЛОСУ

Дух мой, когда же сберешься воспеть ты Делосскую землю,
Пестунью Фебову? Так, и другие Киклады прилично
Славить; они между всех островов, омываемых морем,
Святы особо; но первого дара от Музы достоин
5 Делос — затем что Феба, над песнями властного, первым
Он омыл, пеленами повил и как бога восславил.

Как на певца, что не хочет Пимплею воспеть, негодуют
Музы, так гневен и Феб на того, кто Делос забудет.
Делосу ныне хвалу приношу; да возлюбит владыка
10 Кинфий меня, усмотрев, что его я пестунью славлю!
Пусть бесплодна эта земля, ветрами продута,
Морем бичуема бурным, не коням приют, а гагаркам,
Что среди понта лежит неподвижно; окрест же пучина
Пенообильную влагу волны Икарийской подъемлет;
15 То-то одни рыбаки на ней обитают морские!
Все же никто не отнимет у ней особливую почесть:
Если вокруг Океана, вокруг титаниды Тетисы
Сходятся все острова, всегда она шествует первой —
А уж за нею вослед идет и Кирн финикийский,
20 И абантская с ним Макрина, Эллопа жилище,
И Сардиния, сладостный край, и остров, который
Первым Киприду приял из волн и ею блюдетя.
Каждый из них охраняем оградой стен крепкозданных;
Делос же Фебом храним — найдется ль ограда надежней?
25 Ибо от вихрей Борея стримонского рушатся наземь
Башни и стены порой; но бог — он вовеки незыблем.
Милый Делос, так вот кто тебя, хранящий, обходит!

Так; но если в избытке тебе воспеваются песни,

- Чем изумлю я тебя? Что по сердцу будет услышать?
30 Или о том, как некогда бог многомогущий, ударив
Горы трезубым копьём, что ему сковали тельхины,
Дал через то островам начало, а после низринул
Их с устоев привычных и ввергнул в морскую пучину?
Да, в глубине, чтоб они и думать забыли о суше,
35 Дал он им корни — им всем; но ты принуждён не знала,
Вольно блуждая по лику зыбей; и старое имя
Было тогда у тебя — «Астерия», ибо в пучину
Пала звездой ты с небес, убегая от Зевсова ложа.
Так; покуда золотая Лето у тебя не гостила,
40 Было Астерия имя тебе, а вовсе не Делос.

- Часто зрели тебя мореходы, от града Трезена
Путь направлявшие свой к Эфире, когда ты являла
В волнах Саронских себя; но уже при своем возвращеньи
Больше тебя не встречали, меж тем как ты проплывала
45 Возле узких протоков Еврипа, грохочущих шумно,
Чтобы в этот же день, презрев Халкидские зыби,
К мысу Афинской земли, к высокому Сунию выйти,
Или к Хиосу, иль также к сосцам орошенного влагой
Острова, к славной Парфении (Самос еще не родился),
50 К царству Анкея, где ждали тебя микалийские нимфы.
Но когда для рожденья дала ты Фебова место,
Новое имя в награду тебе нарекли мореходы,
Ибо уже ты не бродишь по смутным путям, но в пучине
Бурных Эгеевых вод пустила глубокие корни.

- 55 Не убоялася ты и грозившей Геры. Богиня
Гневалась страшно на жен, что чад зачинали от Зевса,
Пуще всего — на Лето: суждено той было единой
Сына родить, что будет отцу любезней Ареса.
На дозорных она высотах пребывала в эфире,
60 Так ярясь, что и молвить нельзя, и Лето заграждая,
Мукой язвимою, стези; меж тем к земле крепкозданной
Двух приставила стражей она. Озирая прилежно
Весь материк, на вершине воссел фракийского Гема
Буйный Арес, облеченный в доспех; к дороге готовы,
65 Кони ждали его в седьмидомном Бореювом гроте.
А крутосклонные все острова поручены были
Дщери Фавмантовой рвенью, на выси взлетевшей Миманта.
Оба они дожидались, к какому граду направит
Путь свой Лето, и, грозя, ее принять возбраняли.
70 В страхе бежала Аркадия вся, бежала святая
Авги гора, Парфений, и вспять Феней обратился,
Вся бежала Пелопа земля, что простерлась до Истма,
Кроме Аргоса лишь с Эгналом; туда не ступали

Ноги Лето, затем что над Инахом Гера владычит.
75 Тем же страхом гонима, бежала Аония; следом
Дирка со Строфией купно спешили; на них опирался
Чернокремнистый отец Исмен; и медлительным ходом
Тек, отставая от них, Асол, что перуном расслаблен.
Мелия, нимфа тех мест, плясунья, думать забыла
80 О хоровах, и бледность покрыла робкой ланиты,
Ибо страшилась она за дуб соприродный, увидев,
Как сотряслась Геликонова грива. О Музы, откройте,
Правда ль, что с деревом вместе на свет рождаются нимфы?
Нимфы ликуют, когда от дождей кудрявится древо;
85 Нимфы тоскуют, когда опадают листья у древа...

Гневом вспыхнул меж тем во чреве еще материнском
Царь Аполлон и Фивам прорек ужасное слово:
«Фивы, к чему искушать вы свою хотите судьбину?
Не принуждайте меня, о злосчастные! — ныне пророчить.
90 Нет ведь еще и в Пифо у меня треножных седалищ,
Змей великий еще не сражен; пресмыкаясь, ползет он,
Страшной украшен брадой, свой путь зачиная от Плейста,
В девять обвинивши колец Парнаса снежные выси...
Все же слово скажу, верней, чем вещанье от лавра:
95 Что ж, бегите скорей! Нагоню я вас, омывая
Стрелы в крови; потомство жены преступноречивой
Пестовать будете вы — но меня ни вам не лелеять,
Ни Киферону вовек; я, чистый, вверюсь лишь чистым!»

Так он сказал; и снова Лето в блужданья пустилась
100 Но когда отвергли приход сей гости все грады
Края Ахейского, как и Гелика, град Посейдонов,
И Ойкиада, приют Дексамена, сельская Бура, —
Путь обратила она к Фессалии. Кинулись в бегство
И Анавр и Ларисса, а с ними Хироновы горы.
105 И Пеней поток, по Темпейскому долу бегущий.
Все же в груди у тебя, о Гера! жестокое сердце
Не умягчалось нисколько, когда Лето воздымала
Обе в моленье руки, понапрасну речи вещая:

«О фессалийские нимфы, о дочери потока! Просите
110 Все вы, касаясь брады родительской, да успокоит
Волны отец, чтобы Зевсовых чад в водах я родила.
Фтийский Пеней, для чего, отец, ты с ветрами споришь?
Не на ристалище мы, и нет коня под тобою.
Молви: всегда ль у тебя так ноги легки? Или только
115 Из-за меня убыстрились они? Как будто крылами
Некто тебя наделил! Не внемлет! О мое время,

Где сложу я тебя? Нет в теле крепости больше!
Или помедли хоть ты, Пелион! Помедли, Филиры
Брачный чертог! Ведь нередко на высях твоих и на склонах,
120 Яростных чад породив, от мук разрешаются львицы».

Слезы лия, такую Пеней ответственал речью:
«Власть велика у богини Неволы, Лето! Не отвергнул
Я бы тебя, госпожа; и другие жены, родивши,
Знаю, в водах моих омывались. Но страшно грозит мне
125 Гера! Ты только взгляни, какой боец на дозорных
Ныне высотах воссел; без труда он вконец изничтожит
Струи мои! На что ж я решусь? Пеней погибель
Даст ли радость тебе? Так пусть свершится судьбина!
Ради тебя я постражду, Лето, хотя бы пришлось мне
130 Вовсе иссякнуть, вконец умалиться, навеки погибнуть
И перед реками всеми лишиться славы и чести!
Так, я готов; что нужно еще? Зови Илифию!»

Молвил, и мощный сдержал он поток; но Арес, восплаивши,
Выси Пангея решил до корней из почвы изринуть,
135 В воздух поднять, на реку повергнуть и струи засыпать.
Загрохотал он с высот и в щит ударил ужасным
Жалом копья — и бранные звоны окрест огласили
Оссу крутую и дол Краннона, отдавшись эхом
В ветреных Пинда вершинах; Фессалия в страхе великом
140 Вся подскочила; столь грозно звучал его щит меднозданный.
Словно на Этне-горе, курящейся пламенем дымным,
Ходит все ходуном, чуть только в недрах подземных
Стронется с места гигант Бриарей и плечами подвижет,
Между тем как в Гефестовой кузне сосуды, и горны,
145 И треноги, и чаши, в огне сотворенные, купно
Друг на друга валясь, гудят и звенят несказанно, —
Столь же разительный гул от щита округленного несся.
Все же Пеней не стал убегать, но с прежней отвагой
Ждал поначалу врага, сдержав проворные воды,
150 Слов покуда таких Лето не вещала: «Спасайся
Во благовременье, отче! Спасайся, да зла не претерпишь
Ты за ласку твою, которой вовек не забуду!»

Молвила так — и направила путь, устав от скитаний,
К мореобъятым она островам; но ее отвергали
155 Как Эхинады, отрадный приют дающие судну,
Так и Коркира, что любит гостей и встречает отменно, —
Ибо всем им с высот Миманта грозила Ирида,
Яростью в дрожь приводя; они же, окрику внявши,
Все разбегались по морю, едва Лето подходила.

160 После к древнему Косу, к Меропову острову бег свой
Устремила она, к священной земле Халкиопы,
Но удержало ее сыновнее слово: «Не должно,
Матерь, рожать меня здесь! Пусть мил сей остров и славен,
Пусть изобилъем гордится пред всеми он островами;
165 Но приговором судеб ему бог иной обетован —
Дивных Спасителей сын, под чью покорятся державу,
Доброю волей своею приемля власть Македонца,
И сухопутные земли, и те, что покоятся в море,
Вплоть до крайних пределов, отколе свой бег начинают
170 Кони проворные Солнца; а нрав он наследует отчий.
С ним-то и мне предстоит разделить со временем подвиг,
Войны совместно ведя. Ведь некогда против Эллады
Злые кинжалы подымет и кельтского кликнет Ареса
Племя новых титанов, от самого края заката
175 В том же пришедши числе, в каком вьются снежинки
В вихре или светила идут по небесному кругу.

... И в Крисейских долинах, и в узком Гефестовом логе
Будут тесными они отовсюду, взирая, как дымы
180 К небу с соседних восходят полей; но не то еще узрят!
В самом храме моем проблеснут оружием фаланги
Богонравных врагов, засверкают мечи и доспехи
Дерзко, и с ними щиты ненавистные; после же станут
Метить собою они повсюду проклятые тропы
185 Дикого рода галатов, от коих немалая доля
Мне останется — часть же иная сгинет у Нила,
Став добычей царя, подъявшего труд раторборный.
Феба вещанье прими, Птолемей, имущий родиться!
Так; со временем ты похвалишь провидца, что ныне
190 В чреве глаголет родном! А ты мужайся, о матерь:
Видишь, в волнах морских невеликий остров приметен,
Что плывет над зыбями, в земле же корней не имеет,
Словно побег асфодели, гоним повсюду теченьем,
Будь то к Евру иль Ноту, куда ни стремится пучина.
195 Вот к нему и ступай — и нам прибежище будет!»

Так он вещал; между тем острова разбегались по морю,
Но приближалась ты, Астерия, милая песне,
Вспять от Евбеи спеша повидать Киклады скорее:
Водоросль из Герэста еще на тебе повисала.
200 Все поняв, сдержала ты бег и стала недвижно,
И провещала Гере самой дерзновенное слово,
В тяжких томлениях видя богиню перед собою:
«Гера, что хочешь со мною твори, но я преступила
Ныне запрет. Ко мне, о Лето! Ко мне! Поспеши же!»

205 Кончила ты; она же, предел узревши блужданьям,
Села подле Иноповых струй, что из недр подземельных
Брызжут всего полноводней тогда, когда разольется
Нил, от высот Эфиопских гоня изобильную влагу.
Пояс расторгла она, а плечи свои прислонила
210 К древу пальмы, вконец ослабев от натиска жгучих
Болей, и хладный пот по коже ее заструился.
Громко стенала она: «Что мать терзаешь, о сын мой?
Чад, вот ведь и остров тебе нашелся плавучий.
Сын мой, рождайся скорей! И кроток выйди из чрева».

215 Но и ты оставалась недолго неизвещенной,
Ярая Зевса супруга; к тебе внеслась, запыхавшись,
Вестница и начала, к словам боязнь примешавши:
«Гера, моя госпожа, средь богинь высочайшая саном!
Я, как и все, под рукой твоей; ты по праву владычишь,
220 На олимпийском престоле воссев; иной не страшимся
Женской руки. Но узнай, госпожа, в чем гнева причина:
Ныне пояс Лето на земле островной развязала!
Все острова отвергали ее, уstraшенные мною:
225 Только Астерия смела ее по имени кликать,
Только Астерия, моря отребье; ты наглуую знаешь.
Ах, заступись, помоги, владычица мощная, верным
Слугам, которые ради тебя всю землю обходят!»

Кончив, припала к подножью она, Артемидиной псице
Видом подобясь своим, средь охоты на миг прикорнувшей
230 Подле ног госпожи, но вострящей во сне свои уши
И готовой по кличу богини с места сорваться;
Так-то у трона золотого сидела дочь Фавманта.
Неукоснительно рабье свое она ведает место;
Даже когда забвение Сон крылом ей навевет,
235 Голову чуть опустив на грудь, притуляется незаметно
К ножке высокого трона, она вкушает дремоту,
И ни сандалий притом, ни пояса с тела не снимет —
Ибо ведь в каждый миг с поручением спешным царица
Может ее отослать! Но Гера промолвила мрачно:
240 «Так-то, срамницы Зевеса, любитесь без чести, без славы
Чад являйте на свет — не там, где и низким рабыням
Корчиться в родах дано, но где одни лишь тюлени
Малых детенышей мечут, на бреге пустом и безлюдном.
Все же не гневаюсь я на Астерию за прегрешенье
245 Дерзкое и не намерена впредь ей кары готовить,
Хоть заслужила она, Лето приютив беззаконно!
Все же ее особливо я чту; ведь она не сквернила
Ложа вовек моего, но в пучину сокрылась от Зевса».

- Слово она изрекла; меж тем певцы Аполлона,
250 Лебеди, кинув Пактол Меонийский, семь сотворили
Плавных кругов над Делосской землей, и славили звонко
Дивные роды они той песнью, что всех сладкогласней.
Вот потому и к лире своей приладил рожденный
Столько же струн, сколько раз при рождение лебеди спели.
255 Песни восьмой не успели начать они, как из чрева
Он явился, и грянули в лад делосские нимфы,
Древней чада реки, Илифию зовя, и медяный
В высях ответил эфир, зазвенев от зычного гласа.
Даже и Гера не гневалась ныне, склоненная Зевсом.
260 Стала златою окрест, Астерия, вся твоя почва,
Стали златыми листы осенившей роды маслины,
Стали златыми струи виющего русло Инопа.
Ты же сама подняла с земли озлащенной младенца,
265 К персям своим приложила и молвила слово такое:

«Гея, несущая дома, имущая грады и храмы,
Вы, о материки, и вы, острова! Поглядите,
Земли мои каковы? Бесплодны, не правда ль? Но будет
Делием именоваться по мне Аполлон, возлюбивши
270 Так, что не будет иной земли, столь богом любимой.
Ни Керхниду свою Посидаон так не лелеет,
Ни Килленскую гору — Гермес, ни Крит — Громовержец,
Сколь возлелеет меня Аполлон, и блуждать я престану».
Так промолвила ты, и к сосцам припал он любезным.

- 275 Фебова пестунья, ты священнейшей меж островными
Землями с той зовешься поры; на тебя не дерзают
Ни Энио, ни Аид вступить, ни Аресовы кони.
Но ежегодно тебе воздают десятину начатков
Грады, и хоры свои посылают купно народы
280 Все, что к восходу живут, иль к закату, или обитель
В крае полднемном снискали себе, и те, что привыкли
Жить за Бореем в песках, долговечнейший род человеков!
Да, они-то и шлют солому тебе и колосья
В освященных снопах; от них пеласги в Додоне
285 Первыми дар принимают, из дальнего посланный края, —
Слуги глаголющей меди, что спят на земле обнаженной;
После отходят снопы к Священному Граду и к горным
Высям Малийской земли; оттоле же странствуют морем
К милому долу абантов, к Лелантию, — но от Евбен
290 Уж недалече им плыть, затем что ты ждешь по соседству.
Первыми эти удары от русых тебе аримаспов
Упис, и дева Локсо доставили, и Гекаерга,
Дщери Борейя, и отроков с ними толпа непорочных,
Юности избранный цвет; но в отчизну они не вернулись,

- 295 Лучший удел получив и стяжав вековечную славу.
Даже донныне невесты на Делосе, клич Гименей
Ухом трепетным вняв, несут в приношение девам
Кудри девичьи свои, меж тем как юноши, срезав
Первой начатки брады, их жертвуют отрокам чистым.
- 300 Ты фимиамом всегда, Астерия, дышишь, окрест же
Словно бы хоровод ведут острова круговидный.
О, тебя-то вовеки без кликов, без плясок не узрит
Геспер кудрявый, взойдя, ты всегда оглашаема звоном.
Юноши в лад припевают напеву ликийского старца,
305 Тот напев, что от Ксанфа принес Олен боговещий,
Между тем как плясуньи стопами прах ударяют.
В оное время венками разубран бывает и Старый,
Чтимый кумир, что древле Тесей поставил Киприде,
Купно с отрочьим сонмом свой путь направляя от Крита;
310. Ибо, спасши себя от ужасного рыка, от злого
Пасифайна чада, от хитрой стези Лабиринта,
Пляской они круговой под звоны кифары почтили
Твой алтарь, госпожа; а Тесей начальствовал хором.
С той-то поры обычай велит посылать Кекропидам
315 К Фебу священный корабль, о Тесеевом плаванье помня.

- Много ты слышишь молитв, Астерия! Кто же проедет
Мимо тебя, стороною спеша с кораблем быстроходным,
Из торговых людей? О нет, какие бы ветры
Ни подгоняли корабль, и какая б нужда ни теснила,
325 Спустят парус сперва моряки и не тронутся с места,
Прежде чем вокруг алтаря не покружатся в пляске
Под ударами розог и ствол не укусят маслины,
Руки держа за спиной. Измыслила ж эти обряды
Местная нимфа, забаву творя Аполлону-дитяти.

- 320 Радуйся много, очаг островов, святыня морская,
Радуйся ты, Аполлон, и с тобою сестра Аполлона!

V НА ОМОВЕНИЕ ПАЛЛАДЫ

- Сколько ни есть вас, прислужниц Палладиных, все выходите,
В путь выходите: пора! Ярое ржанье коней
Я слышал уже, и к дороге богиня готова:
О белокурые, в путь, дщери Пеласговы, в путь!
- 5 Рук могучих никогда не омыла Афина
Прежде, чем грязь соскрести с конских усталых боков,
Даже и в день, как, доспехи неся, залитые кровью,
С брани вернулась она, буйство гигантов смирив;
Нет, поначалу она поспешила коней истомленных,
- 10 Отрешив от узды, в водах глубоких омыть
Океана, и пыль удаляя, и пот, и от пастей,
Грызших в пылу удила, ярую пену стереть.
Ныне, ахейнки, в путь; но с собой не берите ни мира,
Ни алавастров (уже слышу, как спицы скрипят!),
- 15 Ни алавастров, ни мира с собой не несите Палладе:
Ведь умашений таких Дева не терпит вовек.
Зеркала тоже не надо: ее красота неизменна.
Даже и в день, как судил пастырь фригийский богинь,
Не заглянула ни в медь Афина, ни в ясные воды
- 20 Симоиса, чья гладь облик являет любой.
Так же и Гера: одна лишь Киприда не раз поглядела
В зеркало, дважды сменив хитроspлетеные волос.
Дважды Паллада меж тем шестьдесят уж поприщ промчалась,
Как у Евротовых струй бег свой свершает чета
- 25 Звездных лаконских мужей; затем умастилась искусно,
Взявши елей, что рожден собственным деревом ее.
Девушки, как покраснелась она от бега! Как роза
Рдеет в саду на заре или граната зерно.
Так и теперь ей несите елей, что мужам подобает:
- 30 Им ведь и Кастор себя, им и Геракл умащал.
Гребень златой не забудьте, дабы она расчесала
Локон, пригладив волну ясно светящих кудрей.

- Выйди, Афина! Смотри, каково твое ополчение —
Чистые девушки все, кровь же Арестора в них.
- 35 Вот, Афина, несут и оный щит Диомедов,
Как тому научил в давние дни аргивян
Их наставник Евмед, тебе любезный служитель;
Ибо, приметив, что смерть тайно готовит ему
Племя его, он бежал, прихватив с собою в дорогу
- 40 Твой кумир, и ушел в Крейских горах обитать,
В Крейских горах обитать; тебя же, богиня, поставил
В тех ущельях, что мы днесь Паллатиды зовем.
Выйди, Афина в шлеме златом, губящая грады,
Ты, чей дух веселят звоны щитов и копыт.
- 45 По воду, жены, сегодня страшитесь ходить; аргивяне,
Пейте сегодня от струй кладезных, не из реки.
Нынче, рабыни, несите сосуды свои к Фисадии
Иль к Амимоне, другой дщери Даная-царя —
Ибо, влагу свою со златом смешав и цветами,
- 50 Инах роскошно ее с гор, веселяся, несет
На омовенье Афине; а ты берегись, пеласгиец,
Как бы нечаянно ты не увидал Госпожу.
Кто ее узрит нагой, Градодержицу нашу Палладу,
Аргоса нашего впредь уж не увидитовек.
- 55 Так счастливо же в путь, Госпожа! А я им покуда
Слово скажу; не мое слово, но старых людей.
Дети, в некое время Афина фиванскую нимфу
Дивно любила, ее всем остальным предпочтя
(Ту, что Тиресию мать), и с нею была неразлучна.
- 60 Так, направляла ли путь к древней Феспийской земле
Или, ища Коронеи, ища Галиарта, стремилась
Бег упряжки свой чрез Беотийский предел
(Да, ища Коронеи, где ей благовонная роща
Посвящена и алтарь у Куралийской волны), —
- 65 Часто богиня ее с собою брала в колесницу;
Ни хороводы, ни смех, ни ликования нимф
Не услаждали Палладу, коль пляски вела не Харикло.
Все же и ей довелось горькие слезы узнать,
Ей, что была для Афины меж всех любезной подругой.
- 70 Ибо однажды они, скрепы одежд разрешив,
Вместе купались в прозрачнотекущих водах, в Геликоне
Конском; полуденный час горы сковал тишиной.
Вместе купались они; полуденной это порою
Было, и тишина всюду царила в горах.
- 75 Только Тиресий один (едва борода пробивалась
На ланитах младых) там же со сворой бродил.
Жажда томила его, и пришел он к струям несказанным,
Бедный; и то, что нельзя, против желанья узрел.
Гневная тотчас к нему слова обратила Афина:
- 80 «Что за демон тебя, очи свои навсегда
Ныне теряющий сын Эверов, привел не на радость?»

Только сказала — и мрак юноше очи покрыл.
 Не было речи в устах у него: оковала колена
 Мука, и в страхе коснел оцепеневший язык.
 85 Нимфа же вопль подняла: «Увы, ты ль отрока губишь,
 О Госпожа? Такова ль ваша, богиня, приязнь?
 Очи сыновние ты отняла. Злаполучнейший отрок,
 Ибо Афинино ты лоно узрел и сосцы,
 Солнца же больше не узришь вовек. Увы мне, злосчастной!
 90 О Геликон, ты мой ныне запрещен стопе!
 Многое ты за немногое взял, меняла жестокий, —
 Нескольких ланей отдав, отрочьи отняв глаза!»
 И, руками схватив обеими бедного сына,
 Матерь вопль подняла, словно лесной соловей
 95 Жалобой звонкой залившись. Над ней умилилась богиня,
 И Афины уста слово такое рекли:
 «О, жена, отрекись поскорей от речи, внушенной
 Гневом, затем, что в беде должно винить не меня.
 О, нисколько, поверь, похищать не сладко Афине
 100 Отроков очи, но так Кронов глаголет закон:
 Кто одного из бессмертных, самим божеством не избранный,
 Узрит, великую тот пеню уплатит за грех.
 О жена, что свершилось, того воротить невозможно:
 Верно, такую уж нить выпряла Мойра, когда
 105 Этот мальчик рождался на свет. Неси же с терпением,
 Чадо Эвера, беду, ту, что тебе суждена.
 Сколько жертв принести пожелает в свой час Кадмеида,
 Сколько, увы, Аристей, если бы только могли
 Вымолить этой ценой они хоть слепцом Актеона!
 110 Ведь Артемидиных он спутником будет охот,
 Но ни охоты, ни травли, ни стрелы, что вместе с богиней
 Станет метать он в горах, все не помогут ему,
 Стоит ему увидеть не по воле свсей омовенья
 Дивной богини; свои псы господина пожрут,
 115 Яростный пир учинив; а кости сыновние мать
 Будет собирать, обходя заросли скорбной стопой.
 Верно, счастливой тебя она назовет и блаженной,
 Ибо тебе хоть слепцом горы вернули дитя.
 О подруга, печаль отложи; его же немало
 120 Ждет прекрасных даров в память о дружбе мсей.
 Я пророком его сотворю, досточтитым в потомках,
 И без сравненья других он превысит собой.
 Птиц различит он неложно, какая на благо, какая
 Попусту иль не к добру в небе явила себя.
 125 Много он возвестит божественных слов беотийцам,
 Кадму откроет вешун и Лабдакидам судьбу.
 Дам я и посох ему, шаги направляющий верно,
 И долголетний ему жизни отмерю предел.
 Он и по смерти один в Аиде пребудет разумен,
 130 Властным почивших царем Агесилаем почтен».

Слово скончав, кивнула она. Коль Паллада кивнула —
Сделано дело; одной меж дочерей даровал
Зевс Афине вершить дела отцовскою властью.
Жены, явила не мать нашу богиню на свет,
135 Но Зевеса глава; глава же Зевеса неправде
Не покивает вовек; так и Зевесова дочь.
Подлинно, едет Афина сюда! О девы, воспряньте,
Ежели Аргос вам свят; должно богиню встречать
Благоустановную речью, молитвою и возглашеньем.
140 Радуйся, Дева, и нам град Инахийский блюди.
Радуйся много, от нас ли коней или к нам направляешь,
И сохрани навсегда целым данайцев удел!

VI. К ДЕМЕТРЕ

- Вот и кошницу несут! О жены, примолвите звонко:
«Радуйся, мать Деметра, обильная кормом и хлебом!»
Вот и кошницу несут! С земли взирайте на тайну,
Кто посвящению чужд; не смейте подглядывать с кровель,
- 5 Ни жена, и ни дева, ни та, что волосы распустила,
Все мы покуда должны голодную сплевывать влагу.
Геспер сквозь дымку сверкнул — когда же ты выйдешь, о Геспер?
Это ведь ты убедил испить Деметру впервые
В оное время, как Деву она безуспешно искала.
- 10 Ах, Владычица наша, и как тебя ноги носили
В странствиях к черным мужам и к плодам Гесперидина сада?
Сколько же маялась ты, не омывшись, не пивши, не евши!
Трижды ты перешла серебряный ток Ахелоя,
Каждую реку ты столько же раз пересечь потрудилась,
- 15 Трижды у струй Каллихора ты наземь садилась устало,
Солнцем палима, пылью покрыта, терзаема гладом!
Нет, о нет! О том промолчим, как Део горевала.
Лучше припомним, как градам она даровала законы,
Лучше припомним, как жатву она совершала впервые
- 20 Свято, и как подложила быкам под ноги колосья
В те времена, как был Триптолем в искусстве наставлен;
Лучше припомним, дабы научиться бежать преступлений
И своеволя, о том, как был Эрисихтон наказан.

- В давнее время не Книда предел, но Дотий священный
- 25 Племя пеласгов еще населяло; они посвятили
Рощу богине густую — сквозь листья стреле не пробиться.
Там и сосна возрастала, и статные вязы, и груши,
Там и сладчайшие яблоки зрели; электра яснее
Там струилась вода из протоков. Не меньше ту рощу,
- 30 Чем Элевсин, иль Триоп, иль Энну, любила богиня.

- Демон благой отошел между тем от Триопова рода.
И через то Эрисихтон был злым подвигнут советом:
Двадцать слугителей он повел с собою, могучих,
Словно гиганты, способных хоть целый град ниспровергнуть,
- 35 Их секирами всех ополчил, ополчил топорами —
И предерзких толпа к Деметриной кинулась роще.
Был там тополь огромный, до неба росшее древо,
Тень в полуденный час для игры дарившее нимфам:
Первым принявши удар, печально оно восстенало.
- 40 Вот Деметра вяла, как тополь страждет священный,
И промолвила в гнев: «Кто дивные рубит деревья?»
Тотчас она уподобилась видом Никиппе, что жрицей
От народа была богине назначена, в руки
Взявши мак и повязки, ключами же препоясавшись.
- 45 Кроткие речи она обратила к негодному мужу:
«О дитя, что стволы, богам посвященные, рубишь,
О дитя, отступись! О дитя, ведь мил ты родившим!
Труд прекрати и слуг отошли, да не будешь постигнут
Гневом властной Деметры, чью ты бесчестишь святыню!»
- 50 Он же воззрился в ответ страшной, чем дикая львица
На зверобоя глядит, в горах его встретив Тмарийских,
Только родившая чад (говорят, страшны у них очи).
«Прочь! — он вскричал, — иль моим топором тебя поражу я!
Что до этих дерев, то они пойдут на укрытье
- 55 Для чертога, где радостный пир сотворю я с друзьями!»
Юноша кончил; была записана речь Немесидой.
Гневом вскипев, свое божество Деметра явила, —
Праха касались стопы, глава же касалась Олимпа.
Слуги, от страха мертвея, узрели богиню и тотчас
- 60 Прочь пустились бежать, в лесу топоры покидавши.
Их Госпожа отпустила, людей подневольных, не доброй
Волей пришедших сюда; но владыке молвила гневно:
«Так, хорошо, хорошо, о пес, о пес! О веселых
Ныне пекися пирах! Предстоит тебе трапез немало».
- 65 Так провещала она, Эрисихтону горе готовя;
В тот же миг он был обуян неистовым голодом,
Жгучим, ярости полным, и злой в нем недуг поселился.
О, злосчастный! Чем больше он ел, тем больше алкал он.
Двадцать слуг подносили еду, а вина — двенадцать.
- 70 Ибо гневом пылал Дионис с Деметрой согласно:
Что ненавидит Деметра, всегда Дионис ненавидит.

- Срама такого стыдясь, своего родители сына
В гости не смели уже отпускать, отговорки слагая.
Как-то на игры Афины Итонской его Ормениды
- 75 Призывали, но им ответила мать отказом:
«Нет его дома сейчас; вчера в Краннон поспешил он,
Во сто быков ценой востребовать долг». Посетила

- Их Поликсо, Акториона мать, на сыновнюю свадьбу
Звать вознамерясь Триопа, а с ним и Триопова сына.
80 Скорбь держа на душе, в слезах ей молвила мать:
«Будет с тобою Триоп; Эрисихтон же, вепрем на склонах
Пинда ранен, лежит на одре уж девятые сутки».
Бедная, нежная мать, какой ты лжи не сплетала!
Коль устроится пир — так «нет Эрисихтона дома»;
85 Свадьбу справляет сосед — «Эрисихтон диском ушиблен»,
Или «упал с колесницы», иль «чистит огрийское стадо».
Дома меж тем запершись, целодневно, с утра и до ночи
Ел он и ел без конца, но вотще — свирепый желудок
Только ярился сильней; как будто в пучину морскую
90 Все погружались бесплодно, нимало не пользуя, яства.
Словно снег на Миманте иль воск в сиянии солнца,
Так он таял и таял сильней, пока не остались
Только жилы одни у страдальца, да кожа, да кости.
Горько плакала мать, и сестры тяжко скорбели,
95 И сосцы, что вскормили его, и десять служанок.
Сам Триоп, седую главу поражая руками,
Громко воззвал к Посейдону, ему не внимавшему вовсе:
«О лжеродитель! Воззри на внука, если и вправду
Твой я сын от Канаки, Эоловой дщери; мое же
100 Семя — этот злосчастный. Когда бы стрелой Аполлона
Был он сражен и его схоронил я своими руками!
Ныне же мерзостный голод в его очах поселился.
Или недуг отврати, иль его под свое попеченье
Сам прими и питай; мои же иссякли запасы.
105 Пусты конюшни мои, на дворе моем больше не вид
Четвероногих; меж тем повара, из сил выбываясь,
Уж и месков моих отпрягли от большой колесницы.
Он и корову пожрал, что готовила мать для Гестии,
И боевого коня с ристалищным вместе, и даже
110 Самое белохвостку, страшившую малых зверушек!»

- Все же, покуда в Триоповом доме столы накрывались,
Только родимый покой об этом ведал злосчастье.
Но когда от зубов ненасытных все опустело,
На перекрестке дорог уселся царственный отпрыск,
115 Клянча сухие куски и стола чужого отбросы.

Другом моим да не будет, Деметра, твой оскорбитель,
Ни соседом моим! Не терплю соседей злонравных.

- Молвите звонко, о девы, и вы подхватите, о жены:
«Радуйся, мать Деметра, обильная кормом и хлебом!»
120 Как четыре коня провозят святую кошницу,

Белые мастью, так нам царящая мощно богиня
Белую пусть ниспошлет весну, и белое лето,
Также и осень, и зиму, блюдя обращение года!
Как мы, ноги не обув и волос не связав, выступаем,
125 Так да пребудут у нас и ноги и головы здравы!
Полную злата несут кошниценосные жены
Ныне кошницу; таков да будет злата избыток!

Те, кто таинствам чужд, идите до пританея;
Вы ж, посвященные жены, — до самого храма богини,
130 Если шести не достигли десятков. А вы, кто во чреве
Носите плод, Илифию моля, или мучимы болью, —
Сколько ноги пройдут; и вас Део в изобилие
Всем одарит, а когда-нибудь вы и до храма дойдете.
Радуйся много, богиня, и граду даруй удачу
135 Ты и соглась, в полях возрасти плоды нам и злаки,
Скот возрасти, дай яблокам сок, дай колосу зрелость,
Сладостный мир возрасти, чтоб жатву пожал, кто посеял.

Милость яви мне, молю, меж богинями дивная силой!

ГИМН
КЛЕАНФА

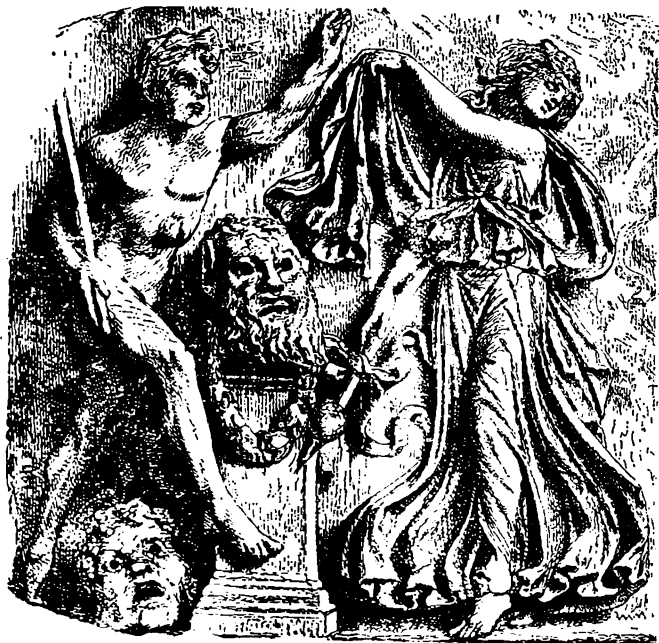
К ЗЕВСУ

- Ты, из бессмертных славнейший, всесильный и многоименный,
Зевс, произведший природу и правящий всем по закону.
Зевсу привет мой! Тебя всем смертным хвалить подобает,
Мы — порожденье твое и все твой образ мы носим,
5 Смертные все, что живем на земле и ее попираем.
Вот почему твою мощь восхваляю и петь буду вечно.
Все мироздание это, что землю обходит кругами,
Двигается волей твоей, тебе повинуюсь охотно.
Держишь в своих ты руках, никогда пораженья не знавших,
10 Молнии блеск огневой, ослепительный, вечно живущий,
Молнии той, чей удар в смятенье ввергает природу;
Этим огнем направляешь по миру ты разум всеобщий,
Всюду пронесится он, меж светил великих и малых.
Ты повелитель всего, над всем величайший владыка.
15 Нет ничего на земле, что помимо тебя бы возникло,
Нет ни в эфире небесном, ни в моря глубокой пучине,
Кроме того, что безумцы в своем безрассудстве свершают.
Ты же умеешь, однако, соделать нечетное четным,
Дать безобразному вид, у тебя и немилое мило.
20 Ты согласишься в единство дурное совместно с хорошим,
Так что рождается разум, всеобщий и вечноживущий,
Разум, чья сила страшна одним лишь дурным между смертных;
В зависти злобной они стремятся к владениям добрых,
Общий священный закон не видят, ему не внимают;
25 Если б ему покорились, то жили бы честно, разумно.
Ныне ж пылают одни необузданной жаждою славы;
Эти стремятся лукаво к наживе бесчестной, иные
Преданы только распутству и, тело свое ублажая,
Ищут одних наслаждений, взамен же страданье находят.
30 Ты же, о Зевс, всех даров властелин, темнокудрый, громовый
Дай человеку свободу от власти прискорбной незнания;
Ты изгони из души неразумье и путь укажи нам

К мудрости вечной, которой ты правишь над всем справедливо,
Честь от тебя восприняв, и тебе будем честь воздавать мы,
35 Вечно твои воспевая деянья, как смертному должно.
Нет награжденья прекрасней для смертных и нет для бессмертных,
Кроме как общий закон восхвалять и чтить справедливость.

ОРФИЧЕСКИЕ ГИМНЫ

К МУСЕЮ

НА ПОЛЬЗУ И ВО БЛАГО ТЕБЕ, ДРУГ!

- Вот послушай, Мусей, молитву при действиях священных
Силы великой — тебе она более всех подобает.
Царь Зевес и Земля, и небесное чистое пламя
Солнца с Луной, и бесчисленных созвездий святое свеченье!
5 Ты, Посейдон, черновласый держатель Земли! Персефона!
Ты, о Деметра святая, плодами обильная пышно!
Также и ты, Артемида, о ты, стрелометная дева,
С Фебом, что в Дельфах святых обитает! О ты, что имеешь
Высшую честь у блаженных богов — Дионис-хороводник!
10 Духом могучий Арес и Гефестова сила святая!
Пеннорожденная, ты, кто жребий дарует преславный!
Также и ты, о подземный владыка, державнейший демон!
Геба с Илифией, вы! Ты, Гераклова сила благая!
Ты, Справедливость, и ты, Благочестье — оплот величайший!
15 Всех вас зову — и нимф знаменитых, и славного Пана,
Геру цветущую, Зевса, эгидодержавца, супругу,
Милую я Мнемосину и Муз призываю священных,
Девять числом, и Харит, и Ор я зову вместе с Годом,
Кличу Лето пышнокудрую я и богиню Диону,
20 Кличу куретов, носящих доспех, корибантов, кабиров,
Кличу Спасителей высших, Зевесовых чад неистленных,
Кличу Идейских богов и вестника воли бессмертных,
Гермия, кличу Фемиду, блюдущую жертвы у смертных,
Ночь всестаринную я призываю и День светonosный,
25 Веру и Дику зову, беспорочную мать Законов,
Рею и Крона зову и в пеплосе черном Тефию,
И Океана великого, и дочерей Океана,
Я и владычную силу Эона зову, и Атланта,
Вечное Время зову и Стикса священную воду,
30 Ласковых кличу богов, а с ними и Промысел добрый,
Демонов кличу благих для людей и гибельных смертным,

Демонов кличу небесных, земных, и воздушных, и водных,
С ними подземных и тех, кто в огне пребывает горящем,
Кличу Семелу и Вакха со всей его шумною свитой,
35 Кличу Ино, Левкотею, подателя благ Палемона,
Нику, чье сладостно имя, и с ней Адрастею-царицу,
Кличу, Асклепий, тебя, о владыка, смягчающий боли,
Кличу Палладу, зовущую в бой, призываю все ветры,
Грома раскаты и Стороны света зову я четыре.
40 Кличу и Матерь бессмертных, и Аттиса кличу, и Мена,
Кличу Уранию я и Адониса кличу святого,
Кличу Начало и кличу Предел — он всего нам важнее,
Все вы явитесь теперь благосклонно, с отрадой на сердце
К жертвенным действиям священным, к сему возлиянью честному.

I. К ГЕКАТЕ

Я придорожную славлю Гекату пустых перекрестков,
Сущую в море, на суше и в небе, в шафранном наряде,
Ту, примогильную, славлю, что буйствует с душами мертвых,
Ту нелюдимку Персею, что ланьей гордится упряжкой,
5 Буйную славлю царицу ночную со свитой собачьей.
Не опоясана, с рыком звериным, на вид неподступна,
О Тавропола, о ты, что ключами от целого мира
Мощно владеешь, кормилица юношей, нимфа-вождиня,
Горных жилища высот, безбрачная — я умоляю,
10 Вяв моленью, гряди на таинства чистые наши
С лаской к тому волопасу, что вечно душою приветен!

II. ПРОФИРЕЕ (фимиам, стиракта)*

- Внемли, богиня почтенная, демон об имени светлом,
В родах помощница, радостно видеть тебя роженицам,
Жен ты спасенье, одна лишь ты любишь, о добрая, деток,
Быстрые роды неся, являешься там, где страданье.
- 5 Ты, Профирея, о добрая ключница, пестовать любишь,
Радостно домам людским тебе посылать процветанье,
Рвущая пояс, невидима ты, но дела твои зримы.
Ты сострадаешь родящим, коль роды легки — веселишься.
Ты, Илифия, снимаешь страдание в миг тяжелейший,
- 10 Только тебя, облегченье душе, и зовут роженицы,
Только в тебе забывают страдания болей родильных.
О Артемида, Илифия, о Профирея честная!
Внемли, блаженная, роды пошли и пребудь на подмоге,
Будь мне спасеньем, раз все упасать ты на свет уродилась!

* Имеются в виду ароматные травы и смолы, которые воскурялись при жертвоприношениях.

III. НОЧИ (фимиам, головни)

- Буду я Ночь воспевать, что людей родила и бессмертных,
Ночь — начало всего, назовем ее также Кипридой.
Внемли, блаженная, в звездных лучах, в сиянии синем!
Внемли! Отрадны тебе тишина и сон безмятежный,
- 5 Ты, о веселая, добрая, праздники любишь ночные,
Мать сновидений, ты гонишь заботы и отдых приносишь.
Все тебя любят, дарящую сон, колесницы хозяйку,
Свет твой таинствен, и ты по природе, богиня, двусуца —
То под землей пребываешь, то снова восходишь на небо.
- 10 Кругом бредя, ты играешь, гонясь за живущими в небе,
Либо, коней подгоняя, к подземным богам устремляешь
Бег их и светишь в Аиде опять, ведь тобой управляет
Строгий Ананки закон, что всегда и для всех неизбежен.
- 15 Ныне, блаженная, всем вожденная Ночь, — умоляю,
Внемли с охотой словам к тебе обращенной молитвы,
Мне благосклонно явись, разогнав мои страхи ночные!

IV. УРАНУ (фимиам, ладан)

О всеродитель Уран, некрушимая часть мироздания,
Старший в роду, и начало всего и всему завершенье!
Куполом ты над землей, о миродержавец, простерся,
Дом всеблаженных богов. Ты все обтекаешь дозором
5 В круговращенье своем, о страж и земли и эфира,
В сердце твоём — бесконечный закон неизбывной природы,
Ты, голубой, адамантово твердый, изменчивый видом,
Всеми играешь цветами, о Крона родитель всезрячий,
Высший из демонов! Мне, о блаженный, внемли, умоляю!
10 Вновь посвященного миста по жизни веди беспорочной.

V. ЭФИРУ (фимиам, шафран)

О высочайшая кровля, вместилище силы Зевеса,
О некрушимый, опора для звезд, для Луны и для Солнца!
Ты, огнедышащий, всеукротитель, ты — искра живого!
Вышний эфир, из основ мироздания ты — наилучший!
5 Великолепный, исполненный света и блеска созвездий!
Я, призывая, молю — пребудь безмятежным и ясным!

VI. ПРОТОГОНУ (фимиам, смирна)

Я Протогона двусущего кличу, бродягу эфира,
Что из яйца появился, красясь золотыми крылами,
С ревом бычачьим, начало и корень блаженных и смертных,
Семя честное, священными жертвами чтимое часто,
5 Эрикепайон, таинственный, неизречимый, блестящий,
С громом и свистом летящий, чей взор разгоняет потемки
Всюду, куда понесут его быстрые крылья по миру.
Ярко блистающий, свет приносящий — отсюда Фанетом
Я величаю его, владыкой Приапом. Антавгом.
10 Семенем полный, блаженный, премудрый, явись же, ликуя,
К оргиофантам на таинство их, что и ярко, и свято!

VII. ЗВЕЗДАМ (фимиами, ароматы)

- Звезд небесных свеченье священное я вызываю,
Благосвятыми словами я кличу сих демонов чистых.
Звезды небесные! Чада любимые Ночи всечерной!
Вы, кто, кружась, обтекаете мир огненной волною,
5 Вы, кто, сияя и вечно горя, все и вся породили,
Вы — сопричастницы Мойр, указатели всяческой доли,
Вы направляете смертных людей по божественным тропам,
Вам пояса семикратные зримы, воздушным скитальцам,
Вы и небесные, вы и земные, вам нет истощенья,
10 Пеплос Ночи непроглядный вы сделали взору доступным,
Блеском осыпав своим, о дарящие время веселью.
К благосвященному действию трудов многомудрых явитесь,
Вы, кто на путь наставляет, ведущий к деяниям славным!

VIII. ГЕЛИОСУ (фемнам, манна с ладаном)

- Внемли, блаженный, всезрящий, имущий всевечное око,
Светоч небесный, о Гиперион, о титан златояркий,
Неутомимый, себя породивший, отрада живущим!
Ты на востоке — родитель Зари, а на западе — Ночи,
5 Ор ты единственныйводишь, кружа на своей колеснице.
Ты, о летящий со свистом, сияющий огненным ликом,
О колесничий, гонящий коней по извечному кругу,
Благочестивых ко благам ведешь, нечестивым же — враг ты.
О златолирник, твой бег водворяет гармонию в мире,
10 Дел указатель благих, о юноша, Ор воспитатель,
Миродержатель, свирельник, бегущий огонь, кругоходец,
О плодоносный, дарующий жизнь, о Пэан пестровидный,
Года отец, незапятнанный, Зевс бессмертный и пылкий,
Ясный, сияющий всем! Ты — мир обходящее око!
15 И на закате сияешь ты дивно своими лучами!
О справедливый, о влаголюбивый, владыка вселенной!
Верности страж, вовеки всевышний, для всех ты подмога,
Око самой справедливости, жизни ты свет, о возничий!
Ты, подгоняя свистящим бичом колесницы четверку,
20 Внемли мольбе, просияй для мистов приятною жизнью!

IX. К СЕЛЕНЕ (фимиам, ароматы)

Внемли, богиня, царица Селена, дарящая светом!
С рожками бычьими Месяц, бродящий в ночи небожитель!
В факелах шестивий ночных, о Луна, благозвездная дева,
То ты полнеешь, то таешь, и женщина ты, и мужчина,
5 О конелюбига, о плодоносная, мать ты году,
Грустное ночи светило, блестящая, вся из электра,
Ты, о бессонная, ты, о всезрящая, в звездном уборе,
В радость тебе — тишина и счастье благого удела,
Прелестью блещешь, носящая рожки, ночи украшенья,
10 В пеплосе тонком ты кружишь, всемудрая звездная дева,
Ныне, блаженная, добрая, в свете своем благозвездном,
В полном сияньи явись, храня неофитов, о дева!

Х. ПРИРОДЕ (фимиами, ароматы)

- Ты, о Природа, богиня всемать, всеумелица-матерь!
Ты, о небесная, старшая, ты, о владетельный демон,
Всех укрощая, сама никому не подвластна, ты — кормчий!
Ты всесиятельна, всепочитаема, демон всевышний,
5 Неистребимая, ты благородство мужам сообщаешь,
О первородная, древняя, с опытом многим, ночная,
О светоносная, неудержимая, ты, о святая,
Кружишься в пляске, но стопы твои танцуют бесшумно,
Ты — устроитель богов, всему ты конец бесконечный,
10 Общая всем, ты одна лишь из всех ни к чему не причастна,
Самоотец, не имущий отца, ты быстра и отрадна,
В дивном цветении все ты сплетаешь искусно, с любовью,
Ты, о вождиня, о дева всепестунья, жизни носитель,
Самодостаточна, ты и Харита, Пейто ты и Дика,
15 Ты на земле, под землей, в небесах и на море владычишь,
Горечь для всех недостойных, тебе же послушным — услада,
О вседаритель заботливый, о всецарица, всемудрость,
Все ты растишь, ты все утучняешь и в срок разрешаешь,
Мать и отец ты всему, всему ты кормилица, нянька,
20 Роды твои, о блаженная, скоры, плоды преобильны,
Многосемянная, все ты умеешь, ваятель владычней,
Демон державный, о скромная, все ты в движение приводишь,
Мудрая, с опытом многим, возвращаешь ты вихрем извечным
Быстрый поток, всетекучая, в формах чужих пребываешь,
25 Благопрестольная, что суждено, завершаешь одна ты,
О скиптродержлица вышняя, тяжело гремящая громом,
Всеукротитель, не знающий страха, судьба роковая,
Огнедыханна, бессмертная жизнь и промысел вечный,
Ты во всем, и все сотворила на свете одна ты.
30 Ныне, богиня, молю — со счастливыми Орами вместе
К нам приведи и здоровье, и мир, и всему умноженье!

XII. ГЕРАКЛУ (фимиам, ладан)

- Духом огромный Геракл, титан многосильный, могучий,
С крепкими дланями, непобедимый, вершитель деяний,
Видом изменчивый, года отец, благомысленный, вечный,
Неизречимый, свирепый, молимый людьми неустанно,
- 5 Сердцем всесильный, великая крепость, стрелец, прорицатель,
Всепородитель, всеядец, всевышний, всеобщий заступник,
Неукрошенное племя чудовищ для смертных смирил ты,
К миру стремясь драгоценному, миру — растителю юных,
Перворожденные стрелы твои, как молнии, блещут,
- 10 Лучшая поросль Земли, самородный и неутомимый,
Славный Пэан, вокруг чьей головы — и ночь, и денница!
Подвигов ты двенадцать пронес от востока на запад,
Ты, о бессмертный, незыблемый, опытный и бесконечный.
- 15 Ныне, блаженный, гряди и, ветвью в руке помавая,
Нас от болезней избавь, отведи заблуждения злые!
Кер вредоносных пернатые стрелы твои да изгонят!

XIII. КРОНОСУ (фимиам, стиракта)

- Пышущий пламенем отче мужей и богов всеблаженных,
В мыслях изменчивый, ты, о Титан незапятнанный, мощный!
Все истребляя, ты снова растишь, умножая, и держишь
Несокрушимые цепи всего бесконечного мира.
- 5 Крон-всеродитель всевечный, вещатель коварных глаголов,
Отпрыск богини Земли и звездами полного Неба,
Младших родитель богов, о Реи супруг, Промыслитель,
Родоначалник, живущий в любом уголке мироздания,
Хитролукавый умом! Услышь умоляющий голос,
- 10 Жизни счастливой пошли, о благой, благую кончину!

XIV. РЕЕ (фимнам, ароматы)

- Рея-владычица, ты многовидного дщерь Протогона!
Лев-быкобоец впряжен в святую твою колесницу,
Звонкая медью, ты любишь неистовства в громе тимпанов,
Мать Зевеса, владыки Олимпа, эгидодержавца.
- 5 Видом светла и всечтима, блаженная Крона супруга,
Любы тебе среди гор завыванья ужасные смертных,
Рея воинственно шумная, с мощной душой, всецарица,
Ты первородица, лгунья, спасаешь и все очищаешь,
Мать единая вышних богов и смертного люда,
- 10 Ведь от тебя — и просторы земли, и высокое небо,
Ветер и море, о воздуховидная, легкая в беге!
Ныне, богиня, гряди во спасенье с душой незлобивой,
Мир принеси нам и с ним — благое стяжанье богатства,
Прочь за пределы земли и Кер отгоняя, и горе!

XV. ЗЕВСУ (фимнам, стиракта)

- О многотимый Зевес, о Зевес не губимый вовеки,
Ты нам — свидетель, ты — наш избавитель, ты — наши молитвы!
С помощью, царь наш, твоей головы на свет появились
Мать богиня земля и гор вознесенные кручи.
- 5 Море и прочее все, что под небом широким воздвиглось.
О скиптродержец Кронид, низвергатель, могучий душою,
Всепородитель, начало всего и всему завершенья!
Недр сотрясатель, ты все насаждаешь, растишь, очищаешь,
Зевс всетворящий, хозяин перуна, и грома, и молний,
- 10 Мне, многовидный, внемли, подай беспорочное здравье,
Мир, что для нас — божество, и славу богатства честного!

XVI. ГЕРЕ (фимиам, ароматы)

Гера воздушная, в складках одежд темно-синих богиня!
О всецарица блаженная, Зевса делящая ложе!
Шлешь дуновенья, живящие душу, достойным и добрым,
Мать дождей, пестунья ветров, ты все порождаешь.
5 Нет нигде ничего, чье рожденье тебе непричастно,
В тучу святую сокрывшись, ты все меж собой сопрягаешь,
Властвуешь всем ты одна, над всеми, богиня, владычишь,
Жизни поток потрясая воздушным пронзительным вихрем.
Ныне, блаженная, многоименная, ты, всецарица,
10 К нам, о богиня, гряди с сияющим ласково ликом!

XVII. ПОСЕЙДОНУ (фимиам, смирна)

О черновласый держатель земли Посейдаон, внемли мне!
Конник, держащий в руках трезубец, из меди отлитый,
Ты, обитатель глубин сокровенных широкого моря,
Понтовладыка, что тяжкими мощно грохочет валами!
5 О колыбель земли, что, вздымая могучие волны,
Гонишь четверку коней в колеснице, о ты, дивноокий,
С плеском взрываешь соленую гладь в бесчисленных брызгах,
Мира треть получил ты в удел — глубокое море,
Тешишься, демон владыка, средь волн со зверями морскими,
10 Корни земные хранишь, блюдешь кораблей продвижение.
Нам же подай честное богатство, и мир, и здоровье!

XVIII. К ПЛУТОНУ

- Духом великий, о ты, обитатель подземного дома
В Тартара мрачных лугах, лишённых сияния света,
Зевс Хтонийский, прими, скиптродержец, с охотою жертвы,
Ты, о Плутон! От всей земли ты ключами владеешь,
5 Смёртному роду даришь урожай в богатые годы.
Треть мирозданья удел твой — земля, вседарящая почва,
Недра бессмертных богов, подпора крепчайшая смертных.
Ты свой трон утвердил среди области вечного мрака,
Средь необъятных просторов лишённого воздуха ада,
10 Черного близ Ахеронта, держащего корни земные.
Многоприимный, ты смертью над смертными властвуешь мощно,
О Евбулей! Ты прекрасное чадо священной Деметры
В жены похитил, схватив на лугу, и понес через море
Вдаль на четверке коней прямо в Атики, в край Элевсинский:
15 Есть там пещера — врата её путь открывают к Аиду.
Ты, о единый судья деяний и явных, и тайных!
О вседержитель, о самый священный, о блещущий славой,
В радость тебе — благочестное дело вершения таинств!
О, призываю, гряди с благосклонным веселием к мистам!

XIX. ЗЕВСУ КЕРАВНУ (фимиам, стиракта)

- Отче Зевес, ты хлещешь грохочущий мир, озаряя
Вспышками молний его во всевышних пределах эфира,
Гролом божественным ты потрясаешь престол всеблаженных,
Огненный молнии столб среди туч всеплошных возжигаешь,
5 Мечешь дожди, и смерчи, и удары могучего грома,
Бурные молнии льешь, всепалаящие, силы ужасной,
Словно потоки огня, и низкими тучами кроешь
Войско нахохленных птиц, перепуганных, полных смятенья.
Молнии чистой стрела возникает средь грома внезапно,
10 Непобедимо сквозь вихри с безмерным проносится свистом,
Неодолимая, неотвратимая, страшная в гневе
Острая неба стрела слетает в пронзительной вспышке,
Море окрест озарив, — и трепещут и суша, и воды,
Звери к земле припадают, как грохот ушей их коснется,
15 Вспышки же слепят глаза порою, как в глубях эфира
С ревом грохочет гроза, и, неба хитон разрывая,
Ты, о Зевес, посылаешь с небес перун свой слепящий.
Ныне, блаженный, молю — на пучины и горные выси
Лучше свой гнев обрати, а уж нам твоя ведома сила!
20 Наше приняв возлиянье, пошли утешение сердцу,
Жизнь со спокойной душой, с Гигиеей владычицей вместе
Мир ниспосли, многотимого бога, что пестует юных!
Дай нашей жизни цвести, благородными мыслями полнясь!

XX. ЗЕВСУ АСТРАПЕЮ (фимиам, манна с ладаном)

Кличу великого, чистого, яркого, слышного всюду!
Туч темноту освещая, грохочет он в огненном блеске,
Свечом молний горя, пробегает по небу раскатом,
Тяжкий во гневе, вселяющий ужас, святой, необорный
5 Молниевержец Зевес всеродитель, о царь величайший,
Сладкую жизни кончину с собой принеси благосклонно!

XXI. ТУЧАМ (фимиам, смирна)

Тучи воздушные, странницы неба, кормилицы восходов,
О дождеродицы, носит вас по миру ветров дыханье,
Влажнодорожные, полные грома и пламени молний!
Ваши воздушные складки таят ужасающий грохот,
5 Кажется, войско напало, когда раздирает вас ветер.
Ныне молю вас, о росные, ветром душистым повеяв,
Влагу — плодов пропитанье — на мать нашу землю пошлите!

XXII. ТЕФИИ (фимиам, манна с ладаном)

Я совоокою Тетис зову, Океана супругу,
В пеплосе синем царицу, что легкие волны колеблет,
Сладостновеющим ветром дыша на приморскую землю.
Ты крушишь о прибрежные скалы валы-исполины
5 И, усмирив, посылаешь на берег спокойно и мягко.
Ты кораблями красуешься, ты, о пестунья чудовищ,
Влажнодорожная мать Киприды и туч мраковидных,
Мать нимф ключевых и речных, изобильных водою,
Ныне внемли мне, молю, многочтимая, будь благосклонна,
40 Помощью будь и пошли кораблю попутные ветры!

XXIII. НЕРЕЮ (фиммиам, смирна)

Корни моря блюдуший, живущий в сияющей сини,
Ты, кто гордится прекрасным потомством — ведь в волнах
резвятся

Все пятьдесят твоих дочерей, о Нерей многославный!

Ты — предел земли, дно моря, всего ты начало,

5 Ты и Део́ священный престол теснишь, заключая
Мощные ветры, тобою гонимые, в глубях ущелий.

Внемли! От землетрясений храни, умоляю, и мистам
Счастье и мир ниспошли и здоровье с целящею дланью!

XXIV. НЕРЕИДАМ (фимиам, ароматы)

О цветоокие, чистые нимфы морского Нерея!
Влажнодорожные, хором веселым резвитесь в глубинах,
Девы числом пятьдесят, в волнах вы ликуете буйно,
Мчитесь вы на колесницах, красуясь упряжкой тритонов,
5 Или на спинах чудовищ морских, произросших **среди моря**,
Или ныряете в самую глубь тритонийской пучины,
Влажной дороги бегуны, танцовщицы, кружите в пляске,
Моря бродяги, дельфины, вы плещетесь в синем сиянье,
О, умоляю вас, многое счастье вы мистам пошлите!
10 Первыми справили вы обряд посвячительных таинств
Благосвященному Вакху и Ферсефонее пречистой,
С вами же вместе — и царь Аполлон, и мать Каллиопа.

XXV ПРОТЕЮ (фимиам, стиракта)

Ныне Протея зову, что ключами от моря владеет.
Перворожденный! Явивший основы всей нашей природы,
Ты вещество изменяешь священное в множестве видов,
О многотимый, премудрый, о знающий все в настоящем,
5 Равно и прошлое все, и то, что свершится в грядущем,
Всем обладая, меняешься сам и все изменяешь!
Ты лишь один из бессмертных, что снежный Олимп населяют,
Кто облетает и небо, и море, и шири земные.
Ведь порожденье всего – в Протее уже предлежало.
10 Отче, гряди с попечением добрым к творящим обряды!
Дай по делам нашей жизни счастливой благу кончину!

XXVI. ГЕЕ (фимиа́м и все семена, кроме бобов и ароматных)

Гайя-богиня, о мать блаженных и смертного люда,
О всекормящая, о всецарящая, всепогубитель,
Ты, о всеильная, ты плодоносная, Орами блещешь
Ты — основа бессмертного мира, всепестрая дева.
5 О плодовитая, роды твои — урожай многовидный,
С грудью высокой, почтенная, вечная, с долей счастливой,
Сладко дышащая зелень отрадна тебе, многоцветной,
Любишь дожди ты, а космос, искусник всехитрый, светила
Вертит вокруг тебя вечнотекущим могучим потоком.
10 Ныне, богиня блаженная, с радостью множь урожай!
Будь благосклонна во всякое время, нам счастье даруя!

XXVII. МАТЕРИ БОГОВ (всевозможные ароматы)

О богочтимая, о всекормилица, мать бессмертных,
Мощная силой богиня, явись, госпожа, по молитве!
Ныне впряги в колесницу свою со стремительным летом
Львов-быкобойцев, о ты, скиптродержлица оси небесной!
5 Трон твой — среди мироздания, великая, — вот и владеешь
Всею землей, и смертных даришь ты благим пропитаньем,
Ты породила на свет и богов, и род человечесий,
Власть твоя вечна над всеми морями и реками всеми,
Гестией кличут тебя, называют дарящей богатства,
10 Любо тебе осчастливливать смертных превсяческим благом.
Ныне к обряду гряди, о царица, что любишь тимпаны,
Страстью разящая, Неба дитя и Крона супруга,
Всеукротитель, фригиянка, старшая, жизни пестунья,
Шествуй приветливо к нам, усладись почитанием нашим!

XXVIII. ГЕРМЕСУ (фимнам, ладан)

Слушай меня, о Гермес, сын Майи, о вестник Зевеса!
Сердце имущий весильное, ты, состязаний блюститель,
Смертных владыка, со множеством замыслов, Аргоубийца!
О мужелюбец, в крылатых сандалиях, слов прорицатель,
5 В радость тебе и борьба, и обман, и коварство, о хитрый,
О толкователь всего, беззаботный, о выгод даритель,
Ты, безупречный, и мира защиту в руках своих держишь,
О Корикиец, пособник, пестры твои хитрые речи,
В деле помощник, о друг для людей в безвыходных бедах,
10 Ты — языка величайшая сила, столь чтимая в людях,
Внемли и жизни моей благое пошли окончанье —
Быть на ногах, в наслажденьях ума и в памяти твердой!

XXIX. ГИМН ПЕРСЕФОНЕ

- О, гряди, Ферсефона, рожденная Зевсом великим,
Единородная, жертвы прими благосклонно, богиня!
Ты, жизнетворная, мудрая, ты, о супруга Плутона,
Ты под путями земными владеешь вратами Аида,
5 Ветка святая Деметры, в прелестных кудрях Праксидика,
Ты Евменид породила, подземного царства царица,
Дева, рожденная Зевсовым семенем неизречимым,
Мать Евбулея, чей образ изменчив, гремящего страшно,
Сверстница Ор светоносная, в блеске красы несказанной,
10 О вседержащая дева, плодами обильная щедро,
Смертным одна ты желанна, рогатая, в блеске прекрасном.
Вешней порою на радость тебе дуновения с луга,
Тело святое твое указуют зеленые всходы,
Осенью вновь похищаема ты для брачного ложа,
15 Ты одна — и жизнь, и смерть для людей многобедных,
Ферсефона — всегда ты «несешь» и всегда «убиваешь».
Внемли, блаженная, из-под земли урожай посылая
Дай процветание в мире, здоровье с целящею дланью,
Благополучную жизнь, что под тяжкую старость приходит
20 В царство твое, о царица, к Плутону, чья благостна сила.

XXX. ДИОНИСУ (фиммиам, стиракта)

Я Диониса зову, оглашенного криками «эйа»!
Перворожденный и триждырожденный, двусущий владыка,
Неизреченный, неистовый, тайный, двухвидный, двурогий,
В пышном плюще, быколикий, «эвой» восклицающий, бурный,
5 Мяса вкуситель кровавого, чистый, трехлетний, увитый
Лозами, полными гроздьев, — тебя Ферсефоны с Зевесом
Неизреченное ложе, о бог Евбулей, породило.

Вместе с пестуньями, что опоясаны дивно, внемли же
Гласу молитвы моей и повей, беспорочный и сладкий,
10 Ты, о блаженный, ко мне благосклонное сердце имея!

XXXI. ГИМН КУРЕТАМ

- О прыгуны куреты, что в воинской пляске кружатся,
С топотом дико скача, издавая ликующе крики!
Ли́ра — не вам, нарушители лада с летящей стопою,
Оруженосные стражи, косметоры, яркие славой!
- 5 Матери буйной в горах вы и свита и оргиофанты!
О, благосклонно явитесь по слову, что вас прославляет,
С лаской к тому волопасу, что вечно душою приветен!

XXXII. АФИНЕ (фимиам, ароматы)

- Единородное чадо великого Зевса, Паллада,
Ты, о богиня блаженная, славная, мощная духом,
К бою зовущая, ты изречима и неизреченна,
Дивная, любишь пещеры и грозные держишь вершины
5 Гор, отдающихся эхом, и любишь лесные ущелья,
Ты, брачелюбица, в души людей исступленье вдыхаешь,
Дева, обвыкшая в битвах, чудовищно страшная духом.
Горгоубийца, о дева-боец, твой гнев ужасает,
Мать многосчастная всяких искусств, ненавистница ложа,
10 Бурная — бич негодяев, порядочным — мысль и решенье,
Ты и жена, и мужчина, о мысль, о родящая войны,
Переливаешься ты, о змея, в исступлении божьем,
Славная, гонишь коней, истребитель флегрейских гигантов,
О Тритогея, демон победный, от зол избавитель,
15 О совоокая, изобретатель ремесел, царица,
Молят тебя днем и ночью, всегда, до последнего часа.
Ныне услышь и меня, подари же мне мир многосчастный,
Дай мне счастливые дни и добрую меру здоровья!

XXXIII. НИКЕ (фимиам, манна)

Нику, желанную смертным, зову, благодатную силой,
Ту, что одна отрешает людей от борьбы и умеет
Буйный мятежный порыв в нелегком сраженьи с врагами,
В войнах, сулящих трофеи, унять, и к кому обернется —
5 Тем и дарует победа свою сладчайшую славу.
Все в твоей власти, о Ника, — и слава в любом состязаньи,
Светлая, полная всяческих благ, причитается Нике.
Ты, о блаженная, ты, о желанная, светлая взором,
Вечно являйся, достойно верша лишь достойное дело!

XXXIV. АПОЛЛОНУ (фиммиам, манна)

Феб Ликорей, гряди, о блаженный, Пэан святочтимый,
Мемфиса житель, податель богатств, златолирник, спаситель,
Тития свергший, оратай, титан, засеватель, Пифиец,
Гриней, Сминфей, о вещий Дельфиец, пифоноубийца,
5 Бог светоносный, неистовый, отрок преславный, прекрасный,
О Мусагет, о плясун хороводный, стрелец-дальновержец,
О Дидимей, издалека разящий, о Бакхий, о Локсий,
Делоеа царь, всезрящи твои светоносные очи,
Златокудрявый, вещатель грядущего чистых глаголов,
10 Я умоляю тебя за людей, — о, внимли благосклонно!
Все перед взором простерлось твоим — и эфир бесконечный,
И под эфиром земля, наделенная долей счастливой,
Зримы тебе и сквозь мрак звездами расцвеченной ночи,
В полной тиши ее, корни земли и мира пределы,
15 Сердце заботит твое и начало, и всеокончанье.
О всецветущий, ведь ты кифарой своей полнозвучной
Ладишь вселенскую ось, то до верхней струны поднимаясь,
То опускаясь до нижней струны, то ладом дорийским
Строя небесную ось, — и все, что на свете живого,
20 Ладишь, гармонию влив во вселенскую участь для смертных,
Поровну ты разделяешь, смешав и зиму, и лето:
Верхние струны — зиме, а нижние — лету вверяя,
Лад же дорийский — для сладкого цвета весны оставляешь.
Вот почему у людей именуешься ты, о владыка,
25 Паном, богом двурогим, вздымающим бури свирелью,
Ведь у тебя — печать от всего, что есть в мирозданье, —
Мистов мольбам, о блаженный, внимли и храни их, спасая!

XXXV. ЛЕТО (фимиам, смирна)

В пеплосе черном Лето, породившая двойню богиня!
О Коантида, могучая духом, молимая всеми,
Ты, кто Зевесово семя благим обратила потомством,
Феба на свет породив с Артемидою, лучницей славной —
5 Дочь на Ортигии ты родила, а на Делосе — сына.
Внемли, богиня-владычица, милость имея на сердце!
К жертве всебожьей гряди, принося завершенья благое!

XXXVI. АРТЕМИДЕ (фимиам, манна)

- Многоименная Зевсова дочь, внемли, о царица!
О титанида, Бромия, великая лучница дева,
Светоч несущая, явная всем, богиня Диктина,
Муки родильной не зная, несущая в родах подмогу,
5 Поясоснятица, страстью ты жалишь, охотишься с псами,
Быстрая в беге, забот разрешитель, ты бодрствовать любишь,
Ночью бродя, стреловержица, встреча с тобою — к удаче,
Статная, мужу подобна, даруешь недолгие роды,
Демон, что смертных потомство людей и растит, и питает!
10 Ты амвросийная, ты и подземная, звероубийца,
Горных хозяйка дубрав, оленей разишь, о честная,
Ты госпожа, всецарица, всегда в неизменном цветенье.
Псов ты, лесная, хранишь, кидониянка, светлая видом.
Ныне, богиня, гряди, о любезная, встречей благая,
15 К мистам ко всем благосклонна, щедра земными плодами!
Милый нам мир приведи с Гигиеей прекраснокудрявой,
Горе и злые болезни прогнав за далекие горы!

XXXVII. ТИТАНАМ (фимиам, ладан)

О Титаны, о чада прекрасные Геи с Ураном,
Наших отцов прародители, вы, кто под толщей земною
В Тартара доме, во глубях подземных теперь поселились,
Вы, о исток и начало всего, что смерти подвластно, —
5 Многострадальных существ, наземных, морских и пернатых,
Ибо от вас происходит все то, что рождается в мире.
Вас умоляю — от нас отдалите вы гнев вредоносный,
Ежели нашему дому пошлют его мертвые предки.

XXXVIII. КУРЕТАМ (фимиам, ладан)

- Звучные медью куреты, владельцы доспехов Арея!
Вы, многосчастные, сущие в небе, на суше и в море,
Животворящие духи, святые спасители мира!
Вы, обретаясь в святой Самофракии, смертных храните,
5 Тех, что по морю блуждают, от них отгоняя опасность.
Первыми вы учредили меж смертных свершение тайнств,
Вы, о куреты бессмертные, вы, кто в доспехах Арея,
И Океан вы блюдете, и море, и даже деревья.
Звонко гремя, по земле вы проходите легкой стопою
10 В блеске слепящем доспехов — и в страхе уносятся звери
В пору, как движетесь вы, — и грохот до неба доходит,
Пыль же от поступи вашей, как черная туча, клубится,
И покрывается почва при шествии вашем цветами.
Вы, божества-пестуны, но вы и губители также,
15 Долго ли в гневе на смертных вы жизни их будете рушить,
Долго ли будете жечь и самих их, и все достоянье?
Стон воздымает великий глубокопучинное море,
Рушатся с корнем на землю деревья о кронах высоких,
Шум возводя к небесам при падении веток и листьев.
20 О корибанты, куреты, владыки, чья благостна сила,
Самофракии властители, отроки вышнего Зевса!
Душ пестуны, невидимки, вовеки живущие духи,
Вас близнецами небесными боги зовут на Олимпе,
Благоуханны, ясны, о спасители добрые наши!
25 Ор пестуны, плодоносные, нам, о владыки, повейте!

XXXIX. КОРИБАНТУ (фимиам, ладан)

- Вечной земли царя величайшего я призываю,
Я корибанта зову, воителя с долей счастливой,
Взор на кого невозможно поднять, ночного курета,
Кто избавляет от ужасов тяжких, от призраков жутких.
- 5 Бродит один корибант, двусущий, изменчивый видом,
Кровью залитый, когда двое братьев его погубили,
Тот, кто по воле Део сменил свое тело святое,
Вид принимая чудовищный страшного черного змея.
- 10 Гласу внемли моему, о блаженный, не гневайся тяжко,
Грешную душу избавь от снедающих страхом видений!

XL. ДЕМЕТРЕ ЭЛЕВСИНСКОЙ (фимиам, стиракта)

Внемли, Део, богиня-всематерь, почтеннейший демон,
Юность растящая, счастье дарящая ты, о Деметра,
Ты наделяешь, богиня, богатством, питаешь колосья,
Мир, всецарящая, любишь, трудам многохлопотным рада,
5 И семена ты хранишь, и зеленые всходы, и жатву,
В кучи ссыпаешь зерно, Элевсинской долины жилица.
Смертного люда кормилица, всем ты мила и желанна,
Пахарю первая ты быков запряженных вручила,
Смертным желая подать отрадное в жизни обилье,
10 Ты, сотрапезница Бромия, славная, все утучняешь,
Факелоносная, чистая, серп тебе летний — отрада.
Ты, о подземная, явная всем, ты ко всем милосердна,
Детолюбивая, добрая мать, растящая юность,
Ты запрягла колесницу — вся упряжь ее змеевидна,
15 Вакховы буйные пляски твой трон окружают, ликуя,
Единородная, о многоплодная, о всецарица,
Ты, о цветочная, чистая, разная в обликах многих
Ныне гряди, о блаженная, летними полнясь плодами,
Мир к нам веди, приведи желанное благозаконье,
20 Славный достаток и с ними всему господина — здоровье!

XLI. МАТЕРИ АНТЕЕ (фимиам, ароматы)

- Внемли, богиня, царица Антея, почтенная мать
Всех — и бессмертных блаженных богов, и смертного люда,
Ты, кто некогда в муках бродила, ища и терзаясь,
Лишь в Элевсинской долине поста обрета разрешение.
- 5 Ты и к Аиду пришла, к блистательной Ферсефоне,
Сопровождало тебя Дисавлово чадо святое,
Что донесло до тебя известье о Зевсовом ложе.
Ты родила Евбулея, богиня, средь мук человеческих,
- 10 К мисту, что свято тебя почитает, явись благосклонно!

XLII. МИСЕ (фимиам, стиракта)

- Я Фесмофора зову Диониса, носителя жезла,
Семя известное всем, Евбулея об имени славном,
С ним несказанную Мису зову, святую царицу.
Муж и жена, двуприродный Иакх, разрешающий узы,
5 Тешишься ль ты в Элевсине, во храме своем благовонном,
С матерью ль таинства правишь теперь во Фригийских пределах,
Нежишься ль ты с Кифереей прекрасновенчанной на Кипре
Или сверкаешь сейчас в полях огненосных, священных
Вместе с Исидой, что черное носит, преславной богиней,
10 Возле потока Египта средь нянек и прочих служанок.
Ныне гряди, благосклонно благие труды завершая!

XLIII. ОРАМ (фимиам, ароматы)

- Оры, о дочери богини Фемиды и Зевса владыки!
Вы, Евномия и Дика с Эйреной, счастливые много!
Вешние и луговые, святые, в цветах бесконечных,
Благоухаете, пестрые, вы ароматом цветочным,
5 Ходите кругом, прелестные ликом и юные вечно,
Соткан из множества разных цветов ваш пеплос росистый.
Вы с Персефоной святой играете вместе в ту пору,
Как возвращают богиню на свет Хариты и Мойры,
Пляску ведя круговую свою, на радость Зевесу,
10 Равно и матери, щедро плоды приносящей богине.
О, явитесь же к тем, кто впервые на таинствах наших!
В должное время даруйте плодам уродиться на славу!

XLIV. СЕМЕЛЕ (фимиам, стиракта)

Кличу я Кадмову дочь, всецарицу, прекрасную видом,
Кличу Семелу я пышнокудрявую, с грудью высокой,
Многovesелого мать Диониса, носителя тирса,
Ту, что познала великие роды средь огненных вспышек
5 Молний потока, рождая от Зевса, метателя молний.
Почести смертные ей воздают наряду с Персефоной
Достопочтенной, трехлетие каждое празднуя праздник
В честь появления на свет Диониса, способного к жизни,
Трапезой благосвятой и чистым обрядом мистерий.
10 Ныне, Кадмида, богиня, владычица, я умоляю, —
К нам призывая тебя, — будь к мистам вовек благосклонна!

XLV. ГИМН ДИОНИСУ БАССАРЕЮ ТРИЕТЕРИКУ

- О Дионис быколикий, блаженный, в огне рожденный,
Вакх Бассарей, гряди, многочтимый, гряди, многославный;
В радость тебе и кровь, и мечи, и святые менады,
Ты на Олимпе почиешь, о Вакх вдохновенный, гремящий.
- 5 Тирс твой подобен копью, о гневный, у всех ты в почете —
Чтут тебя боги и люди, что ширь населяют земную.
Ныне гряди, о плясун, о блаженный, всеобщая радость!

XLVI. ЛИКНИТУ (фимиам с манной)

Этой молитвой зову Диониса Священной Корзины,
Доброго Вакха-нисейца, желанного, в пышном цветенье,
Детище милое нимф и венчанной светло Афродиты.
Пляшущей поступью ты сотрясаешь лесные дубравы,
5 С нимфами вместе ликуя, безумием сладким объятый,
Ты отведен был к святой Персефоне по воле Зевеса,
Ею был вскормлен, возвращен любимым для сонма бессмертных.
Ныне явись, о блаженный, принять эти милые жертвы!

XL VII. ПЕРИҚИОНИЮ (фимиам, ароматы)

Перикиония Вакха, дарителя зелья хмельного,
Я призываю, того, кто, вращаясь среди домов Кадмейских,
Всюду могучим рывком всколыхнул потрясенную землю
В пору, как огненный свет с громовыми раскатами вихрем
5 Землю кругом обошел, — и опали оковы и путы.
Вакх, о блаженный, явись, и умом взвеселившись, и сердцем!

XLVIII. САБАЗИЮ (фимиам, ароматы)

Отче Сабазий, внемли, сын Крона, о демон преславный!
Ты Диониса, шумливого Вакха, ты Эйрафиота
Вынул на свет из бедра, дабы он, посвященный, явился
С Гиптой прекрасноланитной на Тмол, священный и славный,
5 Ныне, Фригийский владыка, всецарственный, ты, о блаженный,
К мистам гряди благосклонно, гряди как оплот и подмога!

XLIX. ГИПТЕ (фимиам, стиракта)

Гипту, кормилицу Вакха, кричащую «эйа», я кличу,
Ту, что, ликуя, Сабазия чистого таинства правит,
Пляшет в ночных хороводах широкогремящего Вакха.
Где б ни была, ты услышь меня, мать земная, царица,
5 То ли во Фригии ты, где владеешь Идейской горою,
Тмол ли тебя веселит, привольный для плясок лидийских, —
С радостным ликом святым, о явись на таинства наши!

Л. ЛИСИЮ ЛЕНЕЮ

- Сын Зевеса блаженный, внемли мне, о Вакх виноградный,
Отпрыск о двух матерях, многотимое семя святое,
Много великих имущий имен, о бог-разрешитель,
Чистая, тайнорожденная поросль блаженных, кормилец,
5 Вакх в ликующих криках «эвой», плодов умножитель,
Недр потрясатель, о гроздьев даватель, могучая сила!
Видом изменчивый бог, о лекарство людское от скорби!
Ты, о священный цветок, не терпящая горя отрада
Смертного люда, о всеотпуститель прекраснокудрявый,
10 С тирсом бушующий Бромий, Эвой, разрешитель вседобрый!
Всюду, где хочешь, являешься ты — среди людей и бессмертных,
О плодоносный и сладкий, явись же и к таинствам нашим!

LI. НИМФАМ (фимиам, ароматы)

- Дщери отца Океана, владыки великих чудовищ,
Нимфы, живущие в глубях земли под влажной дорогой!
Скрыты убежища ваши, о Вакха пестуньи, земные!
Вы, преблагие, растите плоды, луговые, святые!
- 5 Тропы извилисты ваши, пещеры и гроты вам любы,
Вы, ключевые, бегуньи бродячие, с поступью легкой,
В каплях росы и в цветах, то видны вы, то вновь невидимки,
Горных жилицы лощин, вы танцуете с Паном на склонах,
Яркие звезды, течете по скалам, поющие звонко.
- 10 Девы полей, и ручьев, лесные и горные девы,
Вы, благовонные, в белых одеждах, с дыханием нежным,
Вы, о пастушьи, подруги зверью, вы богаты плодами.
Нежным, вам любя прохлада, все кормите, все вы растите,
Гамадриады, игруньи, бродящие влажной дорогой,
- 15 Вы, о нисеянки буйные, вы, кто дарит исцеленье,
Вешние, радость несущие смертным с Деметрой и Вакхом,
Ныне грядите к священному действу, ликуя душою!
В пору, как всходят посевы, пролейте здоровье на всходы!

Л II. ТРИТЕРИКУ (фиммиам, ароматы)

Вахх, призывают тебя, о неистовый, в прозвищах многих,
О быкорогий, Леней, огнеродный Нисей, разрешитель,
Ты, кто в бедре произрос, Ликнит, предводитель обрядов,
В митре, ночной, Евбулей, тирсодержец, что огонь выдыхает,
5 Неизречимый, оргийный, Зевесова тайная поросль,
Триждырожденный, о Эрикепайон, о ты, первородный,
Божий и сын, и отец, скиптродержец, толпы предводитель,
В плясках и песнях неистовый, шествий веселых вожатый,
Празднуешь ты средь пестуний вакхический праздник трехлетний,
10 Недр разыматель, о двух матерях, зажигающий пламя,
Ты, о бродящий в горах, рогатый и в шкуре оленьей,
В гроздьях Пэан тирсоносец, вникающий в самое сердце,
Плющелюбив, многодевствен, о ты, Бассарей устроитель,
К мистам, блаженный, гряди, всегда благосклонности полный!

ЛIII. АМФИЕТУ (все благовония, кроме ладана, и возлияние молоком)

Я Диониса подземного кличу, зову Амфиета,
Бодрствует он с прекраснокудрявыми нимфами вместе,
Спит же близ Ферсефонеи в ее священном чертоге,
Время трехлетнее Вакхово, время святое покоя.
5 Минут три года — и вновь поднимаешь веселые толпы,
Ты возвращаешься в гимнах — кормилицы вместе с тобою,
Дивно они подпоясаны, кружат, «эвой» выкликая,
В круговороте времен годовых. Теперь же, блаженный,
Зеленью пышный, плодами обильный, о Вакх рога носный,
10 К нашим всебожьим обрядам явись с сияющим ликом,
В пышном богатстве плодов изобильных и благосвященных!

LIV. СИЛЕНУ, САТИРУ (фимиам, манна)

- О, внимли мне, почтеннейший Вакхов пестун и кормилец!
Доблестнейший из селенов, среди всех бессмертных прославлен,
Равно среди смертных людей во время трехлетнего срока,
Ты уважаем и свят, предводитель пастушеских празднеств,
5 Бодрствуешь — вместе с тобой в поясах прекрасных пестуны,
Ты — предводитель наяд и вакханок, носительниц тирса,
К таинствам всех богов гряди же с сатирами вместе
Звероподобными, клич издавая в честь Вакха-владыки,
Вместе с вакханками к таинствам чистым Ленейским
гряди же,
10 Таинство действия ночного, священного, делая явным,
Тирса любитель, кричащий «эвой», усмиритель вакхантов!

LV. АФРОДИТЕ

- О Афродита Урания, многовospетая в гимнах,
Морерoжденная, с вечной улыбкой, о мать богиня!
Празднества любви ночные тебе, полночице славной,
Мать Ананки, плетущая хитрости, всеcопрягатель,
5 Три мирoздания части ты в тесном сплoтила союзе,
Ты, на земле породившая все и в небе высоком,
Также и в глубях морских, — о почтенная, с Вакхом ты рядом,
Свадьбы любя, посылаешь ты браки, о мать Эротов,
С радостью к ложу склоняешь, о тайная, даришь услады,
10 Хотя не видна ты, но явна. Прекрасная, славного рода,
Свадебных пиршеств богиня, о волчья, богов повелитель,
Жизнедарящая, о мужелюбица, род продлеваешь,
О вожденная, узами смертных незримо связуешь,
Равно и племя зверей, любви вызывая влечение,
15 Кипрoрожденная, божьего рода, бываешь повсюду, —
Ты на Олимпе, богиня царица, сияешь красою,
Или в уделе сирийском своем, ароматами полным,
Иль золотая твоя колесница в равнинах Египта
Путь к омовению держит, дарящему многие жизни,
20 Или над гладью морской ты летишь в лебединой повозке,
С радостью видя чудовищ морских хороводные пляски,
Или у Дия в земле синеглазые нимфы фиады
Тешат, богиня, тебя на отмелях пляскою легкой,
Иль пребываешь, царица, на Кипре — твоя колыбель он,
25 Там незамужние девы-невесты тебя ежегодно
Гимном святым прославляют с бессмертным Адонисом чистым.
Где б ни была ты — гряди, о богиня, твой вид столь отраден!
С чистой душой призываю тебя и святыми словами!

LVI. АДОНISУ (фимиам, ароматы)

- Демон прекрасный, почтенный, услышь, как тебя призываю!
В возрасте самом желанном, ты любишь бродить одиноко,
В нежных прекрасных кудрях, о ты, Евбулей многовидный,
Всезнаменитый питатель всего, и отрок и дева,
5 Вечно цветущий Адонис — в году, затухая, снешь,
Рост посылаешь всему, двурогий, оплаканный, милый,
Блещущий дивной красотой, длиннокудрый любитель охоты,
Сладкая ветка Киприды, прельстительный отпрыск Эроса!
О, порожденный от ложа прекрасной собой Персефоны!
10 В Тартаре мрачном обитель имел ты когда-то, но после
Вновь на высоты Олимпа вознес плодоносное тело.
Ныне же к мистам гряди, плодами земли награждая!

LVII. ГЕРМЕСУ ХТЕНИЧЕСКОМУ (фиммиам, стиракта)

Ты, что живешь у путей роковых безвозвратных Кокита,
Ты, что души умерших низводишь под своды земные,
Гермий, о сын хороводного Вакха и девы Пафосской,
Той Афродиты, чьи очи в изогнутых дивно ресницах!
5 Ты в Персефоны пределах священных имеешь обитель,
Душам, чья участь плачевна, под землю ты служишь вожатым
В пору, когда для людей их час роковой наступает.
Жезлом священным чаруя, ты в сон погружаешь живущих,
Вновь пробуждаешь потом — Персефона тебе даровала
10 Честь провожать под широкие Тартара своды умерших
Души несчастные, им указуя дорогу в Аиде.
Мистам, блаженный, пошли средь трудов всеблагую кончину!

L VIII. ЭРОТУ (фиммиам, ароматы)

Кличу великого, чистого, милого бога Эрота!
Меткий, крылатый стрелок, огневой, летучий, проворный.
Ты и людьми, забавляясь, играешь, и даже богами,
Хитрый затейник, двусущий, имущий ключи, что отверзнут
5 Равно и недра, и море, небесный эфир, дуновенья
Ветров, — их Рея, родившая все, выпасает для смертных, —
Все, что и Тартар широкий хранит, и шумливое море.
Все это — дом твой, Эрот, и всем этим ты управляешь.
Ныне, блаженный, гряди же на помыслы чистые мистов,
10 Все побужденья дурные, ненужные, прочь отсылая!

L IX. МОЙРАМ (фимнам, ароматы)

- О беспредельные Мойры, о чада любимые Ночи!
Вам, о имущие много имен, я молюсь, о жилицы
Области мрачного моря, где теплые волны ночные
Полным ключом пробиваются в гроте из дивного камня.
- 5 К области смертных слетаете вы, над землей беспредельной
Мчитесь к кровавому роду людскому со тщетной надеждой,
В тонких багряных своих плащаницах выходите в поле
Смертных судеб — а там колесницу свою всеземную
Гонит тщеславие вечно, и мчится она постоянно
- 10 Мимо меты, что поставил уклад, упованье, тревога,
Издравле данный закон или власть беспредельно благая.
Мойра одна эту жизнь наблюдает — из вышних блаженных,
Снежный Олимп населяющих, — боле никто, кроме ока
Зевса, что всесовершенно, — и все, что у нас происходит,
- 15 Ведают Мойра и всепостигающий разум Зевеса.
Ныне грядите ко мне, о воздушные, с кроткой душою!
Дщери благого отца — о Лахесис, Клото и Атропа!
Неотвратимые, неумолимые, вы, о ночные,
О вседарящие, о избавители смертных в несчастьях,
- 20 Мойры, внемлите мольбам — священным моим возлияньям,
К мистам грядите, забвение тягот неся благосклонно!

L X. ХАРИТАМ (фимиам, стиракта)

- Светлые славой Хариты, великие именем дщери
Зевса и в складках глубоких одежд Евриномы — внимлите,
О, многосчастные, Талия и Евфросина с Аглаей!
Радостней матери вы — прелестны, добры и свяшенны!
- 5 Вечно подвижные, вечно цветущие, смертным желанны,
Радости жизни без вас ничто породить не способно —
Солнца ли быстрый поток, луны ли сиянье, успех ли
Доблести, мудрости ль дело, свершенье ль благое отваги,
Жизни надежной стезя иль юности нежные годы,
- 10 Счастья податели — вы, о дарящие радостью светлой!
Будьте к молящим добры и явитесь, им счастье даруя!

LXI. ГИМН НЕМЕСИДЕ

- Кличу царицу великую я, Немесиду богиню!
Многopleменных людей наблюдаешь, всезрящая, жизни,
В радость одной лишь, почтенной, тебе справедливые речи,
Ведая стыд, ненавидишь нетвердое, хитрое слово,
5 Смертный люд, налагатель ярма, пред тобою трепещет,
Мысли людей заботят тебя, от тебя не сокрыться
В общем потоке речей душе, возмнившей чрезмерно —
Все ты увидишь и все ты услышишь, и все ты рассудишь!
Смертных судить — тебе, о демон из всех величайший!
10 Ныне явись, о блаженная, мистам помощницей вечной,
Образ их мыслям даруя благой, устрани, о святая,
Злобу, греховность и спесь в переметных и скачущих мыслях!

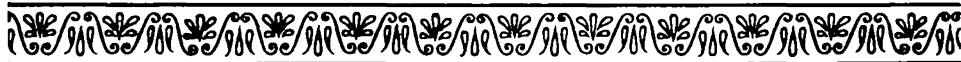

L XII. ДИКЕ (фимиам, ладан)

Око всевидящей Дики пою, сияющей видом,
Дики, что, сидя близ трона священного Зевса-владыки,
С высей небес наблюдает людей многовидное племя,
Должным карает судом нечестивцев, закон преступивших,
5 Все незаконное к правде ведет, блюдя справедливость,
Зримо ей все, что незримо питается мыслями злыми,
Ведомо все, что желают свершить нечестивые люди.
Дика, единственно ты, напав, воздаешь по заслугам,
Враг всем попутелям прав и друг для всех справедливых.
10 Ныне, богиня, по праву ценя наши чистые мысли,
Дай, чтоб шли в нашей жизни лишь дни, что ниспосланы свыше!

ЛХІІІ. ДИКЕОСИНЕ (фимиам, ладан)

- О, справедливая к смертным, для всех — многосчастлива,
желанна,
- С радостью праведным людям всегда воздаешь по заслугам,
О справедливость, всечитимая, с долей счастливой богиня!
Ты непорочную совесть всегда направляешь, как должно,
- 5 Чистыми мыслями, ты же при этом разишь беспощадно
Всех, кто к тебе под ярмо не идет, кто умом переметен,
Всех, кто с пути уклонился, ты хлещешь бичом преогромным,
Миролюбивая, милая всем, ты любишь веселье,
Чужды тебе мятежи, ты склонна к устойчивой жизни,
- 10 Все чрезмерное ты ненавидишь, а равенство любишь,
Цель благородную доблести мудрость в тебе полагает.
Внемли, богиня, караешь ты зло по заслугам у смертных,
Пусть всегда равномерно текут благородные жизни
Смертных людей, что в пищу имеют плоды полевые,
- 15 Равно — живого всего, что держит, собой обнимая,
Матерь богиня Земля и Зевс соленого моря.

L XIV. ГИМН НОМУ

- Кличу небесный Закон — владыку бессмертных и смертных!
Звезд разместитель святой, он строгой печатью разметил
Землю и берег морской. Возмущениям чуждый, блюдет он
Неколебимо основы природы посредством законов,
- 5 Их с высот привнося, по небу великому ходит,
Прочь отгоняя со свистом с пути ничтожную зависть.
Он устроит и смертным достойную жизни кончину,
Ибо владеет один он браздами правления жизнью,
В мыслях, единственно верных, с пути не свернет он вовеки,
- 10 И, многоопытный, древний, хранит по законам живущих,
Оберегая от бед, беззаконным же — тяжкая кара!
О многотимый, блаженный, податель богатств, всежеланный,
Память даруй о себе, о вседобрый, с душой благосклонной!

LXV. АРЕСУ (фиммиам, ладан)

- О некрушимый, о духом огромный, о силой великий
Демон, оружия любитель, кого победить невозможно,
Смертных людей истребитель и стен городских сокрушитель,
В громе доспехов, владыка Арей, обогранный убийством,
5 В месиве боя ужасный, ликуешь от пролитой крови,
Грубый, лишь меч и копье для распрей тебе вожделенны,
Дикую злобу уйми и труд отложи душегубный!
Лучше согласно кивни на желанье Киприды, сменяя
Подвиг оружия на шутки Лиея, на дело Деметры,
10 Мира, что счастьем дарит и пестует юность, возглаждав!

LXVI. ГЕФЕСТУ (фимиам, манна с ладаном)

Духом могучий Гефест, многомогущный огонь безустанный!
В пламени ярких лучей горящий и греющий демон!
О светоносный, о дланью могучий, о вечный искусник,
Часть мироздания, его элемент беспорочный, работник,
5 Всепоглотитель, о всеукротитель, всевышний, всевечный,
Солнце, эфир и Луна, и звезды, и свет безущербный —
Все это части Гефеста, что так себя смертным являют,
Всюду твой дом — и город любой, и племя любое.
Ты и в телах обитаешь людских, многосчастный, могучий.
10 Внемли, блаженный, тебя призываю к честным возлияньям,
К радостным нашим делам всегда приходи, благосклонный!
О, прекрати же огня безустанного дикую ярость,
Ты, кто жаром своим естество выжигает из тела!

LXVII. АСКЛЕПИЮ (фиммиам, манна)

О исцелитель всеобщий Асклепий, Пэан-всевадыка!
Ты ворожишь над людскими болезнями, полными муки,
Ты, облегченье дарящий, могучий, несущий здоровье,
Ты прекращаешь болезни, и смерть ты и Кер прогоняешь,
5 Отрок цветущий, от зол защищаешь и счастье приносишь,
Феб-Аполлон твой отец, о мощный, блистательный славой,
Ты, ненавистник болезней, Гигии супруг беспорочный.
Добрый конец подари нашей жизни, спаситель блаженный!

LXVIII. ГИГИЕЕ (фимиам, манна)

- Внемли, желанная, милая, в полном цвету, всецарица!
О Гигиея, о мать всего, о дарящая счастье!
Все от тебя погибают болезни у смертного люда,
Радостно дом процветает любой твоею заботой,
- 5 Пышно ремесла цветут — весь мир тебя любит, царица,
Только Аид-душегубец к тебе отвращенье питает.
Полная жара, о званная всеми, отрада для смертных,
Если же нету тебя, то все для людей бесполезно:
Плутос — Богатство, кующее счастье, — нисколько не сладок,
- 10 Муж без тебя превращается в старца, недужного тяжко,
Ибо одна ты владычишь над всем и над всеми, царица!
Ныне же к мистам гряди; о богиня, помощницей вечной,
Прочь отгоняя тяжелых болезней злосчастные муки!

ЛХІХ. ЭРИНИЯМ (фиміам, стіракта і манна)

Вы, о богини всечтимые, звездные, в грома раскатах!
О Тисифона! О ты, Аллекто! О богиня Мегера!
Вы, потаенные, вы, о ночные, живете сокрыто,
Возле потока священного Стикса в глубокой пещере,
5 Вечно витаете вы над преступными мыслями смертных,
Дико ликуете, о непреклонные, при злодеяньях,
Страшные, мощные, в шкурах звериных, терзаете тяжко;
Жуткие девы подземного Ада, ваш облик изменчив,
О невидимки туманные, быстрые в беге, как мысли,
10 Вечные судьи, очами самой Справедливости-Дики
Смертных вы вечно блюдете во всех племенах неисчетных!
Ныне о вы, змеекудрые, вы, многовидные Мойры,
Славой меня наградите беззлобной и праведной жизни!

LXX. ЕВМЕНИДАМ (фимниам, ароматы)

О Евмениды, внимлите, почтенные, с помыслом добрым,
Чистые дщери Хтонийского Зевса, великого бога,
И Персефоны, прельстительной девы прекраснокудрявой!
Вы наблюдаете жизнь нечестивого люда всечасно,
5 Вмиг к преступленьям летите, неся нечестивым отмщенье.
Вы, о владычицы черные, молнии мечете взором,
Плоть истребляющий блеск источает очей ваших светоч,
О самодержицы, мрачные, страшные, с видом отвратным,
Грозные, бродите ночью с бичом, разымающим члены,
10 О змеекудрые девы, полночницы, страшные взору!
Вас призываю! Грядите к питающим чистые мысли!

LXXI. МЕЛИНОЕ (фимиам, ароматы)

Я Мелиною зову, облаченную в пеплос шафранный,
Нимфу подземного царства — ее от священного ложа
Зевса на свет родила Ферсефона у глубей Кокита, —
Ту, что с Плутоном обманным путем сошлась, расколовшись
5 Надвое кожей двутелой, — то замысел был Ферсефоны.
Ты, Мелиноя, как призрак туманный, морочишь и манишь
Смертных, являясь их взорам в бесчисленном множестве видов
То ты вполне различима, а то затемняешься мраком,
То возникаешь с одной стороны, то с другой, среди ночи.
10 Ныне молю, о богиня, царица подземного царства,
Жала страстей от души отгони за пределы земные,
Мистам же лик свой священный яви благосклонно и кротко!

LXXII. ТЮХЕ (фимиам, ладан)

- Тюхе, сюда! Призываю тебя, всеблагая, молитвой!
Кроткая, встреча с тобой — к стяжанию богатств изобильных,
О Артемида, вождиня почтенная, кровь Евбулея,
Ты родилась от него — и тягаться с тобой невозможно,
5 О примогильная, всюду бродящая, всюду воспета
Ты у людей, ведь в тебе многопестрая жизнь человечья!
Это ведь ты наделяешь людей многосчастливым богатством,
Это ведь ты, коли в гнев, и злую нужду посылаешь.
Ныне, богиня, молю — появись, благосклонная сердцем,
10 Жизни пошли изобилье, наполни счастливым богатством!

LXXIII. ДЕМОНУ (фимиам, ладан)

Демона я, предводителя, страх наводящего, кличу,
Дия Милихия, демона — жизни дарителя смертным,
Зевса великого, всепородителя, многоскитальца,
Мстителя зла, всецаря, дарящего щедро богатством!
5 Всякий дом, куда он ни вступит, цветет изобильем,
И от него же дома несчастливцев хиреют и чахнут.
Счастья и горя ключи у тебя ведь, блаженный, хранятся.

Ныне, святой, отгони далеко многостонные скорби,
Все, что ни есть на земле несущего в жизнь разрушенье!
10 Нам уготовь для сладостной жизни благую кончину!

LXXIV. ЛЕВКОТЕЕ (фимиа́м, арома́ты)

- О Левкотея Кадмида, зову тебя, демон почтенный!
Силой благу́ю пестунью зову Диониса, о внимли!
Ты, о владычица, правишь глубокой пучиной морскою,
Волны — услада твоя, о спасенье великое смертных,
5 В дланях твоих — неустойчивый ход кораблей-моребежцев,
Горькую гибель в волнах от людей ты одна отгоняешь,
К тонущим ты, о спаситель и друг, на подмогу приходишь.
Ныне, царица, богиня, храни, я тебя умоляю,
Промыслом добрым своим корабли наши с палубой крепкой!
10 Мистам, пустившимся в море, да веет твой ветер попутный!

LXXV. ПАЛЕМОНУ (фимиам, манна)

- Ты, кто возрос с Дионисом, водителем хоров веселых,
Ты, обитатель священного моря просторов соленых!
К благосвященным обрядам явись, Палемон благосклонный,
Кличу тебя, о явись, веселящийся, с ликом цветущим,
5 Юный, и мистов вовеки храни на земле и на море!
Зимней порою всегда ты для тех, кто блуждает по хлябям,
Помощь один подаешь, о спаситель, своим появленьем
Тяжесть свирепую волн, разгулявшихся в море, смиряя.

LXXVI. МУЗАМ (фимиам, ладан)

Дщери Зевеса могучегремящего и Мнемосины,
О Пизриды, блестящие славой, почтенные Музы!
Смертного раз посетив — ему вы всего вожденней!
Вы, о пестуньи души, направляете к истине разум,
5 Властвуя, твердо ведете вы ум с его мощью благою,
Вы, кто священные таинства смертному люду открыли,
Клис, Евтерпа и Талия, вы — Эрато с Мельпоменой,
Ты — Каллиопа, Урания — ты, и ты — Терпсихора,
И Полигимния — с матерью и Евномией священной.
10 Многообразные, чистые, к мистам явитесь, богини,
Рвенья даруя святое и милое песен богатство!

LXXVII. МНЕМОСИНЕ (фимиам, ладан)

Я Мнемосину зову, делившую ложе с Зевесом,
Кличу владычицу, муз породившую звонкоголосых,
Память ее не подвластна забвенью, губящему разум,
Держит с душой съединенным она весь ум человека,
5 Множит тем самым великую силу благую рассудка.
Ты, о сладчайшая, бодрая вечно, способная тотчас
В памяти вызвать у нас, что когда-либо в душу запало,
Не преступив ничего, ты ум пробуждаешь во всяком.
10 Ныне, блаженная, память у мистов буди об обряде
Благосвященном, богиня, забывчивость прочь отгоняя!

LXXVIII. ЭОС (фимиам, манна)

- Внемли, богиня, для смертных ведущая день светоносный,
Ярко горящая Эос, что мир облагряет румянцем!
Светлого ты предвещаешь Титана, великого бога,
Путь непроглядный ночи направляешь в подземные глубины,
5 Прочь ее, мрачную, шлешь, когда востекаешь на небо.
Ты — проводница в делах, глава в человеческой жизни,
Ты — отрада для смертных: никто избежать не стремится
Вышнего ока Зари при ее появлении в небе, —
Нет, но когда ты сладостный сон от вежд прогоняешь,
10 Рад человеческий род, и рады народы животных,
Рады пернатые птицы и все население моря,
Ибо живущим на свете даруешь ты поприще жизни.
Ныне же в мистах умножь горение света святого!

LXXIX. ФЕМИДЕ (фимиам, ладан)

- Дочь благого отца, Урана священное чадо
Кличу, Фемиду бутоноочитую, Геинну поросль,
Первой она указала для смертных священный оракул
В Дельфах в глубоком ущелье, даря от богов предсказанья.
- 5 Царствуя в землях пифийских, в краю, где равнина Пифона,
Это она научила давать предсказания Феба.
В блеске красы, многочтимая всюду, бродящая ночью,
Первая ты священные таинства смертным открыла,
Славя ночами вакхическим криком «эвой» властелина.
- 10 Ведь от тебя — почитанье бессмертных и действия святые.
Ныне, блаженная, с добрым советом гряди, веселяся,
К чистым мистериям благосвященных обрядов, о дева!

LXXX. БОРЕЮ (фимиам, ладан)

Движущий толщи воздушные мира своим дуновеньем,
О леденящий Борей, явись же из Фракии снежной,
Влажнодорожного неба разбей неподвижность сплошную!

Дунув на тучи, развей и прочь разгони дождеродиц,
5 Ясной погодой даря, дабы радостным взором с эфира
Солнца лучи засветили земле, и сияя, и грея!

LXXXI. ЗЕФИРУ (фимиам, ладан)

Морерожденные дочери Зефира, воздушные ауры,
В ласковом шепоте, сладко дыша, приносящие отдых,
Вешние и луговые, отрадны гавани всякой,
Радостный ход вы даете судам дуновением легким!
5 О, благосклонно грядите сюда, беспорочные! Вейте,
О легкокрылые, воздуховидные, о невидимки!

LXXXII. НОТУ (фимиам, ладан)

- Влажной дорогой летя, порывисто, быстро, скачками,
Крыльев стремительный взмах то туда, то сюда устремляя,
С тучами мокрыми вместе гряди, о дождей породитель,
Житель воздушный! Тебе от Зевеса даровано право —
- 5 Слать дождеродные тучи на землю с ненастного неба —
Вот мы и молим, блаженный, тебя — на мать нашу землю
Дождь плодородный послать, приняв приношение наше!

LXXXIII. ОКЕАНУ (фимиам, ароматы)

Кличу отца Океана. О ты, не губимый вовеки!
Ты, породитель бессмертных богов и смертного люда!
Круг ты земной омываешь, собою его ограничив,
Все от тебя происходят моря и глубокие реки,
5 Влага святая подземных ключей и ручьи — от тебя же.
О многосчастный, блаженный, внемли, о богов очишенье!
Ты, о земли желанный предел, небосвода начало,
Влажнородожный, являйся же к мистам всегда благосклонно.

LXXXIV. ГЕСТИИ (фиммиам, ароматы)

- Гестия, о благовластного Кроноса дочь, царица! –
Ты, чей дом — средь огня величайшего, сущего вечно!
К тайнствам чистым своим допусти этих мистов и сделай
Вечно цветущими, полными святости, счастья, веселья!
5 Дом всеблаженных богов, опора могучая смертных,
Зеленотравная, в образах многих, желанная всеми,
Вечная, с ясной улыбкой, прими эти жертвы охотно,
Счастьем повей на меня и здоровьем с целящею дланью!

LXXXV ГИПНОСУ (фимиами с маком)

- Гипнос, владыка блаженных богов и смертного люда,
Равно и живности всей, что просторы земли населяет!
Ты, кто единственный властен над всеми, ко всем ты приходишь,
Ковы твои не из меди окутают всякое тело!
- 5 О, прекратитель забот, от невзгод избавляющий сладко,
Всякому горю несущий святое свое утешенье,
Страх перед смертью спасительно ты от души удаляешь,
Единокровный ведь брат ты и Лете, и Танату-смерти,
О, умоляю, гряди и сладостью смутной окутай,
- 10 Мистов храня благосклонно для дел их, угодных бессмертным!

LXXXVI. ОНЕЙРУ (фиммиам, ароматы)

- Вещий Сон, тебя, о блаженный, на крыльях простертых,
Кличу, о вестник грядущего, лучший оракул для смертных!
Ты, среди сладкого сна в тишине прилетая безмолвно,
Сам пробуждаешь умы, обращаясь к душе человека,
5 Сам насылаешь сквозь сон решенье и волю блаженных,
Душам безмолвным безмолвно являя, что ждет их в грядущем.
Людам, чей ум благородный влечет их к угодному вышним,
Тем, чьи решенья всегда направлены к большему благу,
Будет всегда предсказанье, как этого блага добиться,
10 Дабы по жизни они с отрадой прошли, наслаждаясь.
Зло же от них отворотится — и это сам бог научает,
Как успокоить гневливых владык смягчающей жертвой —
Ведь и конец несравненно отрадней у них, благочестных.
Людам же злым и дурным грядущего к ним неизбежно
15 Ты не покажешь во сне, в преступлениях ты не подсказчик,
Дабы они не нашли избавленья от муки грядущей.
Я же молю, о блаженный, являть мне богов замышленья,
Дабы всегда приближал ты меня к решениям верным,
Да и в другом никогда ничего не пророчествуй злого!

LXXXVII. ТАНАТУ (фимиам, манна)

Внемли, держащий правленья бразды над смертными всеми,
Кои ми издали правишь, давая священное время
Каждому, ибо твой сон сокрушает и душу, и тело,
Узы, природой сплетенные прочно, лишь ты разрешаешь,
5 Сон насылая великий, вседолгий, что вечность продлится,
Общий для всех, но к иным он приходит порой не как должно,
Слишком поспешно, и юную жизнь прерывает в расцвете.
Все обретает в тебе предел, предназначенный свыше,
Только тебя одного не упросишь и ничем не умолишь,
10 Я же к тебе обращаю, блаженный, молитву и жертву:
Дни моей жизни продлив, надели меня даром почетным —
Старость почтенную дай, наилучшую в людях награду!

ГИМНЫ ПРОКЛА

I. ГИМН К СОЛНЦУ

- Мысленного огня властелин, о Титан златобраздый,
Царь светодатец, внимли, о владетель ключа от затвора
Животворящей криницы, о ты, кто гармонию свыше
Льешь на миры матерьяльные вниз богатейшим потоком!
5 Трон твой превыше эфира, он в центре всего мироздания,
Самое сердце вселенной — твой круг светоносный, отколе
Промысел твой, пробуждая умы, наполняет пространство.
Вечное пламя твое окружили, как пояс, планеты,
Свой хоровод без конца и без усталости водят вовеки,
10 Вниз посылая на землю частицы, что жизнь порождают.
Кружите по небу вы, неуклонно назад возвращаясь,
Следуя вам, по порядку и Оры сменяют друг друга.
Смолкли раскаты стихий изначальных в их сшибке взаимной
В пору, как неизречимый родитель явил тебя миру,
15 Даже и хор неггибаемых Мойр пред тобой отступают,
Стоит тебе пожелать — и, тебе угождая, изменят
Нить неизбежной судьбы, столь силен ты, и столь ты державен.
Только от вашей цепи, со стези вашей богопослушной
Явится царственный Феб с божественной песнью кифары —
20 Тотчас улягутся бурные волны людского смятенья.
В блеске твоём, отвращающем зло и дарующем ласку,
Вырос Пэан и свое ему благо добавил — здоровье,
Всеисцеляющей полня гармонией космос широким.
В песнях тебя прославляют отцом Диониса великим,
25 Аттисом также эвойным в чашобах лесных величают,
Нежным Адонисом в гимнах тебя прославляют иные.
Быстрый твой бич устрашает и демонов, к людям злотворных,
Диких губителей, что насылают на бедные души
Порчу, чтоб души людские средь шума житейской пучины
30 Страждали вечно под бременем тела, любя это иго,
Отчий чертог позабыв, сияющий в высях небесных.
Демон счастливый, венчанный огнем, из богов наилучший,

- Всепородителя-бога подобие, душ возводитель,
Внемли! Очисти меня навсегда и от всех заблуждений,
35 К слезной мольбе преклонись, избавь от позорящих пятен,
Прочь от страданий сокрой и смягчи быстрозоркое око
Дики-богини, что взором своим проникает повсюду!
Зло отвращающей будь нам подмогой надежной вовеки!
Свет многосчастный, священный душе моей вечно являя,
40 Мрак разгони ядовитый, ужасный, губительный смертным,
Телу же бодрость пошли и дар наилучший — здоровье,
Дай мне и добрую славу стяжать по обычаю предков —
Муз пышнокудых, прекрасных почтить дарами достойно!
Прочное счастье пошли, коль мое благочестие любю!
45 Если захочешь, то дай, о владыка,—ведь с легкостью можешь
Все, что желаешь, свершить, — беспредельно могучий и властный!
Если же звезд веретена в своем круговом обращенье
Нити какого несчастья несут — о будь мне защитой!
Сам это зло отвори ударом своим всемогущим!

II. ГИМН К АФРОДИТЕ

- Гимн посвящаем цепи многославной Рожденной из пены,
Славим источник великий и царственный, миру явивший
Всех Эротов бессмертных, крылатых, что мысленным жалом
Стрел своих души разят, без промаха их посылая,
5 С тем, чтобы души, приняв острое возвышающей страсти,
Тотчас зажглись увидеть озаренный чертог материнский.
Стрелы иные пускают Эроты по воле отцовской,
Чей отвращающий зло божественный промысел — множить
Мир бесконечный рождением новых людских поколений,
10 К радостям жизни земной зажигают такие Эроты.
Есть среди Эротов и те, что жен наблюдают замужних
Разные жизни пути неустанно, чтоб в смертном народе
Вечно рождалось бессмертное племя мужей-страстотерпцев.
Все они делают дело родящей любовь Кифереи.
15 Слух твой поистине все и везде уловляет, богиня,
Небо ли ты обнимаешь великое, где, по преданью,
Стала душою ты мира божественной, вечноживущей,
Иль пребываешь в эфире, где семь кругов обращенья,
Вашей цепи соблюдая вовек некрушимые силы,
20 Слух и ко мне преклони, мой жизненный путь многотрудный
Сделай прямым справедливыми стрелами мне, о царица!
Всех недостойных страстей уйми леденящую силу!

III. ГИМН К МУЗАМ

- Свет воспеваем, подъемлющий смертных горé, воспеваем
Девять дочерей великого Зевса прекрасногоголосых!
Души людей, кои жизнь, полонивши, ввергает в глубины,
Могут они избавлять от скорбей, землеродным присущих,
5 Силою чистого таинства ум пробуждающей книги
Учат спешить поскорей пролететь чрез глубокую Лету,
След обрета, что к звезде соименной ведет — ведь когда-то
Там они сбились с пути и упали на берег рождений
В жажде безумной испробовать жребий вещественной жизни.
10 Ныне, богини, молю — уймите порыв мой тревожный!
Полными смысла рассказами мудрых меня опьяните!
Да не сбивает с пути меня род человек безбожный,
С дивной, священной стези, сияющей, полной плодами!
Музы, молю — из толпы многогрешного рода людского
15 Вечно влеките к священному свету скиталицу-душу!
Пусть тяжелит ее мед ваших сот, укрепляющий разум,
Душу, чья слава в одном — в чарующем ум благоречье.

IV. ОБЩИЙ ГИМН КО ВСЕМ БОГАМ

- Вы, кто священной премудрости держит кормило, о боги!
Вы возжигаете в душах людских возвышающий пламень,
Дабы, покинув обители мрака, они устремились
К высям бессмертных, очистившись таинством гимнов священных.
- 5 Слух преклоните, спасители! Ваши священные книги
Чистый излили мне свет, разогнавший туман непроглядный,
Дабы познал я вполне человека и высшего бога.
Да не погубит меня злокозненный демон, сокрывши
Прочь от чертогов блаженных навек, за током Летейским!
- 10 Да не закинет обратно в ужасные волны рождений
Душу мою, что доле не хочет по жизни скитаться,
Чья-нибудь страшная кара да вновь ее с жизнью не свяжет!
- Боги, водители мудрости светлой, молю вас, внемлите!
Мне, кто душою стремится к стезе, пролегающей свыше,
- 15 Боги, явите священных словес обряды и действия!

У ГИМН К ЛИКИЙСКОЙ АФРОДИТЕ

Гимн посвящаем Ликийской владычице Курафродите.
Некогда нашей отчизне явилась она на подмогу,
Зло отвратив, и наши вожди, благодарностью полнясь,
В граде воздвигли священный кумир по внушению свыше.
Знаменовал он тот мысленный брак, Гименей многоумный,
Что Афродиту Небесную свел с огнеродным Гефестом,
И Олимпийской богиню они нарекли, ведь нередко
Смерти стрелу мужегубную прочь отгоняла богиня,
Зря добродетель людскую. А брак сей, плодами богатый,
10 Пышную поросль пустил — блестящее мыслью потомство,
И наступило повсюду спокойствие мирное в жизни.
Ныне молю, о царица, прими величанье, как жертву!
Я ведь и сам, как и ты, ликийцем являюсь по крови,
Душу мою вознеси к красоте от уродства земного,
15 Да избежит она злостного жала постыдных порывов!

VI. ГЕКАТЕ И ЯНУСУ

- Радуйся, мать богов многославная, с добрым потомством!
Радуйся, ты, о Геката преддверная, мощная силой!
Радуйся сам Иан прародитель, Зевес негубимый!
Радуйся, вышний Зевес! С, даруйте мне полную блага
- 5 Светлую жизни тропу и злые недуги гоните
Прочь от тела, а душу к себе привлеките, очистив
Ум пробуждающим действием от страстных земных искушений!
О, умоляю, подайте мне руку, стезю укажите
Богоизбранную мне, я желаю того! Да узреть мне
- 10 Свет драгоценный, рождений же черного зла да избегнуть!
О, умоляю, подайте мне руку, повеите мне ветром,
Что в благочестия гавань доставит страдавшего много.
- Радуйся, мать богов многославная, с добрым потомством!
Радуйся ты, о Геката преддверная, мощная силой!
- 15 Радуйся сам Иан прародитель, о Зевс высочайший!

VII. К МНОГОМУДРОЙ АФИНЕ

- Внемли, дитя Эгиоха-Зевеса, что в свет появилась
От высочайшей цепи, от источника отчего! Внемли!
Мощного дочь отца, многосильная, с мужеским духом,
О щитоносица в шлеме златом, Тритогена Паллада!
- 5 Внемли и гимн мой прими с благосклонным, владычица, сердцем!
Слово мое да не будет напрасным, не дай его ветрам!
Ты, кто отверзла врата для премудрости, к богу ведущей,
Кто укротила гигантов земных богоборное племя,
Ты, кто избегла желаний зажженного страстью Гефеста,
- 10 Пояс девический свой адамантовый ты сохранила,
Ты, что смогла уберечь уцелевшее сердце владыки
Вакха, на части разъятого силой титанов, и скрыла
В глуби эфира его, и родителю после вручила,
Дабы по замыслу неизреченному отчему новый
- 15 В мир снизошел Дионис, порожденный отцом от Семелы.
Ты, кто рожденных от страсти всезрящей богини Гекаты
Всех укротила, секирой срубая их главы под корень,
Ты добродетелей силу благую возвысила в смертных,
Жизнь им украсила многоуменьем искусств и ремесел,
- 20 Силой творящей ума наделила ты души людские!
Ты, что Акрополь имеешь по жребию, холм неприступный,
Символ твоей принадлежности к высшей цепи, о царица,
Землю — пестунью мужей и мать для книг — возлюбивши,
Ты, поборовши святое желанье отцовского брата,
- 25 Имя свое даровала земле и ум благородный,
Вот отчего, как память о споре богов, пребывает
Там, у подножья холма, в назиданье потомкам — олива,
Ты возрастила ее, когда Посейдонова воля
На Кекропидов обрушила вал многошумного моря,
- 30 Хлынул могучий поток, на пути своем все затопляя.
Ты, о богиня, чей лик излучает святое сиянье,
Внемли и дай мне, скитальцу, счастливую тихую гавань,

О, даруй душе моей благосвященных сказаний
Чистый свет и премудрость, любовь и любовь таковую,
35 Я умоляю, вдохни, дабы силой ее воспарила
К отчему дому душа, на Олимп от земного предела.
Если же я и подвластен ошибкам, как в жизни бывает,
Ведаю сам, что терзают меня прегрешенья, проступки,
Все, что не должно свершать, но свершаю, душой неразумный,
40 Смилуйся, кроткая духом, не дай мне, простертому в прахе,
Стать для недугов готовой добычей, о смертных спасенье!
Я ведь молю об одном — дабы был, о богиня, твоим я!
Членам ослабшим даруй нерушимую крепость здоровья,
Прочь отгони плотоядных болезней печальное племя,
45 Я умоляю, царица, своей амвросической дланью,
О, прекрати непосильные муки страданий ужасных,
В море житейском пловцу, пошли мне спокойные ветры,
Брак и потомство, известность, богатство, отрады веселий,
Гибким умом одари, пошли в испытаниях стойкость,
50 Дар убеждения, шутки друзей, почет у сограждан.
Внемли, о, внемли, царица, молю бесконечной мольбою
В трудный свой час, да слух преклонишь ты ко мне благосклонно!

ГИМНЫ СИНЕЗИЯ

ГИМН I (III)

5 О душа моя,
 о, настрой себя
 к песнопениям,
 полным святости,
10 ты уйми слепней
 матерьяльности,
 ополчи мой ум
 пылом ревностным,
 и сплетем венец
15 мы царю богов —
 сей бескровный дар —
 приношение слов.
 О творец миров,
 я пою тебя
20 и средь волн морских,
 и на острове,
 на материке,
 в городах пою,
 и в горах пою,
25 и в полях пою —
 и везде, куда
 ни ступлю стопой,
 я пою тебя,
 о, творец миров.
30 Мне приносит ночь
 гимн к тебе, господь,
 возношу к тебе
 я дневную песнь,
 и поутру встав,
 и в вечерний час
 я тебе несую
 песнопения.

35 Мне свидетели —
звезд седых лучи,
и луна в ночи,
и владыка сам
чистых звезд святых.
Мне свидетелем —
40 Солнце вышнее,
повелитель душ
незапятнанных,
Я стремлю свой путь
в твой святой чертог,
и несут меня
45 ноги легкие,
прочь от вешного
устремляясь
к лону вышнего,
в твой святой чертог,
50 с ликованием
я иду к тебе.
Вот пришел с мольбой
на святой порог,
к совершению
55 действ таинственных,
вот с мольбой моей
я достиг вершин
многославных гор.
60 Вот в долине я
среди безмолвных мест —
это Ливии
область южная.
И безбожный дух
не сквернит ее,
65 и следа в ней нет
суеты людской,
там душа моя
от страстей чиста,
замирает здесь
70 вожделение,
утихает боль,
утихает стон,
утихает гнев,
раздражение —
75 все, что мучает
жалкий смертный род —
там душа моя
с чистым помыслом
языком честным
80 вознесет тебе
надлежащий гимн.

85 О, замри, земля!
О, замри, эфир!
Ты, о море, стой,
ты, о воздух, стой!
Не колышьяся, ветр,
не шуми, о вихрь!
90 Не греми, о ключ,
не плещи, река!
Не звени, капель
тока скального!
Глуби космоса,
свой уймите гул
95 в час вершенья служб
гимнопения!
В глубь земли ползи,
о змеинный род,
будь сокрыт землей
и крылатый змей,
100 демон вещного,
привидений друг,
ты, туман души,
что скликаешь псов,
слыша глас молитв.
105 Отче светлый наш,
отгони, молю,
душегубных псов
от молитв моих,
от души моей,
110 и от дел моих,
и от жизни всей!
Приношение
моего ума
115 доверяю я
многочтимейшим
тем служителям,
полным мудрости,
переносчикам
гимнов сих святых.
120 Вот влечет меня
к отправной черте
пресвятых словес,
вот звучит в уме
откровенья глас.
125 Отче, смилуйся,
Боже, смилуйся,
коль коснусь тебя,
как не следует,
на недолжный лад.
130 Чей могучий взор,

чей премудрый взор,
отразив тебя,
не потупится?
И богам нельзя
135 на твои огни
взор стремить в упор.
И когда летит
ум с высот твоих —
он становится
140 ласков к ближнему,
устремляется
к недоступному
в жажде свет узреть
в глубях пропасти,
145 тем путем пройти,
где дороги нет,
там, где взор влечет
красота идей
первозданная.
150 И оттуда ум
света взяв цветы
в песнопения,
прекращает вмиг
все метания,
155 отдавая вновь
все свое тебе.
Есть ли что-нибудь
не твое, о царь?
Сам себе отец,
160 отче всех отцов,
сам отца не зная,
всем ты праотец,
сам себе ты сын,
ты — первейшее,
165 одного одно,
семя сущего,
центр всего и вся,
первозданный ум,
корень всех миров
170 первосозданных,
всюду вечный свет,
ум всеистинный,
кладезь мудрости,
ум, пронизанный
175 светом собственным,
око сам себе,
господин грозы,
вечности отец,
вечна жизнь твоя,

180 выше всех богов,
выше всех умов,
все в руке твоей,
умородный ум,
185 всех богов проток,
что вдыхает жизнь,
воскормитель душ,
кладезь кладезей,
всех начал исток,
корень всех корней.
190 Всех единств — одно,
чисел всех число,
ты одно — число,
постигаем ты
силой разума,
195 сущий до него,
ты одно и все,
ты одно во всем,
сущий до всего,
семя ты всему,
200 корень и побег,
жизни сок умам,
и жена, и муж.
Ум, что принят был
в эти таинства,
205 обходя кругом
в пляске пропасти
неизречные,
повторяет вновь
все одно и то ж:
210 ты и сам рожден,
и рождающий,
ты и светоч наш,
и горящий свет,
ты и явное,
215 ты и тайное,
ты — в лучах своих
сокровенный свет,
ты — одно и все,
ты — одно в себе,
220 ты — одно чрез все.
Ты излил вовне
несказанное,
породив собой —
сына ты родил,
225 мудрость чистую,
всетворящую,
весь излит, пребыл
неделим, делясь

230

в родах собственных.
Славься ты, един,
славься, тройственный,
ты — «одно» и «три»,
«три» ты и «одно»,
даже мысленно
неделимое —
то, что есть в тебе
разделенного.

235

ГИМН IV (VI)

Из ключа святого самопорожденья,
За пределами единств неизреченных,
Бог бессмертный, ты, о сын преславный бога,
Ты единственный, одним отцом рожденный,
5 Для тебя — венок цветов премудрых гимнов!
Из неведомого сына в свет явили
Роды воли отчей, слову не подвластной,
И плодом сих отчих родов оказался
Ум, сияющий в середине мирозданья —
10 В сем ключе он пребывает, изливаясь,
Луч красы, премудрость промысла отцова,
Ты, кого благоволил родить отец твой,
О блистательно таинственное семя
Твоего отца, ведь — ты миров начало!
15 Ты от умственных ведешь к телесным формам,
Это ты премудро движешь круг небесный,
Стадо звезд на небе вечно выпасая!
Хоры ангелов в твоей, владыка, власти,
Под твоим началом — демонов фаланги!
20 Тленный мир обходишь плясом хороводным,
Неделимый дух земному уделяя.
То, что ключ исторг, ты вновь соединяешь,
Отразив от смертных смерти неизбежность.
Будь же милостив принять гирлянду гимнов!
25 Гимнопевцу же пошли удел спокойный,
Усмири водовороты жизни бурной,
Матерьяльности губительные волны!
От души гони недуги и от тела!
Вожделений укроти напор злотворный!
30 Защити от нищеты и от богатства,
А в трудах моих — да слышу голос свыше!
Славу добрую открой мне средь народов,

Одари ласкоречивым убежденьем!
Дабы ум вкушал досуги жизни мирной,
Дабы сам я не стонал в земных заботах,
Но из русл твоих, что к высям воздымают,
Ум кропил я и питал, рождая мудрость.

ГИМН V (II)

Вновь светает, снова — Эос,
Снова день пролил сиянье
После мрака ночи черной,
5 Снова пой, душа, ликуя,
Богу утренние гимны!
Он зажег сиянье Эос,
Он украсил ночь звездами,
Сим вселенским хороводом.
10 Понт бурливый — матерьяльность
Всю — эфир собой окутал,
Там светя цветком горящим,
Где преславная Селена
Ослабляет свет по краю.
15 Над восьмым круговращеньем
Звездоносного потока
Есть иной поток — беззвездный,
Что движением возвратным
Небо вглубь влечет и в пляске
20 Ум великий обтекает,
Ум, что высь владыки мира
Кроет светлыми крылами.
Дальше — высшее молчанье,
Всеблаженное, покрыло
25 Неделимое деленье,
То, что мысленным вершится
С постигаемым умами.
Ключ один — единый корень
Просиял тройным сияньем —
30 Ибо где отцова бездна, —
Там и сын его преславный,
Порожденье его сердца,
Мирозиждающая мудрость,

35 С ними вместе — свет единый
Воссиял святого духа.
Ключ один, единый корень,
Щедро благ излил богатство
Вместе с отпрыском сверхсущим,
Жизнетворчеством кипящим.
40 В удивительном сиянье
Предстают блаженных сути,
А за ними — хор вселенский
Высших сил владык бессмертных,
Тех, что умственной песнью
Породителей вседобрых —
45 Пели эйдос-первосемя.
Дальше — ангельское войско
Тех, кто старости не знает,
Породителей вседобрых —
То они на ум взирают,
50 Красоты исток впивая,
То, блюдя вращенье сферы,
Правят космоса глубины
И с высот своих влекутся
К матерьяльности пределам,
55 Там, гнездясь, родит природа
Миру демонские толпы,
Что хитры и многошумны,
Там рождаются и герои,
Там, рождаясь, дух нисходит,
60 Растворяясь над землею,
Оживлять земные судьбы
Многохитрых форм и видов.
Все в твоей державной власти!
65 Для всего ты в мире корень
В настоящем и в минувшем,
И в грядущем и в возможном!
Ты отец, но ты и мать,
Ты жена и муж при этом,
70 Ты и голос, и молчанье,
Породитель ты природы,
Вечность вечности, владыка!
Должно голос мне возвысить:
Славься, славься, корень мира,
Славься, жизни средоточье,
75 Ты — «одно» бессмертных чисел,
Произведших властелинов,
Славься, славься, славься, славься!
Богу — слава подобает!
80 Слух ко мне склони безгневно,
Внемли хорам гимнопенья,
Свет премудрости открой мне,

85 Одари честным довольством
Жизни мирной, безмятежной!
Прогони нужду с порога
И земных богатств несчастье!
Отврати от тела хвори
И страстей напор бесчинный,
От меня гони подальше
Ум гнетущие заботы,
90 Дабы разум мой крылатый
Зло к земле не пригнетало!
И о том, что породил ты,
Стану петь, и в пляс пушусь я
Невесомыми стопами
95 В действиях всенеизречимых.

ГИМН VII (VIII)

На дорийский лад на струнах,
Что скрепляет слоновая кость,
Запою я звучный напев
В честь твою, бессмертный, святой,
5 Многославнейший девы сын!
Ты мне жизнь сохрани мою
И безбедной сделай, о царь!
И закрыт будет вход скорбям
Пусть в нее и ночью и днем!
10 Ты мой дух огнем озари,
Что течет из ключа ума,
Членам тела силу даруй,
Сделай славным усердный труд.
Мои юные годы храни,
15 Дай мне радостно жизнь прожить
И достигнуть преклонных лет,
Пусть и мудрость растет во мне,
И здоровье тела мне дай!
Брату стражем будь моему:
20 Ты его, о бессмертный, мне
Невредимым вернул, хотя
Прикасался уже стопой
Он к порогу подземных врат.
Мое горе, мой тяжкий стон,
25 Мои слезы и горькую скорбь,
Сердце жегшую мне, ты смягчил,
Ты умершему жизнь вернул,
Снизойдя, как отец, к рабу,
О сестре я тебя молю,
30 О чете двоеродных чад!
Весь, молю, Гесихидов дом
Ты своей десницей покрой!

35 Ну а мне сохрани, о царь,
Ты сопутницу брачных уз,
Без болезней, без горя, без бед,
В одномыслии и в любви.
Ни лукавства, ни скрытых тайн
Пусть не знает жена моя,
40 Пусть хранит наш брачный покой
Незапятнанным и святым,
Пусть в него не войдет соблазн!
А когда со свободной души
Цепи жизни земной спадут,
45 То избавь от тяжелых мук
И не ввергни в гибель ее!
Разреши ей в сонме святых
Воспевать священную песнь.
И величье отца твоего,
50 О блаженный, и силу твою
Воспою в новом гимне я,
Тебе новую песнь сложу.
И опять пусть строй зазвучит
Непорочной кифары моей!

ГИМН IX (I)

Моя звонкая форминга!
После песенки теосской
И лесбосского напева
5 Для торжественного гимна
Зазвучи дорийским ладом!
Не о девушках прелестных
С их улыбкой сладострастной,
Не о юношах цветущих,
10 Чья краса чарует очи,
Нет, рожденная от бога
Мудрость чистая, святая
Побуждает к песне божьей
Натянуть кифары струны
15 И бежать от сладких бедствий,
От земной любовной страсти.
Да, чего же стоят доблесть,
Красота, богатство, слава,
Царских почестей соблазны
20 По сравненью с благочестьем?
Пусть один — отважный всадник,
А другой — стрелок из лука,
Пусть иного тешат кудри,
Копит кучи золотые,
25 Пусть иного тешат кудри.
Что текут волной на плечи,
А иной воспет повсюду —
Всех друзей и всех подружек
Он пленяет красотой.
30 Мне ж хотелось бы достигнуть
Жизни тихой и безвестной.
Пусть безвестна будет людям.
Пусть лишь бог о ней узнает!

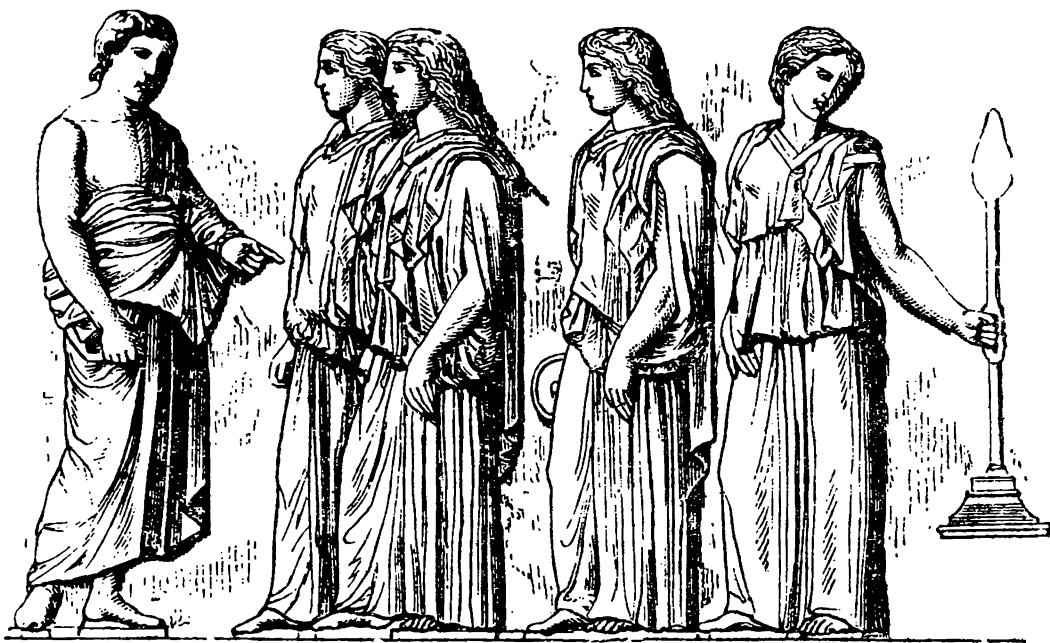
35 Пусть меня научит мудрость
С ней прожить молодые годы,
С нею вместе встретить старость,
С ней владеть своим достатком.
Но и встречу с нищетою
Мудрость терпит и с улыбкой
Переносит горечь жизни,
40 Лишь бы столько мне осталось,
Чтобы в хижине я скрыться
Мог от зависти соседей
И нужда б меня не гнула
Низкой черною заботой.
45 Я услышал песнь цикады,
Пьющей утренние росы,
И мои запели струны
Необычным звуком — будто
50 Налетело вдохновенье.
Что же, в сердце возникая,
Порождает песню божью?
Тот, кто сам себе начало,
Управитель и родитель,
55 Нерожденный, совершенный,
Восседает бог предвечный
Облечен бессмертной славой.
Он — единство в единенье
И первичная монада.
60 Простоту в многообразье
Ты, связуя, порождаешь
Сверхъестественным рождением;
И она, приняв начало,
Через образ первозданный
65 Разлита непостижимо.
Мошью тройственной владеет
Сверхвещественный источник,
Красотою чад увенчан,
Что, родясь из средоточья,
70 Средоточье обтекают.
Замолчи, моя форминга,
Замолчи! Дерзать не смеешь
Разглашать святые тайны!
То, что выше, скрой в молчанье,
75 Воспевай пути земные.
Ибо разуму подвластен
Только мир разумной мысли,
Здесь начало лишь благое
Человеческого духа,
80 Неделимого деленья.
В вещество низвергнут разум,
Порождение бессмертных,

Сил божественных потомок.
Невелик он — но родился
Он от них, единый, цельный,
85 Цельный, в цельности разлит он.
Глубь небесную вращая,
Страж он видимого мира.
Он присутствует повсюду,
Проявляясь в видах разных,
90 Он ведет круги созвездий,
Сонмом ангелов он правит,
Он же связью равновесной
Укрепил земное тело.
Разум в тягостном забвеньи
95 От родителей оторван,
Погружен в слепое горе,
Созерцает тьму земную.
Сам он — бог, но близок смертным.
 И сияет некий светоч
100 Даже всем очам сомкнутым,
Даже тех, кто пал так низко,
Сила вновь возносит к небу.
И они из волн житейских
Выплывают беспечально,
105 Вновь идут святой дорогой,
Входят в царский дом отцовский.
Тот блажен, кто мог избежать
Вещества нападок жадных
И, взлетев, порывом легким
110 Прямо к богу путь направить.
Тот блажен, кого от бедствий
И трудов земных и горьких
От испытанных страданий
Разум к тем привел вершинам,
115 Где сияет светоч божий.
Нелегко отдать все сердце,
Вознести его высоко
На крылах любви небесной.
Но в порыв души разумной
120 Съедини свои стремленья —
И родитель твой тотчас же
Руку помощи протянет.
Вспыхнет луч перед тобою,
Озарит твою тропинку,
125 Область разума откроет,
Красоты первоначало.
 И теперь, душа, испивши
Из источника благого,
Обратись к отцу с мольбою,
130 Воспари скорей, не медли,

А земле оставь земное.
И с отцом сливаясь, станешь
Богом в божестве ты, ликуя.

КОММЕНТАРИИ

Гомеровские гимны*

Гомеровские гимны публикуются в нашем издании в переводе В. В. Вересаева, напечатанном в изд.: Вересаев В. В. Полн. собр. соч. М., 1929. Т. X. (перепечатан в сб.: Эллинские поэты. М., 1963), с отдельными уточнениями, сделанными по греческому оригиналу.

Из 34 гомеровских гимнов 33 относятся к единой рукописной традиции, восходящей, очевидно, к XI или XII в. В 1423 г. Дж. Авриспа вывез из Константинополя манускрипт, содержащий большое собрание гимнов. Этот манускрипт и является источником различных списков гомеровских гимнов, рассеянных по библиотекам Запада. Первую копию с византийского оригинала сделал Ф. Филельфо (см., вступительную статью). Одно время выдвигалось мнение (гипотеза Г. Голландера), что списки Авриспы и Филельфо были сделаны с разных оригиналов. Однако в наши дни принято считать, что рукопись — оригинал XI или XII в. — к XV в. испытала значительные повреждения, и разночтения у Авриспы и Филельфо можно отнести к разного рода спискам, но сделаны оба списка с одного и того же манускрипта (ср.: Деревицкий и А. Н. Гомерические гимны. Харьков, 1889. С. 37).

В настоящее время мы располагаем четырьмя кодексами, которые составляют базис всех известных изданий гомеровских гимнов. Содержание кодексов варьируется, и соотношение их со списками Авриспы и Филельфо определить трудно. Особенно стоит знаменитый московский кодекс, завезенный, очевидно, в Россию монахами из Греции или Афона. Он был открыт в 1777 г. в московской синодальной библиотеке Ф. Маттэи, приобретен впоследствии Д. Рункеном и теперь хранится в университетской библиотеке в Лейдене. В этом кодексе (единственном) сохранились: весь гимн «К Деметре», стихи 422, 457, 458 гимна «К Гермесу» и фрагмент из гимна «К Дионису» (12 стихов). Эти 12 стихов гимна «К Дионису» Ф. Маттэи счел возможным объединить с фрагментом неизвестного гимна из Диодора (III 66) — так в собрании гомеровских гимнов и появился гимн XXXIV.

Вопрос о хронологии гимнов весьма сложен. Гимны I—V обычно относят к VII—VI вв. до н. э. По традиции, из дошедших до нас больших гимнов древнейшими считаются гимны «К Афродите», «К Деметре», «К Аполлону Делосскому» — их датируют обычно VII в. до н. э., гимн «К Гермесу» — VII или VI в. до н. э. Остальные гимны созданы значительно позже. Общеизвестно, что некоторые гимны, например гимн «К Пану», можно датировать не раньше V в. до н. э. Значительное число «малых» гимнов создано, безусловно, не раньше эпохи эллинизма, например гимн «К Аресу» с его астрологическим уклоном.

География создания гимнов очень пестра, большинство из них связано с местными культами, с их установлением, распространением, основанием храмов. По преимуществу это храмовые легенды, посвященные тем или иным приключениям, странствиям, подвигам богов. По классификации Р. Вунша, гомеровские гимны должны быть отнесены к разряду так называемых смешанных гимнов (*hymnoi mistoi*), где объединяются миф и просьба о даровании счастья.

Относительно того, когда именно был составлен данный сборник гимнов, единого мнения нет. Если судить по тому, что в собрание гимнов входят поздние гимны, то

* Комментарии к гомеровским гимнам и гимнам Каллимаха составлены В. П. Завьяловой.

необходимо признать, что сборник составлен не раньше эпохи эллинизма, хотя не исключена возможность, что некоторые «малые» гимны могли быть присоединены к собранию позже.

Из многочисленных изданий гомеровских гимнов назовем одно из последних: *The Homeric Hymns/Ed. by T. W. Allen, W. R. Halliday, E. E. Sikes, W. W. Merry. Oxford, 1961*; из словарей к гомеровским гимнам следует иметь в виду следующий: *Index Homericus. Appendix hymnorum vocabula continens/Composuit A. Gehring. Lipsiae, 1845*.

1. К АПОЛЛОНУ ДЕЛОССКОМУ

В «Состязании Гомера с Гесиодом» рассказывается, что, пробыв некоторое время в Аргосе, Гомер отправился на остров Делос на народное торжество и здесь, у так называемого рогового алтаря, привнес в честь Аполлона гимн, начинающийся словами: «Вспомню, — забыть не смогу, — о метателе стрел Аполлоне». За этот гимн ионяне объявили поэта гражданином своего союза, а делосцы, записав гимн на гипсовой скрижали, принесли его в дар святилищу Артемиды.

Безусловно, это только красивая легенда, но первый гомеровский гимн и на самом деле, как пишет А. Лески, «прекраснейший цветок эпической поэзии послегомеровского периода» (Lesky A. *Die homerischen Hymnen*. Bern, 1950. S. 12). Общеизвестно, что данный гимн — продукт контаминации. Вплоть до 1781 г., когда Д. Рункен во втором издании своих «Критических писем» предположил, что гимн «К Аполлону» разбивается на два самостоятельных произведения — «К Аполлону Делосскому» и «К Аполлону Пифийскому», этот гимн считался единым. Но в нем всегда различали по крайней мере три отдельные части: гимн к делосскому божеству, гимн к божеству пифийскому, отрывок из теогонического стихотворения в духе гесиодовской поэзии. Имя гимнографа неизвестно. Родина гимна — скорее всего остров Хиос. По степени близости к языку Гомера этот гимн занимает одно из первых мест. Отличительная черта этого гимна — присутствие ярко выраженного лирического, личностного начала. Поэт, воздав подобающую хвалу божеству, обращается к служителям его культа и вспоминает о тех великолепных празднествах, в которых он сам, бедный хиосский слепец, не раз принимал участие. Стихи о хиосском старце из этого гимна цитирует Фукидид (III 103).

Ст. 20—24 — здесь и далее, где сбивается нумерация, стихи считаются некоторыми издателями интерполированными (неподлинными).

Ст. 26. *Кинф* — гранитная скала, главная возвышенность острова Делос.

Ст. 27. *Делос* — самый маленький из Кикладских островов в Эгейском море, славен рождением Аполлона и Артемиды.

Ст. 30—46 — описываются скитания Латоны перед рождением Аполлона, хотя автор не указывает причину этих скитаний — гнев Геры.

Ст. 32. *Пепарет* — остров в Эгейском море; *Пейреские Эги* — островок в Эгейском море вблизи острова Хиос.

Ст. 33. *Фракийский Афон* — гора в Македонии, на южной оконечности полуострова Халкидика; *Пелион* — гора на севере Греции, в Фессалии.

Ст. 34. *Самофракия*, или Самос, — остров у Ионийского побережья Малой Азии; *Идские горы* — горная цепь в Мисии и Фригии (М. Азия).

Ст. 35. *Скирос* — остров вблизи от острова Евбея, к востоку от Аттики; *Фокея* — город на побережье Ионии (М. Азия); *Автокана* — мыс вблизи Фокеи.

Ст. 36. *Имброс* — остров у побережья Херсонеса Фракийского (сев. Греция) с городом того же названия; *Лемнос* — вулканический остров в северной части Эгейского моря, считавшийся главным местом пребывания Гефеста.

Ст. 37. *Эолион Макара*, или Макарей, — сын Эола, бога ветра.

Ст. 38. *Хиос* — остров у берегов Ионии с городом того же названия.

Ст. 39. *Мимант* — отрог хребта Тмола в Лидии (М. Азия); *Корик* — скалистый мыс на Эритрейском полуострове в Ионии.

Ст. 40. *Кларос* — город на Ионийском побережье Малой Азии с храмом и оракулом Аполлона; *Эсагея* — гора близ города Клароса.

Ст. 41. *Микале* — мыс на Ионийском побережье.

Ст. 42. *Коос* (Кос) — остров у побережья Карики (М. Азия); *Мероп* — царь древнейшего поселения на острове Кос; *Милет* — ионийский город на побережье Карики.

Ст. 43. *Книд* — мыс и город в Карики со знаменитым храмом Афродиты, в котором находилась статуя богини работы Праксителя; *Карпат* (или Карпаф) — остров на полпути между Критом и Родосом.

Ст. 44. *Рення* — небольшой островок у западного побережья Делоса; *Наксос*, *Парос* — Эгейские острова.

Ст. 47. Хотя о гневе Геры автор не говорит, но «трепетали все земли от страха» именно из-за этого.

Ст. 57, 59 — здесь и далее строка звездочек или отточий означает испорченное место.

Ст. 62. *Кей* (Кой) — один из титанов, сын Урана и Геи, муж Фебы, отец Лето.

Ст. 93. *Фемида* — олицетворение законного порядка, дочь Урана и Геи, жена Зевса; родила Ор и Мойр. *Ихнея* — чтимая в городе Ихны в Фессалии.

Ст. 94. *Рея* — дочь Урана и Геи, супруга Кроноса, мать всех Кронид. *Амфитри-та* — дочь Нерея и Дориды, одна из нерид, супруга Посейдона. *Диона* — дочь Океана и Тетии (Тетии) или Урана и Геи, титанида, мать Афродиты.

Ст. 97. *Илифия* — дочь Зевса и Геры, богиня деторождения, покровительница рожениц; впоследствии отождествлялась с Артемидой.

Ст. 102. *Ирида* — дочь Тавманта и Электры, сестра Гарпий, вестница богов.

Ст. 165—176 — стихи о хийском певце, возможно, Олене, создателе ионийских гимнов в честь Аполлона.

II. К АПОЛЛОНУ ПИФИЙСКОМУ

Во всех дошедших кодексах этот гимн составлял одно целое с предыдущим гимном. Д. Рункен первый указал, что следует разделить гимн «К Аполлону» на два самостоятельных произведения. Считается, что второй гимн, «К Аполлону Пифийскому», создан значительно позже, но до 548 г. до н. э., когда пожар уничтожил первый дельфийский храм.

Ст. 1. *Ликия* — полуостров и область на южном берегу Малой Азии. В ликийских городах Патаре и Ксанфе были знаменитые храмы Аполлона Ликийского. *Меония* — древнее название Лидии (М. Азия), впоследствии восточная Лидия.

Ст. 2. К югу от города *Милета* (М. Азия) в Дидимах находился древний, основанный раньше города, храм Аполлона Дидимского со знаменитым оракулом.

Ст. 4. *Пифон* — древнее название местности у подошвы Парнаса в Фокиде, где находился город Дельфы.

Ст. 16. *Хариты* — богини красоты и радости, дочери Зевса и океаниды Евриномы; *Оры* (или Горы) — богини времен года, ясной погоды, урожая, юности и красоты, хранительницы небесных врат, спутницы богов, преимущественно Афродиты. По Гесиоду, их было три: Евномия, Дике, Эйрена; в аттическом культе — две: Весна и Осень.

Ст. 17. *Гармония* — дочь Ареса и Афродиты, жена Кадма, мать Ино, Семелы и др. *Геба* — дочь Зевса и Геры, богиня юности, жена Геракла.

Ст. 30—34 — напоминание о любовных историях Аполлона. Согласно одной из версий, Аполлон любил дочь Флегия Корониду, которая родила Асклепия.

Ст. 31. *Азанава дочь* — Коронида, родом из Азании — области в северной Аркадии, названной по имени Азана, сына Аркада.

Ст. 32. *Исхий*, сын Елатиона — возлюбленный Корониды, которого она предпочла Аполлону.

Ст. 33. *Форбант* — по одной из версий, отец Авгия, заносчивый кулачный боец; разграбил вместе с флегийцами Дельфийский храм, но был ранен Аполлоном. *Триоп* — сын Посейдона от Канаки (отсюда Триопов род). *Амаринф* — местечко на острове Евбея с храмом Артемиды, куда ежегодно в день праздника богини направлялось торжественное шествие и где выставлялись все важные государственные документы.

Ст. 38. *Пиерия* — область в юго-западной части Македонии, родина Орфея, излюбленное место пребывания муз.

Ст. 39. *Лакмос* — северная часть горной цепи Пинда, отделяющей Фессалию от

Эпира; *Эматия* — главная область Македонии; *Эниены* (Эния) — город на побережье Халкидии, в глубине Термейского залива.

Ст. 40. *Перребы* — северо-западная часть Фессалии; *Иолак* (Иолк) — город в Фессалии, откуда начался поход аргонавтов.

Ст. 41. *Кенейский мыс* — западная оконечность острова Евбея.

Ст. 42. *Лелантская равнина* — между городами Халкидой и Эретрией, на острове Евбея.

Ст. 44. *Еврип* — пролив между Евбеей и беотийско-аттическим побережьем. Его постоянные волнения объяснялись тем, что в этом проливе семь раз в день менялось течение. Существовала даже поговорка — волноваться, быть непостоянным, словно Еврип.

Ст. 46. *Микалесс* — город в Беотии (ср. Греция); *Тевмесс* — гора близ Фив Беотийских.

Ст. 49. *Онхест* — город у Копайдского озера в Беотии с храмом и рощей Посейдона.

Ст. 62. *Кефис* — река в северной Фокиде и Беотии, впадающая в Копайдское озеро.

Ст. 63. *Лилея* — город в Фокиде.

Ст. 64. *Окалея* — город в Беотии на реке того же названия.

Ст. 65. *Галиарт* — город в Беотии на южном берегу Копайдского озера.

Ст. 66. *Тельфуса* — источник в Беотии.

Ст. 91. *Криса* — город в Фокиде со святилищем Аполлона Дельфийского.

Ст. 95. *Изпеан* — Аполлон.

Ст. 100. *Флегийцы* — фракийское племя в Фокиде.

Ст. 118. *Трофоний* — сын орхоменского царя Эргина, построивший, по преданию, вместе с братом Агамедом храм Аполлона в Дельфах.

Ст. 119 — здесь и далее звездочкой отмечены сомнительные места.

Ст. 122—126. Священный источник в Дельфах охранял дракон — чудовище Дельфиний, который был убит Аполлоном.

Ст. 128—177. Эпизод с *Тифаоном* считается вставкой в гесиодовском духе. Включение этого мифа в данном контексте оправдано тем, что именно дракону в Пифоне был отдан Тифаон (Тифон) на воспитание.

Ст. 141. *Нерей* — сын Понта и Геи, муж Дориды, отец 50 нереид, вещей морской старец. *Фетида* — морская богиня, дочь Нерея, жена Пелея, мать Ахилла.

Ст. 160—161. По одной из версий мифа, Тифаон во время поединка с Зевсом вырезал у него сухожилия и отдал их дракону Дельфинию (или драконше Дельфине), сам же обессиленный Зевс был заключен Тифаоном в Корикийской пещере (Киликия). И только когда Гермес и Пан выкрали эти сухожилия, Зевс был исцелен.

Ст. 190. *Химера* — мифическое огнедышащее чудовище в Ликии с головой льва, туловищем козы и хвостом дракона. По Гесиоду — дочь Тифаона и Ехидны, с тремя головами: льва, козы и дракона. Убита Беллерофонтом.

Ст. 191. *Гиперион* — титан, сын Урана и Геи, отец Гелиоса. У Гомера и в гомеровских гимнах отождествляется с Гелиосом.

Ст. 193—195. *Rythō* «подвергать тлению», «гноить». Отсюда дракон — Пифон и Аполлон Пифийский. В этом мифе соединяются два хтонических образа — более древний Дельфиний и Пифон, которые уступили место и оракулу новому олимпийскому богу Аполлону.

Ст. 218. *Кнос* — столица Крита во времена царствования Миноса.

Ст. 220. *Пилос* — в древности было несколько городов с таким названием. Здесь имеется в виду город на западном побережье Мессении, владение гомеровского Нестора.

Ст. 230. *Нот* — бог южного ветра, сын Астрея и Эос.

Ст. 231. *Малея* — мыс на юго-востоке Пелопоннеса.

Ст. 232. *Лаконская земля* — Спарта; *Гелос* (букв. «болото») — город в Спарте.

Ст. 233. *Тенар* — мыс на юге Пелопоннеса. Там были храм Посейдона и пещера, которая, по преданию, была входом в подземное царство.

Ст. 244. *Арена*, *Аргифея* — города в Элиде (зап. Греция).

Ст. 245. *Фриос* — город в Элиде на берегу реки Алфей; *Эли* — город Нестора в Пелопоннесе.

Ст. 247. *Круны* (букв. «ключи») — местечко в Элиде; *Халкида* — город в Элиде на реке того же названия; *Дими* — город в Ахайе.

Ст. 248. *Элида* — главный город Элиды на реке Пеней; *епейцы* — эпей — народность на севере Элиды, потомки мифического царя Элиды — Эпея.

Ст. 249. *Феры* — город в восточной Фессалии вблизи горы Пелион.

Ст. 250. *Итака* — остров в Ионийском море между побережьем Акарнании и Кефаллений, с главным городом того же названия.

Ст. 251. *Дулихий* — один из Эхинадских островов у западного побережья Этолии; *Сам* (Саме) — остров к западу от Итаки, впоследствии Кефалления; *Закинф* — остров в Ионийском море с городом того же названия.

III. К ГЕРМЕСУ

Гимн III является самым значительным по объему из «больших» гомеровских гимнов (580 ст.). Существует мнение, что конец гимна — позднейшее добавление, что гимн заканчивается на 506-м стихе. Большинство исследователей, основываясь на сообщении Плутарха, что лиру с семью струнами изобрел Терпандр, живший в VII в. до н. э., а в гимне идет речь об изобретении Гермесом лиры, считают, что гимн хронологически относится к концу VII — началу VI в. до н. э.

Ст. 1. *Майя* — дочь Атланта и Плейоны, старшая из плеяд. *Гермес* — посланец и вестник богов, исполняющий их волю, покровитель красноречия, поэтому ему предначались языки жертвенных животных; покровитель гимнастических состязаний молодежи, торговли, хитрости, ловкости и богатства; путешествий, дорог и перекрестков, а также обмана и воровства, изобретатель лиры и сиринги, алфавита и цифр, мер и весов, астрономии и музыки; он приносит людям посылаемые Зевсом сновидения и уводит в царство теней души усопших; его атрибуты — широкополая дорожная шляпа, золотой магический жезл (кадуцей), увитый белыми лентами, а впоследствии змеями, и золотые сандалины с крыльями. Существует миф о том, что, когда Гермес убил Аргуса, сторожившего Ио, боги должны были его судить. Чтобы не касаться бога, оскверненного кровью, они бросали камешки, которые образовали груды камней у ног Гермеса. Так появился обычай устанавливать гермы посреди груды камней.

Ст. 3. *Киллена* — горная цепь на северо-востоке Аркадии, место рождения Гермеса и его культа.

Ст. 25. В подлиннике — игра слов: *chélus* «черепаха» и «лира».

Ст. 68. *Гелий* (Гелиос) — бог солнца, сын титанов Гипериона и Тейи, брат Селены и Эос; считался всевидящим и всеслышающим богом; впоследствии его стали отождествлять с Аполлоном.

Ст. 74. *Аргуса зоркий убийца* — обычный эпитет Гермеса. Но уже античные комментаторы считали его послегомеровским (Schol. Hom. II. II 103; XXIV 24), поскольку ни у Гомера, ни у Геснода эпизод с убийством Аргуса не встречается.

Ст. 88. *Олхест* — см. выше комм. к ст. 49 гимна II.

Ст. 101. *Алфей* — главная река Пелопоннеса, протекающая через Аркадию и Элиду и впадающая в Ионийское море.

Ст. 158. *Летоид* — Аполлон, сын Лето.

Ст. 183, 396. *Эгидодержавный, Эгидодержавец* (щитодержец) — эпитет Зевса.

Ст. 221. *...луг асфodelьный*. — Асфodelь — растение, стебель которого похож на стебель лилии, с особыми наростами у корня, очевидно, употреблявшимися в пищу.

Ст. 331. *...с видом герольда?* — В подлиннике — *cégucos* «глашатай».

Ст. 372. *...ни свидетелей, ни понятых из бессмертных*. — В подлиннике: «...свидетелей хорошо известных из богов блаженных».

Ст. 429. *Мнемосина* — дочь Урана, одна из титанид, мать муз.

Ст. 529. *Посох... трилистный* — волшебный жезл — атрибут Гермеса. По версии, отличной от гимнической, жезл вестника Гермеса венчают две змеи — в память о том, что Гермес бросил свой жезл в двух дерущихся змей.

Ст. 551. *Эгиох* «щитодержец» — одно из имен Зевса.

Ст. 552. *Фрии* — три вещи парнасские нимфы, вскормившие Аполлона.

IV. К АФРОДИТЕ

В гимне изображается эпизод посещения богиней любви Афродитой пастуха Ан-

хиса (в переводе Вересаева — Анхиз) на горе Иде. От этого брака рождается Эней, родоначальник славного рода Энеадов. Впоследствии Анхис хвастливо поведал людям о любви богини, за что был наказан: по одной версии, он был убит молнией Зевса, по другой версии, был только ослеплен этой молнией, по третьей — молния лишила его жизненных сил. У Вергилия во время взятия Трон греками Эней уносит из горящего города своего отца; Анхис сопровождает Энея во всех его странствиях по морю. Умирает Анхис в Сицилии, где его и хоронят. Считается, что гимн «К Афродите» по языку самый «гомеровский» — ближе всего к эпической гомеровской традиции. Время создания гимна весьма спорно.

Ст. 1. *Киприда* — Афродита, у Гомера — дочь Зевса и Дионы, у Гесиода — рожденная из морской пены богиня любви и женской красоты, жена Гефеста (по другой версии — Ареса). Вышла на сушу на острове Кипр, откуда — Киприда.

Ст. 6. *Киферея* — одно из имен Афродиты, происходящее от острова и города Кифера (Китера, Питера), у входа в Лаконский залив; колонизован в древнейшие времена финикийцами. Был известен культом Афродиты.

Ст. 21. *Гестия* (Гистия) — дочь Кроноса и Реи, иногда отождествляется с Реей; богиня — хранительница домашнего очага, позднее города, всей Эллады и, наконец, всей земли как средоточия мира.

Ст. 22—23. О двух версиях рождения Афродиты см. далее, комм. к орф. гимну LV.

Ст. 59. *Пафос* — город на юго-западном побережье Кипра с известным храмом Афродиты.

Ст. 177. *Дарданиды* — потомки Дардана, троянцы.

Ст. 198—199. *...будет Эней, потому что в ужасном горе была я...* — Эней (гр. αἴνος) «ужасный».

Ст. 202. *Ганимед* — сын троянского царя Троса и нимфы Каллирои. Из-за своей необычной красоты был похищен Зевсом, превратившимся в орла, и унесен на Олимп, где исполнял обязанности виночерпия, разливая богам на пирах нектар.

Ст. 207. *Трос* (Трой) — сын фригийского царя Эрихтония, внук Дардана, отец Ганимеда, мифический основатель Трои.

Ст. 218. *Тифон* — сын Лаомедонта, царь Фригии, муж Эос.

Ст. 263. *Силены* — сельские божества, близкие к сатирам.

Ст. 280. *Илион* — Троя.

V. К ДЕМЕТРЕ

Это второй по величине из «больших» гомеровских гимнов. Сюжетом гимна послужила история похищения владыкой подземного царства Андом Персефоны, дочери богини плодородия Деметры. С этим связывается в гимне миф об основании культа этих богинь в Элевсине и устройстве там происходящих мистерий.

О времени создания гимна мнения ученых расходятся. Одни считают, что гимн создан не ранее VI в. до н. э., т. е. после присоединения Элевсина к Афинам; по мнению других, гимн мог появиться раньше (ср.: Деревицкий А. Н. Гомерические гимны. Харьков, 1889. С. 83—86). В этом гимне мы находим древнейшее свидетельство об основании тайного элевсинского культа, имевшего огромное значение в истории развития греческой религии.

Ст. 3. *Аидоней* — Аид, владыка подземного мира и царства мертвых, муж Персефоны, отец Коры.

Ст. 9. *Полидект*, или Полидегмон, «вмещающий, принимающий многих» — одно из имен Анда.

Ст. 17. *Нисийская равнина* — Ниса — название городов в Беотии, Фракии, Каппадокии и др.

Ст. 25. *Геката* — дочь Персея и Астерии, по другой версии — Зевса и Деметры, богиня подземного мира, позже — богиня Луны; отождествлялась также и с Артемидой.

Ст. 47. *Део*, т. е. Деметра.

Ст. 96. *Келей* (Келий) — царь Элевсина, муж Метанеры, отец Демфонта и Триптолема.

Ст. 97. *Элевсин* — город и дем в Аттике, к северо-западу от Афин, главный центр культа Деметры и Персефоны.

Ст. 99. *Парфенийский колодец* — «девичий колодец» у Элевсина.

Ст. 126. *Форикос*, или Торик, — один из 12 древнеаттических городов на северо-восточном побережье Греции, к северу от Сунийского мыса.

Ст. 153. *Триптолем* — царь Элевсина, мифический изобретатель плуга; научил людей земледелию, после смерти — судья в подземном царстве; *Диокл* — царь Элевсина.

Ст. 154. *Долих* — царь Элевсина; *Поликсен* — царь Элевсина. *Евмолп* — сын Посейдона и Хионы, уредитель элевсинских мистерий.

Ст. 195—202. *Ямба* — служанка в доме Келея. Ее имя, по-видимому, может объяснить название стихотворного размера — ямба, первоначально использовавшегося в стихотворных шутках и остротах («ямбах»), которыми обменивались участники Элевсинских празднеств.

Ст. 209. *Полей* — разновидность мяты.

Ст. 262. *Керы* — богини насильственной смерти, гибели, рокового конца.

Ст. 272. *Каллихор* — священный источник близ Элевсина.

Ст. 335. *Эреб* — подземное царство мрака, через которое тени усопших проникают в Аид.

Ст. 450. *Рарион*, или Рария, — равнина близ Элевсина.

Ст. 491. *Антрон* — город в Фессалии.

VI. К АФРОДИТЕ

Ст. 4. *Зефир* — бог западного ветра, сын Астрея и Эос.

VII. ДИОНИС И РАЗБОЙНИКИ

Ст. 1. *Дионис* (Вакх, Иакх, Бромий, Эвий) — сын Зевса и Семелы, дочери Кадма и Гармонии, рожденный ею преждевременно и доношенный в бедре Зевса, поэтому дваждырожденный и имеющий двух матерей (традиционные эпитеты Диониса), бог вина, виноделия, производительных сил природы, поэтического вдохновения, театрального искусства и веселых народных сборищ.

Ст. 8. *Мужи тирренские* — жители Тиррении, т. е. Этрурии.

Ст. 29. *Гиперборейцы* — мифический народ, живущий на крайнем севере.

VIII. К АРЕСУ

Ст. 1. *Арес* (Арей) — сын Зевса и Геры, бог войны и воинских доблестей.

Ст. 7. *Семипутные светила* — согласно учению пифагорейцев и Платона, сфера, составляющих космос, семь: сфера Луны, Солнца, Венеры, Меркурия, Марса, Юпитера и Сатурна. Звезды располагаются по этим семи сферам, или по семи путям.

Ст. 8. *Третий круг* — о названиях планет Платон подробно говорит в «Послезаконии» (987 b—d), где называет звезду Ареса — Марс (с красноватым оттенком; поэтому Арес назван огненным). Сфера Марса — третья после Сатурна и Юпитера, поэтому *третий круг*.

IX. К АРТЕМИДЕ

Ст. 3. *Мелит* — река в Ионии.

Ст. 4. *Смирна* — главный город Ионии, на берегу Смирнейского залива.

Ст. 5. *Кларос* — см. выше, комм. к гимну I ст. 40.

X. К АФРОДИТЕ

Ст. 4. *Саламин* — город на восточном побережье Кипра (не путать с о. Саламином).

XI. К АФИНЕ

Ст. 1. *Паллада* — эпитет Афины. По одной версии, во время битвы с гигантами Афина содрала кожу с Паланта и покрыла ею свое тело во время сражения (Аполлодор I VI. 2). По другой — этот эпитет связан с представлением о священном Палладии — изображении самой Афины или ипостаси Паллады (подруги Афины, нечаянно ею убитой).

XII. К ГЕРЕ

Ст. 1. *Гера* — старшая дочь Кроноса и Реи, сестра и супруга Зевса, мать Ареса, Гефеста и Гебы.

XIV. К МАТЕРИ БОГОВ

Ст. 1. *Мать всех бессмертных богов* — она же Великая мать богов. Отождествлялась по своим функциям с Реей, дочерью Урана и Геи (см. подробнее комм. к орф. гимну XXVII).

XV. К ГЕРАКЛУ ЛЬВИНОДУШНОМУ

Ст. 1. *Геракл* — сын Зевса и Алкмены, главный герой греческой мифологии. Гера неутомимо преследовала его от колыбели до мучительного самосожжения на горе Эта.

Ст. 4. *Еврисфей* — царь Тиринфа, или Микен, на службу к которому поступает Геракл и по требованию которого выполняет 12 подвигов.

Ст. 8. *Геба* — дочь Зевса и Геры, супруга Геракла после его обожествления.

XVI. К АСКЛЕПИЮ

Ст. 1. *Асклепий* — сын Аполлона и Корониды, бог врачевания.

Ст. 3. *Флегий* — мифический родоначальник флегиев (фракийского племени в Фокиде), отец Иксионы и Корониды, дед Асклепия. *Дотий* — город и равнина в Фессалии, близ Оссы.

XVII. К ДИОСКУРАМ

Ст. 1. *Кастор* и *Поллидевк* — Диоскуры, «отроки Зевса», братья-близнецы — *Тиндариды*, участники похода аргонавтов и Калидонской охоты; после их смерти и апофеоза — покровители путешественников, гостеприимства и конных состязаний.

Ст. 3. *Тайгет* — горная цепь вдоль спартанско-мессенской границы.

XVIII. К ГЕРМЕСУ

Ст. 1. *Гермес* — сын Зевса и Майи, родился в пещере горы Киллены — отсюда его эпитет Килленский.

XIX. К ПАНУ

Ст. 1. *Пан* — сын Гермеса (или Зевса), козлоногий и рогатый бог лесов, пастбищ и скота, изобретатель пастушеской свирели, чтившийся преимущественно в Аркадии.

Ст. 34. *Дочь Дриона* («дубовидного») — нимфа Дриона.

XX. К ГЕФЕСТУ

Ст. 1. *Гефест* — сын Зевса и Геры, бог огня и кузнечного мастерства; на Олимпе он имеет свою мастерскую, на земле его излюбленное место пребывания — остров Лемнос. Гефест преимущественно почитался в Афинах как бог ремесел.

XXI. К АПОЛЛОНУ

Ст. 1. *Феб* — эпитет Аполлона, указывающий на чистоту, блеск (*phoibos*), способность к прорицаниям (*phoibadzō*). В зооморфной стадии мифологии Аполлон полностью отождествлялся не только с вороном, мышью, волком, бараном, но и с лебедем.

Ст. 2. *Пеней* — главная река Фессалии (сев. Греция).

XXII. К ПОСЕЙДОНУ

Ст. 3. *Геликон* — горная гряда в Беотии, на которой, по преданию, обитали музы; *Эги* — город в Ахайе на берегу Коринфского залива с храмом Посейдона.

Ст. 4. *Колебатель*, или Землеколебатель (*enasichthōn*), — гомеровский и гесиодовский эпитет Посейдона.

Ст. 5. *Диких коней укрощать...* — Посейдон в зооморфных ипостасях — конь и бык; связан с плодородием и неиссякаемой порождающей силой земли.

...спасть корабли от крушенья. — Культ Посейдона связан прежде всего с почитанием его как бога моря; родосцы, например, чтити Посейдона Асфалея — «дарующего безопасность» на море.

XXIII. К ЗЕВСУ

Ст. 1. *Зевс* — сын Кроноса и Реи (отсюда имена Зевса — Кронид, Кронион). Зевс — покровитель общности людей, городской жизни, защитник обиженных и покровитель молящих; ему повинуются другие боги, поэтому его постоянные эпитеты «меж богов величайший и лучший». У Гомера Зевс «громовержец», «высокогремющий», «тушегонитель», насылающий на Землю ветры, дожди и ливни.

XXV. К МУЗАМ И АПОЛЛОНУ

Ст. 1. *Музы* — дочери Зевса и Мнемосины, богини поэзии, искусств и наук. Вначале их было только три: Мелета (опытность), Мнема (память) и Аойда (песня). Но уже у Гомера их девять: Клио — муза истории, Евтерпа — лирической поэзии, Талия — комедии, Мельпомена — трагедии, Терпсихора — танца, Урания — астрономии, Эрато — любовной поэзии, Полигимния — гимнической поэзии, Каллиопа — эпической поэзии.

XXVI. К ДИОНИСУ

Ст. 2—5. *Семела*, дочь фиванского царя Кадма, по наущению ревнивой Геры попросила Зевса явиться к ней во всем своем величии, и тот, представ в сверкании молний, испепелил огнем смертную Семелу и ее дворец. Зевс, однако, успел выхватить из пламени Диониса, появившегося на свет недоношенным, и зашил его в свое бедро. В положенное время Зевс родил Диониса, распустив швы на бедре, а потом отдал его через Гермеса на воспитание нимфам, обитающим в долинах около горы Нисы.

XXVII. К АРТЕМИДЕ

Ст. 1. *Артемиды* — дочь Зевса и Лето, сестра-близнец Аполлона, богиня охоты. Она проводит время в лесах и на горах, охотясь в окружении нимф-подруг, тоже охотниц. Артемиды вооружена луком, и ее сопровождает свора охотничьих собак.

XXVIII. К АФИНЕ

Ст. 1—9. *Паллада Афина* — богиня мудрости и справедливой войны. Зевс, зная о том, что его сын от Метиды лишит его власти, проглотил свою беременную супругу и затем при помощи Гефеста (или Прометея), расколовшего ему голову топором, сам произвел на свет Афину, которая появилась из его головы в полном боевом во-

оружии и с воинственным кличем. Это произошло у озера (или реки) Тритон в Ливии, поэтому Афина имеет эпитет Тритонида, или *Тритогея*.

Ст. 9. Атрибуты Афины — змея и сова, поэтому ее постоянный эпитет «совокая» или «светлокая».

Ст. 13. *Гиперионов сын* — Гелиос.

XXX. К ГЕЕ, МАТЕРИ ВСЕХ

Ст. 1. *Гея* — мать-Земля. Гея родилась вслед за Хаосом. Она одна из четырех первопотенций — Хаос, Земля, Тартар, Эрос. Она сама из себя породила Урана (Небо) и взяла его в супруги. Вместе с Ураном они породили шесть титанов и шесть титанид, среди которых Кронос и Рея, родители Зевса. Образ Геи частично воплотился в Деметре с ее благотворными для человека функциями, в богине-матери с ее неиссякаемым плодородием.

XXXI. К ГЕЛИУ

Ст. 1. *Каллиопа* — муза эпической поэзии.

Ст. 2. *Гелий* (Гелиос) — см. выше, комм. к ст. 68 гимна III.

Ст. 6. *Эос* — богиня утренней зари, дочь титана Гипериона и Эйрифаессы, а по другой версии — титаниды Тейи. Гомер описывает Эос «розоперстую». *Селена*, дочь титанов Гипериона и Тейи, сестра Гелиоса и Эос, олицетворение луны. Отождествлялась с Артемидой и Гекатой.

XXXIV. ОТРЫВКИ ГИМНА К ДИОНИСУ

Ст. 1. *Дракон* — город и мыс на Икарии (остров Икара), у побережья Малой Азии, к западу от Самоса.

Ст. 2. *Наксос* — самый крупный из Кикладских островов; *Алфей* — самая большая река Пелопоннеса.

Ст. 21. *Фиона* (Тиона «неистовая») — имя Семелы после ее обожествления.

Гимны Каллимаха

Гимны Каллимаха даны в нашем собрании в переводе С. С. Аверинцева, впервые напечатанном в изд.: Александрийская поэзия/Сост. М. Е. Грабарь-Пассек. М., 1972 (с отдельными изменениями, внесенными переводчиком).

Каллимах — глава александрийской школы поэтов, «ученый» поэт (*poeta doctus*), чье трудолюбие и эрудиция удивляли современников и потомков. «Суда» называет Каллимаха автором более 800 книг. Среди них — известнейшие в античности «Таблицы», поэма «Причины» (наиболее знаменитое в древности произведение поэта), эпиллии «Гекала» и «Победа Береники», считавшиеся манифестом новой литературной школы; популярные у эллинистических авторов произведения «Волосы Береники» и «На смерть Арсиной»; поражавшие современников широтой поэтических экспериментов «Ямбы», эпиграммы (до нас дошли 64 эпиграммы) и многое другое.

Единственное из наследия Каллимаха, что дошло до нас целиком, — это гимны. Все шесть гимнов сохранились в одной рукописи XI—XII вв. и вместе с гомеровскими, орфическими гимнами, гимнами Прокла и др. были привезены в 1423 г. в Венецию сицилийцем Дж. Авриспой из Константинополя. Эпиграмма (возможно, VI в. н. э.), которая сохранилась вместе с каллимаховскими гимнами, свидетельствует о том, что некто неизвестный выбрал гимны из собрания каллимаховских произведений, скорее всего не раньше VI в. (а возможно, и не раньше IX/X в.). В этой же эпиграмме все шесть гимнов перечисляются именно в той последовательности, в какой их принято издавать: первым всегда идет гимн «К Зевсу», вторым — «К Аполлону», третьим — «К Артемиде», четвертым — «К Делосу», пятым — «На омовение Паллады» и

шестым — «К Деметре». Так как нигде не обнаружено ни одного свидетельства, что существовал еще какой-нибудь гимн Каллимаха, мы можем считать, что располагаем действительно полным циклом гимнографических произведений поэта.

Очевидно, в течение веков, до прихода арабов, гимны Каллимаха переписывались в Египте, о чем свидетельствуют 10 папирусов, дошедших до наших дней (Pfeiffer R. *Prolegomena ad hymnos et epigrammata/Callimachus/d.* R. Pfeiffer. Oxford, 1951. V. II. S. 51—94). Все эти папирусы, вернее небольшие папирусные полоски, датируются от I в. до н. э. до VI—VII вв. н. э. и содержат небольшие фрагменты из пяти гимнов — I—IV и VI. Считается случайностью, что до сих пор не найдено ни одного папирусного фрагмента из гимна V.

С рукописи, привезенной Авриспой в 1423 г. в Европу, были сделаны два списка, послужившие прототипами для девяти копий. Из них Codex Laurentianus был взят за основу для первого издания гимнов, осуществленного И. Ласкарисом во Флоренции в 1494 г. О. Шнейдер (1870) собрал все 33 кодекса, известных в его время, и издал гимны со всеми разночтениями, учитывая работу над текстами гимнов Р. Меркеля, Г. Кейля, К. Дильтея, А. Мейнеке и др. (Schneider O. *Hymni cum scholiis veteribus ad codicum fidem recensiti et emendati, epigrammata recognita, excursus additi.* Lipsiae, 1870—1873). И уже У. Виламовиц-Меллендорф, предпринимая свое издание гимнов (1882) на основе издания О. Шнейдера, восстановил предполагаемый архетип (Callimachus. *Hymni et epigrammata/Quartum edidit U. de Wilamowitz-Moellendorff.* Editio sexta ex editione anni 1925 lucis ore expressa. Berolini, 1962).

Последнее полное издание Каллимаха — стереотипное издание Р. Пфейффера 1965 г.: Callimachus/Ed. R. Pfeiffer. Oxford, 1949, 1953. V. I—II; Callimachus/Ed. R. Pfeiffer. Oxonii, 1965. V. I (fragmenta). V. II (hymni et epigrammata). Э. Фернандес-Галиано выпустил четырехтомный словарь к гимнам Каллимаха; автор, основываясь на лексикографических принципах Б. Снелля, исследует каждое слово в четырех главных аспектах: этимология, грамматика, метрика, семасиология (Lexico de los himnos de Calimaco/Per E. Fernandez-Galiano. Madrid, 1976—1980. V. I—IV).

I. К ЗЕВСУ

Вопросы хронологии гимнов вызывают много споров, но в отношении гимна I мнения почти всех исследователей совпадают: гимн был написан в 280—275 гг. до н. э. Можно предположить, что этот гимн — нечто вроде «официальной кантаты», в которой есть тонкая лесть, рассчитанная на умение образованного правителя и многих других читать между строк. Эта лесть была предназначена для ушей Филадельфа. Птолемей II вступил на престол (283 г. до н. э.) в очень сложной и трудной обстановке, но в 275—270 гг. до н. э. наступило время внутренней и внешней стабилизации, настал период наивысшего процветания Египта и наибольшего его блеска.

При Птолемах в Александрии создалась совершенно особая среда, особая культурная атмосфера со своими традициями и стилем: греко-ионийское общество в египетском окружении. Весьма соблазнительна гипотеза о том, что как в Вергилии мы можем видеть олицетворение соответствующих понятий и дух протомеевского двора.

Именно это обстоятельство применительно к гимну I дает ключ к объяснению столь радикальных и столь сложных по направленности трансформаций жанра гимна, когда наряду с констатацией фиксированной и замкнутой темы (традиционная мифологическая narratio — история рождения Зевса) утверждается новое современное содержание. «Содержание гимнов не чисто мифологическое, но личное и политическое — в гимнах I, II, и IV отчетливо звучат слова о египетском царе» (Herter H. *Callimachus aus Kyrene/P.* W. R. E. Stuttgart, 1931. Suppl. 5. S. 437).

В гимне I «К Зевсу» условной ситуацией, фоном для мифологической narratio является описание пира, симпозиа (1—9). Слова aeidein «воспевать» и para sponteisin «при возлияниях» содержат выразительное указание на то, где, когда и каким образом представлять исполнение гимна. Но внешняя сторона обстановки выражена по сравнению с другими, более поздними, гимнами еще недостаточно ярко: основной интересующий поэта момент — диалог. Поэт с удовольствием и даже азартом разыгрывает две версии о рождении Зевса — официальную, критскую, и местную, аркадскую. При этом Каллимах с отчетливой иронией противопоставляет друг другу обе точки зрения и допускает, как пишет Э. Ховальд, «фривольный компромисс»

(Howald E., Staiger E. Die Dichtungen des Kallimachos. Zürich, 1955. S. 42). Следуя канонам жанра симпозиа, поэт основное внимание уделяет «беседе взаимной», спору. Живая атмосфера дискуссии ясно ощущается, например, в стихах 60—65, где поэт ставит под сомнение вопрос о разделе мира между богами. Затем Каллимах резко меняет тему — от хвалебной песни Зевсу он переходит к восхвалению Птолемея. Поэт еще, кажется, только пробует себя в новом для него жанре гимна. Поэтому стилистическое отличие этого гимна от других весьма ощутимо. Здесь, как пишет Э. Ховальд, «еще отсутствует встреча с божеством, отсутствует смелость изображения, тут только мысль о том, как открыть страстное внутреннее волнение в форме религиозно-переживания, создать свои формы выражения» (Howald E., Staiger E. Op. cit. S. 42).

Налицо некоторая внутренняя противоречивость, смешение двух планов: традиционно-мифологического и реально-исторического; желание сделать реальность мифом, но мифом нового, не эпического порядка, а традиционный миф с высоты александрийского просвещенного скептицизма дать почти в бытовом, прозаическом аспекте привело к стилистической и языковой пестроте и разнородности. С одной стороны, в мифологической паггатио обнаруживается четкая тенденция к употреблению гомеровских эпических форм и формул. С другой стороны, во всех остальных эпизодах и стихах гимна — намеренный отказ от гомеровской четкости и ясности, намеренное изменение гомеровского языка. Лучшим подтверждением негомеровской ориентации во второй части (и уже в конце первой части) служит весьма ощутимая гесиодовская окраска. Каллимах высоко ценил Гесиода, много раз называл его «Труды и дни» «приятнейшим эпосом». В гимне I помимо гесиодовской цитаты «от Зевса цари» влияние Гесиода обнаруживается в целом ряде словоупотреблений. Общий нравоучительно-дидактический, афористический тон второй половины гимна также свидетельствует о влиянии Гесиода.

Ст. 4. *Зевс Диктейский* — назван по имени горы и пещеры на Крите. *Зевс Ликейский* — назван по имени аркадской горы Ликейон.

Ст. 6. *Ида* — гора в центре Крита, где родился Зевс.

Ст. 8. «*Критяне все-то солгут*»... — Возможно, цитата из Эпименида с острова Крит, современника семи мудрецов, к которым его иногда причисляют.

Ст. 10. *Паррасия* — гора в Аркадии. Позже область южной Аркадии с восемью городами.

Ст. 14. *Апиданы* — древнейшие жители Пелопоннеса.

Ст. 18. *Ладон* — река в Аркадии, правый приток Алфея.

Ст. 19. *Эриманф* — правый приток Алфея.

Ст. 21. *...пояс расторгла* (букв. «развязала пояс») — перифраза: собралась родить.

Ст. 22. *Иаон* — приток Алфея.

Ст. 23—26. *Меланф, Карион, Крафиса, Метона* — реки в Аркадии.

Ст. 33—36. *Неда, Стикса, Филфра* — нимфы-океаниды, они же нимфы одноименных рек.

Ст. 39. *Кавконы* — народ, живший в древнейшие времена в Пелопоннесе.

Ст. 40. *Нерей* — сын Понта и Геи, отец nereид.

Ст. 41. *...Ликаонской медведицы племя* — жители Аркадии. Ликаонская медведица — Каллисто, дочь Ликаона, царя Аркадии. Каллисто была охотницей и спутницей Артемиды; Аркад, предок жителей Аркадии, рожден Каллисто от Зевса. Гера превратила ее в медведицу, в этом виде Каллисто была случайно убита Артемидой на охоте. Зевс даровал ей бессмертие и поместил среди звезд под именем Аркты.

Ст. 42. *Фены* — город на Крите; *Кнос* — город на Крите, столица при Миносе.

Ст. 45. «*Пуповый*» *дол* — в центре Крита; *кидонийцы* — народ, живший на Крите.

Ст. 46. *Корибанты* — жрецы Кибелы во Фригии; сопровождали богиню оргиастическими танцами и шумной музыкой.

Ст. 48. *Адрастея* — дочь Мелисея, воспитательница Зевса, сестра куретов; также одно из имен фригийской богини Кибелы.

Ст. 49. *Амальфея* — коза, вскормившая Зевса молоком и медом. Отсюда выражение «рог Амальфея», что означает «рог изобилия».

Ст. 51. *Панакры* — горы на Крите, отроги Идейских гор.

Ст. 52. *Куреты* — жрецы Зевса на Крите. Обряды их сопровождалась оглушительным шумом и танцами с оружием в руках. Позднее этот шум и танцы были осмыслены как традиционные в память о том шуме, который они производили, чтобы заглушить плач младенца Зевса и тем самым спасти его от Крона. Предполагают, что этот обряд может восходить к действительно существовавшему обычаю отпугивать от колыбели младенцев злых духов.

Ст. 61. *Кронида* — Зевс, Посейдон, Аид.

Ст. 68. *Наилучшая птица* — перифраза: орел, вестник Зевса.

Ст. 77. *Хитона* — культовое имя Артемиды.

Ст. 80. ...*«от Зевса цари»* — цитата из «Теогонии» Гесиода.

Ст. 87. *Наш государь* — скорее всего имеется в виду Птолемей II Филадельф.

II. К АПОЛЛОНУ

О гимне II Каллимаха «К Аполлону» написано гораздо больше, чем о каком-либо другом гимне цикла. В свое время достаточно полную интерпретацию гимн получил у У. Вилламовица, не раз обращавшегося к нему и трактовавшего его как «чисто политическую, целевую поэзию» (Wilamowitz-Moellendorf U. Hellenistische Dichtung in der Zeit des Kallimachos/2. Aufl. Berlin, 1962. S. 210). По мнению многих исследователей, Каллимах, базируясь на старой гимнической традиции, создает «современный политический манифест» (Wimmel W. Kallimachos in Rom. Die Nachfolge seines apologetischen Dichtens in der Augustuszeit. Wiesbaden, 1960. S. 59). Именно этот гимн, по общему признанию, обладает наибольшей полнотой выражения лирического начала. Это самый неэпический гимн из всего цикла, он дальше всех отстоит от гомеровской традиции, поскольку элемент рассказа здесь отсутствует почти совсем.

Датировка гимна получила убедительное доказательство сравнительно недавно. Благодаря работам П. фон дер Мюлля теперь доказано, что гимн «К Аполлону» был написан в начале 60-х годов III в. до н. э. (Mühlh P. von der. Die Zeit des Apollonhymnus des Kallimachos//Museum Helveticus, 1958. V. 15. N 1—2. S. 10), Г. Кранц в диссертации, посвященной гимнам «К Аполлону» и «К Делосу» доказывает, что гимн «К Аполлону» отчетливо обнаруживает три направления: ритуальное, политическое и чисто личное.

Аполлон — покровитель родного города поэта — Кирены. Отношения Кирены и Птолемеев складывались сложно. Стоит вспомнить, что предшественник Птолемея II Филадельфа Птолемей I совершил три военных похода на Кирену (322, 313, 308/307 г. до н. э.), причем второй поход был предпринят в ответ на восстание киренян против Птолемея. Вместе с тем во время власти Фиброна над Киреной часть ее граждан бежала под защиту Птолемея, и вторжение Птолемея в Кирену в 322 г. ставило целью возвращение эмигрантов на родину (в киренской политике, найденной при итальянских раскопках в Кирене, вопросу об эмигрантах уделяется особое место). При Птолемее II отношения Египта и Кирены складываются спокойнее. Дочь правителя Кирены Магаса была помолвлена с сыном Птолемея II Птолемеем III. В результате в 248/247 г. до н. э. Кирена вошла в состав птолемеевой державы.

Птолемей, как явствует из конечных стихов гимна II, оказывал личную поддержку поэту, защищал его и его поэзию от нападков противников. Для Каллимаха это, пожалуй, главная причина написания гимна.

Основная тема гимна достаточно неожиданна для гимнического жанра — поэт не останавливается ни на истории рождения бога, ни на истории основания в его честь храма, ни вообще на каком-либо отдельном законченном эпизоде. В данном случае Аполлон интересен для Каллимаха с точки зрения проявления своей божественной сущности, с точки зрения своих функций, но поэт бегло и вскользь говорит об Аполлоне-стреловержце (II 43), об Аполлоне — покровителе поэзии, пения, музыки (II 43), об Аполлоне — боге предсказаний и оракулов (II 45), об Аполлоне-исцелителе (II 46) (ср.: в платоновском «Кратиле» разбираются именно эти четыре функции классического Аполлона). Центральной, наиболее разработанной в данном гимне функцией Аполлона является созидательная. Аполлон — основатель и охранитель городов, учредитель колоний (у Гомера Аполлон сам выстроил стены Трои, ср. Ил. VII 452). В эллинистической литературе популярной становится пастушеская функция Аполлона (ср. Феокрит 25, 21; Аполлоний Родосский IV 1218), Каллимах не только

упоминает об этом в стихе «Феба зовем мы Пастушеским» (II 47), но и касается забытого эпизода, когда сам Аполлон пас стада Адмета у Лаомедонта (Ил. II 760, XXI 446).

Достаточно сложна и рафинированна композиция гимна II. В частности, здесь, как и в гимнах V и VI, Каллимах использует одно из средств имитации божественного явления, а именно эпифанию божества.

В гимне II обращает на себя внимание полиномия Аполлона. Обычно полиномию связывают с распространением культа, с увеличением мест почитания данного бога, с основанием новых храмов, алтарей, жертвенников и т. д. И действительно, культ Аполлона в птолемеевском Египте, и прежде всего в период правления Птолемея II Филадельфа, приобретает совершенно исключительное значение. Это связано в первую очередь с внешнеполитическими устремлениями Египта, с его борьбой за Эгиду и Балканы, где культ Аполлона был широко распространен; культ Аполлона распространился и в Припонтийских странах, включая Кавказ: в некоторых черноморских городах Аполлона чтили как основателя. И как раз во время правления Птолемея II намечается тенденция к укреплению связей между Египтом и городами Понта, что подтверждается свидетельством из архива Зенона, в котором говорится о прибытии посольства от понтийского царя Перисада.

Поэтический язык гимна II убеждает во внутренней перестройке художественной образности, которая происходит под специфическим углом зрения — автор, в совершенстве владеющий всем богатством литературных традиций, знающий все тоны и полутоны, которыми снабжено каждое слово в конкретном контексте Гомера, то соглашается с великим эпиком, то резко ему себя противопоставляет. При этом наглядность представления, идущая от мифологической традиции, реализуется в отдельных небольших картинах, в которых Каллимах краткими штрихами образно поясняет миф. Это как раз те небольшие эпизоды, которые играют роль этиологий, номинаций или характеристики функций бога и составляют, как в калейдоскопе, пеструю ткань содержания гимна. Именно в этих разрозненных, небольших группах стихов автор сохраняет элемент рассказа, эпическую, гомеровскую традицию.

Ст. 19. *Ликорейский Феб* — Ликорей — южная вершина Парнаса. По другому толкованию, Каллимах использовал эпитет Аполлона — ликорейский — в значении «волчий» (от гр. *lykos*), подчеркивая функцию Аполлона — хранителя от волков.

Ст. 20. *Фетида* — жена Пелея, мать Ахилла; оплакивает своего сына, убитого во время осады Трои.

Ст. 22—23. *...камень ...слезоточивый утес фригийский...* — Подразумевается Ниоба, превращенная богами в камень за свое высокомерное желание соперничать с Лето. Миф о Ниобе у некоторых alexсандрийцев вызывал сомнение. Каллимах этими стихами вступает с ними в полемику.

Ст. 26—27. *...с моим... владыкой...* — Возможно, подразумевается Птолемей. Однако, по мнению У. Виламовица, а теперь и К. Мелье, в данном случае Каллимах имеет в виду царя Кирены Магаса.

Ст. 33—34. Описание внешности Аполлона строится так же, как в гомеровском гимне II (270—273). *Ликтийский лук* — критский лук; Ликт — город на Крите.

Ст. 35. *Пифон* — местность в Фокиде, где находился храм Аполлона со знаменитым оракулом.

Ст. 40. *Панакея* — лекарство от всех болезней.

Ст. 48. *Амфрисса* — река в Фессалии, впадает в Пагасейский залив.

Ст. 49. *Адмет* — сын Ферета и Климены, царь Фер в Фессалии, аргонавт, муж Алкесты.

Ст. 59. *Ортигия* — старое название Делоса.

Ст. 59—64 — описание знаменитого в древности храма на Делосе. Очевидно, здесь был алтарь Аполлона Генетора, где, согласно Плутарху, жертвы были растительные — цветы асфодели и мальвы.

Ст. 65—68 — описание оракула Аполлона. О нем же читаем у Геродота (IV 47) и у Пиндара (Пиф. IV 6). Согласно преданию, дорийское племя в VII в. до н. э. основало город Кирену в Ливии; *Батт* — потомок аргонавта Евфема, мифический основатель Кирены, родины Каллимаха.

Ст. 69. *Боздромий* — эпитет Аполлона как помощника в битве афинянам. Культ, характерный для Афин и Фив.

Ст. 70. *Кларий* — эпитет Аполлона по имени популярного в эллинистическое время храма в Кларосе на Ионийском побережье Малой Азии.

Ст. 71. *Карней* — первоначально додорийское божество (Карн — демон плодородия, сын Зевса и Европы), позднее дорийский бог. Под этим именем Аполлон особо почитался в Спарте, Фере и Кирене.

Ст. 74. Аполлон особо покровительствовал «шестому» поколению Эдипа, дорийскому племени, выходцам с острова Фера, предводителем которых был Батт.

Ст. 76. *Аристотель* — первоначальное имя Батта; *Асбистийская земля* — Киренаика.

Ст. 86. *Карнейские торжества* — праздник в честь Аполлона-Карнея.

Ст. 89. *...из Кирейской струи...* — Кира — посвященный Аполлону источник в Ливии, где позднее была основана Кирена; *Азила* — город и река в Киренаике.

Ст. 90—92. Каллимах излагает версию мифа о нимфе Кирене, дочери фессалийского речного бога *Гипсея*, возлюбленной Аполлона. Аполлон перенес ее в Ливию, где Кирена убила льва, губившего быков местного царя Еврипила. За это она получила в награду обещанное царство.

Ст. 91. *...с Миртусской скалы...* — Миртуса — гора в Ливии около Кирены.

Ст. 105—113. Поэт выступает в защиту своего искусства. Мы не знаем точно, а можем лишь предположить, что Зависть аллегорически указывает на некую личность. О Зависти Каллимах пишет постоянно. В эпиграмме XXI «он поет победоносно об одной только Зависти», подробно о зависти Каллимах пишет в прологе к «Причинам».

Ст. 108. *...ассирийской реки...* — Имеется в виду Евфрат.

Ст. 110. *Мелиссы* («пчелы») — жрицы Деметры.

III. К АРТЕМИДЕ

Гимн III «К Артемиде» считается самым «неорганичным» гимном Каллимаха — собственно эпические эпизоды, составляющие 2/3 гимна, непоследовательно и нелогично с точки зрения гимнической традиции соединяются с чисто лирическими. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что в этом гимне нет описания культовой ситуации, нет «религиозных рамок», как в гимнах V, VI и отчасти в гимне II, нет воспроизведения просто «внешней обстановки», как в гимне I. Более близкая связь обнаруживается между гимнами III и IV, но если в гимне IV эпические эпизоды построены почти без нарушения временной и сюжетной последовательности, то гимн III конструируется как бы из разрозненных мотивов, эпизодов. И эта временная и сюжетная пестрота воплощает совершенно иную, чем у эпического художника, направленность поэтического осмысления мифологического материала. Если в первом случае мы имеем дело с последовательно сменяющимися друг друга эпизодами, фазами — частями гимна, то во втором — со множеством совместно выступающих разнородных элементов, деталей, подробностей, мотивов и т. д. В гимне III поэт фиксирует внимание сразу на нескольких сюжетах, подчиняя их описанию атрибутов, функций, культов богини Артемиды. Возникает впечатление, что поэт, как писал в свое время Ф. Кортц (Kortz F. *Eigentümlichkeiten der Kallimacheischen Dichtkunst*. Köln, 1901—1902. S. 8), не имел никакой другой цели, кроме перечисления атрибутов Артемиды и прославления ее под разными именами. Поэтому после знаменитой сцены у Зевса идут эпизоды, рассказывающие о приобретении богиней лука и стрел, охотничьих собак, ланей для упряжки, пылающего факела, называются любимые города, горы, заливы, любимые нимфы—подруги богини, ее самые знаменитые храмы и т. д.

Относительно хронологии гимна среди ученых единого мнения нет. Одни полагают, что гимн был написан в последнее десятилетие царствования Птолемея II (258—248 гг. до н. э.) для одного из самых значительных празднеств в Малой Азии. По мнению других, данный гимн имеет отношение к родине поэта — Кирене — и был написан не позднее 260 г. до н. э.

Каллимах называет свою поэзию «детской игрой», причем «детскость» гимна совершенно естественна. Каллимах считает первым поэтом, который изобразил поведение ребенка (именно в этом некоторые исследователи находят особое очарование и прелесть данного гимна). Но к «детскости» Каллимаха примешана ирония, поэтому поэт не кажется нам «глупым взрослым». Юмористическое начало гимна III всегда отмечалось исследователями, которые подчеркивали мягкость и нежность юмора в данном гимне.

Ст. 15. ...*нимф амнисийских*.. — Амнис — редкое географическое название небольшого местечка, горы или реки на Крите, недалеко от Кноса. Встречается лишь у Аполлона Родосского (III 877, 882).

Ст. 21—25. В том, что Артемиды через свою помощницу (ранее — свою ипостась) Илифию помогает роженицам и, только что появившись на свет, помогает матери принять родившегося вслед за ней Аполлона, сказываются рудименты архаической богини.

Ст. 41. В подлиннике: «на белую критскую гору, заросшую лесом» (*levkós* «белый»).

Ст. 44. *Кэрат* — река на Крите близ Кноса; *Тэфиса* (Тефия) — супруга Океана, мать океанид.

Ст. 46—86 — широко известная сцена: Артемиды в кузнице Гефеста, причем кузница переносится поэтом с Олимпа на остров *Липару* — самый большой из островов у побережья Сицилии.

Ст. 52. *Осса* — гора в фессалийской Магнесии, родина кентавров.

Ст. 57. *Тринакрив*, или Тринакия, — древнее название Сицилии, получившей его или из-за наличия на острове трех горных вершин или из-за своей треугольной формы. *Сиканы* — древний народ, переселившийся, возможно, от реки Сиканы сначала в Италию, а оттуда в Сицилию.

Ст. 58. *Италия* — первоначальное название самой южной части Апеннинского полуострова. Теперешняя Италия, начинающаяся с Альп, впервые так названа у Полибия (Полибий II 14). *Кирн* — греческое название острова Корсика.

Ст. 75. *Бронтей* — один из циклопов.

Ст. 89. *Меналийскую рысь*... — Меналийские горы в Аркадии — любимое место пребывания Пана.

Ст. 94. *Киносурские собаки* — порода охотничьих собак.

Ст. 101. *Анавр* — река в Фессалии, впадающая в Пагасейский залив.

Ст. 107. *Келадон* — приток Алфея.

Ст. 110. *Убийца Тития* — этими словами Каллимах напоминает о редком мифе о великане Титии, который домогался Латоны в Пифоне и был убит Артемидой (или Аполлоном). Мучения Тития продолжают и в подземном мире, коршун пожирает ежедневно его печень, которая снова вырастает.

Ст. 114. *Гем* — горный хребет в северной Македонии и Фракии, ныне Балканы.

Ст. 117. *Олимп мисийский* — Мисия — область в Малой Азии.

Ст. 120. *Улем* (*ulmus campistis*) — вяз.

Ст. 142. *Гермес Акакесий* — «отвращающий зло», «благодетель».

Ст. 145. *Мощный Алкид* — Геракл, внук Алкея.

Ст. 146. *Тиринфянин* — Геракл (служил царю Тиринфа Еврисфею).

Ст. 149. ...*теща сама*... — Гера.

Ст. 150—158. Чревоугодие Геракла традиционно в интерпретации образа героя (ср., например, «Алкесту» Еврипида).

Ст. 159. ...*богом он стал через дуб фригийский*... — Намек на миф о смерти Геракла, сгоревшего на костре.

Ст. 161. *Феодамант* — старик-пахарь, отказавшийся накормить Геракла и за это наказанный им.

Ст. 171. *Иноп* — небольшая речка на Делосе, истоки которой, по мнению Каллимаха, в Египте, у Эфиопских гор. Значительное расстояние Иноп, как считал поэт, протекает под землей.

Ст. 172. *Питана*, *Лимны* — знаменитые места почитания Артемиды в Лаконии. *Лимны* — букв. «болота». Святыни Артемиды часто находились вблизи источников и болот, был даже культ Артемиды Лимнатис («болотной»), символизирующий плодородие растительного божества.

Ст. 173. *Алы Арафанские* — аттический дем; находился между Марафоном и Бравроном, был известен храмом, посвященным Артемиде.

Ст. 174. *Скифский предел* — Скифией древние авторы называли территорию причерноморских степей и предгорий Кавказа. *Тавры* — одно из скифских племен, которое имело обычай после кораблекрушения приносить жертву своей богине. Эту богиню некоторые греческие авторы отождествляли с Артемидой. Культ Артемиды Таврической хорошо известен благодаря мифу об Ифигении.

Ст. 187. *Долиха*, позднее остров Икара, — один из Кикладских островов. *Перга* — главный город Памфилии со знаменитым храмом Артемиды.

Ст. 188. *Тайгет* — высочайшая горная цепь в Греции. *Еврип* — пролив между островом Евбеей и материком.

Ст. 189—203. Каллимах вставляет критский миф о гортинской нимфе *Бриго-мартис*, дочери Зевса, которая отождествлялась с самой Артемидой.

Ст. 204. *Упис* (Опис) — имя Артемиды как помощницы при родах.

Ст. 207. *Гипсеида* — нимфа Кирена.

Ст. 208. ...*при гробе Иolkском*. — Имеется в виду могила Пелия. *Иolk* — старый город в Фессалии, место сбора аргонавтов.

Ст. 209. ...*супругу Кефала, Дейонова сына*... — Имеется в виду Прокрида.

Ст. 211. *Антиклея* — дочь Автолика, жена Лаерта, мать Одиссея.

Ст. 215. *Аталанта* — дева-охотница, которая убила калидонского вепря. После охоты она получила в награду голову вепря, из-за чего началась ссора с другими участниками охоты.

Ст. 221. *Гилей, Рэк* — кентавры, которых убила Аталанта.

Ст. 227. *Нелей* — сын Кодра, основателя Афин; был изгнан братом и основал город Милет. *Кекропово царство* — афинский кремль, построенный Кекропом.

Ст. 228. *Хесийская* — эпитет Артемиды на острове Самос, где была горная цепь того же названия.

Ст. 228—232 — намек на миф о жертвоприношении Ифигении в Авлиде.

Ст. 232. *Тевкры* — троянцы. *Рамнусийская* — эпитет Елены, чтившейся в Рамнунте, в Аттике.

Ст. 233. *Пройт* — царь Тиринфа. Его дочери, отказавшиеся от участия в культе Диониса, были наказаны безумием.

Ст. 234. «*Девичья*» — эпитет Артемиды.

Ст. 235. *Азанийские горы* — в Аркадии, на границе с Элидой. *Лусы* — город в северной Аркадии.

Ст. 236. «*Кроткая*» — эпитет Артемиды.

Ст. 238—250 — описание культа и ритуальной пляски Артемиды Эфесской; в Эфесе почиталось изображение Артемиды многогрудой (*polumastos*). В Неаполе в Национальном музее сохранилась копия Артемиды Эфесской с греческого оригинала эпохи эллинизма.

Ст. 239. *Гиппо* — у Каллимаха одна из амазонок, у Гесиода — дочь Океана.

Ст. 246. *Берекинф* — город и местность во Фригии; *Сарды* — столица Персии.

Ст. 251. *Лигдамид* — царь киммерийцев, осевших в Киликии.

Ст. 254. ...*пролива того, что зовется по древней телице*. — Имеется в виду пролив Босфор Киммерийский, теперь Керченский пролив. *Древняя телица* — Ио, возлюбленная Зевса, превращенная Герой в корову (*βοσροτόν* «пролив коровы»).

Ст. 257. *Каистр* — река в Лидии (М. Азия).

Ст. 259. *Мунихия* — имя Артемиды от полуострова Мунихий, около Афин, с ее храмом; *Ферея* — имя Артемиды от Фер в Фессалии.

Ст. 261. *Ойней* — царь Калидона (в Этолии).

Ст. 262. *Охотница* — Артемиды.

Ст. 264. *Отос* (От) — сын Посейдона, великан, который заковал вместе со своим братом бога Ареса (Ил. V 385; Од. XI 308); покушался на девственность Артемиды и пал от ее стрел (или от стрел Аполлона).

Ст. 265. *Оаршон* (Орион) — великан и охотник, сын Посейдона; убит стрелой Артемиды за то, что покушался на ее девственность. По другой версии, был ужален скорпионом по ее приказанию.

IV. К ОСТРОВУ ДЕЛОСУ

Гимн «К острову Делосу» ближе всех других гимнов Каллимаха к эпической традиции. Большинство исследователей считают, что этот гимн вообще невозможно понять, не учитывая традиций ионийского эпоса и, конкретнее, гомеровских гимнов, так что он может рассматриваться как эквивалент гомеровского гимна «К Аполлону».

Это единственный гимн, который имеет более или менее определенную хронологию. Он был написан после упомянутого в гимне уничтожения галльских солдат во время Первой сирийской войны и скорее всего сразу после обожествления Птолемея II Филадельфа, т. е. в 271—270 гг. до н. э. Считается, что гимн «К острову Делосу» был написан Каллимахом сразу же после гимна «К Аполлону» — некоторые

особенности словоупотребления, обороты гимна II повторяются в гимне IV. По общему мнению, гимн был написан для Делосского праздника. Обращение к Делосу было для Каллимаха далеко не случайным. Политическое влияние на Делосе, стоящем во главе организации островной Лиги, давало возможность Птолемею утвердиться не только в Сирии, но и в Греции и осуществлять контроль над всеми морскими коммуникациями. Уже Птолемей I с 287/286 г. до н. э. являлся протектором островной Лиги. Птолемей II Филадельф продолжил политику своего отца. Каждый год на Делос из Египта отправлялись богатые дары. Птолемеи хотели подтвердить свое морское могущество религиозным авторитетом великого бога Делоса и последовательно проводили мероприятия в поддержку Делосского культа. Имя бога Аполлона в votивных надписях Делоса встречается вместе с именем Птолемея. Птолемеи стремились, по возможности, расширить влияние культа делосского Аполлона — ведь в силу этого они сами как гегемон островной Лиги могли претендовать на расширение своего могущества. Каллимах и рисует Птолемея II будущим владыкой вселенной.

Итак, в гимне IV более всего эпических, гомеровских черт. Но читатель, хорошо знакомый с гомеровскими текстами, поймет весь шуточный подтекст каллимаховского гимна. Реализм, скептицизм и иррелигиозность, свойственные эллинистическому мироощущению, оказываются здесь соединенными с религиозной тематикой героического мира богов. Естественно, что такое соединение могло быть рассчитано только на образованных читателей, видящих и понимающих изощренную игру автора.

Ст. 1. *Делосская земля* — остров Делос (одна из этимологий от *déloō* «являю», «видимый») — самый маленький из Кикладских островов. Поэты называют его еще Кинфием, Ортигией, Астерией. По преданию, Посейдон, ударив трезубцем, поднял остров со дна моря, и тот плавал до тех пор, пока Аполлон, родившийся на этом острове, не укрепил его между Миконом и Гиаром.

Ст. 7. *Пимплея* — город в Македонии, где жил легендарный Орфей и где процветал культ Муз, или местечко в Беотии у Геликона, также посвященное Музам.

Ст. 17. *Океан* — у греков это прежде всего величайшая мировая река (Ил. XIV 245), которая окружает землю и море и дает начало рекам, источникам, морским течениям. У Гомера и Гесиода Океан — живое существо, прародитель всех богов и титанов (Ил. XIV 201, 246). *Тефиса* (Тефия) — дочь Геи и Урана, супруга своего брата Океана. Океан и Тефиса обитают на краю света, боги почитают их как престарелых родителей, заботятся о них.

Ст. 20. *...абантская... Макрина* — древнее название острова Евбеи. Абанты — племя, покорившее остров. *Эллон* — сын Иона, герой, по имени которого или весь остров, или часть его назывались Эллонией.

Ст. 25. *...Борей стримонского...* — Стримон — река во Фракии. Борей — северный ветер. Стримонский Борей — намек на нашествие галлатов (галлов).

Ст. 31. *Тельхины* — божественные существа, обитавшие на острове Родос, изобретатели литейного и кузнечного дела; их отождествляли с первыми жителями острова.

Ст. 37. *Астерия* — дочь Кея и Фебы, сестра Лето; приняв образ перепелки (οἴτῳ, отсюда название Ортигия), кинулась в море, чтобы избежать преследований Зевса. Зевс превратил ее в скалу, которая позже по просьбе Лето стала островом. В образе Астерии иногда усматривают персонафикацию внезапно появляющейся и исчезающей в море падающей звезды. Каллимах неслучайно вводит в гимн мотив превращения нимфы Астерии в остров. Жанр метаморфозы был излюбленным жанром эллинистической литературы.

Ст. 41. *Трезен* — приморский город, место особого почитания Посейдона в Пелопоннесе.

Ст. 42. *Эфира* — древнее название Коринфа.

Ст. 43. *Волны Саронские* — Саронический залив, ныне Эгинский.

Ст. 46. *Халкидские зыби* — Халкида — город на острове Евбея.

Ст. 48. *Хиос* — остров у берегов Ионии. Славился лучшим вином, хорошим мрамором и глиной.

Ст. 49. *Парфения* — древнее название острова Самос.

Ст. 50. *Анкей* — царь Самоса, сын Посейдона; *микалийские нимфы* — от города Микале на ионийском побережье напротив острова Самос.

Ст. 55—69. Описание гнева Геры. Для особой драматизации событий Каллимах намеренно подчеркивает этот мотив, хотя в аналогичном контексте в гомеровском гимне эта тема отсутствует.

Ст. 67. *Дщерь Фавмантова* — Ирида — златокрылая посланница Зевса и Геры, посредница между богами и людьми. *Мимант* — отрог хребта в Малой Азии.

Ст. 70—204. Основной, наиболее отделанный эпизод гимна — скитания Латоны. В этот мотив Каллимах вкладывает больше всего фантазии. Если гимнической традиции, лирикам Каллимах обязан темой: Делос — земля Аполлона, то остальное, и прежде всего скитания Латоны, он придумывает сам. Здесь, как в гимне I и во многих других случаях, обращает на себя внимание особый каллимаховский поэтический прием — «одушевление» природы. Поэт пишет: «в страхе бежала Аркадия вся», «бежала святая Авги гора, Парфений» и т. д.

Ст. 71. *Авга* — дочь Аркадского царя Алея, жрица богини Афины, соблазненная Гераклом; родила Телефа, которого подбросила на горе Парфений; разгневанный Алей приказал заключить Авгу в ящик и бросить в море. *Парфений* — гора на границе Аркадии и Арголиды. *Феней* — город в Аркадии.

Ст. 72. *Пелопа земля* — Пелопоннес.

Ст. 73. *Эгиал* — побережье северного Пелопоннеса.

Ст. 74. *Инах* — главная река Арголиды.

Ст. 75. *Аония* — редкое название части Беотии, где находилась гора Геликон — обиталище муз. Отсюда известное наименование муз — Аониды.

Ст. 76. *Дирка* — источник и река у Фив Беотийских; *Строфия* — источник у Фив Беотийских.

Ст. 77. *Исмен* — река в Беотии.

Ст. 78. *Асоп* — бог реки в Беотии, сын Океана и Фетиды; был поражен молнией за то, что хотел спасти свою дочь Эгину от преследований Зевса.

Ст. 79. *Мелия* — нимфа, дочь Океана, мать кентавра Фола.

Ст. 90. *Пифо* (Пифон) — см. выше, комм. к гом. гимну II ст. 4.

Ст. 92. *Плейст* — небольшая речка в районе Дельф.

Ст. 94. *...вещанье от лавра...* — Лавр — символ Аполлона-прорицателя.

Ст. 96. *...жены преступноречивой...* — Имеется в виду Ниоба, жена фиванского царя Амфиона, у которой было 7 сыновей и 7 дочерей. Хвастаясь своим потомством, Ниоба оскорбила Лето. В наказание Аполлон и Артемида убили всех детей Ниобы.

Ст. 98. *Киферон* — гора на границе Аттики и Беотии.

Ст. 101. *Гелика* — приморский город в Ахайе с храмом Посейдона.

Ст. 102. *Бура* — один из 12 городов Ахайи на Коринфском перешейке. *Дексамен*, сын Ойкнада, мифический царь Олена, в Буре имел хлев для своего скота.

Ст. 104. *Анавр* — река в Фессалии. *Ларисса* — в древности столица пеласгов. *Хироновы горы* — Пелион — гора на полуострове Магнесия в Фессалии; здесь Кронос и Филера произвели на свет кентавра Хирона.

Ст. 105. *Пеней* — главная река в Фессалии. *Темпейский дол* — долина в Фессалии, вдоль реки Пеней.

Ст. 112. *Фтийский* — Фтия — город и область в юго-восточной Фессалии.

Ст. 118. *Пелион* — см. выше, комм. к ст. 104.

Ст. 134. *Пангей* — гора в Македонии.

Ст. 138. *...дол Краннона...* — Краннонская равнина — местность у города Краннон на юге Фессалии.

Ст. 139. *Пинд* — горная цепь на западе Фессалии, отделяющая эту область от Эпира.

Ст. 143. *Бриарей* — сторукий великан, защищавший богов от титанов, ковавший вместе с Гефестом молнии для Зевса. Этна считалась главной кузницей Гефеста.

Ст. 155. *Эхинады* — девять небольших островов в Ионийском море, вблизи устья реки Ахелой.

Ст. 156. *Коркира* — остров в Ионийском море у побережья Эпира.

Ст. 160. *Меропов остров* — остров Кос. Мероп — отец Арисбы, первой жены Прима, основатель поселений на острове.

Ст. 161. *Земля Халкиопы* — остров Кос. Халкиопа — дочь Косского царя Еврипила.

Ст. 165. *...бог иной...* — Имеется в виду Птолемей II Филадельф, который в 309 г. до н. э. родился на острове Кос, сын Птолемея I Сотера-Спасителя.

Ст. 172—176. Здесь Каллимах имеет в виду нашествие галатов (галлов) на Грецию в 277—276 гг. до н. э. Галаты были разбиты у Дельф, перешли в Египет и стали наемниками в войске Птолемея, но затем взбунтовались и были истреблены на одном из островов в дельте Нила.

Ст. 173. *Кельтский Арес* — галльский Арес.

Ст. 174. *...племя новых титанов...* — Имеются в виду галаты. Эта аналогия была популярна в эллинистическую эпоху.

Ст. 178. *...в Крисейских долинах...* — Криса — город в Фокиде, со святилищем Аполлона Дельфийского.

Ст. 199. *Герэст* — мыс с одноименной вершиной на Евбее.

Ст. 217. *Вестница* — Ирида.

Ст. 232. *...дочь Фавманта...* — Ирида.

Ст. 250—254. Существует целый цикл мифов об Аполлоне, связанный с лебедями. Во время жертвоприношений Аполлону с северных Рипейских гор слетала стая лебедей, воспевавших бога. При рождении Аполлона — на этом мифе в данном случае останавливается Каллимах — лебеди семь раз облетели Делос и пропели семь песен. Аполлон-солнце летал по небу в золотой колеснице, запряженной лебедями. В такой же колеснице он увозит Кирену в Ливию.

Ст. 250. *...Пактол меонийский...* — Меония — древнее название Лидии; Пактол — главная река в Лидии. По преданию, Мидас, получив от Аполлона дар превращать все своим прикосновением в золото, выкупался в Пактоле — и с тех пор Пактол стал самой золотonosной рекой.

Ст. 260—264. При рождении Аполлона — солнечного бога, а из данных стихов явствует, что Каллимах хочет подчеркнуть именно эту сторону культа Аполлона, все вокруг на Делосе озарилось золотым, солнечным светом.

Ст. 271. *Керхидра* — порт в Коринфе, где стояла статуя Посейдона.

Ст. 277. *Энио* — богиня раздора, спутница Ареса. На Делосе как на священном острове запрещались любые столкновения и не хоронили покойников.

Ст. 282—295. В описании ежегодных жертвоприношений Аполлону Каллимах особенно подчеркивает дары народа, «живущего за Бореем в песках», — гипербореев. Геродот первым упомянул о дарах гипербореев и о их пути на Делос (Геродот IV 33). Дары гипербореев зафиксированы документально, а «историчность даров гипербореев подтверждает историчность пути их следования» (Колосовская Ю. К. Агафирсы и их место в истории племен Юго-Восточной Европы // Вестник древней истории. 1982. № 4).

Ст. 284—285. Дары гипербореев, очевидно, доставлялись в конце лета, когда был сжат хлеб и его вязали в снопы. Как предполагают современные историки, дарами гипербореев были яйца лебедей, мед, янтарь, хлебные колосья.

Ст. 287—288 — в этих стихах Каллимах уточняет маршрут гипербореев после Додоны. По мнению некоторых исследователей (см. статью Ю. К. Колосовской), под Священным Градом следует понимать поселение Анфела в горной местности Малиды, западнее Фермопил.

Ст. 289. *...к милому долу абантов...* — Дол абантов — Евбея. *Лелантий* — равнина на острове Евбее между городами Халкидой и Эретреей.

Ст. 291. *Аримасты* — одно из мифических гиперборейских племен.

Ст. 304. *Ликийский старец* — Олен, зачинатель гимнической поэзии.

Ст. 305. *Ксанф* — главная река в Ликии (М. Азия).

Ст. 306—324 — описание культа Аполлона на Делосе, в который входило несколько церемоний: жертвоприношение Аполлону; освящение статуи Афродиты, привезенной Тезеем с Крита от Ариадны и якобы сделанной самим Дедалом; танец юношей и девушек вокруг алтаря; бичевание алтаря и самобичевание юношей, которые затем кусали листву масличного дерева, держа руки за спинами.

Ст. 311. *Пасифая* — жена критского царя Миноса. От быка родила чудовище с телом человека и головой быка — Минотавра. Тезей убил Минотавра.

Ст. 314—315. *Кекропиды* — потомки царя Кекропа — афиняне. Ежегодно отправляли священное посольство из Афин на Делос.

V. НА ОМОВЕНИЕ ПАЛЛАДЫ

Два последних гимна — «На омовение Паллады» и «К Деметре» — исследова-

тели творчества Каллимаха единодушно признают лучшими произведениями поэта. Именно эти гимны показывают, что искал Каллимах в жанре гимна, таком далеком от литературной практики его современников. Простая и прямолинейная канва старых сюжетов, передающих хорошо известные аретологии бога, позволяла одновременно отдаваться лирическому настроению и быть при этом художником строго организованного интеллекта, сильно развитого рационального мышления. Свообразие последних двух гимнов в том, что именно здесь Каллимаху удалось объединить, казалось бы, несоединимое, два основных начала — критически-рациональную ясность и страстную эмоциональную возбужденность. Иначе говоря, в этих гимнах, подчиняясь оригинальному замыслу автора, оказались объединенными два основных направления — эпический реализм и лирика.

Объединение гимнов V и VI в науке бытовало всегда — сходство их композиционных, художественных элементов подтверждает единство поэтического замысла. Прежде всего обращает на себя внимание четкая композиция гимнов. Здесь так же, как и в других гимнах, можно вычленил собственно мифологический рассказ (история о Тиресии и Эрисихтоне) и оформляющую их «ритуальную рамку», заканчивающуюся в обоих случаях эпифанией божества.

Оба гимна написаны на дорийском диалекте, диалекте родины поэта — Кирены. Гимн V написан элегическим дистихом, что усиливает лирическое настроение гимна.

Датировка гимна V весьма затруднительна. Его написание обычно связывают с праздником в честь Афины. Ритуальное оформление, изображение омовения кумира Афины в водах реки, представлено настолько живо и картинно, поэт настолько увлекается описаниями и перечислением мельчайших деталей и подробностей, что вновь, как и во вступлении к гимну II, возникает иллюзия участия автора и читателя в приготовлениях к шествию в честь Паллады и Деметры.

Ст. 4. *Пеласг* — мифический родоначальник пеласгов, основатель фессалийского Аргоса, сын Посейдона (или Гемона) и Лариссы.

Ст. 8. *...буйство гигантов смири...* — Гиганты — сыновья Гея (числом до 150), родившиеся из крови оскопленного Урана. Оскорбленная заточением гигантов в Тартар, Гея побуждала своих сыновей выступить против богов, для которых они были неуязвимы. Зная об этом Зевс родил смертного героя Геракла и помешал Гее найти траву, с помощью которой гиганты могли бы сопротивляться Гераклу. В ходе битвы с гигантами Афина содрала кожу с главного гиганта Палланта и воспользовалась ею как панцирем. В другого гиганта, Энкелада, она швырнула острым Сицилия и придавила его, так что дыхание гиганта до сих пор ошутимо — это извержение вулкана Этны.

Ст. 14. *Алавастр* — небольшой сосуд для благовонных масел; его обычно носили на поясе.

Ст. 18. *Пастырь фригийский* — Парис. Имеется в виду знаменитый в античности миф о споре трех богинь.

Ст. 20. *Симоис* — приток реки Скамандр в Троаде.

Ст. 24. *Еврот* — главная река в Лаконии.

Ст. 25. *...звездных лаконских мужей...* — Имеются в виду спартанские (а позднее — общегреческие) герои братья Диоскуры: Кастор (сын Леды и Тиндарея) и Полидевк (сын Леды и Зевса), прославленные в атлетических состязаниях. После того как смертный брат (Кастор) был убит из-за похищения невест, Полидевк выпросил у Зевса бессмертие для Кастора. И с тех пор Кастор и Полидевк (Поллукс) проводят каждый второй день в Аиде, поднимаясь оттуда в виде утренней звезды в созвездии Близнецов, а опускаются в виде вечерней звезды.

Ст. 26. *...елей, что рожден собственным деревом ее...* — оливковое масло. Олива впервые выросла в Аттике там, где Афина ударила копьем о землю.

Ст. 34. *Арестор* — отец Арга, основателя Аргоса, т. е. мифический предок аргивянок

Ст. 35. *Диомед* — герой, сын Тидея, царь Аргоса; в сражении под Троей выступает даже против богов (Афродиты и Ареса). На его шите — изображение Афины. Он традиционно считается основателем многих ее храмов в Пелопоннесе и Аттике. В древнейшие времена отождествлялся с аргосским божеством войны.

Ст. 37. *Евмед* — жрец Афины в Аргосе. В других источниках не встречается.

Ст. 40. *Крейские горы* — горы в Аргосе.

Ст. 47. *Фисадия* — источник в Аргосе.

Ст. 48. *Амимона* — одна из 50 дочерей Даная, посланная отцом на поиски воды по их прибытии в Арголиду. Амимона метнула дротик в сатира, который пытался ею овладеть. Возмолвившись Посейдону, она спаслась от сатира, но не избежала самого Посейдона, который, однако, в награду выбил в скале источник, названный Лернейским.

Ст. 51—54. Повинуясь закону Кроноса, Афина должна жестоко наказывать всякого, кто увидит ее нагой.

Ст. 57—69. Мифологический рассказ о *Тиресии* Каллимах начинает с описания дружбы Афины с матерью Тиресия — фиванской нимфой Харикло.

Ст. 60—64. Называются беотийские центры культуры Афины: *Феспии* — город на юго-восточном склоне Геликона, *Коронеи* — город на реке Куралий, *Галиарт* — город на южном берегу озера Копанда.

Ст. 71—72. *Геликон конский* — Каллимах перефразирует название источника Гиппокрена (конский источник), который возник, по преданию, от удара копытом крылатого коня Пегаса.

Ст. 75. Повествование о Тиресии у Каллимаха основывается на сказании Ферекида, которое, в свою очередь, является далеко не первой и не единственной версией, а лишь вариантом этого сказания. Трактовка Каллимахом мифа о Тиресии весьма специфична — в отличие от Ферекида он подчеркивает не только жестокость Афины, но и ее сострадание к Тиресию и Харикло.

Ст. 81. *Сын Эверов* — Тиресий.

Ст. 107—118. Вставной эпизод — миф об *Актеоне*.

Ст. 107. *Кадмеида* — дочь Кадма — Автоноя. Ее сын Актеон был страстным охотником. Смерть Актеона от собственных собак была, по одной из версий, следствием превращения его Артемидой в оленя.

Ст. 108. *Аристей* — отец Актеона.

Ст. 119—130. Тиресий сыграл значительную роль в фиванской истории. Отмеренный ему срок жизни равнялся семи поколениям (он умер после взятия Фив эгиптянами), и, согласно предсказанию Афины, он сохранял дар пророчества даже в подземном мире (у Гомера, например, Тиресий пророчесствует Одиссею о его будущем).

Ст. 126. *Кадм* — сын финикийского царя Агенора, основатель Беотийских Фив. *Лабдакиды* — потомки Лабдака, т. е. Лай, Эдип и дети Эдипа. Тиресий открыл Эдипу, что он убил своего отца и женился на собственной матери.

Ст. 130. *Аггесилай* — эпитет владыки подземного царства Аида, которого греки вообще избегали называть по имени.

VI. К ДЕМЕТРЕ

Последний каллимаховский гимн «К Деметре», по мнению ряда исследователей, датируется 258—248 гг. до н. э. и приурочивается к завоеванию Птолемеем Карии и усилению авторитета Филадельфа в провинциях. «Описательная» ситуация позволяет дать предположительную локализацию гимна: вступительные и заключительные стихи представляют процессию в честь Деметры — возможно, в Кирене или в Александрии.

Интерес к культовой специфике в этом гимне так же, как и во всех других гимнах, чисто научный. Каллимах еще раз проявляет себя здесь собирателем и хранителем древних, забытых традиций и обычаев. Данный гимн не случайно посвящен Деметре: культ Деметры получил широкое распространение при Птолемеи II, и, как считают, именно этот культ послужил образцом для прославления женщин в эпоху Рима. В гимне «К Деметре» одним из главных персонажей является фигура матери молодого фессалийского князя, вобравшая в себя черты, типичные для светских кругов в Александрии, современных поэту.

В этом гимне для поэта первична легенда. Рассказ об Эрисихтоне по праву считается поучительной историей, которая обнаруживает не слишком много оригинальных черт. Скорее всего миф об Эрисихтоне привлек внимание Каллимаха по двум причинам: во-первых, это один из тех малоизвестных местных мифов, которые хранят черты глубокой древности, а во-вторых, серьезное, благочестивое повество-

вание должно было сделать очевиднее авторскую иронию. Прежде всего обращают на себя внимание те изменения, которые внес Каллимах в легенду по сравнению с принятым каноническим мифологическим образом Эрисихтона. В свое время все эти изменения проанализировал и обобщил Ф. Ф. Зелинский (Zielinski Fh. Erysichton // *Philologus*. 1891. Bd. 4. S. 140). В результате изменений, внесенных Каллимахом в миф, традиционная легенда превратилась в нравоучительную веселую сказку для детей. Как в подавляющем большинстве гимнов, легенда заключается в особые «рамки». Вступление автор своеобразно делит между описанием печали Деметры по случаю похищения дочери (VI 1—16; ср. мотив похищения Персефоны у Овидия в «Метаморфозах» V 341—661 и в «Фастах» IV 393—620) и описанием радости людей, научившихся благодаря Деметре земледелию (VI 17—23). После мифологической наррации автор рассказывает о всевозможных благодеяниях Деметры (VI 118—127) и о ее жалости к женщинам, участницам процессии (VI 128—133). В свое время Э. Бете (Bethe E., Pohlenz W. *Griechische Literatur*. Leipzig; Berlin, 1924. Bd. I. Hf. 3. S. 220) высказал мнение, что рассказчицей гимна IV можно представить женщину — вероятно, этим объясняется особый интерес автора во вступлении и заключении гимна к участницам процессии. Заканчивается гимн, как и предыдущий, ожиданием эпифании божества.

Бытовой, жанровый стиль мифологического рассказа в данном гимне усложняется учеными реминисценциями начала гимна, что подчеркивает «два различных стилизованных тона: книжный тон и тон простонародный» (Толстой И. И. Миф в александрийской поэзии // Статьи о фольклоре. М.; Л., 1966. С. 172).

Ст. 1—7. Как стрелы и лук — атрибуты Артемиды, а лира — Аполлона, так корзина, или *кошница*, — символ Деметры, символ плодородия. Именно кошницу видит толпа собравшихся — и девочки, и девушки, и женщины смотрят на нее обаятельно снизу (VI 4). Везут кошницу четыре лошади белой масти (VI 121). Появляется процессия только под вечер, и в течение всего дня женщины должны соблюдать пост (VI 6). До конца в шествии участвуют женщины моложе шестидесяти лет (VI 130).

Ст. 7. *Геспер* — сын или брат Атланта, унесенный ветром и превращенный в вечернюю звезду. Традиционно считается самой прекрасной из звезд.

Ст. 8—17. Достаточно условное описание странствий Деметры в поисках своей дочери; *черные мужи* — «эфиопы».

Ст. 11. ...к плодам *Гесперидина сада*? — Имеются в виду золотые яблоки — свадебный подарок Гере от Гея. Сад охраняли на крайнем западе у самых берегов Океана нимфы Геспериды (по разным версиям — от трех до семи).

Ст. 13. *Ахелой* — главная река Акарнании и Этолии.

Ст. 17. *Део* — одна из форм имени Деметры. Ниже раскрываются два ее культовых эпитета: Тесмофора — дарующая законы и Кариофора — дарующая плоды.

Ст. 21. *Триптолем* — сын элевсинского царя Келея. Деметра даровала ему золотую колесницу, запряженную двумя крылатыми драконами, чтобы он разъезжал в ней по всей земле, обучая людей земледелию, сея повсюду пшеницу и устанавливая законы. Триптолем выполняет функции мифологического культурного героя.

Ст. 24. *Книд* — мыс и город в Карии, центр дорийского союза в Малой Азии. *Догий* — город и равнина в восточной Фессалии со святилищем Деметры, откуда бежал в Малую Азию царь Триоп — сын Посейдона, отец Фарба, Ифимедии и Эрисихтона.

Ст. 25. *Пеласги* — здесь под пеласгами имеются в виду греки вообще, а не потомки мифического аргосского царя Пеласга.

Ст. 30. *Элевсин* — город в Аттике к северо-востоку от Афин, со знаменитым храмом Деметры. Ежегодно в сентябре здесь происходили культовые торжества — великие мистерии, изображающие горе и странствия Деметры. *Триоп* — город в Беотии, центр культа Деметры. *Энна* — центральная часть Сицилии. Деметра очень любила эту страну за ее плодородие и красоту — здесь она воспитала свою Персефону.

Ст. 33—56 — описание преступления *Эрисихтона*.

Ст. 43—55. Превращение богов в смертных людей — традиционный мотив у Гомера: Посейдон обращается к грекам в образе Калхаса (Ил. XII 43); Афина наставляет Телемаха, превратившись в Ментора (Од. I 270—295), и т. д. В гомеров-

ском гимне Деметра превращается в старушку-няню (Гом. гимны V 101—104), у Каллимаха Деметра является Эрисихтону и его слугам в образе старушки-жрицы Никиппы.

Ст. 51. *Тмарийские горы* — горный хребет на севере Греции.

Ст. 56. *Немесиды* — богиня справедливого возмездия, следит за соблюдением законов и наказанием преступников.

Ст. 74. *Ормениды* — Аминтор и Ктесий. Аминтор — царь города Ормения, расположенного близ горы Пелион в Фессалии.

...игры Афины итонской... — культовые игры в честь Афины в городе Итона в Фессалии.

Ст. 78. *Мать Акториона* — у нимфы Поликсос сына по имени Акторион не было. Скорее всего, как считают ряд исследователей, это имя Каллимах придумал сам.

Ст. 99. *Канака* — дочь Эола, жена Посейдона и мать его пятерых сыновей.

Ст. 107. *Мески* (в оригинале ουγέας) — мулы.

Ст. 110. *Белохвостка* (в оригинале αἰλουρον) — кошка.

Ст. 118—137 — описание культового ритуала на празднике Деметры.

Ст. 128. *Пританей* — общественное здание, символический центр города, где горел огонь, посвященный Гестии, символ единства общины.

Гимн Клеанфа «К Зевсу» *

Гимн Клеанфа «К Зевсу» был найден в рукописи «Эклог» Стобея XIV столетия. Его первым редактором и издателем был Ф. Орсини (Антверпен, 1568). В течение столетий греческий текст гимна, несколько испорченный в рукописи, неоднократно редактировался и переиздавался, особенно в XIX и XX вв., и как единственный дошедший в более-менее целом виде от древней Стои он был включен в собрание «Фрагменты древних стоиков» Г. Арнима. Последнюю, наиболее основательную критическую редакцию гимна произвел Г. Цунц (Z u n z G. Zum Cleanthes Hymnus // Harvard Studies in classical. Philology. 1958. 63. S. 289—308), хотя отдельные спорные места в тексте обсуждаются и по настоящей день. Гимн переведен на многие европейские и некоторые неевропейские языки. Первый перевод на русский был сделан И. Мартыновым в конце XVIII в. В XIX и XX вв. гимн неоднократно переводился на русский, и среди его переводчиков можно назвать такие имена, как Г. Р. Державин, А. Ф. Мерзляков, Я. К. Грот, Ф. Ф. Зелинский и др. В нашем собрании гимн дан в переводе М. Е. Грабарь-Пассек (История греческой литературы. М., 1969. Т. III. С. 366—367), сделанном по изд.: Stoicorum veterum fragmenta / Coll. J. von Arnim. Lipsiae, 1921. Vol. I. В переводе гимн имеет 37 строк (в подлиннике 39). Перевод сверен Ю. Панасенко.

Основная идея гимна состоит в том, что наивысшее благо для вселенной и человека — добровольно повиноваться «всеобщему закону» и судьбе, хотя и называется гимн «К Зевсу» и начинается он обращением к верховному божеству олимпийской мифологии, а не к абсолютной философской категории. Образ Зевса проходит через весь гимн, пополняясь рядом зарисовок в мифологическом стиле. В этом противоречии воплощается один из фундаментальных принципов философствования стоиков — символическая эстетика. Никакие внешние причины не могли бы помешать автору прямо назвать свой гимн «К всеобщему закону» или «К судьбе» и восхвалять абстрактную категорию, как это сделал, например, за полвека до Клеанфа Аристоклель, написав гимн «К добродетели». Но символическая эстетика побудила Клеанфа именно к такой специфической художественности, которой пронизан весь гимн. Эта символическая эстетика, в свою очередь, базировалась на важнейшем принципе стоической философии — любви к року (amor fati). Система роковой неизбежности включала в себя, с точки зрения стоиков, процессы как в космосе, так и в личной жизни человеческого индивидуума и в культуре человеческого сообщества. Поэтому стоики и не отвергали все предыдущие и современные им идеологические системы, в том числе и мифологию, но считали их иносказаниями или символами собственного стоического миропонимания.

* Комментарий составлен Ю. Ф. Панасенко.

Таким образом, этот гимн является изящно построенной методами символической стоической эстетики апологией стоической философской системы, не противоречащей мифологическим и философским традициям Греции.

Гимн начинается обращением к Зевсу, образ которого определяется поначалу тремя эпитетами: «многоименный», «всесильный», «из бессмертных славнейший», связанными или с этической гомеровской традицией, или с традицией аттической литературы. Затем вводится четвертый эпитет, который и по форме (длинный, перифрастический, нетрадиционный — явный авторский неологизм) и по содержанию (насыщенный абстрактной философской лексикой, включающей центральные философские, в том числе и стоические, категории «природы», «мира» и «закона») противостоит первым трем традиционно-мифологическим эпитетам и является, по существу, символической интерпретацией мифологического образа Зевса в стоическом духе.

Ни здесь, да и нигде в гимне мы не находим обычного для философских трактатов стонков буквального отождествления Зевса со «всеобщим законом», «всеобщим словом» (логосом), «природой», «созидательным огнем», «судьбой», «провидением» и т. д. Зевс не является сам непосредственно природой, законом и миром, он выше всего этого, а именно «повелитель всего, над всем величайший владыка». Философское отождествление, естественное для научного стиля, заменяется в гимне выстраиванием синонимических рядов, применением параллелизмов и т. п.

Автор гимна вовсе не стремится противопоставить себя власти Зевса и его закону. Он приветствует Зевса, признавая всю полноту его власти. И само приветствие (в оригинале *cháige* «радуйся!») подразумевает категории наивысшего блага, самодостаточности, удовлетворенности, согласия с судьбой (счастья). Безусловно, стоический Зевс-космос, будучи таковым сам по себе, не нуждается в соответствующих пожеланиях. Но в них нуждается, по мнению стоиков, прежде всего сам человек. Именно в радостном восприятии всех процессов космической и человеческой жизни, в любви к судьбе, к року стойки видят возможность достижения внутренней удовлетворенности человека.

Большой пассаж посвящен торжественной демонстрации космической власти антропоморфного Зевса, причем утверждается, что космос добровольно повинуется власти Зевса и ничто нигде не свершается без участия Зевса.

Следует отметить, что Зевс именуется здесь как демон, «даймон» (в переводе передано понятием «воля»). И это не лишено основания, поскольку с точки зрения мифологии демоны есть посредники между мирами богов и людей, передатчики божественной воли людям. Здесь же даймон — символ Зевсовой власти, без которой ничто не свершается. Нельзя вместе с тем не вспомнить этимологическое значение этого слова, которое связано с понятием «участь». Власть Зевса отождествляется здесь с судьбой, хотя иносказательно, символически. Однако стоическая судьба не принимает участия в делах тех, кто ее не чтит и не повинуется добровольно. Тем самым могущество Зевса, его всеобщего закона и судьбы оказывается ограниченным.

Это противоречие — всемогущество Зевса и его неучастие в делах безнравственных людей — автор пытается разрешить в стихах о противоположностях, сливающихся вечно сущий «единый разум» (логос). Однако безнравственные люди не обращают внимания и на этот логос, который они должны были бы приветствовать по закону древней Фемиды.

«Всеобщий закон», тождественный логосу, тоже остается вне пределов их стремлений, так же как не интересует их и древнее священное право — Фемиды. За это нечестивцы называются «дурными людьми». Нелепость поведения этих людей автор видит в неспособности их осознать необходимость судьбы. Получение разума и знания от Зевса рассматривается в гимне как большая честь для заблудших людей. Разум, по убеждению автора, укрепит их во всеобщем законе, долге, справедливости, они воздадут хвалы и почести Зевсу и его деяниям, поймут свое предназначение в жизни и соединят свою судьбу с осознанной ими, наконец, свободой воли.

Орфические гимны *

Орфические гимны публикуются в нашем собрании по изд.: *Orphei hymni* / Ed G. Quandt, Berolini, 1955. В отдельных случаях использовано изд.: *Orphica* / Res E. Abel, Lipsiae, 1885. Перевод гимнов принадлежит О. В. Смыке, Сверен В. В. Борисенко. Переводы печатаются впервые.

Переводы орфических гимнов на русский язык осуществлялись и ранее: 13 гимнов в переводе К. Бальмонта (не гексаметром, а ямбом) были опубликованы в изд. «Гимны, песни и замыслы древних» (СПб., 1908). Имеются также переводы, сделанные известным советским переводчиком Д. Н. Недовичем в 30-е годы. Некоторые из них печатаются в настоящем издании в комментариях к орфическим гимнам.

Сборник орфических гимнов (см. вступительную статью) открывается обращением Орфея к Мусею, своему учителю или ученику, причем это обращение есть не что иное, как зывание ко всем богам, которых легендарный поэт воспекает в своих гимнах. Подобные обращения к целому ряду богов находим у Эсхила («Семерс против Фив»), где хор начинает с богов, владеющих фиванской землей, с Зевса-отца, а затем переходит к Палладе, Посейдону, Киприде, Аполлону, Гере, Артемиде, местной богине Онке (она приравнивалась к Афине), всем богам, охраняющим город Кадма, к «милым демонам», обходящим, как стражи, осажденные Фивы (110—180).

В комедии Аристофана «Женщины на празднике Фесмофорий» глашатай зывает к фесмофорам — Деметре и Коре, Плутону, Каллигению, Куротрофе, Гее, Гермесу, Харитам, чтобы они хранили город афинян. Хор, в свою очередь, обращается к Зевсу, Афине, Аполлону, Артемиде, Посейдону, морским девам Нерея, горным нимфам, после чего снова вступает глашатай с обращением к богам и богиням Олимпийским, Пифийским, Делосским и др. (295—334).

Перечисление Орфеем богов идет не в той последовательности, которая наблюдается в сборнике. Мольба (*euchē*) начинается с владыки Зевса (ему посвящено кстати сказать, всего три гимна — XV, XIX, XX), Геи, Гелиоса, Луны, всех звезд т. е. круга земли и небесных богов. Далее идут Посейдон (морская стихия), Персефона и Деметра как порождающие силы природы, Артемиды с Аполлоном и Дионис — божество вечного возрождения. За ними огненная сила — Гефест — и наступательное буйство войны — Арес, а также подземный бог Анд, сила неотвратимой смерти. Вслед за ними идут даровательница юности Геба, Илифия — помощница при родах, Геракл, неизменный помощник людей, Орфей вспоминает нимф, Пана и Геру, хотя она менее всего связана с природными силами. Далее — Мнемосина с дочерьми Музами, Хариты, Оры, Лето (мать Аполлона и Артемиды), титанида Тейя (мать Гелиоса и Селены) и Диона (мать Афродиты), а также демоны природных сил — куреты, корибанты и кабиры, те, кого называют великими Спасителями-Сотерами и Идейскими богами. Не забыты Гермес и Фемиды, Ночь и День, Рея и Кронос, Тефия, Океан с океанидами, титанид Атлант и богиня Стикс, Семела — мать Вакха, Инó, Левкотей и Палемон, Асклепий и Паллада, Мать богов, Аттис и Луна (Селена), Адонис, Мен (фригийское божество Луны) и Небесная дева.

Среди всех этих традиционных богов, перечень которых отнюдь не производит впечатления системы, появляется целый ряд аллегорических фигур. Рядом с нимфами и Паном находятся никак с ними не связанные Дикеосина — Законность и Евсебия — Благоговение (14—15). И если правомерно соседство Ор (богинь времен года) и аллегорий Гола (18), то Вера (Пистис), Справедливость (Дика) и Законодательница (Фесмодотейра) никак не согласуются с персонализациями Дня и Ночи (24—25), а Время (Хронос) и Вечность (Эон) — с мрачной богиней подземного мира Стикс (29—30).

Персонализация Провидения (Проноя) объединяется с разного типа демоническими силами (великий Демон, Демон — губитель смертных, демоны небесные, воздушные, водяные, земные, подземные, огненные, 30—33), а Победа (Ника) и Незыблемость (Адрастия) — со спасителями людей на море — Левкотеей и Палемоном

* Комментарии к орфическим гимнам, гимнам Прокла и Синезия составлены А. А. Тахо-Годи.

(35—36). Все ветры, громы и части космоса стоят рядом с Посейдоном (38—39), а Начало (Архе) и Предел (Перас) — рядом с Адонисом (41—42).

Вся эта бессистемность может быть объяснена только иррациональным пафосом, свойственным поэту, охваченному вдохновением.

I. К ГЕКАТЕ

Геката — в греческой мифологии богиня мрака, ночных видений и чародейства. Ее родители, Перс и Астерия, — дети титанов. Геката — древнее хтоническое божество; в борьбе Зевса с титанами стала на его сторону и получила от него власть над судьбой земли и моря. У Гесиода (Теогония 421—452) она — покровительница охоты, пастушества, военных дел, общественных занятий человека в суде, в народных собраниях. У Аполлона Родосского в «Аргонавтике» она помогает Медее добиться любви Ясона (III 842, 985, 1026—1041; IV 246—251), а Деметре — искать похищенную дочь (Гом. гимны V 52—62). Таким образом, Геката не только мрачная ночная богиня, в сопровождении своры собак (ночной коррелят Артемиды-охотницы) охотящаяся среди могил, «хтония», близкая богам подземного мира, но и богиня, помогающая людям в их повседневных трудах. Здесь явное совмещение классической и архаической мифологии.

Ст. 4. *Персея* — дочь Перса, отцом которого был титан Крий.

Ст. 7. Геката именуется *Таврополой*, т. е. той, которой приносили в жертву быков, как и Артемиде Таврополе. Возможно, и в значении «едущая на быках», «в повозке, запряженной быками».

...*ключами от целого мира*... — Имеется в виду власть над землей и морем, полученная Гекатой от Зевса, и сила, которой ее одарил Уран (Гесиод. Теогония 409—420).

Ст. 11. *Волопас* — здесь тот, кто принадлежит к числу молящихся, «пасет» их, является пастырем.

II. ПРОФИРЕЕ

Профирея — буквально «Преддверница». Так называли Илифию — помощницу при родах, дочь Зевса и Геры, а также Артемиду, имевшую в Элевсине (Павсаний I 38,6) имя Пропилей, т. е. Преддверницы. В переносном смысле Профирея — божество, открывающее новые пути жизни. В гимне Прокла (VI 2) так названа Геката, к которой обращается философ при открытии своей школы.

III. НОЧИ

Ст. 1. *Ночь* в традиционной «Теогонии» Гесиода рождается из Хаоса вместе с Эребом-Мраком и порождает от Эреба Эфир и Гемеру-День. Поколения же богов произошли от Урана и Геи. Здесь, в гимне, порождающая сила Ночи связана с орфической Теогонией. Орфею приписывается фрагмент о Ночи как начале (B 12 Diels) *.

По Мусею, все происходит от Ночи и Тартара (B 14). В «Теогонии» Эпименида такими первоначалами являются Воздух и Ночь (B 5). У Акусилая она является женским порождающим началом, в то время как Эреб — мужское начало (B 1) (см. об этом: Лосев А. Ф. Античная ночь и социально-историческое сознание древних//Acta conventus XI Eigene. Warszawa, 1971. P. 355—366).

Ст. 13. О необходимости-Ананке, тождественной неотвратимой судьбе — Адрастии, см. у Орфея (B 15). По Фалесу, она «сильнейшая» (A 1).

IV. УРАНУ

По Гесиоду, Урана-Небо породила из себя Гея, а затем, сочетавшись с Ураном, — титанов (126—128; 133 сл.). В срифических теогониях Уран — сын Ночи. Он — часть мироздания, как и огненный Гефест (LXVI 4).

* В дальнейшем все ссылки на тексты досократиков даются по Дильсью.

Ст. 2. Уран — начало и конец всему, как и Зевс (XV 7).

Ст. 3. О вращении Урана вокруг Земли ср. гимн Клеанфа «К Зевсу» (7)

Ст. 5. Стражем земли и неба именуется Уран у орфиков (фр. 113 Kern)*.

V. ЭФИРУ

Эфир, по Гесиоду, сын Ночи (124); как Звезды (9) и Уран (1), он вечен и несокрушим. Из Эфира, по Посидонию (Posidonius. The fragments//Ed. by L. Edelstein and I. G. Kidd. Cambridge, 1972. I. Fr. 127), тончайшей огненной материи, состоят тела богов, причем боги обитают в эфирных высях, которые смыкаются с Олимпом.

Ст. 4. Эфир является одной из пяти стихий (stoicheion), элементов (земля, вода, воздух, огонь, эфир), сочетания которых создают разные виды материи (см. об этом: Лосев А. Ф. Античный эфир в связи с основным античным модельно-порождающим принципом мысли // Проблемы античной культуры. Тбилиси, 1975. С. 435—446; Он же. Стойхейон. Древнейшая история термина // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1971. № 450. С. 18—26).

VI. ПРОТОГОНУ

Протогон — знаменитое божество орфических космогоний и теогоний. Он же — Фанет, Эрикeпай, Антавг, Приап (см. вступительную статью).

Ст. 1. Протогон *двусущий* (diphyēs), так как объединяет в себе два начала, мужское и женское. Таков в орфическом гимне XXX Дионис (2), который там же именуется Протогоном (2) как одно из главнейших божеств орфической мифологии. Эта двойная природа Протогона (он также баран и бык, лев и дракон) отмечена, по свидетельству Прокла, в орфических «священных словах» (фр. 81). Во фрагменте 73 он именуется «сыном Эфира», «Фазтоном» («сияющим»).

Ст. 2. Протогон рожден из *яйца* (ср. пародию на орфическую космогонию: Аристофан. Птицы 690—702) и является, по орфикам, семенем всех богов (фр. 85). На своих золотых крыльях Протогон Фанет носится там и сям (фр. 78).

Ст. 3. Протогон ревет, как бык, так как среди его многих голов есть и бычьи (фр. 79).

Ст. 5. Протогон — *Эрикeпайон* (ср. орф. гимн LII — Дионис Протогон Эрикeпайон, а также фр. 167). Имя «Эрикeпайон» (Эрикeпай) негреческое. Видимо, Эрикeпай был, как Сабазий, местным малоазийским божеством, отождествленным с Дионисом, судя по тому, что на алтаре в Гиерокесарее Лидийской есть посвяtitельная надпись II в. н. э. «Дионису Эрикeпая».

Ст. 8—9. Протогон именуется *Фанетом* и *Антавгом*, а также Дионисом и Евбулеем в орфическом фр. 237.

Ст. 9. У стойка Корнута (27, р. 50, 15 Lang) *Приап* и космос тождественны, так как через них все выходит на свет (Cath'hop proeisin eis phos panta).

Ст. 11. *Оргиофант* — жрец, посвящающий в таинства.

VII. ЗВЕЗДАМ

Ст. 3. У Гесиода (378—382) звезды рождены богиней Зарей-Эос и Астреем (ср. гр. astron «звезда»).

Ст. 6. Звезды, как думали в древности, определяют судьбу людей, из которых каждый рожден под своей звездой.

Ст. 8. *...пояса семикратные...* — Семь поясов — семь планетных сфер. Самая близкая к Земле — сфера Луны, далее сферы Солнца, Венеры, Меркурия, Марса, Юпитера и Сатурна, каждая из которых имеет в пифагорейской традиции свою числовую символику (подробности см.: Платон. Соч. в трех томах. М., 1971. Т. 3 (1). С. 668).

* В дальнейшем ссылки на орфические фрагменты даются по Керну.

VIII. ГЕЛИОСУ

Ст. 1. *Всевечное око* Гелиоса соответствует «всевидящему кругу» (око-круг) Солнца, к которому взывает у Эсхила Прометей (91). Ср. «страшные» очи Гелиоса (Гом. гимны XXXI 10). В гомеровском гимне к Деметре только Солнце, озирающее сверху землю и море, было свидетелем похищения Персефоны богом Аидом (V 64—87).

Ст. 2. Гелиос, по Гесиоду (371—374), сын титаниды Фейи и *Гипериона*. В гомеровском гимне «К Гелию» он сын Эйрифаессы («широкоцветящей») и Гипериона («идущего наверху»). Однако в поздней античности Гелиос и Гиперион отождествляются.

Ст. 4. Родителем *Зари* и *Ночи* Гелиос назван метафорически.

Ст. 5—7. *Оры* — богини времен года, открывающие и закрывающие небесные врата Олимпа. Здесь — в значении определенных периодов времени. Гелиос мыслится стремительным в хороводе времени, управляющим золотой четверкой коней.

Ст. 10—13. Здесь характерное позднеантичное отождествление Гелиоса, Аполлона-Пзана и Зевса, которое отражено и в гимне Прокла к Гелиосу. Только здесь Гелиос играет на свирели, сиринге, а там поет под кифару (19). В орфической «Аргонавтике» он тоже «бегущий огнем» (1122), а в поэме «О камнях» («Литика») — «живящий», «несущий жизнь» (301), «плодовый», как Пан (11), и «отец времени», как орфический Геракл (3).

Гелиосу посвящен гимн Месомеда, вольноотпущенника Адриана (II в. н. э.). В этом гимне Гелиос воспевается как Аполлон (подробнее см.: Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 479—480).

IX. К СЕЛЕНЕ

Ст. 1. Селене-Луне, богине с золотым венком, посвящен гомеровский гимн XXXII.

Ст. 2. В гимне Селена — *Месяц с рожками*, а в орфических фрагментах месяц именуется «однорогим теленком» (фр. 273).

Ст. 4. Селена имеет муже-женскую природу, как орфические Афина (10) и Миса (4). У Платона говорится, что мужской пол «происходит от Солнца, женский — от Земли, а совмещающий оба этих — от Луны, поскольку и Луна совмещает оба начала» (Пир 190 b).

Ст. 5. В гомеровском гимне XXXII Селена гонит по небу лучезарных коней (9—10).

Ст. 10. Селена — дева подобно Артемиде, с которой она иной раз отождествляется.

Ст. 12. *Неофиты* — недавно посвященные в таинства.

X. ПРИРОДЕ

Ст. 1. Общей, или всеобщей, матерью (ραπτειοτ) именуется Земля у Эсхила (Прометей прикованный 90).

Ст. 3. Образ природы-кормчей связан с представлениями о божестве, управляющем миром предусмотрительно и разумно (ср. Зевс-кормчий в «Прометее» Эсхила, 178).

Ст. 11. Выражение *самоотец, не имущий отца*, имеет параллель в гимнах Синезия, где божество именуется «самоотцом, отцом, безотчим и доотчим всех отцов» (I (III) 141—145, Lacombrade).

Ст. 14. *Самодостаточна* (в оригинале αυταρχεια «автаркичная», «самоудовлетворенная») — эпитет, входящий в систему стоических категорий. Природа именуется *Дикой* — Справедливостью, так как она разумно и справедливо направляет жизнь, за всем следя и всему воздавая по заслугам. Ср. в гимнах Прокла слова о «быстрозоркой злоотвращающей» Дике (I 36, 37). Дика, по Гесиоду, одна из трех Ор, направляющих течение времен года, дочь Зевса и Фемиды (901—902). Сестрами Ор являются Мойры, богини судьбы (904—906), так что связь справедливости и судьбы очевидна. *Пейто* — богиня убеждения.

Хариты — дочери Зевса и океаниды Евриномы (907—911), благосклонные и милостивые к людям богини. По мнению стоика Хрисиппа, у всего общая природа и судьба, так что справедливость и благозаконие — одно и то же (Stoicorum veterum fragmenta//Coll. I. Arnim. Lipsiae, 1921; 1964.V.II.Fr.1076. P. 315, 8—10)*, что и неудивительно, так как, по Гесиоду, Благозаконие — Евномия и Справедливость — Дика — сестры и, как было сказано выше, дочери богини правосудия Фемиды (901—902).

Ст. 19. *Кормилицей* кроме Природы именуется в орфических гимнах Мать богов.

Ст. 21. Выражение *ваятель владычный* (букв. plasteira «ваятельница») связано со стоическими воззрениями на художественно-техническую сущность природы. «Ваятельница» именовал Природу Зенон, на которого сделал ссылку Цицерон (SVF I фр. 172).

Ст. 28. Стоик Хрисипп говорил об общей природе и общем логосе природы в отождествляемых судьбе, промысле и Зевсе (II фр. 937, p. 269, 12—14).

Ст. 29. *...ты — во всем...* — можно сравнить со словами римского стоика Марка Аврелия: «О природа, из тебя все, в тебе все, к тебе все» (IV 23 Dalfen). О стоическом влиянии на гимн Природе см.: Тахо-Годи А. А. Природа и случай как стилистические принципы новоаттической комедии // Вопросы классической филологии. М., 1971. III—IV. С. 237—242.

XI. ПАНУ

Ст. 1. *Пан* (сын Гермеса), присутствуя во всем, по мнению стоика Корнута, тождествен космосу (27, p. 49, 4 Lang).

Ст. 2—3. Здесь дается характеристика Пана, близкая облику Гефеста-огня в гимне LXVI, тоже проникающего во все и присутствующего во всем (5—7).

Ст. 4—6. Пан как божество природных сил связан с богинями времен года, *Орами*.

...козлоногий вакхант... — Зооморфной ипостасью Вакха является козел, Пан тоже наделен зооморфными атрибутами (рога, копыта, хвост, шерсть) и мыслится пастухом, блющим стада коз. Он же — игрок на свирели, отсюда — *резвая песня*.

Ст. 6. Пан в качестве объединяющего космического начала (гр. pan «все», «вселенная», «универсум») создает мировую гармонию.

Ст. 7. Пан может насыщать страх («ужас для смертных»), от чего участники гимнического ритуала просят их избавить (23).

Ст. 9. О Пане, друге нимф, ведущем с ними хороводы, читаем в гомеровском гимне XIX (2—6, 19—24).

Ст. 11. Пан, выражая собой исконное единство мира, именуется, как Аполлон, универсальное божество поздней античности, *Пэаном*.

Ст. 12. В одном из орфических фрагментов упоминается «Зевс рогатый», бог всего (фр. 297 b), т. е. Зевс и Пан изоморфны.

Ст. 15. Об *Океане*, вращающем свои воды вокруг Земли неустанным потоком, ср. у Эсхила (Прометей прикованный 138—140).

XII. ГЕРАКЛУ

В этом гимне герой-полубог Геракл, сын Зевса и смертной женщины Алкмены, воспевается как божество, титан, всепорождающий и всепожирающий, всевысочайший, демон, несущий зарю и ночь на своей голове, проходящий с востока на запад, т. е. здесь Геракл приобретает атрибуты Солнца, которое Прокл в гимне I именуется «златоповодным титаном». В знаменитой поэме о подвигах Диониса (VI в. н. э.) Нонна Панополитанского есть несколько десятков стихов, представляющих собой как бы гимн к Солнцу (369—410), где к нему взывают, как к Гераклу: «О звезднохитонный Геракл, владыка огня, властитель космоса, Гелиос, пастырь длиннотенный человеческой жизни» (369—370), и именуют вместе с тем Сарapisом — египетским Зевсом, Кроносом, Фазтоном («сияющим»), Митрой, вавилонским Солнцем, Аполлоном в Дельфах, Пэаном и Эфиром. Все это — яркое свидетельство языческого универсализма конца античности.

Ст. 16. *Керы* — демонические существа, несущие гибель.

* Ссылки на все дальнейшие тексты стоиков даются по данному изданию, сокращенно SVF.

XIII. КРОНОСУ

Кронос, младший из титанов, захвативший власть у своего отца, считался умным и хитрым божеством. Однако его лишил власти тоже младший его сын Зевс, в дальнейшем низринувший всех титанов в Тартар (Гесиод. Теогония 137—138, 166—184, 674—719).

Ст. 7. Кронос — супруг своей сестры, титаниды *Реи*. Он именуется здесь промыслителем, как хитроумный и знающий будущую судьбу титанов. Он — отец *младших богов* — Зевса и его братьев и сестер, Олимпийцев.

Ст. 9. Эпитет Кроноса *хитролукавый умом*, буквально «кривоумный», встречается в гомеровском эпосе (Ил. II 205) и у Гесиода (Теогония 18).

См. вариант перевода гимна, принадлежащий Д. Н. Недовичу.

КРОНОСУ (фимиа, стиракта)

- Огненный, отче богов блаженных и всех человеков,
Волей причудливый, чистый, Титан многомогущий, великий
Духом! Ты все расточаешь дотла и вновь возвращаешь;
Несокрушимые узы ты держишь безмерной вселенной,
5 Кронос извечный, родитель всему, разносказовый Кронос!
Ты порождение Геи с Ураном, покрытым звездами,
Меньших родителей богов, Прометей священный, муж Реи;
Родоначалник, по всем обитаешь участкам вселенной,
Мудролукавый, сильнейший, услышь умоляющий голос,
10 Жизни, все время счастливой, пошли нам честную кончину!

XIV. РЕЕ

Рея, дочь Геи и Урана, вступившая в брак со своим братом Кроносом (Теогония 135, 453), отождествлялась у орфиков с Деметрой, Матерью-землей, Гестией (West, p. 81). Она — дочь Протогона так же, как все боги, в конечном счете происходящие от этого орфического первоначала.

Рея отождествлялась также с Кибелой, или Идейской матерью, обитавшей в горах и уединенных местах, где ее сопровождала обычно оргиастическая толпа служителей и жрецов. На Крите свиту Реи составляли куреты и корибанты, бьющие в цитры и тимпаны.

См. вариант перевода гимна, принадлежащий Д. Н. Недовичу.

РЕЕ (фимиа, ароматы)

- Рея-владычица, дочь Протогона различного видом!
Лев-быкбойца влечет священну твою колесницу.
В гуле тимпанов разящая страстью, ты дева из меди,
Мать повелителя Зевса — эгидодержавца Олимпа.
5 Чтимая, светлая, ты, блаженная Крона супруга,
Любишь ты горы и в них — завыванье ужасное смертных;
Рея, царица для всех, боевая, могучая духом, —
Ложно спасая, спасаешь и подлинно, первая родом,
Мать бессмертных богов и смертных мать человеков.
10 Все из тебя — и земля, и пространное небо поверху,
Море и ветры. О склонная к бегу, воздушная видом,
Волей благою спасая, приди, блаженна богиня,
Мир низводящая к нам со счастливым вместе богатством,
Скверну и смертных Кер отославши до края земного.

XV. ЗЕВСУ

В данном гимне Зевс наделен прежде всего функциями общеприродного божества, вне его роли устроителя общественной жизни и основателя законов.

Ст. 1. Зевс именуется *негубимым* в гимне Прокла (VI 3).

Ст. 3. В этом стихе заметно влияние на орфиков стоического учения о Зевсе как начале всего живого (fr. 298 Kern: Корнута 2, р. 3, 8 Lang).

XVI. ГЕРЕ

Гера, супруга и сестра Зевса, богиня — покровительница брака. Ее имя в древности пытались толковать, исходя из понимания ее как «воздуха» (Hera—aēr). Об этом читаем во фрагментах стоиков (II фр. 1021). Отсюда и представление о ней в гимне как матери дождей и кормилице вихрей.

XVII. ПОСЕЙДОНУ

Посейдон, сын Реи и Кроноса, брат Зевса (Теогония 453—457), владыка морской стихии. В его имени этимологи находят указание на древнейшее представление о боге, связанном с плодородием земли, пропитанной влагой. Посейдон (дорийская форма Poteidan — pot-ros, корень слова указывает на «супружество», da-ga, «земля») или «супруг земли», или «колебатель земли» (ср. Од. V 366), «земледержец» (I 68). Мощные порождающие силы Посейдона позволяют толковать его имя как «владыку вод» (корень pot- указывает на владычество, власть: da- «вода» во многих индоевропейских языках).

См. вариант перевода гимна, принадлежащий Д. Н. Недовичу.

ПОСЕЙДОНУ (фимиам, смирна)

- 5 Внемли мне, Посейдон, земледержец с главой синекудрой,
 Конник, держащий в руках трезубец из кованой меди;
 Ты обитаешь в пучинах глубокого моря, властитель,
 Безднами гулкий, широкошумящий, земли потрясатель,
10 Пенноцветущий, прекрасный очами, гонящий четверку;
 Воду колеблешь соленую ты через шумы морские,
 Треть в удел получивший — морские глубокие струи,
 Волны потеха тебе, да и звери: владыка и демон,
10 Недра земли ты хранишь и стремление судов быстроходных;
 Мир и здоровье подай нам и счастьем богатства ущедри.

XVIII. К ПЛУТОНУ

Плутон, сын Кроноса и Реи, брат Зевса и Посейдона — владыка царства мертвых, Аид. Плутон-Аид отождествляется с Плутосом-Богатством (Гом. гимны V 489), так как божество мертвых мыслилось обладателем подземных богатств. Характерно, что в орфическом гимне он именуется «Хтоническим Зевсом», т. е. «почвенным», — несомненный рудимент древнейшей мифологии, где в одном божестве Зевсе были сосредоточены силы небесные, земные и подземные. Плутон, как и другие боги, получил после победы над титанами свои владения из рук Зевса (Теогония 881—885).

Ст. 10. *Ахеронт* — одна из рек царства мертвых. Для греческой мифологии характерно было представление о корнях земли и моря, которые залегают в Тартаре (Теогония 728). Царство Аида находится выше Тартара, непосредственно под землей.

Ст. 11. Плутон *многопримный* именуется также «щедрым» и «гостеприимным» (Гом. гимны V 404, 430), так как смерть уготована каждому человеку.

Ст. 12. В орфических фрагментах Плутон отождествляется с *Евбулеем* (фр. 46, р. 115), похитившим дочь Деметры Персефону, о чем рассказывает гомеровский гимн V.

XIX. ЗЕВСУ КЕРАВНУ

Гимн воспевает Зевса Керавна (Громового), выдвигая на первый план древнюю природно-стихийную функцию этого божества, само имя которого, если судить с точ-

ки зрения этимологии (индоевр. *dieus* «дневное небо», др.-инд. *deva* «бог», лат. *dies* «день», гр. им. п. *Dzeus*, род. п. *Dios*), связано с представлением о небе, а в античности еще и воспринималось как «жизнь», «орошение», «то, через что все существует» (подробности об имени Зевса см.: Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 96—104). В гомеровском гимне XXIII Зевс именуется «громкораскатистым», «громкозвучным», т. е. громовым. У Гесиода громом и молниями он поражает чудовище Тифона (Теогония 853—859), в битве с титанами он также «владыка Громовержец», который мечет с неба и Олимпа перуны, полные блеска и грома (689—691).

XX. ЗЕВСУ АСТРАПЕЮ (МОЛНИЙНОМУ)

См. выше, комм. к гимну XIX.

XXI. ТУЧАМ

Тучи представляют здесь одну из персонификаций сил природы. Античная мифология знала Нефему — богиню облаков. У Аристофана воспеваются «вечные облака», «священные», «носители дождя», как некие новые божества, якобы проповедуемые Сократом (Облака 275—291, 299—313).

XXII. ТЕФИИ

Данный гимн имеет в оригинале заголовок: Талассе «Морю». Но поскольку гр. *thalassa* «море» женского рода, а в русском языке — среднего рода, в гимне же воспевается морская богиня Тефия, то пришлось в переводе изменить наименование этого гимна. В греческой мифологии было божество моря — Понт, рожденное Геей, мужской коррелят Талассы. Тефия (Тетис) — титанида, дочь Геи и Урана, супруга своего брата Океана.

XXIII. НЕРЕЮ

Нерей — божество морской стихии, сын Понта и Геи, славился своим правдолюбием.

XXIV. НЕРЕИДАМ

Нереиды (их 50) — дочери Нерея и океаниды Дориды, имена которых указывают, если судить по «Теогонии» Гесиода, на движение, игру, цвет волн, изменчивость морской стихии и т. д. (240—264).

Ст. 4. *Тритон* — морское божество, сын Посейдона и Амфитриты, обитающий в глубинах моря, в золотом доме (Теогония 930—933). Тритонами называются также морские миксантропические (имеющие человеческие и животные черты) существа, резвящиеся среди волн и дующие в раковины.

Ст. 10—12. Здесь имеется в виду ряд мотивов из биографии Диониса. Диониса и его спутников преследовал царь эдонян Ликург, не признававший бога. Дионис, спасаясь от преследователей, бросился в море и был принят там одной из нереид, Фетидой (Ил. VI 130—139). У Гесиода говорится, что нереиды вместе с Аполлоном пестуют «мальчиков юных» (346—348).

Ст. 11. *Персефона* — Персефона, см. ниже, комм. к гимну XXIX.

Ст. 12. *Каллиопа* — «прекрасноголосая», дочь Зевса и Мнемосины, одна из девяти муз. Сын Ээгра и Каллиопы Орфей установил мистерии Диониса (Аполлодор I 3, 2—3).

XXV. ПРОТЕЮ

Протей — морское божество, сын Посейдона (Аполлодор II 5, 9), символизирует многообразие, изменчивость и загадочность морской стихии и природы вообще. У Гомера в «Одиссее» Протей после того, как совершил ряд превращений в зверей,

огонь, воду и дерево, прорицает о судьбе ахейского войска (IV 351—424). Этот эпизод с метаморфозами Протея философы-стоики (II фр. 305) аллегорически толковали как изменчивость материи. Само имя — Протей — стоики связывали с понятием первичности (гр. *prōtos* «первый») материи (II фр. 316, I 87).

XXVI. ГЕЕ

Гея-Земля воспевается в гимне как природное начало, рождающее все многообразие земных плодов, вне ее мифологической роли прародительницы поколений богов, хотя она и называется «матерью» смертных и бессмертных.

XXVII. МАТЕРИ БОГОВ

Мать богов в греческой мифологии носила разные имена: Кибела, Кивева, Диндимена, Идейская мать, Великая мать богов. Это богиня фригийского происхождения, олицетворяющая плодородные силы природы, их смерть и возрождение, близкая по функциям Рее, с которой и отождествилась. Мать богов обычно предстает на золотой колеснице, куда впряжены львы, в окружении безумствующих и бьющих в бубны и щиты куретов и корибантов, а также диких зверей. У римского поэта Лукреция в поэме «О природе вещей» рисуется шестие Матери богов (II 600—643). В связи с тем что Мать богов мыслится основой мира, она в поздней мифологии могла отождествляться с Гестией, богиней космического очага.

XXVIII. ГЕРМЕСУ

Гермес не только вестник богов, но и сила, связующая два мира — живых и мертвых: он сопровождает души умерших в царство смерти (Од. XXIV 1—5). По велению богов он убил многоглазое чудовище — Аргуса (Аполлодор II 1, 3), преследовавшего возлюбленную Зевса Ио (Гера превратила ее в корову).

Ст. 6. Гермес — *толкователь* всего (отсюда наука о толковании называется герменевтикой; см. орф. фр. 297 а 1).

Ст. 8. Гермес-*Корикиец* назван по имени пещеры в Беотии у Парнаса, где обитала нимфа Корикия, возлюбленная Аполлона. Эта пещера находилась под покровительством нимф и Пана, сына Гермеса (Павсаний X 6,3; 32,6).

XXIX. ГИМН ПЕРСЕФОНЕ

Персефона (Ферсефона) — дочь Зевса и Деметры, ставшая супругой Аида и пребывающая с ним в царстве мертвых одну треть года, а две трети — на Олимпе с матерью. В орфической теогонии Персефона — супруга Зевса, от которого она родила Диониса Загрея (см. об этом в поэме о подвигах Диониса писателя VI в. н. э. Нонна, V 562—570).

Ст. 5. *Праксидикой* — «вершительницей справедливости» — Персефона именуется в орфической «Аргонавтике» (31).

Ст. 6. *Евмениды* — богини мести, дочери Геи, родившиеся из крови оскопленного Урана (Теогония 184—186). Они обитают в царстве Персефоны и Аида (Вергилий. Энеида VI 280, VII 563—571). Однако в орфической теогонии (фр. 197) они рождены Аидом и Персефой.

Ст. 8. *Евбулей* — сын жреца Деметры или Дисавла, брат Триптолема, получивший вместе с ним от богини первые семена для посева. Евбулей и Триптолем связаны с Элевсинскими мистериями (Павсаний I 14, 2—3). В орфической теогонии Евбулей отождествлялся с Дионисом, сыном Зевса и Персефоны.

Ст. 11. Персефона *рогатая*, так как в орфических мифах она приняла вид рогатой змеи, соединяясь с Зевсом, принявшим вид змея.

Ст. 16. *Ферсефона* — несущая гибель, смерть (гр. *pherō* «несу», *phōnē* «убийство»).

XXX. ДИОНИСУ

Дионис — в традиционной мифологии сын Зевса и смертной женщины Семелы. В орфической теогонии он именуется также Загреем, «Великим охотником», сыном Зевса Критского и богини Персефоны, принявших вид змей. О растерзании Загрея титанами и возрождении его см. вступительную статью.

Ст. 2. Дионис *первороденный* отождествляется с Эрикепаем и с Протогоном, который именуется двусущим, т. е. двуполым (см. выше, комм. к гимну VI).

Дионис *триждырожденный* — Иакх — сын Зевса и Деметры, растерзанный «землеродными» и вновь возвращенный к жизни Деметрой. Таким образом, мифологическая традиция знала и одного, и трех Дионисов (см. орф. фр. 301 со ссылкой на Диодора, а также: Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 152—153).

Ст. 3—4. Древние ипостаси Диониса зооморфные (бык, козел), почему он и именуется *двурозим*, или фитоморфные — растительные (плющ, виноградная лоза), как у божества изобильных природных сил.

Ст. 5. *Трехлетний* — тот, которому установлены празднества каждое трехлетие в течение тридцатилетнего цикла. Здесь символически прославляется Вахх как божество виноградной грозди, сок которой символизировал кровь растерзанного Диониса. Дионису трехлетнему посвящены гимны XLV и LII.

XXXI. ГИМН КУРЕТАМ

Куреты — демонические существа (наряду с корибантами) из окружения Великой Матери богов Реи-Кибелы и младенца Зевса, которого Рея спрятала в пещере на Крите от Кроноса. Куреты заглушали плач младенца ударами копий о щиты, тимпаны и криками (Страбон X 3, 7). В поздней античности они входят в окружение Афины (Прокл. Комментарий к «Кратилу» 406 d, p. 112, 14). Их считали также воспитателями младенца Диониса (Страбон X 3, 11—12).

Ст. 4. *Косметоры* — букв. «устроители», «управители» от гр. *kosmō* в значении «выстраивать», «располагать в порядке войско», «управлять».

XXXII. АФИНЕ

Афина — любимая дочь Зевса и его первой супруги богини мудрости Метиды (от гр. *mētis* «мысль»). Боясь предсказания Геи и Урана о потере власти после брака с Метидой, Зевс проглотил свою беременную супругу (Теогония 886—900), а затем сам породил из своей головы (с помощью Гефеста или Прометея) Афины (Аполлодор I 3, 6). Именно поэтому Афина именуется в гимне «единородной».

Ст. 8. Афина именуется *Горгоубийцей*, так как она убила Медузу Горгону (Еврипид. Ион 989—991, 1476), чью голову, наводящую ужас, носит на своей эгиде, щите из козьей шкуры (Ил. II 446—449).

Ст. 9. Афина — *мать... искусств* (букв. *technē* «ремесло»), покровительница ремесла, поэтому называется эрганой «работницей» у Софокла (фр. 760). Она помогла Прометею украсть огонь из кузницы Гефеста (Ватиканские мифографы II 63—64).

Ст. 12. Афина именуется *змеей* в память ее архаического зооморфного прошлого, когда ее почитали в виде змеи (ср. зменная мудрость). По Геродоту (VIII 41), на афинском акрополе обитала огромная змея, посвященная Афине.

Ст. 13. Афина — участница битвы олимпийцев с гигантами на *Флегрейских* полях, где она уничтожила Энкелада и Палланта (Аполлодор I 6, 1—2).

Ст. 14. *Тригоенией* богиня именуется в связи с рождением у озера (или реки) Тритон в Ливии.

Ст. 15. О зооморфном архаическом прошлом Афины напоминает рудиментарный эпитет *совоокая*. Непременными атрибутами Афины были в классической мифологии греков змея и сова.

XXXIII. НИКЕ

Ника (Нике) — персонификация победы, дочь океаниды Стикс и Палланта

(Теогония 383 сл.). Вместе с ней выступают ее помощники — Сила, Мощь, Рвение. В произведениях искусства крылатая Ника — атрибут Зевса и Афины.

XXXIV. АПОЛЛОНУ

Аполлон-стреловец — мощное божество, в образе которого соединяются рациональная ясность и темные стихийные силы. Поздняя античность объединила представление о Зевсе и Гелиосе-Солнце в Аполлоне как универсальном космическом начале. Об Аполлоне в орфической литературе см.: Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 523—524.

Ст. 1. Здесь перечислены священные имена Аполлона. Имя *Феб* (phoibos) указывает на чистоту, блеск, прорицание (Еврипид. Гекуба 827). Аполлон *Ликорейский* связан с одной из вершин Парнаса — Ликореей, местом почитания божества. Аполлон именуется *Пэаном*, или Пэаном, в качестве целителя (Софокл. Царь Эдип 154). Но он также Пэан как убийца змея Пифона, в которого метал стрелы.

Ст. 2. Выражение *Мемфиса житель* — позднего происхождения; указывает на почитание Аполлона в Египте.

Ст. 3. Аполлон также убийца великана *Тития*, покушавшегося на его мать Лето. Аполлон назван *Пицийцем* по имени убитого им змея Пифона (см. Гом. гимны II). *Титан* — позднее имя Аполлона, отождествляемого с титаном Гелиосом-Солнцем (см. гимн I Прокла). Аполлон — *засеватель* и *оратай*, так как ему свойственны функции помощника в трудах.

Ст. 4. *Сминфей* — букв. «мышинный» — древний эпитет Аполлона, насылающего мышей и спасающего от них (Ил. I 39; Страбон XIII 1, 48). *Дельфиец* указывает на важнейшую функцию Аполлона — его оракул в Дельфах у Парнаса (см. Гом. гимны II) и связь со знанием будущего, почему он — *Мойрагет*, «водитель судьбы» (Павсаний X 24, 4—5). Эпитет *Гриней* указывает на храм и оракул Аполлона в Гринии (М. Азия).

Ст. 6. Аполлон возглавляет богинь искусств, поэтому он — *Мусагет* (Гом. гимны III 450—452).

Ст. 7. Имя *Бакхий* указывает на связь с Дионисом, у которого Аполлон занимал имена Бакхий и Плуц (Эсхил, фр. 341 Radt), что говорит о тесных взаимоотношениях Аполлона и Диониса, божеств-антагонистов, которым в Дельфах устраивали общие праздничные оргии на Парнасе (Павсаний X 32, 7).

В Дидимах, вблизи малоазийского города Милета, был храм и оракул Аполлона *Дидимея*, которым владел род жрецов Бранхидов. Аполлон *Локсий* — дающий двусмысленные (от гр. Ιοχος «кривой»), загадочные, двояко толкуемые прорицания,

Ст. 8. Эпитет *светоносный* указывает на связь Аполлона с Солнцем.

Ст. 11—15. В этих стихах выражена поздняя идея синкретического великого божества.

Ст. 16. *Кифара* Аполлона — инструмент, струны которого как бы создают космическую гармонию.

Ст. 18. *Дорийский лад* — мужественный и сдержанно-благородный, один из самых почитаемых ладов греческой классики, в то время как лидийский выражал жалобу, а фригийский — экзотичность (см.: Лосев А. Ф. Античная музыкальная эстетика. М., 1960—1961. § 2—4, 7).

Ст. 25. Аполлон близок к *Пану*, будучи охранителем стад (Аполлон Номий) (Ил. II 763—767; Гом. гимны III 71). Здесь, в гимне, имеется в виду всеохватность функций Аполлона как универсального божества.

XXXV. ЛЕТО

Ст. 2. *Коантида* — дочь Коя (гр. Coiantis).

Ст. 5. Лето родила Аполлона и Артемиду у горы Кинф на одном из Кикладских островов — Делосе (бывший о. Астерия). Поэты отождествляли Ортигию и Делос, но иногда Ортигию связывают с другим Кикладским островом, Ренеом, расположенным рядом с Делосом.

XXXVI. АРТЕМИДЕ

Ст. 1—2. Артемида *многоименная*, поскольку сближается с Селеной-Луной, Гекатой, Илифией, критской богиней Бритомартис, получившей имя Диктины; здесь она еще и *Бромия* «шумная».

Ст. 3. *Светоч* указывает на связь с ночной богиней Гекатой и Селеной. *Диктиной* стала называться спутница Артемиды, Бритомартис, бросившаяся в море от преследования критского царя Миноса и получившая имя от гр. *dictyon* «сеть», так как ее спас в море рыбачий невод.

Ст. 13. Артемиде названа *кидонянкой* по имени основанного Миносом на Крите в память сына Аполлона поселения Кидония. Жители Кидонии славились стрельбой из лука, а местные сады — кидонскими яблоками (может быть, айва).

XXXVIII. КУРЕТАМ

О куретах см. выше, комм. к гимну XXXI.

Ст. 2. Куреты и корибанты сближались с кабирами, дактилями, тельхинами, т. е. хтоническими демонами морей и потаенных земель, знатоками ремесел, особенно кузнечного (Страбон XIV 2, 7).

Ст. 4. На острове *Самофракия*, а также на островах Имброс, Лемнос процветал культ кабириов, в поздней античности слившийся с орфическими таинствами.

Ст. 21. Куреты и корибанты находились среди окружения Зевса-младенца (см. выше, комм. к гимну XXXI).

XXXIX. КОРИБАНТУ

Гимн обращен к одному корибанту, так как число корибантов, как и куретов, неопределенно. Если число куретов колеблется от 2 до 10, то корибантов от 3 до 1 (поздняя традиция).

Ст. 6. В «Протрептике» Климента Александрийского (II 19) излагается содержание «священной истории», связанной с оргиями в честь корибантов: два брата корибанта убили третьего, завернули его голову в пурпур и похоронили вблизи Олимпа.

Ст. 7—8. По приказанию Део корибант был превращен в змея, почему он и именуется выше *двусущим*.

XI. ДЕМЕТРЕ ЭЛЕВСИНСКОЙ

О Деметре, или Део, см. выше, комм. к гимну XXIX, гом. гимну V и к гимну VI Каллимаха.

Ст. 10. *Бромий* «шумный» — эпитет Диониса, божества, связанного с природой и потому близкого к Деметре.

XLI. МАТЕРИ АНТЕЕ

Антея — редкий мифологический образ поздней античности. Если в схолиях к Аполлонию Родосскому (I 1141) она отождествляется с Реей (а та, как известно, идентифицируется с Великой Матерью богов), то лексикограф Гесихий так именует Гекату. Здесь, в гимне, Антея является в качестве ипостаси Деметры, ищущей дочь Персефону, и, кроме того, матери Евбулея, который в традиционной мифологии считается сыном Деметры (см. выше, комм. к гимну XXIX).

XLII. МИСЕ

Миса — божество малоазийского происхождения из круга Деметры и Диониса Евбулея. Судя по надписи, найденной вблизи Пергама и опубликованной еще в

1881 г., был воздвигнут алтарь Мисе Коре, что позволяет объединить Мису с Корой-Персефоной, дочерью Деметры (см. также комм. к гимнам XXIX и XXX).

Ст. 5—10. Этот пассаж гимна указывает на позднеантичное распространение культа богини и синкретичность ее образа, взбравшего в себя даже египетскую Исиду (Изиду). Ср. у Апулея в «Метаморфозах» (XI 2) знаменитую похвалу Исиде как всеобщему космическому божеству, а также явление самой Исиды во сне Луцию, когда она перечисляет все свои ипостаси и эпитеты (XI 5), оказываясь и фригийской Матерью богов, Дианой (Артемидой) Диктинской, Прозерпиной (Персефоной), Церерой (Деметрой), Гекатой, Минервой (Афиной).

Ст. 6. Имеется в виду Великая Мать богов, культ которой был малоазийского происхождения.

XLIII. ОРАМ

О дочерях Зевса и Фемиды, Орах, имена которых означают «Благозаконие» (Евномия), «Справедливость» (Дика) и «Мир» (Эйрена) см. у Гесиода (Теогония 901—903), причем там они являются родными сестрами трех Мойр (904—906) и сводными сестрами трех Харит (дочерей Евриномы и Зевса) — Аглаи, Евфросины и Фалии («Блестящей», «Благоразумной» и «Цветущей») (907—911).

XLIV. СЕМЕЛЕ

Семела — дочь Фиванского царя Кадма и Гармонии, возлюбленная Зевса, погибшая от грома и молний Зевса, который явился ей во всей своей славе по злому умыслу ревнивой Геры. Ребенок Семелы и Зевса, Дионис, был выхвачен отцом из пламени, зашит им в свое бедро и рожден в положенный срок (Еврипид. Вакханки 1—9, 88—98, 286—297).

Ст. 6. *Персефона* была матерью Диониса в орфической традиции (см. выше, комм. к гимну XXIX).

XLV. ДИОНИСУ БАССАРЕЮ ТРИТЕРИКУ (ТРЕХЛЕТНИКУ)

О Дионисе см. выше, комм. к гимнам XXX и XLIV.

Ст. 2. Дионис именуется *Бассареем* по длинной одежде фракийского происхождения, бассаре, в которую облекались его экстатические спутницы—менады («безумствующие»), или бассариды. Возможно, что эта одежда из шкуры лисы (бассара — лиса по-фракийски, Геродот IV 192).

Ст. 5 *Тирс* — остроконечный жезл, увитый плющом и виноградом, который в оргиастическом порыве метали спутники Диониса (см. описание вакхических безумств в трагедии Еврипида «Вакханки»).

XLVI. ЛИКНИТУ

Ст. 1. Дионис именуется Ликнитом в связи с первыми плодами урожая, которые посвящали Вакху (гр. *Испоп* «корзина с плодами»).

Ст. 2. Дионис назван *нисейцем* по горе Ниса во Фракии, Евбее или даже в Индии, где воспитывали Диониса нисейские нимфы (Еврипид. Вакханки 556—559).

XLII. ПЕРИКИОНИУ

Этот гимн посвящен Вакху, названному Перикионом (гр. *περικίον* «окруженный колоннами») после того, как он наслал землетрясение на дворец своего деда Кадма, где царствовал не признававший Диониса его двоюродный брат Пенфей. Оковы, в которые был закован Пенфеем Дионис, сами упали, а бог торжествовал среди хаоса и разрушения (Еврипид. Вакханки 616—637).

XLVIII. САБАЗИЮ

Сабазий — фригийско-лидийское божество, отождествленное с Дионисом Загреем, сыном Зевса-змея и Персефоны (Диодор IV 4, 1). Его священным животным была змея. Культ Сабазия начал распространяться в Греции еще в V в. до н. э., а затем в Риме, где слился с культом Юпитера. Сабазий, будучи одним из важнейших малоазиатских богов, идентифицировался с Зевсом, почему он и назван в гимне «сыном Крона».

Ст. 2. Дионис назван *Эйрафиотом*, так как он был зашит в бедро Зевса (от гр. ἐπάρτιο «вшиваю»).

Ст. 3—4. Сабазий и *Гипта* (тоже фригийско-лидийское божество) изымают Диониса из бедра Зевса и становятся его воспитателями в Лидии на горе *Тмол*, откуда потом взрослый Дионис начнет свой путь, возвращаясь в Грецию (Еврипид. Вакханки 13—14, 55—59, 65).

XLIX. ГИПТЕ

Гипта — местное (М. Азия) божество; была хтонической богиней Матерью, возможно близкой к хурритско-хеттитской Гепат (West, p. 96). Она — воспитательница Вакха-Диониса-Иакха на горах Ида (Фригия) и Тмол (Лидия).

L. ЛИСИЮ ЛЕНЕЮ

Культ Диониса связан с фитоморфным представлением о виноградной лозе как воплощении бога. Страдания Диониса и пролитая им кровь символизируются в разных этапах сбора винограда и приготовления вина. Дионис именуется Ленеем от гр. λένος «чан», где выжимают виноградные грозди. Отсюда праздник выжимания винограда — Ленеи в одноименном месяце; тогда же происходили состязания драматических поэтов.

Ст. 2. Вакх имеет как бы *двух матерей* — Семелу и Зевса, доносившего сына в бедре.

Ст. 3. Вакх именуется *разрешителем* (Лисием), так как он, даря людям перебродивший сок виноградной лозы, освобождает, «разрешает» от тяжелых забот и повседневной жизни.

Ст. 7. *Видом изменчивый бог...* — Имеется в виду многообразность Вакха, заключающаяся во всех природных формах, которые он принимает (животные и растительные).

Ст. 10. *Бромий* — «шумный»; Вакха славят буйными криками и экзотическими оргиями, он также — Эвой (Эвий), т. е. прославляемый криками «эвой».

LI. НИМФАМ

Ст. 1. Нимфы — дочери Океана, океаниды. Здесь имеется в виду более общее представление о самых различных природных божествах — девах (гр. πυτρή «дева»).

Ст. 5. Любимое обиталище нимф — *гроты*. См., например, сочинение Порфирия «О пещере нимф» (Вопросы классической филологии. М., 1976. VI).

Ст. 8. Нимфы, пляшущие с Паном, горные, так называемые орады.

Ст. 14. *Гамадриады* — нимфы деревьев.

Ст. 15. *Нисеянки* — нисейские нимфы.

Ст. 18. В греческом языке πυτρή означает также «источник, ключ».

LII. ТРИТЕРИКУ (ТРЕХЛЕТНИКУ)

Здесь имеется в виду Вакх, которому посвящались празднества каждые три

года в едином тридцатилетнем цикле, как Посейдону и Гере (см. выше, комм. к гимну XXX). О перечисленных ниже священных именах Вакха см. соответственно в комм. к гимнам XXIX, XXXIV, XLV, XLVI, L, LIII.

LIII. АМФИЕТУ

Ст. 1. Вакх, празднества которому справлялись ежегодно, назывался *Амфиетом*. *Дионис подземный*, т. е. «земной», «почвенный» (от гр. *chthōn* «земля»), — божество растительного мира.

LIV. СИЛЕНУ, САТИРУ

Силены и сатиры — демоны плодородия, воплощение стихийных сил природы с миксантропическими чертами (у силенов — лошадиные хвосты и копыта, у сатиров — рожки и копыта козлов): те и другие покрыты шерстью, уродливы, славятся задиристым нравом, непристойными шутками и жестами, пристрастием к вину. Обычно составляют свиту Диониса наряду с вакханками и вакхантами.

LV. К АФРОДИТЕ

У Гомера Афродита — дочь Зевса и Дионы. (Ил. V 370), однако существует другая версия: богиня родилась из крови осколненного Урана, которая попала в море и образовала там пену (Гесиод. Теогония 189—205), отсюда имя Афродиты «пенорожденная». В этой версии явны черты архаической мифологии.

Ст. 1. В классической античности Афродиту, богиню возвышенной любви, пазывали *Уранией* (Платон. Пир), т. е. небесной (от гр. *ouranos* «небо»), противопоставляя ее богине низменных страстей — Пандемос, пошлой, всем доступной.

Ст. 4. Афродита плетет хитрости (ср. эпитет «плетущая хитрости» в оде Сафо 1, 2) как супруга Гефеста, уродливого, но умного бога огня и кузнечного ремесла.

Ст. 11. В гомеровском гимне «К Афродите» богиня идет в сопровождении диких зверей, в том числе и волков. Эпитет Афродиты *волчья* кроме данного места нигде не засвидетельствован.

Ст. 17—18. Известно почитание Афродиты Урании в Сирии (Геродот I 105; Лукиан. О сирийской богине) и вообще на востоке (М. Азия, Египет).

Ст. 22. *Дий* — вариант падежной формы имени Зевса.

Фиады — участницы дионисийских оргий, называемые так по имени мифологической Фийи, дочери Касталия и матери Дельфа, которая первая принесла жертву Дионису и праздновала в честь него оргии.

Ст. 26. *Адонис* — возлюбленный Афродиты, см. ниже, комм. к орф. гимну LVI.

LVI. АДОНISУ

Адонис — божество финикийско-сирийского происхождения, с ярко выраженными растительными функциями, умирающее и воскресающее вместе с природой. Миф об Адонисе см. у Аполлодора (III 14, 4) и Овидия (Метаморфозы X 300—524, 708—739). Адонис — возлюбленный и спутник Афродиты — погибает от гнева Артемиды, наславшей на него кабана. Афродита оплакала Адониса и превратила его в цветок, окропив нектаром пролитую кровь.

Ст. 3. В гимне Адонис и Дионис *Евбулей* отождествляются.

Ст. 9. По Овидию, Афродита передала младенца Адониса на воспитание Персефоне, которая не пожелала потом с ним расстаться. По решению Зевса Адонис проводит у Персефоны в царстве мертвых одну треть года, а остальное время — на земле с Афродитой.

LVII. ГЕРМЕСУ ХТЕНИЧЕСКОМУ

Ст. 1—2. Гермес сопровождает души умерших в *безвозвратную* дорогу. *Кокит* — река в царстве мертвых.

Ст. 3—4. Гермес Хтонический объединяет мир подземный и земной, как Дниос и Афродита.

LVIII. ЭРОТУ

Эрот — бог любви, одно из четырех космогонических первоначал наряду с Хаосом, Гесей и Тартаром (Теогония 116—122). В классической традиции он — сын Афродиты и Ареса (Симонид, фр. 24), в эллинистической поэзии — золотоволосый, подобный ветру, золотокрылый изящный бог со стрелами и луком. Однако орфики возродили архаическое представление о мощной неотвратимой силе Эрота (у Акусилая он — сын Ночи и Эреба-мрака, внук Хаоса), который является у них Фанетом («явленным») (фр. 74), «древнейшим» и «всемудрейшим» (фр. 29, р. 100 v. 424) (о космической символике Эрота см. трактат Плотина (III 5) в кн.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. М., 1980).

Ст. 4. *Двуусый* — Эрот, бог земной любви, мыслился, с другой стороны, как космологическое начало.

LIX. МОЙРАМ

Мойры (букв. «часть», «доля», «участь») — богини судьбы. В архаической мифологии — дочери Ночи (Теогония 211—225). В классическом варианте мифа — они дочери Зевса и Фемиды (там же, 901—906): Лахесис («дающая жребий»), Клото («прядающая»), Атропос («неотвратимая»). Платон считает их матерью богиню Ананке («необходимость»), вращающую мировое веретено (Государство X 617 b—e). Однако у Гомера упоминается одна Мойра (Ил. V 613), а в поздней литературе — две (Павсаний X 24, 4). У орфиков (см. данный гимн) Мойры — дочери Ночи, причем в ст. 1 их несколько, в ст. 12 и 15 — одна, а в ст. 17 — их три сестры. В ст. 15 Мойра и разум Зевса объединяются (что характерно для классической и поздней античности).

LX. ХАРИТАМ

Хариты — благодетельные богини, воплощение доброты, радости и юности (от гр. *charis* «милость», «доброта»). Они — дочери Зевса и океаниды Евриномы (Теогония 907—911). Традиционные имена Харит, встречающиеся в данном гимне, варьируются, как и их число. Судя по их именам, они связаны с растительными силами природы.

Ст. 6—9 перенесены В. Квандтом в гимн LXIX. Здесь перевод дан по изданию Абеля, что более соответствует традиционным образам Харит.

LXI. ГИМН НЕМЕСИДЕ

Немесида — богиня мести, наблюдающая за справедливым распределением благ (гр. *nemō* «разделяю») и насылающая свой гнев (гр. *nemesaō* «справедливо негодую») на тех, кто преступает закон. У Геснода Немесида — дочь Ночи (Теогония 223 сл.). Иногда именуется Адрастеей («неотвратимой») и бывает близка богине Дике.

LXII. ДИКЕ

Дике (Дика) — божество справедливости, дочь Зевса и Фемиды (Теогония 901 сл.), одна из трех сестер Ор. Близка по своим функциям богине правосудия Фемиде. У натурфилософов она хранит ключи от ворот, через которые пролегают пути дня и ночи (Парменид В 11—14). У Платона она — вершительница справедливости

в круговороте душ (Федр 249 *b*). О «быстрозорком» оке Дики говорится не только в гимне неоплатоника Прокла (I 35), но и у классических трагиков (фр. неизвестного автора, TGF 421 N.—Sn.). Орфики считали, что Дика восседает рядом с троном Зевса и взирает на род человеческий (фр. 23).

LXIII. ДИКЕОСИНЕ

Дикеосина (Дикайосина) — персонификация справедливости.

Ст. 16. Упоминание о морском Зевсе — рудимент древнего представления о верховном божестве земли, подземного мира и морской стихии (ср. например, эпитеты Зевса «хтонический» и «подземный»). У Эсхила (фр. 343) Зевс «пунинный», с ссылкой на Прокла (Комментарий к Кратилу, гл. 147, р. 88). Павсаний (II 24, 4) также упоминает Зевса, который «в море».

LXIV. ГИМН НОМУ

Ном (от гр. *nomos* «закон») — персонификация закона, который еще в классическое время у Пиндара именовался «царем всех смертных и бессмертных» (фр. 169, 1—2). У орфиков Номос — «сопребстольник» (*paredros*) Зевса (фр. 160).

LXV. АРЕСУ

Арес — бог вероломной стихийной войны, в котором заметно фракийское происхождение, хотя у Гомера он уже сын Зевса и Геры (Ил. V 896).

Ст. 3—4. Как *сокрушителя стен*, убийцу, ненавистного бога бранят Ареса Зевс (Ил. V 890—891) и Афина (Ил. V 31—32).

Ст. 8. О романе Ареса и Афродиты (*Киприды*) рассказывает Гомер (Од. VIII 264—366).

Ст. 9. *Лией* «разрешитель» — одно из имен Вакха.

См. вариант перевода гимна, принадлежащий Д. Н. Недовичу.

АРЕСУ (фимнам, ладан)

5 Духом великий и крепкий, отважный и несокрушимый
Демон, любитель оружия, убийца и стен сокрушитель,
Неукротимый Арес, царь кровавый, гудящий оружием;
Любящий кровь и убийство боец, ужасающий в битве,
Жаждающий дикой борьбы, где бы копья, мечи разгулялись,
Бешеной распри зачинщик, — уйми ненасытную муку;
Склонный к желаньям Киприды, к веселым утехам Лиия, —
Силу оружия смени ты на подвиги доброй Деметры,
Детопитающий мир возжелай, приносящий богатство.

LXVI. ГЕФЕСТУ

Гефест — бог огня и кузнечного дела, божество малоазийского происхождения. У Гомера еще встречается его архаическое отождествление с пламенем (Ил. II 426), хотя Гефест в героическом эпосе — повелитель огня и великий мастер. Гефест — сын Зевса и Геры, супруг Афродиты, причем этот последний момент в поздней античности толковали символически, как единение высшей мудрости и красоты.

Ст. 1. Как *огонь* Гефест рассматривается стихами (II фр. 1076, р. 315, 14).

Ст. 4. В качестве огненной стихии он — *часть мироздания* (ср. небо как часть мироздания в орф. гимне IV).

LXVII. АСКЛЕПИЮ

Асклепий — бог врачевания, сын Аполлона и нимфы Коронида.

Ст. 1. Асклепий именуется *Пэаном*, т. е. целителем, как и его отец Аполлон, функции которого он перенял.

Ст. 7. *Гигия* (Гигея) известна и как дочь Асклепия (Павсаний V 20, 3).

LXVIII. ГИГИЕЕ

Гигея — персонификация здоровья, она же в гимне LXVII является супругой Асклепия, но обычно — его дочь (см. выше, комм. к гимну LXVII).

LXIX. ЭРИНИЯМ

Эринии — богини мести, дочери Геи, родившиеся из крови оскотенного Урана (Теогония 184—186). У Эсхила — они дочери Ночи и Эреба-мрака (Евмениды 69, 321 сл.). У Гераклита — они «блустительницы правды», ибо без их воли даже «солнце не преступит своей меры» (В 94). Образ Эриний — мстительниц за пролитую сыном материнскую кровь — развернут в трагедии Эсхила «Евмениды». (Перевод сделан по изданию Абеля.)

Ст. 7. Эринии ужасны видом, со змеями в волосах; из пасти у них каплет кровь, они лают, как псы, держат в руках горящие факелы.

LXX. ЕВМЕНИДАМ

Евмениды отождествляются с Эриниями. У Эсхила в трагедии «Евмениды» Эринии после суда над Орестом примиряются с Аполлоном и Афной и становятся благомыслящими («евменидами») богинями, покровительницами Афны.

Ст. 2 У орфиков Евмениды — дочери Персефоны и Аида (*Зевса Хтонийского* в данном гимне), см. фр. 197.

LXXI. МЕЛИНОЕ

Мифологический образ Мелиной нигде, кроме этого гимна, не встречается и больше не разработан ни в плане историко-мифологическом, ни в плане художественном. Характерно, что облик этого привидения связан с царством мертвых, где встречаются и другие ужасные существа вроде Горгон или Эмпусы.

LXXII. ТЮХЕ

Тюхе (Тиха) «случайность» (то, что выпало по жребию) — божество Случая, образ которого оформился в эллинистической литературе как противопоставление неизменной судьбе. Тюхе символизирует неустойчивость и изменчивость мира. У Пиндара (Олимпийская ода XII) она — дочь Зевса. Тюхе близка Мойрам, если судить по Павсанию (VII 26,8). В этом гимне — редкое отождествление с Артемидой-Гекатой, связь с богами подземного мира. Существует фрагмент неизвестного хорического поэта, прославляющий Тюхе как «начало и конец смертных»; от нее «благо и зло», а сама она «на троне мудрости» (фр. 4 D). Есть и фрагмент гимна к Тюхе (видимо, египетского происхождения), где она изображается как многорукая, «пестровидная», «великий демон», то как «черная Клото», то как Ананка, то как Ирида, вестница богов (XXI D).

Ст. 3. *Евбулей* — *зд.* одно из имен Зевса.

LXXIII. ДЕМОНУ

Демон (daĩtōn) — в традиционной мифологии обобщенное представление о неопределенной и неоформленной божественной силе, злой или, что реже, благодетель-

ной, неожиданно появляющейся и исчезающей. Здесь, в гимне, образ демона получает особое развитие и отождествлен с Зевсом Милихием («милостивым»), дарователем блага.

LXXIV. ЛЕВКОТЕЕ

Левкотее (Левкофея) — «белая богиня», морское божество, в которое превратилась дочь фиванского царя Кадма Ино, в безумии бросившаяся в море.

Ст. 2. Ино после гибели своей сестры Семелы взяла на воспитание ее сына Диониса и провозглашала его божественность, за что ревнивая Гера наслала на нее безумие.

Ст. 3. Левкофея помогает терпящим бедствие на море, например Одиссею (Од. V 333—353).

LXXV. ПАЛЕМОНУ

Палемон — морское благодетельное божество, в которое был превращен сын Ино Меликерт, когда обезумевшая мать бросилась с ним в море (О в и д и й. Метаморфозы IV 416—431; 494—541).

LXXVI. МУЗАМ

Музы — богини искусств, дочери Зевса и Мнемосины. Первоначально их было три и назывались они Олимпийскими (Теогония 52—54, 915—917). Прибывший из Македонии Пиэр (его именем была названа гора, где обитали музы) установил число муз (девять) и дал им имена (Павсаний IX 29, 1—5), потому Олимпийские музы называются также пиэридами.

LXXVII. МНЕМОСИНЕ

Мнемосина — богиня памяти, дочь Урана и Геи, титанида (Теогония 135), родившая от Зевса девять дочерей — муз.

LXXVIII. ЭОС

Эос — богиня утренней зари, дочь титанов Гипериона и Тейи, сестра Гелиоса и Селены (Теогония 371—374).

LXXIX. ФЕМИДЕ

Фемида — богиня правосудия, дочь Урана и Геи (Теогония 135), титанида, супруга Зевса, мать Мойр и Ор (см. выше, комм. к гимнам XLIII, LIX).

Ст. 3—4. От матери Геи Фемида получила Дельфийский оракул, который передала сестре Фебе, а та — Аполлону, своему внуку (Э с х и л. Евмениды 2—8).

LXXX. БОРЕЮ

Борей, северный ветер, как и другие ветры, Нот и Зефир, — сын богини Эос и Астрея (Теогония 371—374).

См. вариант перевода гимна, принадлежащий Д. Н. Недовичу.

БОРЕЮ (фимиам, ладан)

Ты, потрясающий ветром холодным весь воздух природный,
Мразом кующий Борей, что из Фракии снегообильной,
Плотно стоящие тучи развей по их влажным дорогам,
Мокрую влагу раздувши водой, порождающей ливень,

- 5 Делая ясным все небо, эфир же цветущий очами
Освобождая для солнца лучей, освежающих землю.

LXXXI. ЗЕФИРУ

Зефир — западный ветер, брат Борей. Известен своей губительностью. Но в позднее время представлялся как нежный и мягкий.

См. вариант перевода гимна, принадлежащий Д. Н. Недовичу.

ЗЕФИРУ (фимиам, ладан)

Ветры, рожденные морем, туманные Зефиритиды,
Сладким шепотом отдых несущие от утомленья,
Вешние и луговые, желанные для пристаней вы,
Путь безмятежный судам вы готовите воздухом легким;

- 5 К нам благосклонно грядите, взвещающие непорочно,
Утренние, невидимки, крылами легки и воздушны.

LXXXII. НОТУ

Нот — южный ветер, брат Борей и Зефира. Он обычно приносит влажный туман (Ил. III 10).

LXXXIII. ОКЕАНУ

Океан — божество одноименной реки, омывающей землю. Он — титан, сын Урана и Геи (Теогония 133), брат и супруг Тефии, породивший три тысячи дочерей — океанид (346—364) и столько же сыновей, речных потоков (367—370).

LXXXIV. ГЕСТИИ

Гестия — богиня домашнего и мирового очага, дочь титанов Кроноса и Реи (Теогония 453 сл.). Ее огонь объединяет семью, общество и космос. Мыслится безбрачной богиней (Гом. гимны IV 21 сл.).

LXXXV. ГИПНОСУ

Гипнос — персонификация сна, сын Ночи и брат Смерти, Мойр и Немесиды (Теогония 211—225). У Гомера Гипнос играет заметную роль в сюжете «Илиады». Его посылает Зевс навести на Агамемнона обманное сновидение (Ил. II 6—34). В XIV песни по требованию Геры Гипнос усыпляет Зевса в объятиях Геры, чтобы помочь ахейцам (231—291; 351—361).

Ст. 8. *Танат* (Фанат) — олицетворение смерти (Теогония 211 сл.: Ил. XIV 231 сл.).

Лета — персонификация забвения. В Беотии у пещеры оракула Трофония было два источника: Леты-забвения и Мнемосины-памяти (Павсаний IX 39,8).

LXXXVI. ОНЕЙРУ

Онейр — персонификация сновидения.

Ст. 15—16. Древние считали, что верные решения, посылаемые богами, приходят в сновидениях, хотя боги часто насылают и обманные сны (см. выше, комм. к гимну LXXXV).

Гимны Прокла

Гимны Прокла публикуются в нашем собрании по изд.: Procli Hymni/Ed. E. Vogt//Klassische-Philologische Studien. 1957. Hf. 18. Перевод гимнов принадлежит О. В. Смыке. Перевод сверен В. В. Еорисенко. Гимны Прокла на русском языке печатаются впервые, за исключением гимна III, переведенного ранее С. С. Аверинцевым и напечатанного в изд.: Памятники византийской литературы IV—IX вв. М., 1968.

В нашем собрании печатаются семь дошедших полностью гимнов Прокла. Гимн к Дионису (VIII) представлен одной строкой, цитируемой Олимпиодором (Vit. Plat. Biogr. гр., р. 384, 50 Westerm.). Проклу приписывались также гимны чужеземным богам: газейскому Марну, аскалонскому Асклепию Леонтуху, арабскому Фиандриту, Исиде; почитаемой в Фивах, так как Прокл полагал, что философ должен быть священнослужителем не одного города, но целого мира (Vita Procl. 19). По свидетельству И. Лиды (De mens., р. 239 Wuensch), существовало собрание гимнов Прокла.

Гимн «К богу» (Eis theon), который, по мнению А. Яна (Eclogae e Proclo de philosophia Chaldaica/Ed. et commentatus est A. Jahnius. Hal. Sax., 1891. P. 62 sq.), принадлежал Проклу (Rosà n L. J. The Philosophy of Proclus. New York, 1949. P. 53), этому последнему скорее всего не принадлежит: слишком резко он отличается от гимнов Прокла по своему стилю, композиции и образности (Procli Hymni/Ed. E. Vogt. P. 34).

I. ГИМН К СОЛНЦУ

Ст. 1. *Титаном* именуется Гелиос-Солнце (см. Гом. гимны XXXI, где он представлен на золотой колеснице). Однако Солнце не титан, а сын титана Гипериона и Теи (Фейи) (Теогония 371—374). В позднее время образы Гипериона («ходящего сверху») и Гелиоса слились воедино, так что этот последний стал именоваться титаном. Образ Гелиоса в гимне Прокла объединяется с Зевсом и Аполлоном, что характерно для поздней античности с ее универсализмом.

Ст. 18. *Цепь* — символ иерархийного единства богов, соединенных друг с другом, которые, однако, зависят от великого Зевса. Эта неоплатоническая цепь богов восходит к «Илиаде» (VIII 18—27), где говорится, что Зевс один может осилить всех богов, даже если бы все они ухватились за одну золотую цепь, спущенную с неба.

Ст. 22. Об Аполлоне *Пзаке* см. выше, комм. к орф. гимну XXXIV.

Ст. 25. *Аттис* — имя любимца и жреца богини Кибелы-Рей, почитаемой экстатическими оргиями.

Ст. 27. О *демонах* см. выше, комм. к орф. гимну LXXIII.

II. ГИМН К АФРОДИТЕ

Ст. 1. *...Рожденная из пены...* — Афродита, см. выше, комм. к орф. гимну LV.

Ст. 2—3. Об Афродите как символе любви и неоплатоническом понимании *Эрота* см. выше, комм. к орф. гимну LVIII.

III. ГИМН К МУЗАМ

Ст. 2. О девяти музах и их вдохновляющей силе см. у Гесиода (Теогония 1—115), а также комм. к орф. гимну LXXVI.

Ст. 6. *Лета* — персонификация забвения, дочь Эриды — богини раздора (Теогония 226). Именем Леты названа и река в царстве мертвых, испив воду которой, души умерших забывают свою земную жизнь (Вергилий. Энеида VI 705). См. также выше, комм. к орф. гимну LXXXV.

V. ГИМН К ЛИКИЙСКОЙ АФРОДИТЕ

Ст. 1. *Ликийская* Афродита — местное малоазийское божество.

Ст. 5—6. *Гэфест* — бог огненной стихии — и *Афродита Небесная* (Уранья)

вступают в брак, исполненный высшего разума (в оригинале — *poeros*). См. выше, комм. к орф. гимну LV о разнице между двумя Афродитами.

Ст. 13. Род Прокла связан с Ликией, с городом Ксанфом.

VI. ГЕКАТЕ И ЯНУСУ

Ст. 2. О *Гекате* см. выше, комм. к орф. гимну I.

Ст. 3. Янус (по-гречески *Иан*) — в римской мифологии божество входов и выходов, прошлого и будущего, всякого начала, держащее в своей власти 365 ключей года. Янус был двуликий и четвероликий, смотрящий на все стороны света. В поздней античности этот бог почитался во всей Римской империи, куда Греция входила в качестве провинции Ахэйи.

Ст. 2,14. О *Гекате преддверной* (Профирее) см. выше, комм. к орф. гимнам I, II. Геката мыслилась также преддверницей царства смерти, держащей ключи от входа в него.

Ст. 15. Здесь Янус отождествляется с Зевсом. Еще в римской архаической мифологии он, по свидетельству поздних авторов, назывался «богом богов» (Макробий I 9, 14—18). В универсалистской мифологии Римской империи Янус прославлялся как «мир» (там же I 7, 18—28).

VII. К МНОГОМУДРОЙ АФИНЕ

Ст. 1—5. Об Афине см. выше, комм. к гом. гимну XXVIII и к орф. гимну XXXII.

Ст. 8. О борьбе Афины с гигантами см. у Аполлодора (I 6, 1—8), а также комм. к орф. гимну XXXII.

Ст. 9—10. По одному из мифов (Гигин 166; Аполлодор III 14, 6—7), Гефест пытался овладеть Афиной, но безуспешно. Семя его впитала Земля, откуда и родился Эрихтоний, полузмеи-получеловек, которого Афина отдала на воспитание дочери афинского царя Кекропа (Аполлодор III 14, 6).

Афина всегда почиталась как дева. У неоплатоников Гефест и Афина — две противоположности, так как Гефест — «виновник всякой формы телесной и внутримировой, а Афина — всякой душевной и мыслительной» (Лосев А. Ф. Олимпийская мифология // Учен. зап. МГПИИ им. Ленина. 1953. Т. 72. С. 90).

Ст. 11—15. Мотив о спасении Афиной сердца Диониса Загрея, растерзанного титанами, — один из излюбленных у неоплатоников. Так, в «Комментарии» Прокла к «Тимею» Платона читаем о том, что сердце Диониса, в силу промышленя Афины, остается неделимым. Неоплатоники и орфики трактуют эту неделимость как всосвавающий космический ум в противоположность делимости умов, душ и тел внутри космоса. Афина и воплощает принцип неделимости этого ума.

Ст. 16—17. Афина — участница борьбы с титанами (Гигин 150) и с гигантами, а также убийца Горгоны Медузы (Аполлодор II 4,2).

Геката — мать чудовищ (Схолли к Аполлонию Родосскому IV 828) Скиллы, Кратейды, а сама идентифицируется с чудовищами подземного мира Эмпусой и Антеей.

Ст. 24—30. Афина спорила со своим дядей Посейдоном за Аттику и в этой борьбе осталась победительницей, даровав жителям Аттики оливу и свое имя главному городу, покровительницей которого она стала. Разгневанный Посейдон пытался затопить морем Аттику (Аполлодор III 14,1). В эпиграмме Юлиана читаем:

Что ты, о Тритогеня, стоишь среди города грозю?

Что со скалы так блестит золотом пышный доспех?

Ведь уж давно Посейдон уступил, отказавшись от спора.

Ныне Кекропа детей город ты мощно хранишь.

(Палатинская антология. XVI 157. Пер. С. Кондратьева)

С Посейдоном Афина спорила также из-за города Трезен (Павсаний II 30,6). В конце концов боги примирились, на что указывают жертвенники Афине Конной и Посейдону Конному в Академии, знаменитой роще в Афинах, посвященной герою Академу (там же I 30,4).

Ст. 31—50. Последние 20 строк представляют Афину как синкретическое божество, содержащее в себе черты позднего язычества и христианства, наделенное функциями

Ст. 166, 169, 171, 173 — образы *семени, корня всех миров, вечного света, кладезя мудрости* характерны для общегреческой философской терминологии и специально-гностической (см. ниже, комм. к гимну V 25—26).

Ст. 212—216. Система световых образов связана с платонической традицией — распространенная вариация ст. 151, 171.

Ст. 227—237. Воспевание монады (монада встречается только в гимнах I, II и IX) и триады (триада встречается только в гимнах I и II) представляет здесь замечательный синкретизм языческого неоплатонизма и христианского учения о едином боге и тринности. Неоплатонический термин «триада» вошел в патристическую литературу со II в. н. э., и Августин отождествляет его с понятием «троицы» (Trinitas).

ГИМН IV (VI)

В гимне идет речь о таинстве рождения божественного сына, изображаемом в неоплатонических тонах. Воспеваются мощь космического творца, к которому обращены вполне личностные просьбы, касающиеся духовного и физического преуспеяния Синезия.

Гимн написан в стиле ритмической прозы, приближающейся к восходящему ионнику в форме триметра (∪∪—|∪∪—|∪∪— ≃), большей частью модифицированного в анакреонтический стих.

Ст. 1—10. Сын, рождающийся от отца, не воплощается, т. е. не является во плоти, а эманурует от отца как результат его порождающей воли, причем это рождение неотделимо от явления «срединого ума» (messonagēs nous), как в плотиновской триаде, где Ум-сын истекает (эманурует) от Единого-отца.

Ст. 11—23. Здесь рисуются мощные созидательные вселенские функции сына, *семени* отца, начала (archē) космических сил, нисходящих в разные виды тел (sopasi tropas) от *умственных* сущностей (поегон).

Ст. 24—37. Заключительные просьбы Синезия, христиански настроенного, но не принявшего крещения, по своим мотивам чрезвычайно напоминают гимнические просьбы чистейшего язычника Прокла (избавление от болезней, усмирение страстей и желаний, исходящих от губительных волн материи, дарование чистой жизни, доброй славы в народе и удачи в трудах).

ГИМН V (II)

В гимне V поэт воспевает величие и красоту универсума, управляемого высшим существом. Картина космоса (9—24) имеет явные черты александрийской школы неоплатонизма, к которой принадлежал Синезий. В гимне рисуется мир материальный, находящийся в подлунной сфере; над ним тончайший эфир, разграниченный Луной и небом неподвижных звезд («восьмым»); далее, духовный мир между небесным сводом и «девятой сферой», по ту сторону которой сходятся интеллектуальные и интеллигибельные сущности. Заключительные просьбы о ниспослании духовных и физических благ имеют вполне личный характер.

Что касается датировки гимна, то, возможно, он относится к ранним годам (392—395), вскоре после учения в Александрии.

Гимн написан восходящими иониками в форме диметра (так называемые ионикки а піпогі: ∪∪—|∪∪—), модификация которых дает излюбленный в античности анакреонтический стих («переломленные», или анакластические, ионикки: ∪∪—∪|—∪— ≃).

Ст. 7—8. *Хоровод* (choreia) звезд вокруг космоса получает свою разработку в гимне Прокла «К Солнцу», где ведут хороводы планеты, опоясанные огнями (I 8—10).

Ст. 9. В греческом тексте стоит ηυίῆ, обычный натурфилософский термин для обозначения материи. Материя текуча, почему она и рисуется здесь в виде моря.

Ст. 10—11. *Эфир*, по мнению древних, состоял из тончайших частиц разреженной огненной материи.

Ст. 12—13. Лунная орбита отделяет текущий неустойчивый мир материи от высших миров.

Ст. 16. *Поток беззвездный* находится выше «восьмой сферы». Это наличие «девятой сферы» считалось гипотезой александрийского астронома Гиппарха, принятой Птолемеем.

Ст. 17—19. Снова образ хоровода, который ведет «девятая сфера» вокруг мирового Ума, понимаемого в неоплатоническом духе.

Ст. 22—26. Образ «блаженного молчания» связан с гностическими понятиями. Неделимая (ατομον) раздельность (τομαν) интеллектуальных (πνεῶν) и интеллигибельных (πνεῶν) сущностей (т. е. мыслящих, умных и мыслимых сущностей) напоминает о неоплатонических штудиях Синезия.

Ст. 29. Понятие *бездны* характерно для гностических текстов.

Ст. 32. *Мирозидущая мудрость* — София—устроительница (художница) космоса — относится к общеантичному понятию мудрости и специально к гностической мифологии, особенно распространенной в I—II вв.

Ст. 37. Здесь употребляется термин *сверхсущий* (hyperousios), обычный у неоплатоников (ср., например, Плотин VI 9, 3) и встречающийся в патристической литературе.

Ст. 66—70. Систему мистических символов («мужское» и «женское» в одном лице, единство *матери* и *отца*, нераздельность *голоса* и *молчания*, выразительная *вечность вечности*) можно отнести к гностической образности: В. Тайлер находит ее в «Халдейских оракулах», сочинении, относящемся все к тому же религиозному позднеантичному синкретизму, что и гностические и герметические трактаты (Theiler W. Die chaldäischen Orakel und die Hymnen des Synesios. Halle, 1942 = Berlin, 1966).

Ст. 89. *...разум мой крылатый...* — В оригинале — «крыло ума» (που pterōma) напоминает образ крылатой колесницы души в платоновском «Федре» (246 b—e), отягченной злом и потому падающей на землю.

ГИМН VII (VIII)

Гимн VII (VIII) со звучащими в нем просьбами к божеству сохранить от зла жизнь самого Синезия и его родственников отличается откровенной личностной окраской. Время написания гимна, видимо, 403—404 гг. (вскоре после женитьбы Синезия, перед рождением его первого сына). Гимническая похвала в начале (1—5) и конце (48—53) песнопения только обрамляет главное — житейскую мольбу Синезия. Гимн написан разнообразно так называемых «телесиловых» стихов, изобретением которых гордился Синезий (VI, 1) и которыми он написал три гимна (VI, VII, VIII). В основе размера — анапестический диметр с усеченной последней стопой (— — — — —), где краткости могут заменяться долготой.

Ст. 1. *Дорийский лад* считался у древних наиболее благородным и мужественным. Именно его Платон предназначал для воспитания юношества (Платон. Государство III 399 a и сл.; Аристотель. Политика VIII 7, 1342 b 10 и сл.; ср. гимн IX 4—5).

Ст. 5. Имеется в виду Дева Мария, мать Христа.

Ст. 10—13. Просьба Синезия напоминает просьбу Прокла в гимне Гелиосу (I 40—43), где поэт просит о духовных и физических благах.

Ст. 11. *Ключ ума* не передает неоплатоническую терминологию выражения в греческом оригинале, которое буквально означает «умный источник», «интеллигибельный источник».

Ст. 19. Имеется в виду старший брат Синезия, Евоптий.

Ст. 21—23. Брат Синезия тяжело болел и выздоровел, когда все надежды уже были потеряны.

Ст. 29. Сестра Синезия Стратоника, жена Феодосия, жила в Константинополе.

Ст. 30. Дети, о которых здесь упоминается, видимо, племянники или племянницы поэта.

Ст. 31. *Гесихидов дом* — Гесихий — отец Синезия.

Ст. 34. Жена Синезия (имя ее до нас не дошло) стала в дальнейшем матерью трех его сыновей, старший из которых носил имя своего деда Гесихия.

ГИМН IX (I)

Гимн, возможно, написан после пребывания Синезия в Александрии (392—395), где он слушал лекции Гипатии. Поэт стремился перейти от языческой мудрости к открывающемуся перед ним новому учению, которое он воспевает, пользуясь старой традиционной формингой (лирой), но на серьезный дорийский лад, отнюдь не следуя за античными певцами. Что касается ритмической организации гимна, то она тождественна гимну V.

Ст. 1. *Форминга* — древнее, встречающееся еще у Гомера (Ил. IX 186) наименование семиструнной лиры.

Ст. 2. Ионийский город *Теос* (М. Азия) — родина Анакреонта.

Ст. 3. Остров *Лесбос* (г. Митилены) — родина поэтессы Сафо.

Ст. 20—30. Идея различной предназначенности человека была общим местом в античной поэзии. Ср. развитие этой мысли в оде Горация «К Меценату» (I 1, 3—29), что, возможно, указывает на один источник и для римского поэта, и для Синезия.

Ст. 45—46. Ср. фр. 32 Bergk из анакреонтического сборника, где прославляется *цикада*.

Ст. 61. В греческом тексте стоит *hyperoysios*, т. е. буквально «сверхсущий», что указывает на неоплатоническую терминологию (ср. Плотин VI 9, 3), встречающуюся также в патристической литературе.

Ст. 63. *Образ первозданный*, гр. эйдос (*eidos*), в котором Синезий объединяет христианское понятие о Боге-Слове и упоминаемый ниже (75) неоплатонический Ум.

Ст. 65. *Тройственная мощь* напоминает о тринности христианского божества.

Ст. 65—69. Имеются в виду неоплатоническая картина космоса в совершенной сферической форме (ср. Платон. Тимей 33 *b*) и его источник — Единое, из которого все эманурует и к которому все в конце концов возвращается.

Ст. 75—76. *Разум*, или Нус-Ум, — одно из главнейших понятий неоплатонической системы, вторая ипостась платиновской триады — Единое, Ум, Душа.

Ст. 80—93. Здесь имеется в виду понятие о верховном Уме, идущее от Анаксагора (V в. до н. э.), разработанное Аристотелем в качестве космической первопричины, Ума-Перводвигателя, и отождествляемое Синезием с христианским божеством.

Ст. 80. *Вещество*, т. е. материя, гр. *hylē*, в которую изливаются (эмануруют) истечения Ума.

Ст. 98. Характерный для Синезия синтетизм, так как *бог, близкий смертным*, напоминает античное представление о полубогах, т. е. героях, не обладающих бессмертием. Вместе с тем здесь христианская идея очеловечивания божества в лице Сына божьего.

УКАЗАТЕЛЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН *

- Авга 157
Агамемнон 154
Агамед 67
Аглая 240
Адмет 147
Адмета 107
Адонис 180, 235, 236, 271
Адрастея 144, 180
Азан 65
Аид (Аидоней, Агесилай, Полидегмон, Полидект, Плутон) 87, 92, 97, 99, 105—107, 162, 166, 198, 209, 221, 248, 251
Акаста 107
Актеон 166
Акторион 170
Алкмена 120
Аллекто 249
Амальфея 144
Амимона 165
Амнисиад 152
Амфитрита 61
Ананка 183, 235
Анкей 157
Антея 221
Антиклея 153
Анхиз (Анхис) 90—93
Аполлон (Феб, Дальновержец, Карней, Летоид, Ликорей, Дельфиний, Пифеец, Боздромий, Пеан, Изпеан, Бромий) 59—74, 76—86, 88, 89, 92, 94, 111, 114, 121, 127, 130, 131, 133, 145—149, 151, 152, 156—158, 160, 162, 170, 179, 204, 214, 215, 220, 247, 259, 271
Арг 150
Аргус (Аргос) 75, 95
- Арес (Арей) 64, 89, 113, 116, 145, 157, 159, 160, 162, 179, 218, 245
Арестор 165
Аристей 166
Аристотель (Батт) 147, 148
Артемиды (Бромия, Мунихия, Хитона, Упис) 62—64, 89, 91, 92, 107, 114, 133, 145, 147, 149—151, 153, 154, 161, 162, 166, 179, 182, 215, 216, 252
Асклепий 121, 180, 247
Астерия 157
Аталанта 153
Атлант 123, 179
Атрид 155
Атропа 239
Аттис 180, 271
Афина (Паллада, Тритогения) 67, 68, 89, 91, 107, 116, 126, 134, 154, 164—167, 180, 212, 278
Афродита (Киприда, Киферея, Урания) 64, 89—93, 95, 96, 99, 110, 115, 156, 163, 164, 183, 202, 222, 226, 235—237, 245, 273, 276
- Борей 151, 156, 157, 162, 260
Бриарей 159
Бритомартис (Диктина) 153
Бронтей 150
- Вера 179
Время (Хронос) 179
- Галаксавра 107
Ганимед 94
Гармония 64
Геба 64, 120, 179
Гекаерга 162
Геката 97, 98, 107, 181, 277, 278
Гелиос (Гелий, Солнце) 69, 70, 75, 83, 97, 98, 137, 160, 179, 185, 188, 246, 271

* Указатели составлены И. И. Лебедевой.

Гера 61, 67, 68, 74, 75, 90, 117, 123, 140, 149, 151, 157—162, 164, 179, 196
Геракл (Алкид) 120, 151, 152, 164, 179, 192
Гермес (Аргоубийца, Киллениец) 64, 74—77, 79—88, 92, 94, 105—107, 123—125, 135, 150, 152, 162, 179, 208, 237
Геспериды 168
Геспер 163, 168
Гестия 89, 130, 135, 170, 207, 264
Гефест 67, 126, 145, 150, 159, 160, 179, 246, 276, 278
Гея (Земля) 68, 69, 97, 136, 137, 144, 162, 179, 192, 193, 206, 217, 243, 259
Гигант
Гигия (Гигия) 199, 216, 247, 248
Гилей 154
Гимней 163, 276
Гиперион 69, 97, 99, 134, 137, 188
Гипнос (Сон) 161, 265
Гиппо 154, 155
Гипсей 148
Гипсеяда 153
Гипта 228, 229
Год 179
Данай 165
Дейон 153
Дексамен 158
Деметра (Део) 97—99, 101—107, 108, 109, 118, 148, 168—171, 179, 198, 203, 209, 219, 220, 231, 245
Демо 99
Демофонт 102, 103
Дика(е) 179, 190, 223, 242, 249, 272
Дикеосина 243
Диокл 100, 108
Диомед 165
Диона 61, 179
Дионис (Вакх, Иакх, Бромий, Бассарей, Эвий, Загрей, Леней, Ликнит, Амфитет, Перикионий, Лией, Эйрафиот, Эрикпейон) 111, 112, 125, 132, 140, 169, 179, 180, 204, 210, 220, 222, 224—235, 237, 245, 254, 255, 271, 278
Диоскуры (Кастор и Полидевк, Тиндариды) 122, 139
Дисавл 221
Долих 101
Дриопа 125
Евбулей 209, 221
Евмед 165
Евмениды 209, 250
Евмолп 101, 108
Евномия 223, 256
Евринома 240
Еврипил 148
Еврисфей 120
Евтерпа 256
Евфросина 240

Елена (Рамнусийская) 154

Зевс (Кронид, Кронион, Гомовержец, Эгиох, Эгидодержавец, Милихий) 59, 62, 64, 66, 68, 70, 72—93, 95, 97, 99, 101, 104—108, 111, 112, 117—120, 122, 123, 125, 129, 130—135, 137—140, 143—145, 152, 157, 158, 161, 162, 167, 175, 179, 185, 188, 191, 194—196, 199, 200, 208—210, 212, 215, 216, 218, 221, 223, 226, 230, 235, 239, 240, 242, 243, 250—253, 256, 257, 262, 274, 277, 278
Зефир 110, 148, 261

Иакфа 107
Иан (Янус) 277
Иасий 153
Илифия 61, 143, 159, 162, 171, 179, 182
Ино 180
Ирида 61, 104, 159
Исида 222
Исхий (Исхис) 64

Кадм 112, 166, 224
Кадмеида (Автоноя) 166
Калипсо 107
Каллидика 99, 100
Каллиопа 137, 204, 256
Каллироя 107
Каллифоя 99
Канака 170
Кастор (Диоскур) 122, 139, 164
Кей (Кой) 60
Кекроп 154
Кекропиды 163, 278
Келей 99, 102, 104, 108
Керы 103, 113, 192, 194, 247
Кефал 153
Кирена 153
Клейсидика 99
Клио 256
Клото 239
Коронида 121
Крон (Кронос) 68, 89, 90, 97, 135, 144, 166, 179, 184, 193, 194, 207, 228, 264

Лабдакиды 166
Лапесис 239
Левкипп 65
Левкиппа 107
Левкодея (Левкофея) 180, 254
Леда 122, 139
Лето (Латона, Коангида) 59, 60—64, 73, 78, 80, 84, 86, 91, 133, 150—152, 157—161, 179, 215
Лигдамид 154
Локсо 162

Майя 74, 75, 77—79, 81, 84, 86—88, 123, 135, 208
Макар Эолион (Макарей) 59

- Мегера 249
 Мелиноя 251
 Мелита 107
 Мелия 158
 Мелобосис 107
 Мельпомена 256
 Мен 180
 Мероп 160
 Метанира 101—103
 Минос 69, 153
 Миса 222
 Мнемосина 84, 179, 256, 257
 Мойра(ы) 149, 166, 186, 223, 239, 249, 271
 Муза(ы) 64, 72, 74, 84, 85, 89, 114, 119, 124, 126, 131, 133, 137, 138, 156, 158, 179, 256, 272, 274
 Мусей 79

 Неда 144
 Нелей 154
 Немесида 169, 241
 Нерей 67, 144, 203, 204
 Ника(е) (Победа) 113, 180, 213
 Никиппа 169
 Ном (Закон) 179, 244
 Нот 70, 262
 Ночь 76, 179, 183, 187, 188, 239

 Оарион (Орион) 155
 Ойкиад 158
 Ойней 154
 Океан 97, 149, 150, 156, 179, 191, 202, 231, 263
 Окироя 107
 Олен 163
 Онейр (Сновидение) 266
 Ормениды 169
 Оры (Горы) 64, 110, 148, 179, 188, 190, 191, 206, 209, 218, 223, 271
 Отос (От) 155
 Отрей 91, 92

 Палемон 180, 255
 Пан 124, 125, 151, 179, 191, 231
 Пандия 138
 Пасифая 163
 Пейто 190
 Пеласг 164
 Пелоп 157
 Персей 97
 Персефона (Персефонея, Праксидика, Ферсефона) 98, 105—107, 109, 118, 179, 204, 209, 210, 221, 223, 224, 226, 233, 236, 237, 250, 251
 Пифо(н) 69, 148
 Плутó 107
 Плутос (Плутó) 108, 248
 Полидевк (Диоскур) 122, 139
 Полигимния 256
 Поликсен 101

 Поликсо 170
 Посейдон (Посидаон) 65, 89, 111, 128, 150, 158, 162, 170, 179, 197, 278
 Пройт 154
 Протей 205
 Протогон (Антавг, Приап, Фанет, Эрикепайон) 186, 194
 Профирея 182

 Рея 61, 90, 98, 99, 107, 108, 117, 143, 144, 179, 193, 194, 238
 Родея 107
 Родопа 107
 Рэк 154

 Сабазий 228, 229
 Селена (Луна) 137, 138, 179, 185, 189, 246, 291
 Семела (Кадмида, Фнона) 111, 112, 132, 140, 180, 224, 278
 Стероп 150
 Стикс(а) 107, 144, 179

 Талия 240, 256
 Танат 265, 267
 Терпсихора 256
 Тесей 163
 Тейфиса (Тефия, Тетис) 150, 156, 179, 202
 Тиресий 165
 Тисифона 249
 Титан 68, 193, 217, 258, 271
 Титий 151, 214
 Тифаон (Тифон, Тифоэй) 67—69, 94
 Тифон (Титон) 94
 Тиха (Тюхе) 107, 252
 Триоп 65, 69, 170
 Триптолем 100, 108, 168
 Трос (Трой) 94
 Трофоний 67

 Уран (Небо) 68, 136, 137, 184, 193, 207, 217, 259
 Ураниды 143
 Урания 107, 180, 256

 Фавмант (Тавмант) 157, 161
 Файно 107
 Фемида 61, 62, 91, 113, 129, 179, 223, 259
 Феодамант 152
 Ферей 154
 Фетгда 67, 146
 Филлира 144, 159
 Флегий 121
 Форбант 65
 Фрии 87

 Халкиопа 160
 Харикло 165
 Хариты 64, 90, 91, 133, 179, 190, 223, 240

Химера 69
Хирон 158
Хрисеида 107
Хула 148

Эвер 165, 166
Эдип 147
Эйрена 223
Эйрифаесса 137
Электра 107
Эллоп 156
Эней 94
Энио 162
Эол 170
Эон 179

Эос (Заря) 78, 81, 94, 98, 137, 188, 258,
291
Эрато 256
Эргин 67
Эринни 249
Эрисихтон 168—170
Эрот 235, 236, 238, 273
Эфир 185
Эхо 191

Ямба 101, 102
Янира 107
Яхе 107

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Автокана 59
Азанийские горы 154
Азила 148
Аид (*миф.*) 144, 154, 166, 183, 198, 209,
237, 249
Алфей 70, 76, 77, 83, 140
Алы Арафанские 153
Амаринф 65
Амфрисс(а) 147
Анавр 151, 158
Антрон 109
Аония (Беотия) 158, 165
Аргифея 70
Аргос 157, 165, 167
Арена 70
Аркадия 74, 123, 124, 151, 154, 157
Асбистийская земля (Киренаика) 148
Асоп 158
Атика 198
Афины 59, 157
Афон Фракийский 59
Ахейский край 158
Ахелой 168
Ахеронт 198
- Беренкинф 154
Бура 158
- Галиарт 65, 165
Гелика 158
Геликон 128, 158, 165, 166
Гелос 70
Гем 151, 157
Герэст 160
- Делос (Астерия, Ортигия, Кинфий)
59—62, 64, 147, 156, 157, 160—163,
214, 215
Дельфы 179, 259
Дима 70
- Дирка 158
Додона 162
Долиха 153
Дотий 121, 168
Дракон 140
Дулихий 70
- Евбея (Эвбея, Абантская Макрина) 59,
65, 156, 160, 162
Евр 160
Еврип 65, 153, 157
Европа 66, 67
Еврот 164
Египет 112, 140, 222, 235
- Закинф 70
- Иаолк (Иолк) 65, 153
Иаон 143
Ида (Идейские горы, Панакры) 59, 90,
143, 144, 229
Икар(ий) 140, 156
Илион (Троя) 90, 95
Имброс 59
Инах 158, 165, 167
Иноп 153, 161, 162
Исмен 158
Истм 157
Итака 70
Италия 150
- Каистр 154
Калидон 154
Каллихор 103, 168
Карнон 143
Карпат (Карпаф) 60
Келадон 151
Кенейский мыс 65
Керинейский холм 151
Керхнида 162

Кефис 65, 66
Киклады 156, 160
Киллены 74, 77, 79, 82, 123, 124, 162
Кинфская гора (Кинф) 59, 62
Кипр 90, 96, 110, 112, 115, 222, 235
Кира 148
Кирена 147, 148
Кири 150, 156
Киферон 158
Кларос 59, 114
Книд 60, 168
Кнос 69, 71, 144
Кокит 237, 251
Коос 60
Корик 59
Коркира 159
Коронен 165
Кос 160
Краннон 159, 169
Крафиса 143
Крейские горы 165
Криса 66, 70, 71, 160
Крит 59, 71, 100, 143, 150, 162, 163
Круны 70
Ксанф 163
Куралий 165
Кэрат 150

Ладон 143
Лакмос 65
Лаконская земля (Спарта) 70, 147
Ларисса 158
Лелантий 65, 162
Лемнос 59
Лепрейон 144
Лесбос 59
Лета (*миф.*) 274, 275
Ливия 147, 284
Ликия 64
Лялея 65
Лимны 153
Липара 150
Лусы 154

Малея 70
Малийская земля 162
Меланф 143
Мелит 114
Мелигунис 150
Мемфис 214
Меналийские горы 151, 154
Меония (Лидия) 64, 162
Метопя 143
Микале 60
Микалесс 65
Милет 60, 64, 154
Мимант 59, 157, 159, 170
Миртусская скала (Миртуса) 148
Мисия 151

Наксос 60, 140

Нерей (*миф.*) 144
Нил 160, 161
Ниса 97, 132, 140
Нот 160

Океан (*миф.*) 75, 78, 81, 137, 218
Олимп 61, 64, 65, 86, 99, 100, 105, 106,
108, 113, 117, 120, 124, 134, 140, 144,
151, 169, 194, 205, 218, 225, 235, 239,
279
Окалея 65
Онхест 65, 76, 78
Осса 150, 159

Пактол 162
Пангей 159
Парнас 66, 69, 72, 87, 158
Парос 60, 109
Паррасия 143, 151
Парфений 99, 157
Пафос 90, 237
Пейреские Эги 59
Пелион 59, 159
Пелопоннес (Пелопа земля) 70
Пеней 127, 158, 159
Пепарет (Ф) 59
Перга 153
Перребы 65
Пиерия 65, 75, 78
Пилос 70, 71, 82, 83
Пимплея 156
Пинд 159, 170
Питана 153
Пифо(н) 64, 69, 72, 78, 130, 154, 158,
259
Плейст 158

Рарион 108
Рення 60

Саламин 115
Сам 70
Самофракия (Самос, Парфения) 59, 60,
157, 218
Сарды 154
Саронический залив 157
Симоис 164
Скирос 59
Скифская земля 153, 154
Смирна 114
Стнкс (*миф.*) 61, 86, 103, 249
Стримон 156
Строфия 158
Суний 157

Тайгет 122, 139, 153
Тартар (*миф.*) 68, 80, 83, 198, 217,
236—238
Тевмесс 65
Тельфуса (*миф.*) 65, 66, 69
Темпейский дол 158
Тенар 70

Тмарийские горы 169
Тмол 228, 229
Трезен 157
Тринакрия 150
Триоп 168

Феней 157
Фены 144
Фера 147
Феры 70
Феспии 165
Фессалия 158, 159
Фивы 65, 120, 140, 158
Финикия 140
Фисадия (*миф.*) 165
Фокея 59
Форикос 100
Фракия 151, 260
Фригия 91, 222, 228, 229
Фриос 70
Фтия 158

Халкида 70, 157
Хиос 59, 63, 157

Эгеевы воды (Эгейское море) 157
Эги 128
Эгиал(ея) 157
Эгина 59
Элевсин 99, 104, 105, 109, 168, 198,
220—222
Элида 70
Эллада 160
Эматия 65
Эниены (Эния) 65
Энна 168
Эпи 70
Эреб (*миф.*) 105, 107
Эриманф 143
Эсагея 59
Этна 150, 159
Эфес 154
Эфира (Коринф) 157
Эфиопия 161
Эхинады 159

СОДЕРЖАНИЕ

Античная гимнография. Жанр и стиль (<i>А. А. Тихо- Годи</i>)	5
Гомеровские гимны (<i>перевод В. В. Вересаева</i>)	57
Гимны Каллимаха (<i>перевод С. С. Аверинцева</i>)	141
Гимн Клеанфа (<i>перевод М. Е. Грабарь-Пассек</i>)	173
Орфические гимны (<i>перевод О. В. Смыки</i>)	177
Гимны Прокла (<i>перевод О. В. Смыки</i>)	269
Гимны Синезия (<i>перевод М. Е. Грабарь-Пассек и О. В. Смыки</i>)	281
Комментарии	301
Указатель мифологических имен	354
Указатель географических названий	358

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

АНТИЧНЫЕ ГИМНЫ

Зав. редакцией *М. Д. Потапова*

Редакторы *И. И. Лебедева, М. И. Шлаин*

Художественный редактор *Л. В. Мухина*

Оформление художника *И. С. Клейнарда*

Технический редактор *Г. Д. Колоскова*

Корректоры *Л. А. Айдарбекова, М. А. Мерецкова, Л. А. Кузнецова*

ИБ № 2994

Сдано в набор 22.10.87

Подписано в печать 21.06.88

Л-36716 Формат 70×90/16 Бумага тип. № 2

Гарнитура литературная. Высокая печать

Усл.-печ. л. 26,91 Уч.-изд. л. 18,88

Тираж 30 000 экз. Заказ 217 Изд. № 33

Цена 1 р. 80 к.

*Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ.
119899, Москва, Ленинские горы.*